

2078-8975 (PRINT)
2078-8983 (ONLINE)

ВЕСТНИК

КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Bulletin of Kemerovo State
University

Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo
universiteta

TOM 24 № 3
2022

Вестник Кемеровского государственного университета = The Bulletin of Kemerovo State University

Учредитель, издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет».

Адрес учредителя, издателя: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6;
+7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-67989.
Выдано Роскомнадзором.

Издается с 1999 года. Выходит 4 раза в год.

ISSN 2078-8975 (print); 2078-8983 (online).

Адрес редакции: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6.
+7(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru

Подписной индекс в объединенном каталоге
«Пресса России» – 42150.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов
Высшей аттестационной комиссии РФ.

Журнал включен в базы данных: EBSCO, ErichPlus, DOAJ,
Scilit, Ulrich's Periodicals Directory, РИНЦ.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.

Плата за публикацию не взимается. Журнал издается за счет средств
Кемеровского государственного университета.

Все научные статьи, соответствующие требованиям журнала,
проходят двойное слепое рецензирование (Double-blind review).

Статьи распространяются на условиях лицензии
CC BY 4.0 International License.

Сведения о политике журнала, правилах для авторов, архив
полнотекстовых выпусков размещены на сайте издания:
<https://vestnik.kemsu.ru>

Founder and publisher: Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education "Kemerovo State University".

Address of the founder and publisher: 6, Krasnaya St., Kemerovo,
Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000;
+7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Certificate of registration: PI no. FS 77-67989. Registered in the Federal
Service for Supervision of Communications, Information Technology
and Mass Communications.

Founded in 1999. Published 4 times a year.

ISSN 2078-8975 (print); 2078-8983 (online).

Editorial Office Address: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region
(Kuzbass), Russia, 650000.
+7(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru

Subscription indices: 42150 – in the United catalogue
"The Press of Russia".

The Bulletin is on the Russian List of Leading Peer-Reviewed Journals
recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian
Federation.

The journal is registered in the following databases: EBSCO,
ErichPlus, DOAJ, Scilit, Ulrich's Periodicals Directory, RSCI.

Opinions expressed in the articles published in the Bulletin are those
of their authors and may not reflect the opinion of the Editorial Board.

The Bulletin is funded by Kemerovo State University. Authors do not have
to pay any article processing charge or open access publication fee.

The scientific articles, drawn up according to the rules of the journal,
undergo double-blind peer review.

The articles are distributed under the terms of the CC BY 4.0 International
License.

For more information about our publishing politics, instructions for
authors, and archives of full-text issues, please visit our website:
<https://vestnik.kemsu.ru>

16+

Контакты для сотрудничества / Contacts for co-operation:

Серый Андрей Викторович, главный редактор (КемГУ)
Andrey V. Seryy, Editor-in-Chief
avgrey@yahoo.com

Васютин Сергей Александрович, заместитель главного редактора
по направлению «История» (КемГУ)
Sergey A. Vasyutin, Vice Editor-in-Chief for History
vasutin2012@list.ru

Старикова Людмила Семеновна, ответственный секретарь (КемГУ)
Lyudmila S. Starikova, Executive Secretary
+7(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru, vestkemsu@gmail.com

Сатучина Татьяна Юрьевна, ответственный редактор по направлению
«Филология» (КемГУ)
Tatiana Yu. Satuchina, Executive Editor for Linguistics and Literary Studies
tatianakuznetsova86@mail.ru

Вестник Кемеровского государственного университета – национальный рецензируемый журнал, публикующий результаты новейших научных исследований в области истории, археологии, психологии и языкознания. Междисциплинарность издания раскрывается в оригинальных и обзорных статьях, рецензиях, посвященных толерантности, идентичности, межкультурной коммуникации в современности и ретроспективе, поликультурному образовательному пространству, истории языка, билингвизму, психолингвистике, национальным, этническим и этнокультурным вопросам (национальной политике, определению себя в рамках нации, национальным языкам). Журнал ориентирован на интегрирование основных тенденций и достижений современных научных исследований, на установление и укрепление научных связей между учеными из разных регионов России и других стран.

Серый Андрей Викторович

главный редактор, д-р психол. наук, проф., КемГУ
(Кемерово, Россия).
Andrey V. Seryy, Editor-in-Chief, Dr.Sci.(Psychol.),
Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Васютин Сергей Александрович

зам. главного редактора, д-р ист. наук, доцент,
КемГУ (Кемерово, Россия).
Sergey A. Vasyutin, Deputy Editor-in-Chief, Dr.Sci.
(Hist.), Assoc. Prof., Kemerovo State University
(Kemerovo, Russia).

Редакционная коллегия / Editorial board

Аникин Александр Евгеньевич

д-р филол. наук, проф., академик СО РАН,
Институт филологии РАН (Новосибирск, Россия).
Alexander E. Anikin, Dr.Sci.(Philol.), Prof.,
Member of the Russian Academy of Sciences (RAS),
Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS
(Novosibirsk, Russia).

Бобров Владимир Васильевич

д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Vladimir V. Bobrov, Dr.Sci.(Hist.), Prof.,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Жиличева Галина Александровна

д-р филол. наук, НГПУ (Новосибирск, Россия).
Galina A. Zhilicheva, Dr.Sci.(Philol.), Novosibirsk
State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia).

Зиновьев Василий Павлович

д-р ист. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).
Vasily P. Zinoviev, Dr.Sci.(Hist.), Prof., Tomsk State
University (Tomsk, Russia).

Кобенко Юрий Викторович

д-р филол. наук, проф., ТПУ (Томск, Россия).
Yuriy V. Kobenko, Dr.Sci.(Philol.), Prof., Tomsk
Polytechnic University (Tomsk, Russia).

Колотов Владимир Николаевич

д-р ист. наук, доцент, СПбГУ (Санкт-Петербург,
Россия).
Vladimir N. Kolotov, Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof.,
Saint Petersburg State University (St. Petersburg,
Russia).

Колпинская Екатерина Глебовна

д-р философии, канд. ист. наук, Университет
Эксетера (Эксетер, Великобритания).
Ekaterina Kolpinskaya, PhD in Politics,
Cand.Sci.(Hist.), University of Exeter (Exeter, GB).

Кузнецов Илья Владимирович

д-р филол. наук, доцент, НГТИ (Новосибирск,
Россия).
Ilya V. Kuznetsov, Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof.,
Novosibirsk State Theater Institute (Novosibirsk,
Russia).

Лукьянов Олег Валерьевич

д-р психол. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).
Oleg V. Lukyanov, Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Tomsk
State University (Tomsk, Russia).

Лушников Галина Игоревна

д-р филол. наук, проф., ГПА (филиал) КФУ
им. В. И. Вернадского (Ялта, Россия).
Galina I. Lushnikova, Dr.Sci.(Philol.), Prof.,
Humanities and Education Science Academy (branch
of V. I. Vernadsky Crimean Federal University
(Yalta, Russia).

Мельник Наталья Владимировна

д-р филол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Natalia V. Melnik, Dr.Sci.(Philol.), Prof.,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Микляева Анастасия Владимировна

д-р психол. наук, доцент, РГПУ им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия).
Anastasiya V. Miklyaeva, Dr.Sci.(Psychol.), Assoc.
Prof., Herzen State Pedagogical University of Russia
(St. Petersburg, Russia).

Молодин Вячеслав Иванович

д-р ист. наук, проф., академик РАН, Институт
археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск,
Россия).
Vyacheslav I. Molodin, Dr.Sci.(Hist.), Prof.,
Member of the RAS, Institute of Archeology and
Ethnography of the Siberian Branch of the RAS
(Novosibirsk, Russia).

The Bulletin of Kemerovo State University is a Russian peer-reviewed journal that provides the latest research achievements of history, archeology, psychology, and linguistics. The Bulletin publishes research papers, review articles, and book reviews. As an interdisciplinary periodical, we publish articles that promote tolerance and identity issues. Our authors write about intercultural communication, multicultural education, language history, bilingualism, and psycholinguistics. They develop both national and ethnocultural issues, e.g. national politics, self-identification, national languages, etc. Our mission is to promote the main trends and achievements of contemporary science in order to establish links between Russian and foreign scientific communities.

Налегач Наталья Валерьевна

д-р филол. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).
Natalya V. Nalegach, Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof.,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Невзоров Борис Павлович

д-р пед. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Boris P. Nevzorov, Dr.Sci.(Ed.), Prof., Kemerovo State
University (Kemerovo, Russia).

Овчинников Владислав Алексеевич

д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Vladislav A. Ovchinnikov, Dr.Sci.(Hist.), Prof.,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Пелех Юрий Владимирович

Dr. hab., проф., Академия им. Иоанна Длугоша
(Ченстохова, Польша).
Yurii Pelekh, Dr. hab., Prof., Jan Dlugosz University
(Czestochowa, Poland).

Пименова Марина Владимировна

д-р филол. наук, проф., Институт иностранных
языков (Санкт-Петербург, Россия).
Marina V. Pimenova, Dr.Sci.(Philol.), Prof., Institute
of Foreign Languages (St. Petersburg, Russia).

Проскурин Сергей Геннадьевич

д-р филол. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).
Sergey G. Proskurin, Dr.Sci.(Philol.), Prof.,
Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).

Резанова Зоя Ивановна

д-р филол. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).
Zoya I. Rezanova, Dr.Sci.(Philol.), Prof., Tomsk State
University (Tomsk, Russia).

Рудакова Светлана Викторовна

д-р филол. наук, доцент, МГТУ им. Г. И. Носова
(Магнитогорск, Россия).
Svetlana V. Rudakova, Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof.,
Nosov Magnitogorsk State Technical University
(Magnitogorsk, Russia).

Серкин Владимир Павлович

д-р психол. наук, проф., Высшая школа экономики
(Москва, Россия).
Vladimir P. Serkin, Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Higher
School of Economics (Moscow, Russia).

Терехов Олег Эдуардович

д-р ист. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).
Oleg E. Terekhov, Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof.,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Тюпа Валерий Игоревич

д-р филол. наук, проф., РГГУ (Москва, Россия).
Valeriy I. Tyupa, Dr.Sci.(Philol.), Prof., Russian State
University for the Humanities (Moscow, Russia).

Хахалкина Елена Владимировна

д-р ист. наук, доцент, ТГУ (Томск, Россия).
Elena V. Khakhalkina, Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof.,
Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Хьюитт Карен

магистр гуманитарных наук, проф., Институт
непрерывного образования Оксфордского
Университета (Оксфорд, Великобритания).
Karen Hewitt, M.B.E., M.A. (Oxon.), Prof.
of Department for Continuing Education,
University of Oxford (Oxford, GB).

Шунков Александр Викторович

д-р филол. наук, доцент, КГИК (Кемерово, Россия).
Alexander V. Shunkov, Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof.,
Kemerovo State Institute of Culture
(Kemerovo, Russia).

Эрдэнэболд Лхагвасурэн Салжиуд

канд. ист. наук, проф., Монгольский университет
науки и технологии (Улан-Батор, Монголия).
Lhagvasuren Erdenabold, Ph.D.(Hist.), Prof.,
Mongolian University of Science and Technology
(Ulan Bator, Mongolia).

Юревич Андрей Владиславович

д-р психол. наук, проф., чл.-корр. РАН, Институт
психологии РАН (Москва, Россия).
Andrey V. Yurevich, Dr.Sci.(Psychol.), Prof.,
Corresponding Member of the RAS, Institute
of Psychology of the RAS (Moscow, Russia).

Яницкий Михаил Сергеевич

д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Mikhail S. Yanitskiy, Dr.Sci.(Psychol.), Prof.,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Опыт, вызовы и перспективы отношений России – ЕС в Евразии

международная конференция
22–24 апреля 2022 г.

Кемеровский государственный университет

Европейские исследования в России: сибирский ракурс

22–24 апреля 2022 г. в Кемеровском государственном университете на базе Института истории и международных отношений (ИИиМО) и Юридического института (ЮИ) прошла международная конференция «Опыт, вызовы и перспективы отношений России – ЕС в Евразии». На конференции были подведены итоги реализации трехлетнего проекта «Россия и ЕС: вопросы партнерства и конкуренции в международных отношениях» (Erasmus+ Jean Monnet Chair 612037), который стал победителем грантового конкурса 2019 г. Объективное академическое изучение и освещение взаимодействия России со странами Европы и Европейским союзом было важнейшей задачей участников проекта, преподавателей ИИиМО КемГУ (К. В. Юматов, С. А. Васютин, Р. С. Селезнев, О. Э. Терехов, Н. С. Якимова).

В рамках проекта были проведены курсы лекций по взаимоотношениям России и Европы как для студентов Института истории и международных отношений КемГУ, так и для студентов Юридического института, Института образования, Института экономики и управления Кемеровского государственного университета. Обсуждение идей и результатов проекта прошло в рамках двух программ повышения квалификации для преподавателей учреждений среднего, среднего профессионального и высшего образования Кемеровской области. Научным итогом проекта стали публикации участников в научных журналах и проведение конференции с участием коллег не только со всей страны, но и из-за рубежа. Доклады на конференции и статьи в изданиях разного уровня были представлены учеными вузов Еревана, Улан-Батора, Бишкека, Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Екатеринбурга, Омска, Томска, Иркутска и др.

На конференции были обозначены несколько направлений европейских исследований в России: история взаимоотношений со странами Европы на разных этапах истории России, взаимодействие Российской Федерации и Европейского союза в различных сферах деятельности. Большое место в обсуждении занял блок взаимоотношений ЕС и России на евразийском и постсоветском пространстве. Публикация статей, подготовленных авторами на основе материалов конференции, и представлена в данном специальном номере журнала «Вестник Кемеровского государственного университета». К сожалению, не все докладчики успели прислать тексты статей до начала мероприятия, поэтому мы продолжим их публикацию в других изданиях по итогам конференции. Но нам показалось, что уже представленный круг авторов показывает, насколько разнообразной и интересной была программа выступлений.

Хочется отметить, встреча в стенах КемГУ, качественные доклады и их обсуждение еще раз доказали, что в Сибири действительно сформировался эффективный консорциум исследователей-международников, который функционирует уже много лет и постоянно расширяет свой состав и границы. Хочется сказать огромное спасибо нашим коллегам из Томского государственного университета за их особую роль в этом процессе.

Тот факт, что проект и конференция проводились в КемГУ, в очередной раз показал, что международные и европейские исследования в университете имеют высокий уровень воплощения и реализации. Специальности Международные отношения и Зарубежное регионоведение, появившиеся в КемГУ благодаря усилиям Юрия Людвиговича Говорова, Юрия Владимировича Галактионова, Александра Анатольевича Митя, Константина Владимировича Юматова, имеют качественную основу. На конференции

не могли не вспомнить тех коллег, благодаря которым сложилась Кемеровская школа изучения истории Европы и международных отношений, но которых, к сожалению, уже нет с нами. Евгения Антоновна Кривошеева, Юрий Григорьевич Варнаков, Лидия Николаевна Корнева и, конечно, Юрий Владимирович Галактионов стали основателями научных и образовательных направлений, которые продолжают реализовываться в Кемеровском государственном университете.

Участники проекта надеются, что специализированный номер Вестника Кемеровского государственного университета вызовет большой интерес у специалистов, студентов-международников и историков. Выражаем огромную благодарность коллегам, откликнувшимся на наше предложение и представившим свои статьи! Будем очень рады, если сотрудничество будет продолжено и в дальнейшем!

Руководитель проекта

Юматов Константин Владимирович, канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений ИИиМО, заведующий кафедрой международного права ЮИ КемГУ

международная конференция
22–24 апреля 2022 г.

Кемеровский государственный университет

Участники проекта

Васютин Сергей Александрович, доктор ист. наук, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений ИИиМО КемГУ.

Терехов Олег Эдуардович, доктор ист. наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений ИИиМО КемГУ.

Селезнев Роман Сергеевич, канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений ИИиМО КемГУ.

Якимова Наталия Сергеевна, канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков и профессиональных коммуникаций ИИиМО КемГУ.

Опыт, вызовы
и перспективы отношений
России – ЕС в Евразии

Исторические аспекты развития стран Европы и российско-европейских отношений

Деньги, финансовые аферы и коррупция в Англии на рубеже XVII–XVIII вв.

Высокова В. В. 283

Российско-германские политические отношения 1991–2021 гг.
в современной российской историографии

Терехов О. Э. 292

Европейский союз: проблемы формирования стратегии развития и европейской идентичности

Стратегия Европейского союза в области использования
возобновляемых источников энергии

Жаронкина Е. А., Гольцева А. А. 299

Европейские интересы и европейские ценности:
общие перспективы анализа или ложная дихотомия?

Мионов В. В. 309

Процесс адаптации восточноевропейских стран к *acquis communautaire* ЕС
на примере Польши и Венгрии (2004–2021 гг.)

Мирошников С. Н. 320

Европейская (ЕС) критическая аналитика в поисках ответов на новые вызовы

Михайленко В. И. 326

Идентичность ЕС в условиях пандемии коронавируса

Хахалкина Е. В. 333

Взаимодействие Европейского союза и России на современном этапе

Европейская дипломатия в период кризиса:
подход Верховного представителя ЕС Жозепа Борреля в отношении России

Игумнова Л. О. 341

Санкции ЕС в отношении РФ в сфере экспортного контроля
и оборота товаров двойного назначения (2014–2022)

Селезнев Р. С., Дементьев Д. В. 349

Генезис гражданского компонента кризисного реагирования ЕС:
параметры, проблемы, взаимодействие с РФ

Семенов О. Ю. 359

Ценностные основы европейской интеграции и их проявления
в отношениях Россия – ЕС на современном этапе

Хайруллин Э. Р. 368

Тематика отношений Российской Федерации и Европейского союза
в испанской прессе за 2021 год

Цымбалова А. Е. 375

Отношения России и ЕС в условиях пандемии COVID-19

Черкашина Т. Н. 383

Россия и Европейский союз в регионах Евразии

Проблемы и перспективы участия ЕС, ЕАЭС и Китая в БЕП

Пакулин В. С. 391

Индо-Тихоокеанские стратегии ЕС и европейских стран:
безопасность и ядерный фактор

Торопчин Г. В. 398

Россия и ЕС на постсоветском пространстве:
в поиске сотрудничества сосуществования (на примере Армении)

Эламираян Р. Г. 405

European Countries and Russian-European Relations: History of Development

Money, Stock-Jobbing, and Corruption in England
at the Turn of the XVII–XVIII Centuries

Vysokova V. V. 283

Russian-German Political Relations in 1991–2021 in Modern Russian Historiography

Terekhov O. E. 292

European Union: Development Strategy and Identity Issues

European Union Renewable Energy Strategy

Zharonkina E. A., Goltseva A. A. 299

European Interests and European Values: General Perspectives of Analysis
or False Dichotomy?

Mironov V. V. 309

Adaptation of Eastern Europe to the EU's *Acquis Communautaire*:
Poland and Hungary in 2004–2021

Miroshnikov S. N. 320

European Critical Analytics in Search of Answers to New Challenges

Mikhaylenko V. I. 326

Pan-European Identity during the COVID-19 Pandemic

Khakhalkina E. V. 333

The European Union and Russia: Current Relations

European Diplomacy in Times of Crisis: the Approach of the EU High Representative
Josep Borrell to Engagement with Russia

Igumnova L. O. 341

EU Anti-Russian Sanctions in the Sphere of Export Control
and Dual-Use Goods Circulation in 2014–2022

Selezenev R. S., Dementiev D. V. 349

Genesis of the Crisis Response Civil Component in the European Union:
Parameters, Problems, and Interaction with Russia

Semenov O. Yu. 359

Value Foundations of the European Integration and their Exercises in the Current
Relations between Russia and the European Union

Khayrullin E. R. 368

Relations between the Russian Federation and the European Union as Reflected
by the Spanish Press in 2021

Tsybalova A. E. 375

Relations between Russia and the European Union in the Context
of the COVID-19 Pandemic

Cherkashina T. N. 383

Russia and the European Union in Eurasia

The European Union, the Eurasian Economic Union, and China:
Problems and Prospects for Participation in the Greater Eurasian Partnership

Pakulin V. S. 391

The EU and European Countries' Indo-Pacific Strategies: Security and Nuclear Factor

Toropchin G. V. 398

Russia and the European Union in Post-Soviet Space:
In Search of Cooperative Co-Existence (the Case of Armenia)

Elamiryan R. G. 405

оригинальная статья

Деньги, финансовые аферы и коррупция в Англии на рубеже XVII–XVIII вв.

Высокова Вероника Витальевна

Уральский федеральный университет имени первого президента России Б. Н. Ельцина, Россия, г. Екатеринбург

<https://orcid.org/0000-0002-5689-7166>

vyssokova@mail.ru

Поступила в редакцию 30.03.2022. Принята после рецензирования 06.05.2022. Принята в печать 20.05.2022.

Аннотация: Рассмотрена реконструкция исторического контекста формирования финансового капитализма в Англии на рубеже XVII–XVIII вв. В центре внимания находятся кризис ценностей христианского канона и формирование рационалистической светско-ориентированной морали в свете нового представления о богатстве. Позиция автора определяется стремлением связать традиционный для отечественной историографии социально-экономический контекст развития Англии раннего нового времени с интеллектуальным климатом эпохи поздних Стюартов и началом правления Ганноверской династии. Заявленная проблематика рассматривается с трех точек зрения: 1) взаимосвязь экономической и политической конъюнктуры в контексте политики меркантилизма; 2) «казус» Компании Южных морей в качестве примера взаимодействия членов кабинета и дельцов Лондонского Сити; 3) анализ откликов современников на эту новую ситуацию в Англии начала XVIII в., в частности работы Д. Дефо «Анатомия Обменного переулка или система биржевой торговли» (1719). Третий и принципиально новый момент расширяет интерпретационное поле заявленной проблематики. Значимость определяется возникновением двухполюсного мира бедных и богатых в странах Запада в начале XVIII в., когда на смену средневековой иерархии сословий приходит общество собственников.

Ключевые слова: меркантилизм, Компания Южных морей, финансовый капитализм, коррупция, Лондонское Сити, Мамона, Даниэль Дефо

Цитирование: Высокова В. В. Деньги, финансовые аферы и коррупция в Англии на рубеже XVII–XVIII вв. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 3. С. 283–291. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-3-283-291>

full article

Money, Stock-Jobbing, and Corruption in England at the Turn of the XVII–XVIII Centuries

Veronika V. Vysokova

Ural Federal University, Russia, Ekaterinburg

<https://orcid.org/0000-0002-5689-7166>

vyssokova@mail.ru

Received 30 Mar 2022. Accepted after peer review 6 May 2022. Accepted for publication 20 May 2022.

Abstract: The article reconstructs the historical context that shaped the financial capitalism in England at the turn of the XVII–XVIII centuries. It focuses on the crisis of Christian values and the development of secular rationalistic morality. The author connected the socio-economic context of England in the early modern period with the intellectual atmosphere of the late Stuart era and the early Hanoverian dynasty. The problem is considered from three points of view: (1) economic and political situation in the context of mercantilism, (2) the South Sea Company as an example of the interaction between the corrupt cabinet members and the London merchants; (3) social attitude, e.g., D. Defoe's *The Anatomy of the Exchange Lane or the Exchange Trading System* (1719). The epoch under discussion saw the emergence of a bipolar world of the poor and the rich in Western Europe in the early XVIII century, when the society of landowners replaced the medieval hierarchy.

Keywords: mercantilism, South Sea Company, financial capitalism, corruption, London, Mammon, Daniel Defoe

Citation: Vysokova V. V. Money, Stock-Jobbing, and Corruption in England at the Turn of the XVII–XVIII Centuries. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(3): 283–291. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-3-283-291>

Не можете служить Богу и Маммоне
(Мф. 6:24; Лук. 16:13)

Введение

Рубеж XVII–XVIII вв. оказался переломным в истории Английского королевства. Его взлет в социально-экономическом и государственно-политическом развитии объясняется в первую очередь становлением финансового капитализма, на что не часто обращают внимание, сосредотачиваясь на уникальном политическом устройстве. Мы обратимся здесь к политике меркантилизма как системообразующему фактору концентрации капиталов и их включению в решение задач государственного масштаба (строительство флота, ведения войн и т. д.). На втором уровне темы обратим внимание на роль частной инициативы в эпоху меркантилизма на примере Компании Южных морей. И, наконец, нас будет интересовать, каким образом произошло оправдание нового «идеала» служения «золотому тельцу». Собственно, все три аспекта темы нашли яркое проявление в самой громкой финансовой афере XVIII в. – крахе Компании Южных морей 1720 г. (South Sea Bubble). Актуальность темы определяется работами Т. Пикетти [1; 2], в которых автор, констатируя захват в XX – начале XXI в. финансовыми элитами ключевых властных позиций в мире, связывает возникновение двухполюсного мира бедных и богатых и неоправданного неравенства людей в доходах с началом XVIII в., когда на смену средневековой иерархии сословий пришло общество собственников.

Долгое время оценка меркантилизма в истории Англии определялась точкой зрения А. Смита, который вынес ему приговор как заговору торгового меньшинства, стремящегося набить свои карманы за счет остальной части общества [3]. И действительно, теоретиками меркантилизма в Англии в отличие от других стран (где, как правило, ими были представители бюрократии) являлись торговцы. Их идеи были положены в основу Навигационного акта 1654 г. [4, р. 47]. Переосмысление смитовской оценки меркантилизма в XX в. произошло в работах Э. Хекшера [5], Ч. Уилсона из Кембриджа [6], П. Диксона [7]. Они доказали, что меркантилистская система была временем впечатляющего, уникального роста в доиндустриальную эпоху. Это была коммерческая революция, в ходе которой «английский торговый класс был способен разбогатеть, накапливать капитал на посреднических операциях и на растущей судоходной отрасли, которая была необходима для перевозки дешевого сахара, табака, перца и солонины по океанским маршрутам»¹ [8]. В работах этих и других исследователей меркантилизм предстал в качестве инструмента превращения Англии в великую державу, анализ оказывался сосредоточен на тесной взаимосвязи

экономического и политического контекстов английской истории рубежа XVII–XVIII вв.

Ревизии оказался подвержен еще один из мифов вигской интерпретации английской истории – миф о слабом государстве в Англии XVII–XVIII вв. Система налогов и сборов, а также военно-морская мощь стали ключами к эффективности государства. Формирование новой фискальной системы имело в основном внутривластную направленность, в то время как строительство флота (в ситуации практически непрекращающихся войн рубежа XVII–XVIII вв.) в большей степени было связано с внешнеполитической угрозой, хотя обе эти тенденции пересекались в отчаянной схватке между Францией и Англией за влияние в Европе и колониальные рынки. При вступлении в январе 1689 г. на английский престол Вильгельма Оранского франко-голландская война переросла в войну Франции с Англией, а поражение английского флота при Бичи-Хэд 11 июля 1690 г., Якобитское восстание в Ирландии 1689–1691 гг. создали реальную опасность для власти нового короля. От решения финансовых проблем зависел исход Славной революции. Английским военным и правительству потребовались крупные суммы на создание флота и поддержание армии в Девятилетней войне (1688–1697).

Взаимосвязь экономической и политической конъюнктуры в контексте политики меркантилизма

Одним из основных источников доходов государства стала новая система прямого налогообложения. Законодательство 1692 г. о «предоставлении помощи Вильгельму и Марии Оранским в размере четырех шиллингов с фунта в течение одного года "на ведение энергичной войны против Франции"» считается поворотным моментом в истории налогов и сборов в Англии. Один из первых авторитетных исследователей в этом вопросе С. Доуэлл, автор «Истории налогообложения в Англии», и современные авторы сходятся в оценке решающей роли «нового регулярного прямого налога», названного земельным [9, р. 81; 10, р. 65]. Этот новый монетарный подход позволил правительству собирать в казну в период между 1692 г. и 1713 г. в среднем в год 4418 тыс. ф. ст., что само по себе было значительным шагом вперед по сравнению с аналогичными сборами в период правления Карла II и Якова II. Из этих более чем 4 млн в год земельные налоги составляли в среднем 1670 тыс. ф. ст., таможенные пошлины – 1114 тыс. ф. ст., акцизы – 1291 тыс. ф. ст. [11, р. 306].

¹ Здесь и далее по тексту перевод выполнен автором статьи.

Однако в начале 1690-х гг. правительству пришлось прибегать к краткосрочным займам в ожидании будущих поступлений, и только к 1694 г. оформилось решение о долгосрочном государственном займе, который бы обслуживался созданным для этих целей Банком Англии. Сама идея принадлежала разбогатевшему на работоторговле в Вест-Индии У. Патерсону, который еще в 1691 г. изложил свой проект в брошюре «Краткое суждение о предполагаемом банке Англии». Он видел выход из сложившихся финансовых трудностей в следующем: а) собрать ссуду в размере 1,2 млн ф. ст., что станет уставным капиталом банка; б) при этом все заемщики войдут в правление банка; в) наделить банк банковскими привилегиями, включая выпуск банкнот [12]. Удивительно, но факт, всего за десять дней, в конце июня – начале июля 1694 г., необходимая сумма была собрана. Помимо короля и королевы, совместно внесших 10 тыс. ф. ст. – максимально разрешенный взнос, среди других подписчиков в 10 тыс. ф. ст. было еще одиннадцать персон [7, р. 257]. Более того, здесь оказались также первый лорд казначейства лорд С. Годольфин, внесший сумму в 4 тыс. ф. ст., философ Джон Локк – 500 ф. ст. и др. [13, р. 81; 14, р. 86]. Королевская хартия на создание банка была дарована 27 июля 1694 г.

Следует сделать пояснения относительно заинтересованности сторон в создании этого частного акционерного банка по обслуживанию государственного долга, т. к. мы столкнемся с этой схемой по ходу наших размышлений еще не раз. Правительство фактически одновременно получало необходимую сумму на строительство флота и погашение краткосрочных долгов – 1200000 ф. ст. Сумма была собрана в звонкой монете, а взамен вкладчики получали акции. Банк брал на себя обязательство обеспечить заемщикам 8 % годовых [15, р. 10–11]. За свою работу директора банка запрашивали сумму 4 тыс. ф. ст. в год, при этом надо понимать, что они же и являлись основными заемщиками. Банк становился игроком на рынке акций, и таким образом за счет прибылей плавающих цен на акции предполагалось погашать государственный долг. С этого времени привлечение частных средств для удовлетворения нужд государства стало постоянной практикой для английских, а затем и британских правительств. Должный спрос удавалось поддерживать благодаря высоким процентным ставкам ежегодного дохода в 6–8 %.

Новая модель взаимоотношений между частными кредиторами и правительством создавала прочную основу для предприимчивых финансистов, которые обещали вкладчикам хорошие дивиденды. Хотя адаптация к новым условиям финансового рынка проходила медленно, исполнение обязательств Банком определялось не в последнюю очередь тем, что вкладчиками как раз и были первые лица государства, а это обеспечивало парламентское согласие по вопросу о государственных займах. К успехам прямого налогообложения и государственного займа следует также отнести успешно проведенную денежную реформу в середине 1690-х гг. под непосредственным руководством знаменитого И. Ньютона, что укрепило фунт стерлингов

и определило его статус мировой обменной валюты. И уже к 1713 г. Королевский флот достиг мощи в своей знаменитой формуле «британский флот должен превосходить два следующих за ним по силе флота вместе взятых».

Теперь, когда мы рассмотрели, откуда и как изыскивались правительством средства на нужды военного времени, остановимся на практиках их реализации. Почти двести тысяч человек были поставлены под ружье [16, р. 247]. Армейские заказы покупались. Следует обратить внимание на то, что Вильгельм Оранский привез с собой в Лондон группу финансистов, которые стали поставщиками его армий. Мозес Мачадо и Фрэнсис Перейра снабжали его армии в Испании и Голландии, Соломон Медина обеспечивал поставки Мальборо во Фландрии, Джозеф Кортиссо снабжал английскую армию в Испании и др. П. Диксон показывает этот мир «космополитичной торговой плутократии Сити» и «верхушку» этого айсберга на момент 1709 г. Это – семьдесят четыре держателя акций Банка Англии на сумму в 5 тыс. ф. ст. или более. Десять из них имели еврейское происхождение [7, р. 263]. Голландская банковская система показала особенно оживленный интерес к английскому государственному долгу. Так и сама концепция центрального банка с самостоятельным выпуском банкнот была скопирована с Банка Амстердама, основанного в 1609 г. Однако если другие европейские банки того времени, такие как Банк Генуи, Венеции и Амстердама, были преимущественно депозитными банками, Банк Англии начал формировать свой собственный кредит в денежном исчислении, что положило начало монетарному обслуживанию финансовых продуктов.

При этом в условиях войны Банку Англии с трудом удавалось оставаться на плаву. А когда в 1710 г. к власти пришли тори, поднялась волна антикоррупционных расследований. Роберт Харли, ставший в августе 1710 г. канцлером казначейства и получивший в наследство от С. Годольфина необеспеченных долгов правительства на сумму более 8 млн ф. ст. и фактически пустую казну (сумма наличных, найденная Р. Харли в кассе казначейства, составляла чуть более 5000) [17, р. 135], взял курс на расследование казенных трат и, следовательно, на дискредитацию вигов. Когда новый парламент собрался в ноябре 1710 г., Р. Харли день за днем представлял палате общин подробные отчеты о понесенных долгах и скандальных расходах предшествующей администрации, публикуя эту информацию в прессе, постоянно добавляя новые детали и обстоятельства, пока в январе 1711 г. палата не согласилась назначить комитет для расследования трат по государственным займам. Очень быстро фокус следствия сосредоточился на главнокомандующем – герцоге Мальборо (единственном крупном виге, оставшемся у власти). 24 ноября 1711 г. палатой общин было возбуждено судебное расследование коррупционной деятельности герцога. И уже 29 декабря 1711 г. королева Анна подписала приказ об отставке Мальборо с поста главнокомандующего, не дожидаясь результатов расследования.

Сторона обвинения утверждала, что Мальборо за десять лет войны незаконно присвоил себе примерно 20 % средств, выделенных из казны на содержание армии. Его обвиняли в растратах, в сговоре с поставщиками оружия и амуниции, получении денежных взяток от союзников и врагов Англии. Было подсчитано, что главнокомандующий получил от поставщиков для армии взяток на сумму в 63619 ф. ст. [18, с. 219]. Всего сумма незаконно присвоенных средств Мальборо по разным оценкам составляла от 160 до 350 тыс. ф. ст. Главным фигурантом по делу выступил один из поставщиков – Соломон Медина, который сопровождал герцога в его европейских походах, ссужал ему деньги, помогал снабжать войска и стал ключевым источником разведанных. Герцог щедро за это платил (6000 ф. ст. в год) и имел проценты (2,5 %) по контрактам на поставку оружия, фуража и продовольствия. В ходе расследования выяснялась «нечистоплотность» поставщиков. Но, как бы то ни было, палата общин 267 голосами против 165 вынесла обвинительный вердикт Мальборо. Роскошный Бленхеймский дворец, инвестиции в акции Ост-Индской компании – все говорило об огромном состоянии герцога, который отправился в изгнание, так и не признав за собой вины.

Таким образом, взлет Английского королевства оказался обеспечен высокой концентрацией капиталов в стране, что задавалось, с одной стороны, аккумуляцией средств в цепи международной посреднической торговли и с другой – именно новыми финансовыми инструментами, ключевым из которых стал государственный заем или долг. На этом зиждился триумф политики вигских кабинетов в ситуации военного противоборства с Францией [16, р. 268]. Парадоксальным образом вигский лозунг 1688 г. «никакой постоянной армии» обернулся парламентской поддержкой драматического ее расширения. Дж. Плам пишет: «Странные эти виги! ...Они хотели захватить правительственную машину и запустить ее... Они чувствовали, что, учитывая полное покровительство короля, они могли заставить правительство работать как на национальные интересы, так и на свои собственные» [16, р. 247]. Э. П. Томпсон ставит вопрос: было ли это «государственным бандитизмом» [19, р. 285–286, 294]. Да, это был политический диктат узкой группы людей, но обеспечивший политическую стабильность. Сам же Э. П. Томпсон пишет: «Политическая жизнь в Англии в 1720-х гг. была чем-то наподобие "банановой республики". Каждый политик путем кумовства, заинтересованности и подкупа собирал вокруг себя преданных ему лояльных иждивенцев. Цель состояла в том, чтобы вознаградить их, дав им какую-нибудь должность, на которой они могли бы доить часть государственных доходов: армейские финансы, церковь, акциз... Крупнейшие землевладельцы, спекулянты и политики были людьми огромного богатства, чьи доходы возвышались, как Анды, над дождевыми лесами бедности простого человека» [19, р. 197–198].

Компания Южных морей

Меняем оптику исследования и сосредоточимся на Компании Южных морей, основанной в 1711 г. и создававшейся как десятки других торговых компаний. Ее возникновение оказалась напрямую связано с резкой сменой политического курса в 1710 г. – победой тори на парламентских выборах и их курсом на завершение войны. Так как Банк Англии находился в руках проигравших вигов, а в 1710 г. истекала выданная ему лицензия на осуществление банковской деятельности, новый глава казначейства Р. Харли пошел на изыскание средств из иных источников. Отчаянное положение правительства определялось задолженностью перед армией и флотом в сумме от 4 до 5 млн ф. ст. к концу 1709 г. Авторитетный исследователь Л. Нил считает эти цифры заниженными: «война увеличила британский государственный долг с 16,4 млн ф. ст. до 53,7 млн ф. ст.» [20, р. 90].

Первой заботой Р. Харли было найти 300 тыс. ф. ст. на выплаты в следующем квартале действующей на континенте армии под командованием Мальборо. Финансирование было предоставлено частным консорциумом в составе Эдварда Гиббона (дедушки будущего историка), Джорджа Косуэлла и Хор-банка (Hoare's Bank). Второй серьезной проблемой для казначейства стали краткосрочные долги правительства перед Банком Англии, некоторые из них должны были быть погашены в один или два месяца, и к декабрю 1710 г. составляли около 600 тыс. ф. ст. [17, р. 143]. В этой ситуации Р. Харли выступил с идеей лотерейного кредита и предоставил право провести лотерею Джону Бланту, управляющему Компании по производству рапир с полый заточкой (Hollow Sword Blade Company). Эта компания, несмотря на свое название, являлась неофициальным банком, т. к. это монопольное право было закреплено за Банком Англии. Продажи начались 3 марта 1711 г., а к 7 марта все билеты были распроданы, что сделало лотерею первой по-настоящему успешной английской государственной лотереей [21, р. 274–279]. Сразу за ней была проведена вторая лотерея. Вместе взятые они дали 3500 тыс. ф. ст. [22, р. 260], что позволило Р. Харли восстановить платежеспособность правительства и доверие к государственному кредиту, а также повысило степень лояльности Банка Англии и Сити.

Обратим внимание на Джона Бланта и Компанию Hollow Sword Blades. Она была основана в 1691 г. и в 1700 г. попала в руки «синдиката» дельцов, которые использовали компанию уже исключительно в качестве банка. Секретарем компании стал упомянутый Дж. Блант, юрист, специализирующийся на деловых и финансовых контрактах, новым управляющим – Элиас Тернер, ювелир с магазином на Ломбард-стрит, заместителем управляющего – Джейкоб Соубридж, выходец из деловой семьи. Четвертым партнером был Джордж Косуэлл, семья которого на протяжении многих поколений была представлена в палате общин. Целью «синдиката» было проникнуть в монополизированный Банком Англии бизнес по обслуживанию государственного долга и предоставлению ссуд правительству [23].

Компания, действовавшая исключительно как финансовое учреждение, занималась спекуляцией земельными участками в Ирландии (ликвидированными у якобитов), принимая денежные вклады и выпуская собственные банкноты. Это привлекло внимание Банка Англии, который сообщил казначейству, что их монополия нарушается. Казначейство не предприняло никаких действий, а в ситуации вокруг продления полномочий Банка Англии в 1710 г. этот «синдикат» выступил с альтернативным предложением взять на себя финансирование последнего займа, затребованного правительством. Банк Англии отреагировал снижением процентной ставки и преуспел в продлении своего устава до 1732 г. с более жесткими условиями сохранения своей монополии в качестве государственного банка. Триумвирату Тернер-Косуэлл-Соубридж пришлось отступить, но их звездный час был впереди.

Тяжелое финансовое положение правительства вынудило Р. Харли воспользоваться настойчивым предложением «синдиката». Компания Hollow Sword Blade преобразовывалась во вновь создающуюся Компанию Южных морей (далее – Компания) по следующей схеме, представленной Р. Харли парламенту в мае 1711 г. Он спроектировал ее так, чтобы объединить все государственные долги, которые на тот момент имели самый низкие процентные ставки на рынке, в ее основной капитал. Выплата процентов по таким ценным бумагам теперь теоретически обеспечивалась бы государственной рентой Компании в размере 6 % от капитала, конвертированного из старых долгов. Привлечение вкладчиков предполагалось обеспечить скорым миром с Испанией и получением права асьенто – монопольной торговлей рабами в южных морях (т. е. по большей части испанской Центральной и Южной Америки). Банк Англии был удовлетворен зафиксированным в Уставе компании запретом на ведение денежных депозитных счетов для клиентов Компании.

Создание Компании Южных морей было шагом и матом Р. Харли своим политическим и личным оппонентам. Этим шагом он сумел уравновесить конкурирующие интересы в свою пользу. Административный аппарат и капиталы Компания Южных морей унаследовала от компании Hollow Sword Blade. Управляющим компании был избран Дж. Блант. Ее директорами и держателями капиталов стали участники «триумвирата» Косуэлл-Соубридж-Тернер [24, р. 10]. Таким образом, Р. Харли создал альтернативу Банку Англии и с этого времени Компания Южных морей становится главным финансовым спонсором правительства. Громогласные обещания директоров Компании о баснословных прибылях с продаж рабов в испанских колониях поначалу привлекли потенциальных вкладчиков, однако право асьенто вступило в силу только в 1714 г., а последовавшая отставка Р. Харли и приход к власти вигов опять сформировали для «триумвирата» неблагоприятную политическую конъюнктуру.

Момент создания Компании Южных морей свидетельствует о формировании в Англии фондового рынка, основой которого являлись акции. Торговые компании, возникающие как акционерные общества, приобретали свой капитал путем продажи акций. Со временем возник вторичный рынок – рынок акций, или фондовый рынок, который сформировался в Лондоне в первые два десятилетия XVIII в. Этот рынок пока еще не был сосредоточен в одном месте. Сделки происходили в нескольких местах. Покупатель или продавец могли перейти в головной офис торговой компании, например Ост-Индской, или здание Банка Англии и найти там кого-то, кто хотел продать или купить акции. Сделки также могли проходить в кофейнях Обменного переулка (Exchange Alley), таких как Jonathan и Garraway. А если кому-то было неудобно посещать кофейню или идти в головной офис компании, можно было использовать известного брокера, который покупал и продавал акции. Фактическая передача права собственности происходила в тот момент, когда продажа была зарегистрирована в соответствующей компании. Право собственности юридически определялось уставом соответствующей компании и давало право физическому лицу потенциально принимать участие в делах компании, в ряде случаев быть избранным в Совет директоров, а самое главное, давало лицу право на поток дивидендов или убытков. Появились т. н. джобберы (stock-jobbers) – те, кто покупал и продавал акции для получения прибыли на разнице цен, но в отличие от брокеров джобберы брали на себя гораздо больший риск, покупая ценные бумаги за свои деньги. Ряд печатных изданий начали информировать текущих и потенциальных инвесторов о развитии событий на рынке ценных бумаг, размещая регулярно информацию о последних ценах на акции. Так как право собственности на акцию было четко определено и легко передавалось, а цены были прозрачны, акции были ликвидным финансовым активом. На самом деле именно ликвидность акций объясняет возникновение «пузыря» Компании Южных морей 1720 г.

Работоторговля после заключения Раштадского мирного договора 1714 г. шла посредственно, а в 1718–1720 гг. последовала новая война с Испанией – все активы в Новом свете были потеряны, и перспектива получения прибылей от работоторговли исчезла. В этой ситуации ряд обстоятельств предопределили созревание «пузыря» Компании Южных морей. Два из них можно определить как внешнеполитические. Первое – неудачная попытка в марте 1719 г. Старого Претендента Джеймса Стюарта высадиться в Шотландии. Якобиты потерпели поражение в битве при Глен Шил 10 июня 1719 г., а уже в июле 1719 г. Компания Южных морей начала кампанию по распространению слухов о том, что Претендент схвачен, и всеобщая эйфория вызвала рост цены акций Компании Южных морей со 100 ф. ст. до 114 ф. ст. Здесь фиксируется старт роста стоимости акций Компании. Вторым немаловажным обстоя-

ательством стал крах в мае 1720 г. Королевского банка Франции, созданного Дж. Ло, и схлопывание к концу 1719 г. другого французского проекта этого шотландца – Миссисипской компании, что обеспечило ощутимый прилив капиталов в Британию.

Другие обстоятельства были срежиссированы самой компанией и имели исключительно организационный характер. Главным и решающим обстоятельством было получение права на проведение государственного займа 1719 г. [7, р. 498–499; 20, р. 22–24]. Можно сказать, что это обстоятельство было решающим – наконец-то обслуживание государственного долга попало в руки Компании Южных морей. Кроме того, Компания отказалась заранее устанавливать номинальную сумму акций, подлежащих обмену на акции по государственному долгу, поэтому любое повышение цены акций выше номинальной стоимости в 100 ф. ст. уменьшало количество акций, необходимых для конвертации непогашенного государственного долга.

Ожидаемое повышение цены акций предоставляло Компании средства для увеличения дивидендов. К тому же позже выяснилось, что в своем стремлении обеспечить прохождение схемы через парламент Компания фактически предоставила опционы ключевым министрам правительства, 40–50 членам парламента и лицам, тесно связанным с короной, тем самым гарантируя, что у этой влиятельной группы также будет сильное желание увидеть рост цены на акции [22, р. 235]. При реализации схемы конвертации долга Компания занималась тем, что скептически настроенный член парламента Хатчесон назвал «искусным управлением духом азартной игры» [24, р. 64]. Был использован ряд приемов, чтобы выпустить как можно больше акций и одновременно взвинтить на них цену [7, р. 129]. Благодаря этим ухищрениям акции Компании Южных морей выросли со 130 ф. ст. до 600 ф. ст. с февраля по май 1720 г. Этот вертикальный взлет продолжился и в следующем месяце. Цена акций превысила 800 ф. ст. в июне 1720 г. 23 июня Компания закрыла свои бухгалтерские книги на два месяца, чтобы обработать дивиденды середины лета, и цены в течение этого периода фактически достигли наивысшей цены. Самая высокая цена (1050 ф. ст.) была зафиксирована 25 июня 1720 г., но, когда книги были вновь открыты, цена упала до 820 ф. ст. После этого и акции Компании резко упали в цене – до 520 ф. ст. в середине сентября, 290 ф. ст. в начале октября и 170 ф. ст. 14 октября 1720 г. «Пузырь» лопнул.

По оценке исследователя П. Гарбера, рыночная капитализация Компании Южных морей на конец августа 1720 г. составляла 164 млн ф. ст., что было примерно в 5 раз больше материальных чистых активов Компании [25, р. 52]. После того как «пузырь» лопнул, в декабре 1720 г. парламент подтвердил обязательный характер контрактов Компании: «все подписки на государственные долги и обременения,

а также другие контракты, заключенные Компанией Южных морей, на основании закона, принятого на прошлой сессии, остаются в нынешнем состоянии, если только они не будут изменены для облегчения ... собственников ... или отменены в соответствии с установленными законом нормами»². В результате возбужденного парламентского расследования было выявлено широко распространенное мошенничество среди директоров Компании и коррупция в кабинете министров. Среди замешанных были канцлер казначейства, министр почт, министр департамента Южных морей и лидеры вигов – лорд Стэнхоуп и лорд Сандерленд. Всем было предъявлено обвинение в коррупции. Канцлер был заточен в тюрьму как виновный в «самой печально известной, опасной и позорной коррупции». Директоры компании были сурово оштрафованы, все их поместья и средства были экспроприированы. Ответственность за акции Компании Южных морей была разделена между Банком Англии и Ост-Индской компанией.

Исследование событий «пузыря» Компании Южных морей, предпринятое Адамом Андерсоном еще в XVIII в., остается авторитетным источником для анализа этого события [26, р. 91–126]. Суть его выводов – в том, что правительство было подкуплено советом директоров Компании, чтобы позволить им одурачить держателей акций текущего государственного долга. Именно этого вердикта придерживался Роберт Уолпол, который возглавил расследование краха Компании и, по существу, в дальнейшем закрепил сходную практику обслуживания государственного долга на протяжении более чем двадцатилетнего периода своего премьерства (1720–1742). Все последующие историки разделяли эту точку зрения с акцентом на различных обстоятельствах этого дела: на политических интригах того времени, общей коррумпированности правительства, особенностях Компании Южных морей и влиянии международной спекулятивной лихорадки. И сегодня нет сомнений в том, что этот эпизод включал как мошенничество со стороны директоров Компании, так и повсеместную коррупцию высокопоставленных чиновников, фаворитов двора и членов парламента.

Отклики современников. «Анатомия Обменного переулка или система биржевой торговли» (1719) Д. Дефо

Наконец, третий аспект темы – реакция современников на возникновение новой финансовой элиты. Новое поколение государственных деятелей и мыслителей эпохи Реставрации обратило внимание на необходимость административно-экономической реконструкции королевства и увеличения национального богатства. Поколение, приветствовавшее Карла II в мае 1660 г., живо интересовалось этими вопросами и связанными с ними новыми науками – физикой и математикой. Это был век создания Королевской

² The Parliamentary history of England from the earliest period to the year 1803. In 36 vols. London: Printed by T. C. Hansard [etc.], 1806–1820. Vol. 7. P. 680.

академии наук. Это было поколение Уильяма Петти, Роберта Бойля, Джона Локка, Кристофера Рена, Исаака Ньютона, статистика Грегори Кинга, экономиста Чарльза Давенанта, астронома Эдмунда Галлея и мн. др. Это было время ошутимого расширения торговли с новыми плантациями в Вест-Индии и Северной Америке и беспокойного духа технических изобретений среди ученых и торговцев Лондонского Сити, а также борьбы за экономическое превосходство с голландцами в стремлении стать «мастерской мира». Подразумеваемая философия, стоящая за этим, заключалась в том, что богатство – это хорошо и может быть заработано талантом и упорным трудом, и что при разумном государственном планировании и поощрении людей, стремящихся к собственному благу, будет обеспечено богатство и процветание своей страны [7, р. 6].

Это поколение и в значительной степени следующее столкнулось, как можно предположить, с непредвиденными обстоятельствами господства финансовой олигархии в виде тесной смычки верхушки аристократии с финансистами Лондонского Сити. За тридцать лет правления Вильгельма Оранского произошло складывание вторичного рынка ценных бумаг как следствия монетизации экономики, с одной стороны, и небывалого притока денежных средств в страну в результате мировой посреднической торговли – с другой. Эти обстоятельства задали формирование новой ценностной шкалы. Богатство человека стало измеряться его годовым доходом. Проницательные современники не были удивлены. Джордж Беркли писал: «События компании Южных морей... не есть какое-то неожиданное зло, или великий источник наших несчастий, нет, это естественный эффект тех принципов, которые в течение многих лет пропагандировались»³. Вопрос не в том, что ростовщичество в Англии не было до этого, а в том, что произошла взаимовыгодная смычка правительства с воротилами финансового рынка, а значительная часть населения оказалась втянута в финансовые игры.

Обратимся к еще одному проницательному современнику событий начала XVIII в., уроженцу Сити, дважды пережившему свое полное финансовое банкротство – Даниэлю Дефо. Еще накануне краха Компании Южных морей в 1719 г. он анонимно опубликовал эссе «Анатомия Обменного переулка или система биржевой торговли», где достаточно точно воспроизвел атмосферу этого «переулка обмана». Exchange Alley была узкой извилистой улочкой в центре Сити, соединяющей Корнхилл и Ломбард-стрит. Она была местом оживленной торговли акциями. Здесь-то и вершилось зло обмана. Д. Дефо писал: «Всеобщее возмущение биржевой спекуляцией таково, и люди так долго и так справедливо жалуются на нее как на нарушение общественного порядка; и что еще

хуже, так долго не находят правовой защиты, что спекулянты, закоренелые в своем преступлении, в конце концов перешли всякие границы, и если даже спящее правосудие проснется и обратит на них свое внимание, и если даже этого не произойдет прямо сейчас, эти вездесущие творения, неутомимые в своих интересах, добьются того, что правительству рано или поздно будет абсолютно необходимо вычистить их»⁴.

Автор эссе прямо заявляет о своей позиции: «Я знаю, что они открыто смеются над всем этим, и имею достоинство полагать, что есть средства обуздать их». Один из воротил этого бизнеса открыто заявил автору эссе, что, может быть, кто-то в парламенте и хотел бы с ними расправиться, но как они это будут делать? «Это невозможно, – сказал он, – если правительство берет кредит, эти средства поступают на рынок; а пока есть рынок, мы будем покупать и продавать; в мире нет более действенного способа обуздать нас, – сказал он, – кроме одного, а именно: правительство должно сначала выплатить все государственные долги, вернуть все займы, расторгнуть все хартии (Банка Англии, Компании Южных морей и Ост-Индской компании) и ничего не покупать на доверии, и тогда, говорит он, им не нужно будет вешать биржевых маклеров, потому что они сами будут склонны повеситься» (р. 2). Его оппонент, автор эссе, замечает: «я далек от мысли, что это единственный способ [решения проблем правительства] – иметь дело с бандой ростовщиков, которые "заложили под процент" целую Нацию и держат кошельки бедных и богатых в своих руках и могут открывать и закрывать их, когда им это заблагорассудится» (р. 3).

Д. Дефо смело выносит обвинительный приговор этим финансистам, называя преступлением заработать деньги на обмане. «Анатомия» обмана выглядит следующим образом. Эти «продавцы воздуха» вводят в заблуждение потенциальных вкладчиков ложными слухами, создавая ажиотаж вокруг акций той или иной компании. Они действуют в сговоре, быстро, напористо и являются негодяями хуже, чем разбойники с большой дороги: «Разве я не слышал от Т.В.В.О. и J.S. тысячу раз, как они говорят, что знают, что их занятие является разновидностью грабежа... и отличается только двумя обстоятельствам, во-первых, по степени [грехопадения], (а именно) их [грабеж] в десять тысяч раз хуже, так как он более безжалостный, более бесчеловечный, совершаемый без всякой на то необходимости и направленный против отцов, братьев, вдов, сирот и близких друзей; во всяком случае разбойники, как правило, испытывают угрызения совести и под воздействием принципов человечности и великодушия останавливаются и решают охотиться только на незнакомцев; во-вторых, в опасности, они грабят открыто; разбойники грабят с максимальным риском

³ The Works of George Berkeley, Bishop of Cloyne. In 9 vols, ed. by A. A. Luce, T. E. Jessop. London; Edinburgh, 1953. Vol. 5. P. 84.

⁴ Defoe D. The anatomy of Exchange-Alley: or, a system of stock-jobbing. London: Printed for E. Smith, 1719. [2]+64 p. Далее в скобках при выдержках из книги приведены страницы, на которых они расположены.

для своей жизни, уверенные, что их повесят первыми или последними, в то время как эти рискуют потерять свою репутацию, которая на самом деле обычно уже потеряна, когда они вышли на этот рынок, и свои души, пустяк, о котором не стоит и упоминать» (р. 8–9).

«Разве доктрина биржевой спекуляции не является всецело наукой мошенничества, а торговцы акциями попросту настоящие воры и карманники?» (р. 8) – вопрошает Д. Дефо. Вводить в заблуждение, открыто лгать, щедро раздавать обещания получить хорошие деньги на разнице курсов и в конце концов оставить вкладчика с носом – вот тактика этих «ловкачей», которые сколачивают на биржевой игре баснословные состояния. На верхушке этой пирамиды, по мнению Д. Дефо, «выдающийся триумвират воровства»: «С» (Дж. Косуэлл), «S» (Дж. Соубридж) и «Т» (Э. Тернер). Эти три «столичных шулера Великобритании» держат мошенников меньшего масштаба в своей узде: «Обменная аллея наводнена евреями, джобберами и брокерами, у которых нет имен, их облик отвратителен, как и их работа» (р. 41). Богатство этой «банды разбойников и мошенников» определяется «ценой жизни каждого человека, которого они в состоянии надуть» (р. 38).

В текущей историографии посчитано, что игроков, которые имели 15 и более сделок, было примерно 50 человек. Из них 15 человек совершили более 30 сделок в качестве покупателя и столько же в качестве продавца [19, р. 10]. Автор показывает, как эта «банда» не только охотится за кошельками отдельных людей, но и залезла в государственную казну и использует правительство. Здесь они тоже действуют искусно, вступая в сделку с государственными деятелями, которые оказываются в сговоре с ними, чтобы «обокрасть народ». Герцоги, по сути, превращаются в биржевых спекулянтов, пишет Д. Дефо. Во-первых, сделки по акциям государственных лотерей и займов начинаются еще до утверждения их парламентским актом. Во-вторых, маклеры делают деньги на политических новостях (о восстании якобитов, вторжении испанцев и т. п.), распространяя ложные слухи, поэтому в Обменном переулке только и слышно: «Джентльмены! Позаботьтесь о своих карманах». И когда политические новости покупаются и продаются – это уже опаснее, чем внешний враг, это опаснее, чем чума.

Дефо определяет этих «друзей правительства» как врагов нации, короля Георга и называет их изменниками родины⁵. Когда мы «видим, как государственные деятели превращаются в торговцев, и люди чести опускаются до хитрых проделок; видим человека в Офисе – утром, в Парламенте – в полдень, в Кабинете – ночью, а в промежутках между ними в Обменном переулке, что это – новый феномен? Какие фатальные вещи могут предсказать эти "сияющие звезды" ... государству и обществу; ибо, когда

государственные деятели превращаются в спекулянтов (Jobbers), государство может быть ограблено» (р. 42). Взятничество царит в министерствах, парламенте и кабинете министров: подкупаются конкуренты, вознаграждаются сторонники, и так обеспечивается победа на парламентских выборах. «Ничто не может быть более фатальным в Англии для нашей нынешней конституции, а со временем может стать таковым для нашей свободы и религии, чем обмен интересов на выборах в парламент – на деньги (Elections Jobb'd upon Exchange for Money) и перевод их в акции Ост-Индской компании, – в интересах тех, кто предлагает больше всего» (р. 48). «Биржевые спекулянты, которым нет дела ни на фартинг до того, какая сторона одержит верх, сделает добычей их обоих, развивая этот новый вид спекуляции на выборах» (р. 50).

Заключение

Проведенный анализ, казалось бы, подталкивает нас к оценке А. Смита меркантилизма как «заговора торгового меньшинства, стремящегося набить свои карманы за счет остальной части общества». Сейчас уже можно сделать уточнение в отношении количественного измерения данного «торгового меньшинства» – это единицы, примерно около полусотни человек. Здесь есть своя «верхушка». Это жестокий мир, где отсутствует мораль и господствует Маммона – демон, олицетворяющий богатство, алчность и стяжательство. Впоследствии Чарльз Диккенс воплотит образ такого человека в повести-сказе «Рождественская песнь» – Эбенезере Скрудже. Еще одно важное уточнение – финансовый рынок в начале XVIII в. не только имел влияние на парламентские выборы и находящиеся у власти политики, но уже определял политическую конъюнктуру. Что же касается политической элиты, то «узок круг этих революционеров» – действующий кабинет министров и его клиента. Правительство оказалась связанным «арканом» государственного долга, а значит вынуждено было считаться с интересами Лондонского Сити. Этот расклад получил свое классическое воплощение в эпоху Роберта Уолпола, закрепившегося у власти на последующие двадцать с лишним лет после краха Компании Южных морей.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflicting interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 22-18-00488 «Кризис ценностей и стратегии преодоления:

⁵ Ibid. P. 22–24.

Идея "Общего блага" в интеллектуальном дискурсе Британии и России (1650–1750)»).

Funding: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-18-00488 "Crisis of values and coping

strategies: The idea of the "Common Good" in the intellectual discourse of Britain and Russia (1650–1750)".

Литература / References

1. Piketty T. *Capital in the twenty-first century*. Cambridge, Mass.: Belknap Press of Harvard University Press, 2014, 865.
2. Piketty T. *Capital and ideology*. Cambridge: Belknap Press: An Imprint of Harvard University Press, 2020, 1104.
3. Smith A. Of system of political economy. *The wealth of nations*. Amsterdam: MetaLibti, 2007, 327–535.
4. Magnusson L. G. Mercantilism. *A companion to the history of economic thought*, eds. Samuels W. J., Biddle J. E.; Davis J. B. London: Blackwell Publishing Ltd, 2003, 46–61.
5. Heckscher E. F. *Mercantilism*. London: George Allen & Unwin, 1935, vol. 1, 497.
6. Wilson C. *England's apprenticeship, 1603–1763*. London: St. Martin's Press, 1965, 413.
7. Dickson P. *The financial revolution in England: a study in the development of public credit, 1688–1756*. London-N. Y.: Routledge, 2016, 580.
8. Davis R. English foreign trade 1660–1700. *Economic History Review*, 1954, 7(2): 150–166. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0289.1954.tb01521.x>
9. Dowell S. *A history of taxation and taxes in England*. London: Cornell University Library, 1888, vol. III, 309.
10. Jones J. R. *Country and court: England, 1658–1714*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1978, 377.
11. Beckett J. V. Land tax or excise: the levying of taxation in seventeenth- and eighteenth-century England. *The English Historical Review*. 1985, 100(395): 285–308.
12. Paterson W. *A brief account of the intended Bank of England*. London: Printed Randal Taylor, 1694, 18.
13. *The correspondence of John Locke*, ed. de Beer E. S. Oxford: Oxford University Press, 1979, vol. 5, 798.
14. Stephens T. A. *A contribution to the bibliography of the Bank of England*. London: Forgotten Books, 1979, 220.
15. Giuseppi J. *The Bank of England: a history from its foundation in 1694*. London: Evans Bros, 1966, 244.
16. Wallerstein I. *The Modern World-System II. Mercantilism and the consolidation of the European world-economy, 1600–1750*. Los Angeles: University of California Press, 2011, 370.
17. Hill B. W. *Robert Harley: speaker, secretary of state and premier minister*. New Haven: Yale University Press, 1988, 320.
18. Ивонина Л. И. Герцог Мальборо. Человек, полководец, политик. М.: Ломоносовъ, 2019. 264 с.
19. Ivonina L. I. *Duke of Marlborough. Man, commander, and politician*. Moscow: Lomonosov, 2019, 264. (In Russ.)
19. Thompson E. P. *Whigs and Hunters: the origin of the Black Act*. N. Y.: Pantheon, 1975, 312.
20. Neal L. *The rise of financial capitalism: international capital markets in the Age of Reason*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990, 278.
21. Carswell J. *The South Sea Bubble*. London: Cresset Press, 1960, 314.
22. Dale R. S., Johnson J., Tang L. Financial markets can go mad: evidence of irrational behaviour during the South Sea Bubble. *Economic History Review*, 2005, 58(2): 233–271. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0289.2005.00304.x>
23. Carlos A., Neal L., Wandschneider K. *Dissecting the Anatomy of Exchange Alley: the dealings of stockjobbers during and after the South Sea Bubble*. Paris, 2007. URL: <https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.495.3196&rep=rep1&type=pdf> (accessed 15 Mar 2022).
24. Hutcheson A. *Collection of calculations and remarks relating to the South Sea scheme and stock, 1720*. Gale Ecco, 2018, 132.
25. Garber P. M. *Famous First Bubbles: the fundamentals of early manias*. Cambridge-London: MIT Press, 2000, 176.
26. Anderson A. *An historical and chronological deduction of the origin of commerce, from the earliest accounts*. N. Y.: Augustus M. Kelley, 1967, vol. 3, 508.

оригинальная статья

Российско-германские политические отношения 1991–2021 гг. в современной российской историографии

Терехов Олег Эдуардович

Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово

<https://orcid.org/0000-0002-8833-6515>

terekhov1968@mail.ru

Поступила в редакцию 04.04.2022. Принята после рецензирования 04.05.2022. Принята в печать 20.05.2022.

Аннотация: Рассматривается современная российская историография политических взаимоотношений РФ и ФРГ в 1991–2021 гг. Российско-германские отношения имеют широкую основу в различных областях взаимодействия, поэтому автор не стремится проанализировать все аспекты данной проблематики. Цель – показать отражение основных тенденций российско-германских политических отношений в российской историографии. Проблемно-хронологический метод помогает рассмотреть данную тему в диахроническом и синхроническом ракурсах, одновременно выявляя ее временную и проблемную составляющие. Источниковая база – работы современных российских историков, политологов, экономистов, в которых затрагиваются проблемы политических отношений РФ и ФРГ. Короткая по временным историческим рамкам тридцатилетняя история взаимоотношений объединенной Германии и «новой» России (РФ) достаточно насыщена событиями и делится на ряд периодов, что отразилось и на эволюции историографии вопроса. Выделено три этапа развития современной российской историографии, которые совпадают и одновременно не совпадают с хронологией непосредственно политических отношений РФ и ФРГ. Автор отмечает, что оценка российско-германских отношений в современной историографии напрямую зависела от их конъюнктуры, но в то же время исследователи стремились рассмотреть эти отношения в контексте определенной исторической и политической перспективы.

Ключевые слова: Россия, Германия, российско-германские отношения, современная российская историография

Цитирование: Терехов О. Э. Российско-германские политические отношения 1991–2021 гг. в современной российской историографии. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 3. С. 292–298. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-3-292-298>

full article

Russian-German Political Relations in 1991–2021 in Modern Russian Historiography

Oleg E. Terekhov

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

<https://orcid.org/0000-0002-8833-6515>

terekhov1968@mail.ru

Received 4 Apr 2022. Accepted after peer review 4 May 2022. Accepted for publication 20 May 2022.

Abstract: The article deals with modern Russian historiography of the political relations between Russia and Germany in 1991–2021. Due to the vastness of the research scope, the paper covers only the major trends in the Russian-German political relations in the Russian historiography. The work relied on the problem-chronological method that made it possible to consider the topic in diachronic and synchronic perspective, simultaneously revealing its temporal and problematic components. The research featured works by contemporary Russian historians, political scientists, and economists on the political relations between the Russian Federation and the Federal Republic of Germany. The thirty-year history of relations between the united Germany and the Russian Federation was full of events and can be divided into several periods. As a result of the historiographical process, the modern Russian historiography consists of three stages, which partially coincide with the chronology of direct political relations between Russia and Germany. The assessment of the Russian-German relations in modern historiography directly depends both on their conjecture and the historical and political context.

Keywords: Russia, Germany, German-Russian relations, modern Russian historiography

Citation: Terekhov O. E. Russian-German Political Relations in 1991–2021 in Modern Russian Historiography. *Vestnik Kemarovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(3): 292–298. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-3-292-298>

Введение

В 1995 г. известный отечественный специалист по истории немецкой философии Арсений Гулыга изобрел чеканную фразу «Понять Германию – понять Россию», в которой он хорошо отразил суть русско-немецкой рефлексии относительно друг друга [1]. Характерно, что в таком подходе к истории взаимоотношений России и Германии А. Гулыга был отнюдь не одинок. Сторонники такого подхода есть и в России, и в Германии. Профессор, доктор, директор Института Восточной Европы Свободного университета Берлина Клаус Зегберс в предисловии к очередной коллективной русско-немецкой монографии в 2013 г. писал: «Германия и Россия до сих пор являются ключевыми политическими и экономическими игроками в Европе. Их отношения после Второй мировой войны в большей степени определялись историческим наследием, культурными аспектами (волжские немцы) и экономической взаимозависимостью (торговля энергетическими ресурсами) и были скорее напряженными, нежели партнерскими» [2, с. 5].

Поэтому не удивительно, что российско-германским отношениям в отечественной гуманитарной мысли всегда уделялось повышенное внимание. Современный исторический период не стал исключением. Во-первых, оба государства в том виде, в котором они существуют сейчас, образовались практически одновременно. Объединенная Германия, несмотря на то что сохранила прежнее название Западной Германии – ФРГ, возникла 3 октября 1990 г., РФ – 26 декабря 1991 г., после окончательного распада СССР. Во-вторых, учитывая роль, которую сыграл в процессе объединения Германии первый и последний президент СССР М. С. Горбачев, установившиеся особые отношения между ФРГ и СССР были пролонгированы германской стороной и на взаимоотношения с новой Россией. В-третьих, это позволило Германии уже в 1990-х гг. стать крупнейшим партнером России среди стран ЕС и Запада в целом, а политическое и экономическое значение Германии в ЕС и западном блоке сделало эти взаимоотношения чрезвычайно ценными для нового российского руководства и самой России.

Некоторые аспекты современных российско-германских политических отношений в отечественной историографии проанализированы в работах Ю. В. Родовича [3], М. В. Владымычевой [4], диссертационном исследовании А. И. Егорова [5]. Тем не менее обобщающего историографического исследования, несмотря на наличие большого количества литературы, по данной проблеме нет. Цель статьи – анализ основных тенденций современной отечественной историографии российско-германских политических отношений. При этом автор, понимая обширность объекта исследования, не ставит перед собой задачу дать всесторонний анализ основных аспектов данной проблематики. Методологической основой работы служит проблемно-хронологический метод, т. к. он помогает рассмотреть заявленную тему в диахроническом и синхроническом ракурсах, одновременно выявляя ее временную и проблемную

составляющие. Источниковую базу исследования составляют работы современных российских историков, политологов, экономистов, в которых затрагиваются проблемы политических отношений РФ и ФРГ.

Выделено три этапа развития современной российской историографии, которые совпадают и одновременно не совпадают с хронологией непосредственно политических отношений РФ и ФРГ, т. е. с предметом исследования: 1990-е гг.; 2000–2013 гг.; 2014–2021 гг.

1 этап. 1990-е гг.

Российская германистика в период своего формирования в 1990-х гг. опиралась на советское институциональное наследие. Однако это не помешало ученым в короткие сроки перестроить свой теоретико-методологический инструментарий и расширить тематику исследований. Высокая культура и обширная эрудиция позволили российским германистам достаточно быстро освоить новые интеллектуальные ниши, хотя этот процесс занял в целом 10 лет. Это, впрочем, характерно для всей современной российской гуманитаристики. Несомненно, чтобы освоить и понять новые исторические и интеллектуальные реалии, требовалось время. И в этом смысле процесс институализации российской германистики развивался в синтезе старого и нового исследовательского контента. В качестве примера можно привести существование уже известных исследовательских центров отечественной германистики и появление новых, таких как Центр германских исследований в Институте Европы РАН.

Вопрос о российско-германских политических отношениях в современной российской историографии 1990-х гг. дебатировался в контексте объединения Германии и его последствий. В условиях становления современной российской германистики тема объединения Германии, учитывая его стремительность и наличие многих «темных» факторов, действительно являлась актуальной и важной. По крайней мере она имела явную историческую и политическую завершенность. Российские исследователи-германисты И. Ф. Максимычев [6], А. М. Филитов [7], А. А. Ахтамзян [8], И. Н. Кузьмин [9] начали представлять свои версии этого события. Подводя итоги объединения Германии, они неоднозначно воспринимали влияние этого объединения. Ряд из них указывали как на позитивные, так и негативные итоги для СССР и России.

Однако, начиная с середины 1990-х гг. внимание отечественных исследователей постепенно начинает смещаться в сторону последствий объединения или, как тогда говорили, трансформации Германии, причем в контексте российского политического и экономического опыта перехода к демократии и рыночной экономике 1990-х гг. Квинтэссенцией такого сравнительного анализа трансформации России и Германии 1990-х гг. стала конференция «10 лет трансформации: сравнительный анализ немецкого и российского развития»,

проведенная в Москве 18 ноября 1999 г. совместными усилиями Центра германских исследований Института Европы РАН и Московского представительства немецкого фонда Фридриха Эберта. Участники конференции, как с российской, так и немецкой стороны, отмечали, что десятилетняя трансформация обоих государств дала неоценимый опыт перехода к демократии и рыночной экономики (для ФРГ – это перестройка ГДР), который может быть полезен России и Германии. «В ходе дискуссии российские и немецкие участники сошлись во мнении о том, что обмен опытом должен быть двусторонним» [10, с. 91]. Немецкие участники также отмечали полезный и необходимый для России опыт Германии в создании демократической и правовой базы подобных процессов трансформации. Таким образом, характерной чертой данного этапа стало формирование институциональных предпосылок интереса российской германистики к проблемам современной Германии, в том числе и российско-германским отношениям.

2 этап. 2000–2013 гг.

На рубеже XX–XXI вв. в развитии современной российской германистики происходит качественный скачок исследований по германской проблематике, который был обусловлен процессами 1990-х гг., описанными выше. Это отразилось на рассмотрении и анализе политических аспектов российско-германских отношений. А. М. Воробьева, оценивая отношения РФ и ФРГ в 1990-е гг., отмечала, что «сближение России и Германии на качественно новом уровне стало возможным после объединения двух германских государств» [11, с. 288]. Политическое руководство России придает большое значение развитию российско-германских связей в их самом широком контексте. В свою очередь «российский фактор продолжает играть важную роль в формирующейся внешнеполитической концепции ФРГ» [11, с. 289], т. к., по мнению германской стороны, Россия продолжает обладать атрибутами великой державы, в том числе и в политической сфере. И в целом «германская политика на Востоке строится вокруг обычной триады экономических, политических и стратегических приоритетов» [11, с. 290]. Оценивая состояние и перспективы российско-германских отношений, в том числе и в области политических взаимоотношений, А. М. Воробьева констатирует, что в настоящее время они «характеризуются совершившимся переходом от прежней эйфории, связанной с вкладом СССР в объединение Германии, к прагматизму» [11, с. 300].

С начала 2000-х гг. стали выходить обобщающие работы по различным аспектам новейшей истории Германии. А. Ю. Ватлин отмечал, что активизация политических контактов с Россией вызвана не в последнюю очередь тем, что в конце XX в. объединенная Германия «не испытывает особого восторга от нового глобализма США» [12, с. 300]. Касаясь общей оценки отношения Германии к РФ, автор приводит слова Г. Шрёдера о том, что немцы

заинтересованы, чтобы Россия стала страной с демократическим обществом и процветающей экономикой [12, с. 302]. Н. В. Павлов и А. А. Новиков в обобщающей монографии по истории внешней политики ФРГ, характеризуя отношения РФ и ФРГ на рубеже веков, подчеркивают кризис т. н. «банной дипломатии» Ельцина – Коля: «Особые отношения с Россией перестали приносить прежний политический эффект» [13, с. 444]. Кабинет Шрёдера Фишера, по словам авторов, четко дал понять, что только демократический тренд развития России способен усилить политические контакты между двумя странами. Изменилась и форма контактов между странами: «на смену двусторонним политическим контактам в российско-германских отношениях пришел функциональный многоступенчатый диалог» [13, с. 448].

В 2009 г. под эгидой Института Европы РАН вышла коллективная монография «Германия. Вызовы XXI века» [14]. Автор главы по российско-германским политическим отношениям в ней – известный дипломат и германист, доктор политических наук И. Ф. Максимычев. Он отмечал, что перестройка стала тем периодом, когда сформировалась основа российско-германских отношений. Подход советского руководства к решению германского вопроса стал той благодатной почвой, на которой выросли современные взаимоотношения РФ и ФРГ. Однако первоначальные положительные тенденции в российско-германских отношениях были нивелированы их развитием в 1990-е гг. В частности, И. Ф. Максимычев указывал на проблему расширения НАТО: «Данные Западом в контактах с Горбачевым обещания и (устные) гарантии не продвигать свои военные структуры на освобождаемое СССР место в Центральной Европе были бесцеремонно нарушены» [14, с. 352]. При этом автор, поглощенный анализом внешнеполитических аспектов российско-германских отношений в 1990-е гг. (расширение НАТО, вмешательство НАТО в войну в бывшей Югославии, русофобия бывших социалистических стран Европы), практически не обращает внимания на другие стороны политических отношений РФ и ФРГ, которые он также оценивает в негативном ключе. По утверждению И. Ф. Максимычева, «ельцинская Россия мечтала "слиться в экстазе" со своими новыми учителями и наставниками» [14, с. 361]. «Однако практика очень скоро показала, что никто демократическую Россию на иждивение брать не собирается, а широковещательные намеки на возможный "план Маршалла" для Российской Федерации оказались обычными мыльными пузырями» [14, с. 361]. В 2000-е гг., согласно автору, ситуация в российско-германских отношениях несколько улучшилась благодаря тендему Путин–Шрёдер и ряду совместных внешнеполитических и экономических действий, что создало определенные перспективы на будущее.

В том же 2009 г. вышел сборник статей, посвященный рассмотрению российско-германских отношений в контексте европейской безопасности [15]. Авторы сборника подняли актуальные проблемы внешнеполитических реалий в Европе: внутренние проблемы европейской интеграции,

влияние мирового кризиса 2008 г., американское ПРО в Восточной Европе, русофобия и политика двойных стандартов в отношении России. Авторы отмечали большую роль Германии в формировании архитектуры европейской безопасности. При этом они подчеркнули, что понимание Германией проблем европейской безопасности находится в русле евроатлантической внешнеполитической парадигмы. Тем не менее они отметили важность российско-германских политических отношений на современном этапе как фактора стабильности в Европе.

В 2010 г. вышла книга известного отечественного специалиста по истории внешней политики Германии, доктора исторических наук, профессора МГИМО А. А. Ахтамзяна. Проблемам взаимоотношений современной России и объединенной Германии посвящены две главы, автор на страницах книги неоднократно возвращается к этой проблематике. Говоря о российско-германских отношениях периода 1990-х гг., А. А. Ахтамзян рассматривает их сквозь призму геополитики «в условиях коренного изменения геополитической и стратегической обстановки в Европе» [16, с. 243]. Далее, несмотря на тот факт, что в 1990-х гг. «официальные отношения между Россией и Германией развиваются благоприятно для правительств» [16, с. 245], автор полагает, что они были наполнены скрытыми конфликтами и противоречиями. По его мнению, после 2000-х г. внешнюю политику и международные связи Германии следует рассматривать в контексте ее глобализации. Эта тенденция применима к политике в отношении России, хотя автор отмечает значительное улучшение отношений между странами с начала XXI в.

В начале 2010-х гг. получила развитие практика издания коллективных сборников по российско-германским отношениям, которые, как правило, были материалами международных конференций. В данном контексте хотелось бы обратить внимание на уже вышеупомянутую коллективную российско-германскую монографию «Россия и Германия в пространстве европейских коммуникаций» [2]. Авторы предприняли попытку системного анализа различных аспектов современных отношений РФ и ФРГ. Фиксируя итоги российско-германских отношений (на уровне 2013 г.) в различных сферах, в том числе и политической, авторы пишут о дилемме, перед выбором которой стоит германская элита: ее «можно сформулировать как противоречие между ценностно-ориентированным и прагматичным подходами» [2, с. 264]. С момента образования РФ эта дилемма раскалывает общественное сознание не только германской элиты, но и всего немецкого общества. «В центре германских дебатов о России находятся две ключевые концепции – нормальности (нормализации) и реальности (реалистичности). Обе являются "плавающими", то есть легко меняющими свое местоположение в системе внешнеполитического дискурса, что и создает сложности его понимания и прочтения» [2, с. 264–265]. Таким образом, авторы выявили, на наш взгляд, ключевую проблему российско-германских

политических отношений, по крайней мере до 2014 г.: почему Россия так и не стала страной с демократической системой правления и рыночной экономикой и как к этому относиться.

Завершающим аккордом вышеописанного этапа современной российской историографии российско-германских отношений стала написанная еще до кризиса взаимоотношений России и ЕС и изданная в 2014 г. фундаментальная работа И. Ф. Максимычева [17]. Автор, наблюдая после 2000 г. ситуацию внутри и вокруг ЕС, предчувствует скорый кризис концепции Большой Европы. В этой связи он подчеркивает важность развития наметившегося в самом начале столетия треугольника Париж-Берлин-Москва. Германия, дабы сохранить свою внешнеполитическую идентичность, должна была сотрудничать с Россией. Он делает вывод, что «объективно Россия и Германия не являются конкурентами ни в Европе, ни в остальном мире» [17, с. 448]. По мысли И. Ф. Максимычева, они дополняют друг друга во многих отношениях и поэтому обречены на полномасштабное сотрудничество в политической, экономической и других сферах деятельности.

Второй этап российской историографии российско-германских отношений характеризуется новым качественным уровнем их рассмотрения. Это обусловлено началом формирования фундаментальных теоретико-методологических основ исследования современной Германии в отечественной германистике.

3 этап. 2014–2021 гг.

Данный этап отражает российскую историографию взаимоотношений РФ и ФРГ в условиях кризиса в отношениях России и ЕС. Украинский кризис 2014 г. и последующая за ним санкционная война между РФ и ЕС привела к пересмотру в современной российской гуманитарной мысли многих идей и концепций относительно прошлого, настоящего и будущего взаимодействия России со странами ЕС. Самым неожиданным следствием этого кризиса для российских германистов стало то, что ФРГ, благодаря жесткой позиции канцлера А. Меркель, занятой ей в ходе украинского кризиса, явилась едва ли не главным проводником антироссийской линии в европейском сообществе.

В 2015 г. одним из первых на создавшуюся ситуацию в российско-германских отношениях отреагировал И. Ф. Максимычев. Будучи профессиональным дипломатом в области отношений с ФРГ и ГДР он достаточно эмоционально воспринял перемены в отношениях РФ и ФРГ. Как поборник концепции Большой Европы он подверг резкой критике руководство ФРГ за то, что оно идет в фарватере политики США: «При этом необходимо видеть, что немецкое главенство в ЕС усиливает не столько европейские, сколько американские позиции в мире. Перспектива "европеизации" внешней политики Германии относится пока, судя по всему, к области фантастики» [18, с. 31]. Это наглядно проявилось в отношении кризиса в Украине: «припадки политической шизофрении

плюс скоростная потеря памяти налицо и в отношении Германии к украинскому кризису» [18, с. 33]. Как полагает И. Ф. Максимычев, в создавшихся условиях конструктивное сотрудничество и равноправный диалог между Россией и Германией едва ли возможны. Всю ответственность за это он возлагает на политическое руководство ФРГ.

В том же 2015 г. вышла в свет новая коллективная монография, посвященная современной Германии [19]. Главу по российско-германским отношениям на этапе середины 2010-х гг. написал Н. В. Павлов. В начале главы он задается рядом вопросов относительно этих отношений, главный из которых: «Кто мы, наконец, – извечные соперники или все-таки стратегические партнеры, за новое совместное будущее?» [19, с. 609]. Ответу на этот и другие вопросы и посвящена глава. Автор справедливо отмечает, что именно ФРГ была той страной, которая прикладывала больше всего усилий для интеграции России в западные структуры. Однако итог этих усилий оказался нулевым. Причину этой неудачи Н. В. Павлов видит в слишком резком переходе России в различных областях к евроатлантическим институтам и формам. Мюнхенская речь В. В. Путина, грузино-осетинский конфликт ознаменовали переход к «холодному миру» между Россией и Западом, а украинский кризис привел к недопониманию и конфронтации. В этой связи «особый» геополитический подход ФРГ к РФ стал не актуален. Тем не менее автор считает, что в создавшихся условиях диалог между Россией и Германией ни в коем случае не следует прерывать.

Н. В. Павлов в 2017 г. выпустил монографию о российско-германских отношениях [20]. Книга написана в историко-публицистическом жанре и посвящена российско-германским отношениям за период от IX в. до современности. По мнению автора, исходя из того, что Европа и мир сегодня вошли в новое качественное состояние, «возникает острая необходимость проанализировать исторические корни российско-германских отношений, их эволюцию и при определении ориентиров российской внешней политики на ее европейском направлении, выделить роль и место в них связей между Берлином и Москвой» [20, с. 9]. Оценивая современный этап российско-германских отношений, Н. В. Павлов сожалеет, что объявленное стратегическое партнерство между странами так и не случилось, а украинский кризис и присоединение Россией Крыма привели к сворачиванию российско-германского межгосударственного диалога. Но вызовы XXI в. неизбежно будут толкать Россию и Германию навстречу друг другу, а руководителям стран необходимо «проявить выдержку и терпение», чтобы преодолеть разногласия и совместно противостоять вызовам XXI века [20, с. 514].

Большую аналитическую работу в исследовании проблем современной Германии, в том числе и в сфере российско-германских отношений, проводит Центр германских исследований в Институте Европы РАН. В книжном варианте эта работа воплощается в ежегодных обзорах по Германии, выходящих в серии «Доклады Института

Европы». С началом украинского кризиса авторы данного издания пристально следят за перипетиями отношений России и Германии. Так, характеризуя динамику российско-германских отношений на начальной стадии украинского кризиса, авторы утверждают, «что во второй половине 2015 г. был восстановлен рабочий политический диалог на разных уровнях и в сферах» [21, с. 67]. Говоря о ситуации 2016 г., авторы пишут, что «продолжилась осторожная активизация российско-германского политического диалога в области европейской безопасности» [22, с. 104]. Рассматривая динамику российско-германских отношений во второй половине 2010-х гг., авторы констатируют: «в целом 2019 г. показал, что Россия по-прежнему занимает одно из ведущих мест в германской внешней политике, а отношения между ФРГ и РФ, несмотря на известные разногласия, продолжают играть особую роль, как в общеевропейском, так и в глобальном контексте» [23, с. 120].

В публикациях последних двух лет российских экспертов по Германии углубляется скептицизм относительно будущего российско-германских отношений. В. И. Васильев отмечает, что на сегодняшний день эти отношения переживают один из сложнейших этапов в своем развитии, вызвавший глубокое разочарование сторон друг в друге [24, с. 198]. Автор дает ретроспективу оценке восприятия Россией среди немецкой интеллектуальной элиты и приходит к выводу, что негативный образ РФ сформировался еще до украинского кризиса, который просто стал его триггером. В коллективной монографии сотрудников Института мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова рассмотрению современного российского вектора внешней политики Германии отведено две главы. Авторы пишут о том, что после украинского кризиса политика ФРГ в отношении России «приобрела негативную направленность» [25, с. 92]. Далее авторы констатируют, что противоречия между Россией и Германией связаны не только с событиями в Украине, но их вызвал целый комплекс проблем европейской безопасности. Все это привело в конечном итоге к отсутствию доверия между российским и германским политическими классами.

Второй этап изучения российско-германских политических отношений в российской германистике (2000–2013 гг.) был прерван вмешательством текущей политики. Их современное состояние стало основным содержанием работ российских германистов третьего этапа (начиная с 2014 г. и до настоящего времени), наполненных скепсисом относительно их состояния и перспективы.

Заключение

Несмотря на то, что взаимоотношения РФ и ФРГ развиваются всего чуть более 30 лет, они прошли ряд этапов, которые соответствуют внутри- и внешнеполитической логике развития обеих стран. Сами политические российско-германские отношения насчитывают четыре периода своего развития: становление двусторонних отношений

(1991–1999 гг.); попытка формирования политики стратегического партнерства во взаимоотношениях ФРГ и РФ (2000–2005 гг.); прагматическое сотрудничество двух государств (2005–2014 гг.); украинский кризис и значительное ухудшение отношений (с 2014 г. и по настоящее время).

В развитии современной российской историографии российско-германских политических отношений выделено три этапа, которые совпадают и одновременно не совпадают с хронологией непосредственно политических отношений РФ и ФРГ: 1990-е гг.; 2000–2013 гг.; 2014–2021 гг. Исходя из анализа, мы можем сделать следующие выводы:

1. Особенность оценки политических российско-германских отношений в современной российской историографии заключается в том, что ее эволюция одновременно совпадает и не совпадает с непосредственными их периодами.

2. Касаясь их анализа в трудах современных российских гуманитариев, можно выделить три условных этапа, описание которых представлено в основной части данной статьи. Это, на наш взгляд, вызвано спецификой самого процесса историографического осмысления текущих исторических и политических событий. Исследователям необходимо некоторое временное абстрагирование от событий, чтобы затем проследить и показать их внутреннюю логику и связь.

3. В современной российской историографии российско-германских отношений сформировалось два подхода к их оценке и перспективам. Первый позитивный подход положительно рассматривает эти отношения, но считает, что их улучшению мешают определенные обстоятельства. Второй подход исходит из прагматичной позиции в двусторонних

российско-германских отношениях и предлагает в их развитии придерживаться тактических и ситуационных моментов.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflicting interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Финансирование: Публикация статьи подготовлена в рамках гранта Erasmus + Jean Monnet Chair "Russia and the EU: Issues of Partnership and Competition in International Relations" / «Россия и ЕС: вопросы партнёрства и конкуренции в международных отношениях» (612037-EPP-1-2019-1-RUEPPJMO-CHAIR). Поддержка Европейской Комиссией выпуска данной публикации не означает одобрения ее содержания. Публикация отражает только точку зрения автора, Европейская Комиссия не несет ответственность за любое использование содержащейся в ней информации.

Funding: This research was supported by the Erasmus + Jean Monnet Chair "Russia and the EU: Issues of Partnership and Competition in International Relations" (612037-EPP-1-2019-1-RUEPPJMO-CHAIR). The European Commission's support for the production of this publication does not constitute an endorsement of the contents, which reflect the views only of the author, and the European Commission cannot be held responsible for any use which may be made of the information contained therein.

Литература / References

1. Гулыга А. Понять Германию – понять Россию. *Наш современник*. 1995. № 2. С. 135–148.
Guliga A. To understand Germany is to understand Russia. *Nash sovremennik*, 1995, (2): 135–148. (In Russ.)
2. Россия и Германия в пространстве европейских коммуникаций, под ред. А. В. Девяткова, А. С. Макарычева. Тюмень: ТюмГУ, 2013. 272 с.
Russia and Germany in the space of European communications, eds. Devyatkov A. V., Makarychev A. S. Tyumen: UTMN, 2013, 272. (In Russ.)
3. Родович Ю. В. Россия и Германия на рубеже XX–XXI веков: проблема реституции. *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2013. № 3-1. С. 128–137.
Rodovich Y. V. Russia and Germany at the turn of XX–XXI centuries: the problem of restitution. *Izvestiia Tulsogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 2013, (3-1): 128–137. (In Russ.)
4. Владынцева М. В. Российская историография 1990-х годов о проблеме объединения Германии в 1989–1990 годов. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2014. № 1-2. С. 48–51.
Vladyntseva M. V. Russian historiography of the 1990s about German reunification problem of 1989–1990. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kulturologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2014, (1-2): 48–51. (In Russ.)
5. Егоров А. И. Объединенная Германия на международной арене: участие в многосторонних связях и развитие отношений с Россией (1991–2008 годы): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Н. Новгород, 2015. 54 с.
Egorov A. I. *United Germany on the international arena: participation in multilateral relations and the development of relations with Russia (1991–2008)*. Dr. Hist. Sci. Diss. Abstr. Nizhny Novgorod, 2015, 54. (In Russ.)
6. Максимычев И. Ф. Крушение. *Реквием по ГДР. Последний год ГДР*, под общ. ред. В. С. Рыкина. М.: Междунар. отношения, 1993.
Maksimychyev I. F. *The Collapse. Requiem for the GDR. The last year of the GDR*, ed. Rykin V. S. Moscow. Mezhdunar. otnosheniia, 1993. (In Russ.)

7. Филитов А. М. Германский вопрос: от раскола к объединению. Новое прочтение. М.: Междунар. отношения, 1993. 240 с.
Filitov A. M. *The German question: from schism to unification. A new reading*. Moscow: Mezhdunar. otnosheniia, 1993, 240. (In Russ.)
8. Ахтамзян А. А. Объединение Германии, или Аншлюс ГДР к ФРГ. М.: Мысль, 1994. Т. 1. 108 с.
Akhtamzyan A. A. *The unification of Germany, or the Anschluss of the GDR to the FRG*. Moscow: Mysl, 1994, vol. 1, 108. (In Russ.)
9. Кузьмин И. Н. Крушение ГДР. История. Последствия. 2-е изд., доп. М.: Науч. кн., 1996. 229 с.
Kuzmin I. N. *The collapse of the GDR. History. Consequences*. 2nd ed. Moscow: Nauch. kn., 1996, 229. (In Russ.)
10. Вяткин К. С. Россия и Германия – десять лет трансформации. *Современная Европа*. 2000. № 1. С. 89–94.
Vyatkin K. S. Russia and Germany – ten years of transformation. *Sovremennaya Yevropa*, 2000, (1): 89–94. (In Russ.)
11. Воробьева Л. М. Внешняя политика ФРГ на пороге XXI века. М.: РИСИ, 2000. 356 с.
Vorobyeva L. M. *Foreign policy of the Federal Republic of Germany on the threshold of the XXI century*. Moscow: RISS, 2000, 356. (In Russ.)
12. Ватлин А. Ю. Германия в XX веке. М.: РОССПЭН, 2002. 336 с.
Vatlin A. Yu. *Germany in the XX century*. Moscow: ROSSPEN, 2002, 336. (In Russ.)
13. Павлов Н. В., Новиков А. А. Внешняя политика ФРГ от Аденауэра до Шредера. М.: Московские учебники – СиДиПресс, 2005. 605 с.
Pavlov N. V., Novikov A. A. *Foreign policy of Germany from Adenauer to Schroeder*. Moscow: Moskovskie uchebniki – SiDiPress, 2005, 605. (In Russ.)
14. Германия. Вызовы XXI века, под ред. В. Б. Белова. М.: Весь Мир, 2009. 792 с.
Germany. *Challenges of the XXI century*, ed. Belov V. B. Moscow: Ves Mir, 2009, 792. (In Russ.)
15. Российско-германские отношения в контексте европейской безопасности, под общ. ред. В. И. Дашичева, отв. ред. Н. К. Меден. М.: ИЭ РАН, 2009. 186 с.
Russian-German relations in the context of European security, eds. Dashichev V. I., Meden N. K. Moscow: IE RAS, 2009, 186. (In Russ.)
16. Ахтамзян А. А. Объединение Германии. Обстоятельства и последствия. М.: Библос консалтинг, 2010. 386 с.
Akhtamzyan A. A. *The unification of Germany. Circumstances and consequences*. Moscow: Byblos Consulting, 2010, 386. (In Russ.)
17. Максимычев И. Ф. Россия – Германия. Война и мир: от мировых войн к европейской безопасности. М.: Кн. мир, 2014. 510 с.
Maksimychyev I. F. *Russia – Germany. War and peace: from world wars to European security*. Moscow: Kn. mir, 2014, 510. (In Russ.)
18. Максимычев И. Ф. Есть ли будущее у германо-российского сотрудничества? *Россия XXI*. 2015. № 6. С. 28–37.
Maksimychyev I. F. Is there a future for German-Russian cooperation? *Russia XXI*, 2015, (6): 28–37. (In Russ.)
19. Современная Германия. Экономика и политика, под общ. ред. В. Б. Белова. М.: Весь мир; ИЕ РАН, 2015. 720 с.
Modern Germany. *Economics and politics*, ed. Belov V. B. Moscow: Ves Mir, IE RAS, 2015, 720. (In Russ.)
20. Павлов Н. В. Россия и Германия. Несостоявшийся альянс (история с продолжением). М.: Аспект Пресс, 2017. 558 с.
Pavlov N. V. *Russia and Germany. A failed alliance: a story with continuation*. Moscow: Aspekt Press, 2017, 558. (In Russ.)
21. Федоров В. П., Белов В. Б., Грачева М. В., Иванова А. К., Меден Н. К., Романова Е. В., Синдеев А. А., Тимошенко Е. П., Трунов Ф. О., Федотушкина А. В. Германия. 2015. М.: ИЕ РАН, 2016. Ч. II. 94 с.
Fedorov V. P., Belov V. B., Gracheva M. V., Ivanova A. K., Meden N. K., Romanova E. V., Sindeev A. A., Timoshenkova E. P., Trunov F. O., Fedotushkina A. V. *Germany*. 2015. Moscow: IE RAS, 2016, pt. II, 94. (In Russ.)
22. Белов В. Б., Грачева М. В., Иванова А. К., Меден Н. К., Огнева А. В., Трунов Ф. О. Германия. 2016. М.: ИЕ РАН, 2017. 130 с.
Belov V. B., Gracheva M. V., Ivanova A. K., Meden N. K., Ogneva A. V., Trunov F. O. *Germany*. 2016. Moscow: IE RAS, 2017, 130. (In Russ.)
23. Белов В. Б., Грачева М. В., Иванова А. К., Меден Н. К., Огнева А. В., Романова Е. В., Супян Н. В., Тимошенко Е. П., Трунов Ф. О. Германия. 2019. М.: ИЕ РАН, 2020. 144 с. https://doi.org/10.15211/report12020_368
Belov V. B., Gracheva M. V., Ivanova A. K., Meden N. K., Ogneva A. V., Romanova E. V., Supyan N. V., Timoshenkova E. P., Trunov F. O. *Germany*. 2019. Moscow: IE RAS, 2020, 144. (In Russ.) https://doi.org/10.15211/report12020_368
24. Васильев В. И. Европейская политика Германии. Опыт, проблемы, перспективы. М.: ИМЭМО РАН, 2020. 226 с.
Vasiliev V. I. *The European politics of Germany. Experience, problems, perspectives*. Moscow: IMEMO, 2020, 226. (In Russ.)
25. Васильев В. И., Хорольская М. В., Кокеев А. М., Басов Ф. А., Шумицкая Е. В., Тимофеев П. П. Германия в евроинтеграционных и трансатлантических процессах. М.: ИМЭМО РАН, 2021. 127 с. <https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0589-5>
Vasiliev V. I., Khorolskaya M. V., Kokeev A. M., Basov F. A., Shumitskaya E. V., Timofeev P. P. *Germany in the integration and transatlantic Processes*. Moscow: IMEMO, 2021, 127. (In Russ.) <https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0589-5>

оригинальная статья

Стратегия Европейского союза в области использования возобновляемых источников энергии

Жаронкина Елена Алексеевна

Кемеровский государственный университет, Россия,

г. Кемерово

<https://orcid.org/0000-0001-7223-7937>

zharonkina@mail.ru

Гольцева Анастасия Алексеевна

Кемеровский техникум индустрии питания и сферы

услуг, Россия, г. Кемерово

Поступила в редакцию 14.02.2022. Принята после рецензирования 15.03.2022. Принята в печать 29.04.2022.

Аннотация: Все большее значение в мировом энергетическом балансе приобретает сектор возобновляемой энергетики, что объясняется не только истощаемостью ископаемых ресурсов, но и обеспокоенностью мирового сообщества проблемами экологии и климата. В настоящее время необходимы более энергоэффективные технологии, которые смогут обеспечить растущие объемы энергопотребления. Быстрое развитие возобновляемых источников энергии за последнюю четверть века наблюдается в Европейском союзе, который стремится не просто диверсифицировать свое энергопотребление, но со временем полностью перейти на обеспечение энергией из возобновляемых источников, что позволит снизить зависимость стран-членов ЕС от импорта традиционных энергоносителей. В статье рассмотрена стратегия Европейского союза в области внедрения и распространения технологий возобновляемой энергетики, а также возможности их дальнейшего использования. Регулирование сектора возобновляемой энергетики осуществляется в ЕС как на уровне всей организации, так и на национальном уровне. Разработана и совершенствуется нормативно-правовая база, которая устанавливает единые требования для всех стран-участниц организации, кроме того, в каждой стране приняты свои национальные планы по развитию возобновляемых источников энергии. Страны Европейского союза могут самостоятельно определять меры государственного стимулирования и поддержки развития возобновляемых источников энергии. Наиболее эффективными из них являются налоговые льготы, «зеленые» тарифы, гранты и кредиты. Несмотря на наличие определенных трудностей, связанных в том числе и с существующим уровнем развития технологий, возобновляемая энергетика имеет очень высокий потенциал для дальнейшего развития, и доля энергии, генерируемой из возобновляемых источников, увеличивается с каждым годом.

Ключевые слова: Европейский союз, возобновляемые источники энергии, Европейская комиссия, директива, энергетические ресурсы, энергоэффективность

Цитирование: Жаронкина Е. А., Гольцева А. А. Стратегия Европейского союза в области использования возобновляемых источников энергии. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 3. С. 299–308. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-3-299-308>

full article

European Union Renewable Energy Strategy

Elena A. Zharonkina

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

<https://orcid.org/0000-0001-7223-7937>

zharonkina@mail.ru

Anastasia A. Goltseva

Kemerovo Technical School of Food Industry and Services,

Russia, Kemerovo

Received 14 Feb 2022. Accepted after peer review 15 Mar 2022. Accepted for publication 29 Apr 2022.

Abstract: The renewable energy sector is becoming increasingly important in the global energy balance. This process can be explained by the depletion of fossil resources and the global environmental concern. Economies need more energy-efficient technologies to meet the growing volume of energy consumption. In the last quarter of the century, the European Union has seen a rapid development of renewable energy sources. Its aim is not only to diversify energy consumption, but to switch to renewable sources in order to reduce its dependence on traditional energy imports. The article examines the strategy of the European Union in the field of renewable energy technologies and their prospects. In the European Union, the renewable energy sector is regulated both at the organizational and national levels. The current regulatory framework is being improved; it establishes uniform requirements for all member states. However, each country has adopted its own national plans for renewable energy development. The European Union countries can independently determine the measures of state stimulation and support

of renewable energy development. The most effective of them are: tax incentives, green tariffs, grants and loans. Despite certain difficulties, including those associated with the current level of technology development, renewable energy has a very high potential for further development, and the share of energy generated from renewable sources is increasing every year.

Keywords: European Union, renewable energy, European Commission, directive, energy resources, energy efficiency

Citation: Zharonkina E. A., Goltseva A. A. European Union Renewable Energy Strategy. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(3): 300–309. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-3-300-309>

Введение

С ухудшением климатической и экологической ситуации в мире все более актуальной становится проблема перехода с традиционных (нефть, уголь, газ) на возобновляемые источники энергии (ВИЭ)¹. По прогнозам ряда экспертов, уже в этом столетии запасы углеводородных ресурсов будут значительно исчерпаны, а с ростом населения Земли уровень энергопотребления будет только увеличиваться [1–3]. Поэтому возникает проблема обеспечения человечества энергоэффективными, экологически чистыми и, что не менее важно, неисчерпаемыми энергоресурсами.

Все большее значение в мировом энергетическом балансе приобретает сектор возобновляемой (альтернативной, «зеленой») энергетики. Высокая значимость ВИЭ для мировой экономики обусловлена несколькими факторами:

- использование ВИЭ дает возможность государствам быть более независимыми от импорта энергосырья, а это, в свою очередь, повышает их энергетическую безопасность;
- в отличие от традиционных энергоресурсов ВИЭ имеют стабильное ценообразование, что позитивно влияет на мировые экономические процессы;
- благодаря инновациям, энергосберегающим технологиям и крупным инвестициям ВИЭ выигрывают у ископаемого топлива по энергоэффективности и малозатратности экономических ресурсов.

Во многих странах мира приняты программы по развитию возобновляемой энергетики. И если в 2010 г. таких стран было 75, то в 2019 г. их насчитывалось уже 143². Более того, многие частные корпорации и даже участники рынка традиционной энергетики принимают активное участие в разработке и внедрении технологий ВИЭ [4].

Одним из лидеров в развитии возобновляемой энергетики является Европейский союз. Так, в 2019 г. доля возобновляемых источников энергии в производстве электроэнергии в странах Евросоюза составила 34,1 %.

К примеру, доля Китая составила 26,5 %, США – 17,5 %³. Важнейшей задачей ЕС в области энергетической политики является обеспечение энергетической безопасности региона за счет снижения зависимости от импорта энергоресурсов, повышения энергоэффективности и уменьшения вредного воздействия на окружающую среду [5; 6]. Во многом реализация этих целей возможна благодаря использованию возобновляемых источников энергии, которые обладают достаточным потенциалом, чтобы обеспечить энергопотребление стран Европы. Поэтому Европейский союз заинтересован в развитии возобновляемой энергетики и внедрении различных видов ВИЭ.

Цель статьи – определить основные задачи Европейского союза в области использования ВИЭ, механизмов их поддержки и возможностей дальнейшего развития. Методологической основой работы служит системный подход, а также исторический, аналитический и сравнительный методы научного познания. Источниковую базу составили официальные документы ЕС, статистические данные Международного энергетического агентства, Евростата, Международного агентства по возобновляемой энергетике.

Нормативно-правовое регулирование использования возобновляемых источников энергии

Начало диалогу стран-участниц ЕС о перспективах развития ВИЭ было положено в 1996 г. с выходом в свет Зеленой книги Европейской комиссии «Энергия будущего: возобновляемые источники энергии», которая ставила цель достичь к 2010 г. 12 % использования энергии возобновляемых источников от общего потребления энергии⁴. На ее основе была создана Белая книга, содержащая перечень необходимых для развития возобновляемой энергетики действий [7]. В документе отмечалось, что «поощрение электроэнергии, выработанной из возобновляемых

¹ К возобновляемым источникам энергии относят энергию солнца, ветра, энергию морских волн, приливов океана, энергию биомассы, геотермальную энергию и гидроэнергию.

² Ермоленко Г., Сапаров М. Широкомасштабное развитие возобновляемых источников энергии и его влияние на рынок электроэнергии и сетевую инфраструктуру. ЕЭК ООН, 2020. С. 31.

³ Renewable energy statistic 2021. URL: https://www.irena.org/-/media/Files/IRENA/Agency/Publication/2021/Aug/IRENA_Renewable_Energy_Statistics_2021.pdf (accessed 26 Dec 2021).

⁴ Energy for the Future: Renewable Sources of Energy. Green Paper for a Community Strategy. Communication from the Commission. Brussels, 20 Nov 1996. COM(96) 576 final. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:51996DC0576&rid=2> (accessed 25 Dec 2021).

источников энергии, является приоритетом Содружества для обеспечения бесперебойности и разнообразия энерго-снабжения, защиты окружающей среды и социальной и экономической интеграции»⁵. Осуществлению этих мер должна была помочь рассчитанная на два года программа ALTENER II, на реализацию которой ЕС планировал потратить 22 млн экю⁶.

В сентябре 2001 г. была опубликована первая Директива 2001/77/ЕС «О поощрении электроэнергетики, произведенной из возобновляемых источников энергии на внутреннем рынке электроэнергии», ставившая цель увеличить к 2010 г. долю электроэнергии, произведенной в ЕС с помощью ВИЭ, до 22 %. К тому же «увеличение использования электроэнергии, выработанной из возобновляемых энергосисточников, представляет собой важную часть пакета мер, необходимых для выполнения положений Киотского протокола»⁷, отмечалось в документе.

На неофициальной встрече в Хэмптон-Корте в октябре 2005 г. лидеры стран ЕС обсудили комплекс мер, т. н. новую энергетическую политику, которая более четко обозначала задачи в области энергосбережения и внедрения ВИЭ в странах Евросоюза. Была впервые подчеркнута важность «зеленой» энергетики в борьбе с климатическими проблемами [8]. Одобренный в 2007 г. пакет действий в области климатической политики и возобновляемой энергетики предусматривал повышение энергоэффективности за счет развития «зеленых» технологий и увеличение доли возобновляемых источников энергии до 20 % от общего потребления энергии в ЕС⁸. В принятой Европейской комиссией Дорожной карте в области возобновляемой энергетики были сформулированы принципы достижения поставленной цели, требования к национальным планам действий стран Евросоюза, конкретизированы цели по отдельным видам возобновляемых источников⁹.

В 2009 г. Европейский совет и Европарламент приняли новую директиву (т. н. План 20/20/20) по использованию энергии из возобновляемых источников. «Ключевой целью Европейского Сообщества является повышение к 2020 году энергоэффективности на 20 % ... эта цель сыграет решающую роль в достижении климатических и энергетических целей с наименьшими затратами и создаст новые возможности для экономики Европейского Союза»¹⁰. Кроме того, в документе были обозначены индивидуальные показатели для каждой страны-члена Европейского союза по производству энергии из возобновляемых источников, которые они должны были достичь к 2020 г. Например, наименьший показатель был установлен для Республики Мальта – 10 % (в 2005 г. был равен нулю), а для Королевства Швеция самый высокий – 49 % (39,8 % в 2005 г.). Уже к 2012 г. некоторые страны ЕС – Болгария, Эстония и Швеция – превысили планируемые показатели¹¹.

Одной из первых задач, которую необходимо было решить для достижения заявленной цели, была оптимизация энергоэффективности на уровне зданий, т. к. именно на них приходилось около 40 % потребления электроэнергии. Поэтому в 2010 г. была принята директива, по которой с 2021 г. все строящиеся здания должны соответствовать стандарту «с почти нулевым потреблением энергии» (nearly zero-energy buildings)¹². Иными словами, каждое здание должно самостоятельно вырабатывать электроэнергию и покрывать свое энергопотребление при помощи ВИЭ. Согласно расчетам Европейской комиссии, чтобы выполнить поставленную задачу, ежегодно требуется повышать энергоэффективность у 3 % зданий. К тому же выполнение обязательств данной директивы позволит снизить зависимость Европы от импорта ископаемых энергоресурсов: в обновленном тексте документа подчеркивается, что «1 % экономии энергии снижает импорт газа на 2,6 %»¹³.

⁵ Renewable energy: White Paper laying down a Community strategy and action plan. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=LEGISSUM%3A127023> (accessed 25 Dec 2021). Здесь и далее по тексту перевод выполнен автором статьи.

⁶ Council Decision on ALTENER II programme. 1997. URL: <https://cordis.europa.eu/article/id/10438-council-decision-on-altener-ii-programme> (accessed 27 Dec 2021).

⁷ Directive 2001/77/EC of the European Parliament and of the Council of 27 Sep 2001 on the Promotion of Electricity Produced from Renewable Energy Sources in the Internal Electricity Market. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32001L0077&qid=1642184179334&from=EN> (accessed 25 Dec 2021).

⁸ Communication from the Commission to the European Council and the European Parliament. An Energy Policy for Europe. Brussels, 10.01.2007. COM(2007) 1 final. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52007DC0001&qid=1642185686460&from=EN> (accessed 5 Jan 2022).

⁹ Communication from the Commission to the Council and the European Parliament. Renewable Energy Road Map. Renewable energies in the 21st century: building a more sustainable future, Brussels, 10.01.2007. COM(2006) 848 final. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52006DC0848&qid=1643704754438&from=EN> (accessed 5 Jan 2022).

¹⁰ Directive 2009/28/EC of the European Parliament and of the Council of 23 Apr 2009 on the promotion of the use of energy from renewable sources and amending and subsequently repealing Directives 2001/77/EC and 2003/30/EC. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32009L0028&qid=1642254013578&from=EN> (accessed 5 Jan 2022).

¹¹ Share of renewables in energy consumption up to 14 % in 2012. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/5181358/8-10032014-AP-EN.PDF/pdf/91350d4a-4b57-4833-b9f0-32cfe0a6d360?t=1414686169000> (accessed 7 Jan 2022).

¹² Directive 2010/31/EU of the European Parliament and of the Council of 19 May 2010 on the Energy Performance of Buildings. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32010L0031&qid=1642527329776&from=EN> (accessed 5 Jan 2022).

¹³ Directive (EU) 2018/844 of the European Parliament and of the Council of 30 May 2018 amending Directive 2010/31/EU on the energy performance of buildings and Directive 2012/27/EU on energy efficiency. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32018L0844&from=EN> (accessed 7 Jan 2022).

Летом 2018 г. в документ были внесены изменения, согласно которым к 2050 г. с помощью реновации весь фонд зданий на территории ЕС должен соответствовать вышеназванному стандарту [9].

Реализация задач, поставленных в вышеперечисленных документах, осуществлялась за счет прямого субсидирования из национальных бюджетов. Из бюджета ЕС финансировались лишь научно-исследовательская деятельность и некоторые инфраструктурные проекты. Однако мировой экономический кризис 2008–2009 гг. привел к заметному сокращению государственной поддержки [10]. Так, в 2009 г. Германия резко сократила финансирование проектов в сфере солнечной энергетики. Ее примеру последовала Испания, что привело к убыточности солнечных электростанций [11]. В 2011 г. то же самое сделали Италия, Чехия и Франция, а Великобритания и вовсе уменьшила объемы субсидирования для всех видов ВИЭ. Таким образом, в 2011 г. впервые за прошедшее десятилетие темпы роста производства ВИЭ не только сократились, но в ряде стран ЕС – Франции, Румынии, Испании – наметился их спад¹⁴. Только в Великобритании, Ирландии, Бельгии и Кипре темпы роста производства ВИЭ превысили прошлогодние показатели, а в Италии, Польше и Нидерландах остались на том же уровне. Если рассматривать общий объем электроэнергии, произведенной из ВИЭ в странах ЕС, то к 2011 г. он сократился на 2,7 %. И если раньше Европейская комиссия выступала за увеличение инвестиций в развитие возобновляемой энергетики, то к началу 2013 г. она предложила пересмотреть существующие механизмы поддержки и сделать их «экономически эффективными и ориентированными на рыночные механизмы» [12].

Изменение приоритетов ЕС в области возобновляемой энергетики от устойчивой к конкурентоспособной энергии было декларировано на саммите Европейского совета, состоявшемся в мае 2013 г.¹⁵ В обнародованном осенью этого же года «Сообщении о будущих принципах субсидирования в энергетике» содержались положения об уменьшении субсидий ВИЭ и создании резервных мощностей за счет газовой и угольной генерации энергии [12]. Однако по мере преодоления европейскими странами последствий экономического кризиса в производстве возобновляемой энергетики вновь наметился подъем.

На очередном саммите Европейского совета в октябре 2014 г. были одобрены основные направления политики в области климата и энергетики до 2030 г. (т. н. Стратегия 2030) [13, с. 238], которые предусматривали сокращение выбросов парниковых газов и реформирование системы торговли выбросами углерода, а также ставили обязательную цель увеличить к 2030 г. долю ВИЭ в конечном потреблении энергии Евросоюза до 27 %¹⁶. Кроме того, на очередном саммите ЕС в марте 2015 г. была поставлена цель формирования Энергетического союза¹⁷, в задачи которого, помимо прочего, входило осуществление взаимодействия стран-участниц в области развития ВИЭ [14, с. 192].

В ноябре 2016 г. Европейская комиссия представила программу «Чистая энергия для всех европейцев», содержащую нормативные предпосылки для перехода ЕС к «зеленой» энергетике. Одним из положений данного документа было увеличение к 2030 г. с помощью ВИЭ целевого показателя энергоэффективности до 30 %, причем предполагалось сделать этот норматив обязательным в рамках ЕС. По расчетам Еврокомиссии, это позволит увеличить ВВП стран ЕС на 70 млрд евро и создаст дополнительно около 400 тыс. рабочих мест¹⁸. Однако ряд экспертов подчеркивали, что расчеты Комиссии могут быть слишком оптимистичными, т. к. увеличение рабочих мест зависит от благоприятных для этого особенностей национальных мер стимулирования ВИЭ и национальной политики в области возобновляемой энергетики в целом, в противном случае обязательность таких высоких нормативов может привести к сокращению уже существующих рабочих мест [15; 16]. Дополнительно для увеличения вышеупомянутого показателя до 30 % был необходим жесткий контроль и регулирование в сфере возобновляемой энергетики и энергоэффективности, а государства-члены были не готовы полностью передать Европейскому союзу свои полномочия в данных областях. Поэтому была принята только часть пакета «Чистая энергия для всех европейцев», а остальная отправлена на доработку.

18 декабря 2017 г. в рамках Директивы 2009 г. о стимулировании использования энергии из возобновляемых источников Европейским советом был принят новый пакет мер, направленный на увеличение субсидирования в сфере возобновляемой энергетики, расширение прав потребителей в данной сфере, форсирование внедрения ВИЭ в таких областях, как охлаждение / отопление,

¹⁴ Share of Renewable Energy in Gross Final Energy Consumption. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/t2020_rd330/default/table?lang=en (accessed 27 Dec 2021).

¹⁵ European Council 22 May 2013 Conclusions. Brussels. EUCO 75/1/13. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST%2075%202013%20REV%201/EN/pdf> (accessed 5 Jan 2022).

¹⁶ European Council (23 and 24 Oct 2014) Conclusions on 2030 Climate and Energy Policy Framework. Brussels. SN 79/14. URL: https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/ec/145356.pdf (accessed 5 Jan 2022).

¹⁷ European Council meeting (19 and 20 Mar 2015) Conclusions. Brussels. EUCO 11/15. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/21888/european-council-conclusions-19-20-march-2015-en.pdf> (accessed 5 Jan 2022).

¹⁸ Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European economic and social Committee, the Committee of the Regions and the European Investment Bank. Clean Energy For All Europeans. Brussels, 30 Nov 2016. COM(2016) 860 final. URL: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:fa6ea15b-b7b0-11e6-9e3c-01aa75ed71a1.0001.02/DOC_1&format=PDF (accessed 8 Jan 2022).

транспорт и энергосбережение. Было подтверждено намерение Евросоюза в рамках Стратегии 2030 достичь доли ВИЭ в 27 % в конечном потреблении энергии, для чего требовались инвестиции в размере 380 млрд евро в год¹⁹. Однако уже в ноябре 2018 г., желая сохранить лидерство в развитии и внедрении ВИЭ, ЕС решил увеличить к 2030 г. долю возобновляемой энергетики в конечном потреблении энергии с 27 % до 32 %²⁰.

Чтобы гарантированно достичь необходимого показателя к 2030 г., Европейский парламент подготовил перечень мероприятий, направленных на укрепление возобновляемой энергетики:

1. Улучшение системы поддержки ВИЭ: она должна быть экономически эффективной и способствовать интеграции ВИЭ на рынок электроэнергии. Национальные системы поддержки возобновляемой энергетики стран-членов ЕС должны быть согласованы между собой.
2. Установление четкой и стабильной нормативной базы относительно использования ВИЭ потребителями.
3. Расширение использования ВИЭ в транспортном секторе. Ожидается, что к 2030 г. электромобили будут составлять значительную часть всего транспорта в Европе, а 14 % всего топлива будет приходиться на биотопливо.
4. Повышение стабильности применения биоэнергетики. Предполагается наладить эффективную систему утилизации отходов, чтобы предотвратить их чрезмерное накопление и выработать четкие критерии качества для стабильного производства биотоплива [15].

В 2019 г. была принята вторая часть пакета «Чистая энергия для всех европейцев»²¹. Она содержала регламент готовности к рискам в электроэнергетическом секторе, обеспечивающий бесперебойность и безопасность электроснабжения в кризисных ситуациях. В документе обозначались также меры, которые должны были усилить конкуренцию и уменьшить цены для потребителей, что, в свою очередь, позволило бы изменять объем производства электроэнергии из ВИЭ: увеличивать, если импорт

энергоресурсов сократится, и уменьшать, если угрозы срыва поставок нет²². Таким образом, вторая часть пакета акцентировала внимание на укреплении энергетической безопасности Евросоюза, а ВИЭ являлись ключевым инструментом в ее достижении.

В этом же году Европейская комиссия представила Европейское зеленое соглашение, целью которого является превращение Европы к 2050 г. в «климатически-нейтральный континент»²³. Это предполагается сделать с помощью декарбонизации (снижение, а затем полное прекращение выбросов углекислого газа) и повсеместного внедрения возобновляемых источников энергии. Для этого только в ближайшие десять лет планируется потратить 1 трлн евро²⁴. Однако не все члены Евросоюза встретили это предложение с оптимизмом: страны Восточной и Центральной Европы, имеющие высокую долю угля в национальных энергобалансах, заявили, что не готовы к таким радикальным действиям. Например, Польша отказывается принимать обязательства по декарбонизации, т. к. доля энергии, произведенной с помощью угля, составляет почти 80 %. Разработанная в 2018 г. «Энергетическая политика Польши до 2040 года» подтверждает, что каменный уголь останется единственным наиболее важным источником производства электроэнергии к 2040 г., хотя его роль и будет уменьшаться [17]. Однако Евросоюз всячески старается переубедить «сомневающийся» с помощью финансовых вливаний в регионы, которым предстоит приложить самые большие усилия для реализации целей Европейского зеленого соглашения. Ожидается, что в 2021–2027 гг. для таких регионов будет выделено 100 млрд евро [18].

Несмотря на всю амбициозность поставленной цели, она вполне осуществима. Целый ряд государств-членов ЕС установили даты закрытия угольных заводов, например, Франция планирует закрытие последнего такого завода в 2022 г., Германия же значительно позже – в 2038 г. [19, с. 73]. В сентябре 2020 г. Европейская ассоциация электроэнергетики, представляющая интересы более 3500 энергетических компаний из 32 европейских стран, выпустила «Энергетический барометр» – набор ключевых

¹⁹ Страны ЕС договорились о развитии возобновляемых источников энергии в Евросоюзе. Но будут ли на это деньги? *Портал Neftgaz.RU*. 19.12.2017. URL: <https://neftgaz.ru/news/Alternative-energy/204578-strany-es-dogovorilis-o-razviti-vozobnovlyemykh-istochnikov-energii-v-evrosoyuze-no-budut-li-na-et/> (дата обращения: 09.01.2022).

²⁰ Commission welcomes European Parliament adoption of key files of the Clean Energy for All Europeans package. 13 Nov 2018. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_18_6383 (accessed 10 Jan 2022).

²¹ Council of EU. Press Release. Clean energy for all: Council adopts remaining files on electricity market and Agency for the Cooperation of Energy Regulators. 22.05.2019. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2019/05/22/clean-energy-for-all-council-adopts-remaining-files-on-electricity-market-and-agency-for-the-cooperation-of-energy-regulators> (accessed 10 Jan 2022).

²² Regulation of the European Parliament and of the Council on the internal market for electricity (recast). Brussels, 08 May 2019. PE-CONS 9/19. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CONSIL:PE_9_2019_INIT&qid=1643451812169&from=EN (accessed 10 Jan 2022).

²³ Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. The European Green Deal. Brussels, 11 Dec 2019. COM(2019) 640 final. URL: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:b828d165-1c22-11ea-8c1f-01aa75ed71a1.0002.02/DOC_1&format=PDF (accessed 11 Jan 2022).

²⁴ Financing the green transition: The European Green Deal Investment Plan and Just Transition Mechanism. 14 Jan 2020. URL: https://ec.europa.eu/regional_policy/en/newsroom/news/2020/01/14-01-2020-financing-the-green-transition-the-european-green-deal-investment-plan-and-just-transition-mechanism (accessed 5 Jan 2022).

показателей, отражающих развитие энергетического сектора. Как говорится в исследовании, «процесс декарбонизации электроэнергетики идет быстрыми темпами... Две трети электроэнергии, произведенной в Европе в первой половине 2020 года, не содержат выбросов углерода». При этом отмечается, что к 2030 г. в 21 стране Евросоюза не будет угольной генерации и до 80 % электроэнергии ЕС может быть произведено без использования ископаемого топлива, а на основе ВИЭ (включая ГЭС) будет вырабатываться 60 % электричества²⁵.

Кроме выполнения задач, поставленных Европейской комиссией, каждая из стран-участниц Европейского союза разрабатывает свою национальную стратегию, направленную на развитие возобновляемой энергетики. Например, в рамках немецкой *Energiewende* предусматривается к 2050 г. снизить потребление традиционных энергоресурсов, увеличить долю ВИЭ в производстве электроэнергии до 60 %, реформировать национальный рынок с целью улучшения его эффективности с учетом возрастающей роли ВИЭ²⁶. А энергетическая политика Дании предусматривает отказ от угля в производстве энергии к 2030 г., обеспечение к 2035 г. отопления и электричества полностью из ВИЭ и полный переход на генерацию энергии за счет ВИЭ к 2050 г. [20, с. 321].

Страны Евросоюза самостоятельно определяют меры государственного стимулирования и поддержки развития ВИЭ: льготные цены покупки электроэнергии, полученной с помощью ВИЭ; торговля «зелеными» сертификатами, основанная на квотировании потребления электроэнергии; налоговые льготы для предприятий, использующих ВИЭ, «зеленые» тарифы и др. [21]. К примеру, Швеция использует «зеленые» сертификаты для стимулирования био- и ветроэнергетики, а также предоставляет гранты людям, желающим оборудовать свои частные дома или квартиры солнечными панелями. Максимальная выплата гранта для частного дома составляет 7500 шведских крон (около 700 евро), для квартиры – 5000 шведских крон (примерно 470 евро)²⁷. Дания, кроме финансирования НИОКР, первой среди стран Северной Европы применила субсидируемые тарифы [22]. А в Австрии, Чехии, Бельгии и Венгрии затраты поставщиков электроэнергии, произведенной из возобновляемых источников, оплачиваются за счет конечных потребителей путем установления дополнительной надбавки к тарифам, включаемой в счет за электроэнергию.

В 2016 г. министры энергетики Германии, Люксембурга, Швеции, Норвегии, Нидерландов, Ирландии, Бельгии, Франции, Дании и Великобритании подписали меморандум о взаимопонимании и программу работы в целях укрепления и развития сотрудничества в области возобновляемой энергетики. В данных соглашениях излагаются меры, направленные на снижение общих финансовых затрат, сотрудничество в области планирования энергосетей (для обеспечения рационального распределения энергии между странами и бесперебойности электричества), выработку единых стандартов и правил в области ВИЭ, подчеркивается необходимость создания общих «зеленых» проектов и совместных межгосударственных программ²⁸.

Помимо финансовой поддержки европейские страны делятся опытом и наработками в сфере возобновляемой энергетики, продают друг другу излишки выработанной ВИЭ энергии. Кроме того, частные компании одних государств-участниц Евросоюза занимаются строительством объектов ВИЭ на территории других стран ЕС. В начале 2020 г. было окончено строительство наземной ветряной электростанции *Nawrocko* в Польше, которое осуществлялось немецкой энергетической компанией *RWE*, а итальянская компания *EnelGreenPower* осуществляет строительство подобной электростанции в Греции²⁹.

Развитие возобновляемой энергетики: влияние пандемии

Пандемия коронавирусной инфекции COVID-19 привела к снижению спроса на электроэнергию по всему миру, в частности в странах ЕС потребление энергии сократилось на 4 %. Однако, на развитие возобновляемой энергетики негативного влияния пандемия не оказала. Наоборот, в 2020 г. в мире были введены рекордные за всю историю мощности солнечной и ветровой энергетики – в общей сложности более 250 ГВт, что по установленной мощности сопоставимо с энергосистемой Российской Федерации³⁰.

В январе 2021 г. немецкий институт *Agora Energiewende* и британский аналитический центр *Ember* представили совместный отчет, согласно которому Евросоюз отказывается от угля быстрее, чем ожидалось, а производство энергии при помощи ВИЭ находится на рекордно высоком уровне. Так, согласно отчету, доля электроэнергии, произведенной в 2020 г. с помощью ВИЭ, впервые превысила долю электроэнергии, полученной с помощью угольных электростанций,

²⁵ Power Barometer: High pressure to ramp up electrification as renewables dominate the power mix. 14 Sep 2020. URL: https://www.eurelectric.org/news/pr_powerbarometer_2020/ (accessed 10 Jan 2022).

²⁶ Renewable Energy. *Energiewende*. URL: <https://www.energiewende-global.com/en/renewable-energy> (accessed 10 Jan 2022).

²⁷ Ермоленко Г. В., Толмачева И. С., Ряпин И. Ю., Фетисова Ю. А., Мацура А. А., Реутова А. Б. Справочник по возобновляемой энергетике Европейского Союза. Аналитические обзоры института энергетике НИУ ВШЭ. М.: Институт энергетике НИУ ВШЭ, 2016. 94 с.

²⁸ 10 стран ЕС приступили к сотрудничеству в области ветроэнергетики. 08.06.2016. URL: <https://in-power.ru/news/alternativnayaenergetika/10-stran-es-pristupili-k-sotrudnichestvu-v-oblast.html> (дата обращения: 10.01.2022).

²⁹ Возобновляемая энергетика в Европе. URL: <http://renewnews.ru/info/countries-and-regions/europe/> (дата обращения: 09.01.2022).

³⁰ Сидорович В. Пандемия Net Zero. *Ведомости*. 31.01.2021 URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2021/01/31/856114-pandemiya-zero> (дата обращения: 08.01.2022).

и составила 38 %, в то время как доля ископаемого топлива – только 37 %³¹. Выработка электростанций, использующих ВИЭ, увеличилась на 11 %, а электростанций, работающих на нефтепродуктах, природном газе и угле, сократилась на 18 %, при этом угольная генерация упала на 32 % [23]. Что касается выполнения Плана 20/20/20, то в 2020 г. общий показатель по странам ЕС в конечном потреблении энергии составил 22,1 %, что примерно на 2 % выше целевого показателя. Национальные показатели были достигнуты во всех странах, за исключением Франции (19,1 % вместо 23 %). Тройку лидеров возглавили Швеция (60,1 %), Финляндия (43,8 %) и Латвия (42,1 %), минимальные показатели были зафиксированы в Бельгии (13 %), Люксембурге (12 %) и Мальте (11 %)³².

В 2020 г. Европейская комиссия представила программу «ЕС следующего поколения» по преодолению рецессии и восстановлению экономики после кризиса, вызванного пандемией коронавируса: «Это больше, чем план восстановления. Это уникальный шанс стать сильнее после пандемии, преобразовать нашу экономику, создать возможности и рабочие места для Европы. У нас есть все, чтобы это осуществить»³³. На реализацию программы планируется потратить около 750 млрд евро, которые будут распределены через другие узконаправленные программы, одной из которых станет Европейское зеленое соглашение.

Новый амбициозный пакет мер по сокращению парниковых выбросов под названием Fit 55 (Готовность 55) был представлен Европейской комиссией в июле 2021 г. «Наша нынешняя экономика, основанная на ископаемом топливе, достигла своего предела. Мы знаем, что нам нужно перейти к новой модели – основанной на инновациях, чистой энергии, которая движется к экономике замкнутого цикла. Именно поэтому мы решили сделать климатическую цель не только политическим стремлением, но и юридическим обязательством»³⁴, – заявила председатель комиссии Урсула фон дер Ляйен. Согласно представленному плану, предполагается к 2030 г. сократить выбросы углекислого газа на 55 % по сравнению с уровнем 1990 г., что потребует более высокой доли возобновляемых источников энергии в энергобалансе Евросоюза. Поскольку на энергетический

сектор приходится более 75 % выбросов углекислого газа, Европейская комиссия поставила цель увеличить к 2030 г. долю энергии, производимой при помощи ВИЭ, с 32 % до 40 %³⁵.

В первой половине 2021 г. возобновляемые источники энергии по-прежнему уверенно опережали ископаемые виды топлива (угольная генерация, как и ранее, переживает спад). Спрос на электроэнергию вырос на 6 % по сравнению с первым полугодием 2020 г. и почти достиг допандемического уровня. Однако выработка электроэнергии из ископаемого топлива была на 10 % ниже, чем до пандемии, а производство электроэнергии из возобновляемых источников в первом полугодии 2021 г., наоборот, увеличилось на 11 % по сравнению с допандемическим уровнем, что было обусловлено структурным ростом ветровой и солнечной энергии, а также высокой выработкой гидроэлектроэнергии. Кроме того, рост цен на газ и уголь привел к тому, что стоимость производства электроэнергии из ископаемого топлива стала выше стоимости электроэнергии, произведенной на ветряных и солнечных электростанциях³⁶ [24].

Заключение

Возобновляемая энергетика имеет крайне высокий потенциал в Европейском союзе. И дело не только в том, что ЕС активно развивает эту отрасль и создает механизмы для стимулирования внедрения ВИЭ. Благодаря пониманию нарастающих экологических и климатических проблем, европейское общество готово к переходу с традиционных энергоресурсов к «зеленой» энергии [25]. Различные аналитические агентства дают оптимистичные прогнозы по поводу развития возобновляемой энергетики в Европейском регионе. К примеру, ученые из Технологического университета Лаппеэнранта пришли к выводу, что к 2050 г. во всех секторах: энергетике, теплоснабжении и транспорте – возможен переход на полное обеспечение электричеством за счет ВИЭ. Авторы исследования отмечают, что с увеличением численности населения спрос на энергию будет расти, поэтому ВИЭ прекрасно подойдут в качестве энергоэффективных технологий³⁷.

³¹ Agora Energiewende and Ember (2021): The European Power Sector in 2020: Up-to-Date Analysis on the Electricity Transition. Jan 2021. URL: https://static.agora-energiewende.de/fileadmin/Projekte/2021/2020_01_EU-Annual-Review_2020/A-EW_202_Report_European-Power-Sector-2020.pdf (accessed 11 Jan 2022).

³² Energy from Renewable Sources. Jan 2022. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Renewable_energy_statistics (accessed 11 Jan 2022).

³³ Recovery Plan for Europe. URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/recovery-plan-europe_en#nextgenerationeu (accessed 10 Jan 2022).

³⁴ Statement by President von der Leyen on delivering the European Green Deal. 14 Jul 2021. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/STATEMENT_21_3701 (accessed 12 Jan 2022).

³⁵ Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. 'Fit for 55': delivering the EU's 2030 Climate Target on the way to climate neutrality. Brussels, 14 Jul 2021. COM(2021) 550 final. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52021DC0550&qid=1644217041928&from=EN> (accessed 12 Jan 2022).

³⁶ Moore C. European Electricity Review 6-month update: H1-2021. Ember. 28 Jul 2021. URL: <https://ember-climate.org/project/european-electricity-review-h1-2021/> (accessed 12 Jan 2022).

³⁷ Global Energy System based on 100 % Renewable Energy. Energy Watch Group. Apr 2019. URL: http://energywatchgroup.org/wp-content/uploads/ewg_lut_100re_all_sectors_global_report_2019.pdf (accessed 11 Jan 2022).

Не вызывает сомнений дальнейший устойчивый рост возобновляемой энергетики. По прогнозам экспертов, «в перспективе до 2040 г. ВИЭ продемонстрируют самые высокие темпы роста среди всех рассматриваемых энерго-ресурсов – 6,3–8,3 % в год – и именно с их дальнейшим развитием связаны самые серьезные трансформации мировой энергетики. В период до 2040 г. потребление всех ВИЭ вырастет на 76–115 %, а объемы ВИЭ, используемых для производства электроэнергии, возрастут в 2,5–3,7 раза, прежде всего, за счет многократного увеличения мощностей солнечной и ветровой генерации» [26, с. 66–69]. В своем ежегодном докладе за 2020 год Международное энергетическое агентство отмечает, что «солнце становится новым королем электроэнергетики», солнечная энергия дешевле электричества новых угольных или газовых станций и самый рентабельный новый источник электроэнергии во многих странах³⁸. Затраты и стоимость производства электричества из возобновляемых источников (прежде всего солнечной энергии) будут сокращаться и дальше, а сложность и стоимость добычи ископаемого топлива, напротив, возрастать. Таким образом, в ближайшем будущем электричество, производимое с помощью ВИЭ, станет стабильно дешевле продукции углеводородной генерации [27, с. 13].

Однако на пути более быстрого развития ВИЭ возникают определенные барьеры. Доступность все еще больших запасов ископаемого топлива снижает стремление как можно скорее осуществить переход на ВИЭ. Подобная ситуация наблюдается не только на территории ЕС, но и во всем мире. Усиление позиций сланцевого газа и СПГ, усовершенствование технологий

атомной энергетики также снижают темпы внедрения ВИЭ. Развитие технологий возобновляемой энергетики осложняется необходимостью вложения колоссальных инвестиций, которые носят авансовый характер и начнут окупаться только после завершения строительства объекта ВИЭ. Существует и ряд проблем технического характера, которые пока не удалось разрешить: функционирование ветряных установок в период сильных морозов (сейчас их приходится отключать), шумовое загрязнение, источник инфразвука и др. Тем не менее по мере развития технологий доля возобновляемых источников энергии будет быстро расти. Однако, как показывает мировой опыт, без последовательной государственной политики по развитию и внедрению низкоуглеродных энергетических технологий, по продвижению энергосберегающих технологий и технологий использования ВИЭ добиться значительного прогресса вряд ли возможно.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflicting interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

1. Ul'yanin Y. A., Kharitonov V. V., Yurshina D. Y. Forecasting the dynamics of the depletion of conventional energy resources. *Studies on Russian Economic Development*, 2018, 29(2): 153–160. <https://doi.org/10.1134/S1075700718020156>
2. Андросова Д. Н. Использование атомной энергетики в Европейском союзе. *Актуальные проблемы Европы*. 2014. № 1. С. 161–171.
Androsova D. N. The use of atomic energy in the European Union. *Current problems of Europe*, 2014, (1): 161–171. (In Russ.)
3. Иванов А. С., Матвеев И. Е. Глобальная энергетика на рубеже 2016 г.: борьба за ресурсы, обострение конкуренции. *Российский внешнеэкономический вестник*. 2016. № 1. С. 16–41.
Ivanov A. S., Matveev I. E. Global power at the boundary of 2016: fight for resources, a competition aggravation. *Rossiiskij vneshnejekonomicheskij vestnik*, 2016, (1): 16–41. (In Russ.)
4. Бушукина В. И. Финансирование инвестиционных проектов в области возобновляемой энергетики. *Вестник ЮУрГУ. Серия «Энергетика»*. 2019. Т. 19. № 1. С. 50–57. <https://doi.org/10.14529/power/190106>
Bushukina V. I. Funding renewable-energy investment projects. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Power Engineering*, 2019, 19(1): 50–57. (In Russ.) <https://doi.org/10.14529/power/190106>
5. Маликова О. И., Златникова М. А. Государственная политика в области развития возобновляемой энергетики. *Государственное управление. Электронный вестник*. 2019. № 72. С. 5–30.
Malikova O. I., Zlatnikova M. A. State policy for the development of renewable energy. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*, 2019, (72): 5–30. (In Russ.)

³⁸ World Energy Outlook 2020. International Energy Agency. 461 p. URL: <https://iea.blob.core.windows.net/assets/a72d8abf-de08-4385-8711-b8a062d6124a/WEO2020.pdf> (accessed 10 Jan 2022).

6. Hatipoglu E., Al Muhanna S., Efir B. Renewables and the future of geopolitics: Revisiting main concepts of international relations from the lens of renewables. *Russian Journal of Economics*, 2020, 6(4): 358–373. <https://doi.org/10.32609/j.ruje.6.55450>
7. Гамбаров Н. Ф. К вопросу о создании единого энергетического рынка ЕС на основе возобновляемых источников энергии. *Национальная безопасность / nota bene*. 2014. № 6. С. 915–921. <https://doi.org/10.7256/2073-8560.2014.6.13607>
Gambarov N. F. On the question of creating the EU common energy market based on renewable sources of energy. *National Security / nota bene*, 2014, (6): 915–921. (In Russ.) <https://doi.org/10.7256/2073-8560.2014.6.13607>
8. Кавешников Н. Ю. Европейский союз: экономический рост без роста энергопотребления? *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. 2018. № 4. С. 41–49. <https://doi.org/10.15211/vestnikieran420184148>
Kaveshnikov N. Yu. Economic growth in the European Union without growth of energy consumption? *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, 2018, (4): 41–49. (In Russ.) <https://doi.org/10.15211/vestnikieran420184148>
9. Remeikienė R., Gasparėnienė L., Fedajev A., Szarucki M., Đekić M., Razumienė J. Evaluation of sustainable energy development progress in EU member states in the context of building renovation. *Energies*, 2021, 14(14). <https://doi.org/10.3390/en14144209>
10. Симонова М. Д., Захаров В. Е. Статистический анализ тенденций развития мировой возобновляемой энергетики. *Вестник МГИМО-Университета*. 2016. № 3. С. 214–220.
Simonova M. D., Zaharov V. E. Statistical analysis of development trends in global renewable energy. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2016, (3): 214–220. (In Russ.)
11. Халина Е. С. Развитие альтернативной энергетики в Европейском союзе в начале XXI века. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2016. № 5-3. С. 155–160.
Halina E. S. Development of alternative energy in the European Union in the early XXI century. *Aktualnye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2016, (5-3): 155–160. (In Russ.)
12. Кавешников Н. Ю. Возобновляемая энергетика в ЕС: смена приоритетов. *Мировая экономика и международные отношения*. 2014. № 12. С. 70–81.
Kaveshnikov N. Yu. Renewable energy in the EU: revision of priorities. *World Economy and International Relations*, 2014, (12): 70–81. (In Russ.)
13. Европа XXI века. Новые вызовы и риски, под общ. ред. А. А. Громыко, В. П. Фёдорова. М.-СПб.: Нестор-История, 2017. 584 с.
Europe in the XXI century. New challenges and risks, eds. Gromyko A. A., Fyodorov V. P. Moscow, St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2017, 584. (In Russ.)
14. Юдина О. Н. Энергетический союз ЕС спустя пять лет: миф или реальность? *Современная Европа*. 2021. № 1. С. 190–199. <https://doi.org/10.15211/soveurope12021190199>
Yudina O. N. Five years of the EU Energy Union Later: myth or reality? *Sovremennaya Yevropa*, 2021, (1): 190–199. (In Russ.) <https://doi.org/10.15211/soveurope12021190199>
15. Cucchiella F., D'Adamo I., Gastaldi M. Future trajectories of renewable energy consumption in the European Union. *Resources*, 2018, 7(1). <https://doi.org/10.3390/resources7010010>
16. Armeanu D. S., Vintila G., Gherghina S. C. Does renewable energy drive sustainable economic growth? Multivariate panel data evidence for EU-28 countries. *Energies*, 2017, 10(3). <https://doi.org/10.3390/en10030381>
17. Hafner M., Raimondi P. P. Priorities and challenges of the EU energy transition: from the European Green Package to the new Green Deal. *Russian Journal of Economics*, 2020, 6(4): 374–389. <https://doi.org/10.32609/j.ruje.6.55375>
18. Бочкарев Д. А. «Зеленый» шум: почему декарбонизация энергетики в ЕС будет непростой. РБК. 11.02.2020. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/economics/11/02/2020/Se4128419a794714565f35be> (дата обращения: 05.01.2022).
Bochkarev D. A. "Green" noise: why the decarbonization of energy in the EU will not be easy. *RBK*, 11 Feb 2020. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/economics/11/02/2020/Se4128419a794714565f35be> (accessed 5 Jan 2022). (In Russ.)
19. Андреева Е. Л., Ратнер А. В., Соболев А. О. Влияние развития возобновляемых источников энергии в Германии на российский экспорт энергоносителей. *Современная Европа*. 2021. № 4. С. 71–82. <https://doi.org/10.15211/soveurope420217182>
Andreeva E. L., Ratner A. V., Sobolev A. O. Impact of renewable energy development in Germany on Russian energy exports. *Sovremennaya Yevropa*, 2021, (4): 71–82. (In Russ.) <https://doi.org/10.15211/soveurope420217182>
20. Шувалова О. В., Стоянова М.-Й. Достижения Дании и Германии в области перевода своих экономик с ископаемых на альтернативные источники энергии. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика*. 2020. Т. 28. № 2. С. 315–333. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2020-28-2-315-333>
Shuvalova O. V., Stoyanova M.-J. Successes of Denmark and Germany in the field of transfer of its economies from fossil to alternative energy sources. *RUDN Journal of Economics*, 2020, 28(2): 315–333. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2020-28-2-315-333>

21. Голованова А. Е., Полаева Г. Б., Нурматова Э. А. Энергетическая политика Европейского Союза в области возобновляемой энергетики. *Инновации и инвестиции*. 2018. № 11. С. 52–55.
Golovanova A. E., Polaeva G. B., Nurmatova E. A. European Union energy policy in renewable energy. *Innovation & Investment*, 2018, (11): 52–55. (In Russ.)
22. Хавронин С. Б. «Зеленая» энергетика в странах Северной Европы. *Экология и энергетика: локальные ответы на глобальные вызовы: сб. ст. по итогам круглого стола «Современные экологические и энергетические проблемы: локальные ответы на глобальные вызовы»*. (Москва, 6 июня 2012 г.) М.: ИМЭМО РАН, 2012. С. 43–55.
Khavronin S. B. "Green" energy in North Europe. *Ecology and energy: local responses to global challenges: Proc. Roundtable "The current environmental and energy problems: local answers to global challenges"*, Moscow, 6 Jun 2012. Moscow: IMEMO, 2012, 43–55. (In Russ.)
23. Jones D., Moore Ch. *Renewables beat fossil fuels. A half-yearly analysis of Europe's electricity transition*. 22 Jul 2020. URL: <https://ember-climate.org/project/renewables-beat-fossil-fuels/> (accessed 9 Jan 2022).
24. Иванов А. С., Матвеев И. Е. Современный этап развития мировой энергетики. *Российский внешнеэкономический вестник*. 2019. № 3. С. 87–100.
Ivanov A. S., Matveev I. E. Modern world energy market. *Rossiiskij vneshneekonomicheskij vestnik*, 2019, (3): 87–100. (In Russ.)
25. Пашковская И. Г. Первые итоги исполнения внутренней энергетической политики Европейского Союза: новые тренды в развитии энергетик государств-членов ЕС. *Тренды и управление*. 2019. № 1. С. 1–12. <https://doi.org/10.7256/2454-0730.2019.1.28576>
Pashkovskaya I. G. Legal results of execution of domestic energy policy of the European Union: new trends in development of energy in the EU member states. *Trends and management*, 2019, (1): 1–12. (In Russ.) <https://doi.org/10.7256/2454-0730.2019.1.28576>
26. Прогноз развития энергетики мира и России 2019, под ред. А. А. Макарова, Т. А. Митровой, В. А. Кулагина. М.: ИНЭИ РАН, 2019. 210 с.
Energy outlook for the world and Russia 2019, eds. Makarov A. A., Mitrova T. A., Kulagin V. A. Moscow: ERI RAS, 2019, 210. (In Russ.)
27. Сидорович В. Мировая энергетическая революция. Как возобновляемые источники энергии изменят наш мир. М.: Альпина Паблишер, 2015. 230 с.
Sidorovich V. *The global energy revolution. How renewable energy will change our world*. Moscow: Alpina Publisher, 2015, 230. (In Russ.)

оригинальная статья

Европейские интересы и европейские ценности: общие перспективы анализа или ложная дихотомия?

Миронов Виктор Владимирович

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Россия, г. Омск

<https://orcid.org/0000-0001-9341-8753>

vvm_512@rambler.ru

Поступила в редакцию 31.03.2022. Принята после рецензирования 12.05.2022. Принята в печать 20.05.2022.

Аннотация: Статья посвящена выявлению ценностей Европейского союза в контексте применения современных подходов к исследованию интеграционных объединений. Представляется, что анализ роли ценностей в политике ЕС может быть осуществлен различными способами. Историко-правовой метод показывает процесс юридического закрепления ценностей в законодательстве и отражает становление политической субъектности ЕС в последние 30 лет. Точкой отсчета может считаться концепция *совместного достояния*, демонстрирующая основные этапы и задачи европейской интеграции. Своей кульминации концепция *acquis communautaire* достигает к Лиссабонскому договору, после вступления в силу которого перечень ценностей ЕС был конкретизирован. Концепция *общего достояния* сохраняет свое правовое значение, но трансформирует цели в дискретный набор политических ценностей современного Европейского союза. Анализ социального измерения ценностей ЕС осуществлялся с применением методологических концептов Копенгагенской школы безопасности, чьи теоретические наработки проверялись методом анализа событийных данных. Проведенный анализ позволил выявить краткосрочные ценности современного европейского общества через мониторинг СМИ и показать специфику европейского восприятия событий, что проявляется в доминирующем значении личных и политических прав граждан. Пандемия обострила проявление данных ценностей внутри европейского общества. Главный вывод работы состоит в том, что при наличии определенных проблем ценностное измерение политики ЕС прошло этап своего формирования и выступает частью европейского общества и политики. Политическую составляющую можно дифференцировать по нескольким направлениям, за которыми стоят специфические интересы – от критериев сотрудничества до условий членства и определения перспектив взаимодействия с ЕС.

Ключевые слова: Европейский союз, Копенгагенская школа безопасности, *acquis communautaire*, ценности, право ЕС, социальная безопасность, Б. Бузан

Цитирование: Миронов В. В. Европейские интересы и европейские ценности: общие перспективы анализа или ложная дихотомия? *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 3. С. 309–319. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-3-309-319>

full article

European Interests and European Values: General Perspectives of Analysis or False Dichotomy?

Victor V. Mironov

Omsk State University, Russia, Omsk

<https://orcid.org/0000-0001-9341-8753>

vvm_512@rambler.ru

Received 31 Mar 2022. Accepted after peer review 12 May 2022. Accepted for publication 20 May 2022.

Abstract: The article features the values of the European Union in the context of applying modern approaches to the study of integration associations. The analysis of the role of values in the policy of the European Union can be done in various ways. The historical and legal method shows the process of legal consolidation of the values and reflects the formation of the political subjectivity of the EU in the last 30 years. The starting point is the concept of *shared heritage* that demonstrates the main stages and tasks of European integration. The concept of *acquis communautaire* reaches its climax with the Treaty of Lisbon, and this was when the list of EU values became complete. The concept of the *common heritage* retains its legal meaning but transforms the goals into a discrete set of political values of the modern European Union. The present analysis of the social dimension of EU values was based on the Copenhagen School of Security. The analysis made it possible to identify the short-term values of modern European society through media monitoring and showed the specifics of European perception,

e.g., the dominant importance of personal and political rights of citizens. The pandemic exacerbated the manifestation of these values within European society. Despite certain problems, the value dimension of EU policy is now complete and has become integral to European society and politics. The political component depends on specific interests, e.g., criteria for cooperation, membership conditions, interaction prospects, etc.

Keywords: European Union, Copenhagen Security School, *acquis communautaire*, values, EU law, societal security, B. Buzan

Citation: Mironov V. V. European Interests and European Values: General Perspectives of Analysis or False Dichotomy? *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(3): 309–319. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-3-309-319>

Введение

Необходимость изучения данной темы была обусловлена несколькими обстоятельствами. Во-первых, отечественные дипломаты уже давно отмечают наличие некоторых специфических ценностей и правил, которые выступают препятствием для развития диалога ЕС с Россией. Примером тому может служить высказывание С. В. Лаврова на пресс-конференции 17 января 2017 г., когда он буквально заметил следующее: «Если говорить о западных, европейских ценностях, которые нам постоянно приводят в пример, то это, скорее, не те ценности, которые исповедовали деды и прадеды европейцев, а нечто новое, уже осовремененное и вседозволенное, ценности, которые можно охарактеризовать как постхристианские. И это коренным, принципиальным образом расходится с ценностями, которые в нашей стране передавались из поколения в поколение, и которые мы хотим очень бережно хранить и передавать нашим детям и внукам»¹.

При этом само понятие *европейские ценности* в дискурсе отечественных дипломатов приобрело преимущественно негативные оттенки и коннотации. Этот тезис также можно обосновать недавней позицией действующего министра иностранных дел. В интервью газете Коммерсант 28 июня 2021 г. С. В. Лавров говорит: «Внедряя свою концепцию миропорядка, основанного на правилах, Запад преследует цель увести дискуссии по ключевым темам в удобные ему форматы, куда несогласных не приглашают»². Понятно, что оценки, последовавшие за событиями после 24 февраля 2022 г., стали еще жестче и категоричнее. В целом наличие специфических ценностей рассматривается одним из факторов отсутствия взаимопонимания, что создает дополнительные коммуникативные трудности даже для профессиональных дипломатов. Ценностный раскол возвращает к идеям о столкновении цивилизаций и характеризует существенное противостояние в современной политике, препятствуя поиску компромиссов.

Во-вторых, в научной и политической литературе сохраняется некоторое противопоставление политике, основанной на интересах, политике, в основе которой лежат ценности.

С этой точки зрения предполагается, что ценности носят неустойчивый характер и подвержены изменениям чаще, чем прагматически осознанные интересы [1, с. 11–14]. Например, даже интерес к изучению европейской интеграции в СССР, как писал Ю. А. Борко, стимулировался потребностями растущего товарооборота между Советским Союзом и странами Западной Европы в период разрядки, в то время как ценности холодной войны почти не оставляли места даже для научного диалога [2, с. 47–48]. Брекзит сегодня рассматривается как прагматически обусловленный шаг, основанный на переосмыслении Великобританией собственных национальных интересов, что не всегда стыкуется с ценностями европейской политики [3, с. 10–17]. Однако само по себе наличие ценностей и интересов автоматически не порождает конфликты. Кроме того, интересы могут быть изменчивыми и краткосрочными. В этом смысле даже зарубежная научная теория международной политики отражает набор вполне определенных политических ценностей [4].

Исторический опыт советской внешней политики еще лет 50 назад наглядно свидетельствовал о том, что известный дипломатический прием игры на противоречиях между участниками давал определенные политические результаты. Достаточно вспомнить советско-французское сближение при Ш. де Голле, Ж. Помпиду и В. Жискаре де Эстене и других сторонниках голлистского политического курса в 1960–1980 гг. [5, с. 86–91] или отдельные варианты германо-российских тандемов в поздний советский период и в относительно недавней истории современной России [6]. К такого рода примерам относились и периодические попытки по сближению с некоторыми новыми американскими администрациями, лидерами британской политики до 2014 г. Обновление политической власти исторически давало шансы на обновление межгосударственных отношений и переосмысление интересов.

Сегодня такие варианты игры на противоречиях, или попытки «обнуления» отношений, почти гарантированно сопряжены с неудачами [7]. Степень консолидированности современной европейской политики достаточно высока,

¹ Большая пресс-конференция С. В. Лаврова. 17.01.2017. URL: <https://tass.ru/politika/3946306> (дата обращения: 02.02.2022).

² О праве, правах и правилах. Интервью С. Лаврова газете Коммерсант. 28.06.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4877702> (дата обращения: 03.02.2022).

а общность ценностей здесь играет не последнюю роль. Это заставляет принимать во внимание наличие ценностных барьеров, которые даже при совпадении внешнеполитических интересов по отдельным вопросам и прагматичном политическом курсе не дают желаемых результатов. Выявление содержания и смысловой нагрузки ведущих политических ценностей, как и особенностей их воздействия на межгосударственные отношения, может способствовать осознанию нового коммуникативного пространства и разработке подходов для потенциального диалога.

В-третьих, изучение влияния ценностей на международные отношения представляет самостоятельную научную проблему. Не совсем ясно, что они собой представляют в международных отношениях и как учитывать их влияние при формулировании и проведении политического курса. Это ценности отдельных политиков, национальных лидеров государств либо ценности, разделяемые населением европейских стран? Все это важные вопросы. Как минимум здесь возникает разная перспектива анализа проблемы. Если речь идет о следовании ценностям тех или иных политиков, влияющих на принятие решений, то в фокусе изучения должны быть модели индивидуального поведения и современные концепции лидерства. Если о политических ценностях государства – то в центре всегда будет анализ нормативного содержания национальных интересов, стилей дипломатического общения, если о ценностях населения – идентичность. Здесь ценность представляет собой отражение утилитарной полезности того или иного явления в общественном сознании. Но известно, что идентичности «текущие», а уровень самоидентификации в развитом обществе может быть до сотни [8]. Ценности интеграционных объединений сами по себе ставят еще более сложные вопросы.

Из перечисленного понятно, что тема эта слишком обширна и многомерна, чтобы расставить все точки над «i», но нет сомнений в том, что эту работу необходимо осуществлять. Общеввропейская политика уже тридцать лет как данность. Предмет данной статьи – призыв к рассуждению и диалогу в отношении того, что собой представляют и какую роль играют ценности Европейского союза в современной политике.

Подняв вопрос о методах изучения этого явления, необходимо отметить, что в отношении анализа содержания и роли ценностей ЕС в современных международных отношениях представляется возможным двигаться несколькими путями. По меньшей мере можно говорить об историко-правовом и социологическом аспектах их анализа. В последнем случае, на наш взгляд, конструктивистские трактовки международных отношений могут быть полезными.

Ценности в нормативно-правовых документах ЕС и концепция совместного достояния

В историко-правовом отношении о формировании собственных ценностей Европейского союза уместно говорить вместе с процессом становления политической субъектности

ЕС последних 30 лет. Бесспорно, что эта тема может выступать самостоятельным предметом анализа [9]. Однако говорить о ценностях вне этого процесса представляется беспредметным. Исторические истоки формирования отдельных европейских ценностей можно выделять и ранее, но правовое их закрепление целесообразно отслеживать вместе с эволюцией действующих договоров. В связи с этим представляется уместным разделить понятия *европейские ценности* и *ценности Европейского союза*. На наш взгляд, истоки ценностного измерения политики ЕС были связаны с понятием, а в дальнейшем – с концепцией *acquis communautaire* в европейском политическом дискурсе. Есть некоторые проблемы в переводе данного термина [10, с. 85–88]. Обычно его переводят как *достояние сообщества, совместное достояние, общее достояние*. Но, как это часто бывает, перед тем, как тот или иной термин попадает в международный договор и становится правовым понятием, он имеет определенную политическую предысторию.

В ее реконструкции как раз важны французские корни этого понятия. Истоки политического происхождения того, что в 1990-е гг. называлось *совместное достояние ЕС*, восходят к переговорам участников европейской интеграции 1960-х гг. Они были связаны с жесткой позицией основателя Пятой республики во Франции Ш. де Голля в отношении возможностей участия Великобритании в ЕЭС. Как известно, «французское вето» удалось преодолеть лишь после ухода политика с поста Президента, но уже на переговорах по присоединению к ЕЭС ЕАСТ в конце 1960-х гг. одним из условий было то, что достигнутые правила сообщества не должны нарушаться и пересматриваться новыми участниками. В связи с тем, что комплиментарность романо-германской правовой семьи и системы стран общего права, в первую очередь речь тогда шла о Великобритании, была сложной, то переговорная формула *общее достояние ЕЭС* в 1960-х гг. оказалась удобным выходом из этого положения. Она позволяла снизить риски от недоговоренностей и правовых пробелов в процессе переговоров с Великобританией и странами, участвующими в ЕАСТ в 1960–1970-х гг. Страны, которые присоединились к ЕЭС в 1980-е гг., были включены по несколько иным мотивам [11, с. 39]. Можно сказать, что в отношении Греции, Испании и Португалии концепция *acquis communautaire* была не столь значима в момент их присоединения к ЕЭС, но интерес к формуле *совместного достояния* сообщества был реципирован при разработке текста Маастрихтского договора в 1990-х гг. и последующих договоров Европейского союза.

Так, статья Б раздела Общих положений Маастрихтского договора гласила: «Союз ставит перед собой следующие цели: ... полностью сохранить "acquis communautaire" и опираться на него с целью рассмотрения посредством процедуры, указанной в статье N(2), в какой степени может потребоваться пересмотр политики и форм сотрудничества, предусмотренных настоящим Договором, с целью обеспечения эффективности механизмов и институтов

Сообщества»³. Как и в 1960-х, в 1990-х гг. центральной задачей использования конструкции *совместное достояние* было стремление сохранить и закрепить достигнутый уровень интеграции в процессе расширения сотрудничества между европейскими государствами. Отличие состояло в том, что изменилось качество интеграционного взаимодействия. В 1990-е гг. были поставлены иные задачи – не сообщество, а экономический союз, разработка общей внешней политики, как это тогда характеризовалось в тексте Маастрихтского договора, расширение межгосударственного сотрудничества и в последующем введение евро. На этом этапе формула *совместного достояния* оказалась вновь востребованной, нашла закрепление в договоре и начала трансформироваться в правовую концепцию.

Амстердамский договор 1997 г. также уделил внимание понятию *aquis communautaire* в ст. K15 (ч. 1 п. «е») в связи с возможностью т. н. тесного сотрудничества с ЕС. Поскольку этот договор действующий, то уместно показать формулировку этой статьи: «1. Государства-члены, которые намереваются установить более тесное сотрудничество между собой, могут использовать институты, процедуры и механизмы, установленные настоящим Договором и Договором об учреждении Европейского Сообщества, при условии, что сотрудничество... (е) не затрагивает *aquis communautaire* и меры, принятые в соответствии с другими положениями указанных договоров»⁴. Очевидно, что в редакции этого пункта присутствует отчетливое желание не навредить достигнутому уровню интеграции внутри ЕС и одновременно расширить сферы сотрудничества между государствами-членами ЕС.

Иначе говоря, в конце 1990-х гг. возможность внутри-союзных тандемов при проведении внешней политики еще не исключалась, но важно было не навредить общему делу. При этом сам интеграционный процесс стал захватывать все новые области. Примечательно, что содержание *aquis communautaire*, как и в первоначальной редакции Маастрихтского договора, в тексте Амстердамского договора не расшифровывалось. Сегодня трактовка этой нормы возможна не столько в отношениях между государствами-членами ЕС, сколько в отношениях с третьими странами и новыми государствами, желающими присоединиться к данному интеграционному образованию. А юридическое значение амстердамских дополнений важно в контексте исторического и телеологического толкования международных соглашений. На этом построена правоприменительная деятельность, несмотря на изменение отдельных формулировок в современной сводной редакции учредительных документов Европейского союза.

Кроме того, ст. K12 в п. 5 Амстердамского договора содержала формулировку о ненанесении урона шенгенским *aquis*, что было следствием первой попытки интеграции шенгенского права, изначально обладавшего некоторой автономией, в право ЕС. В действующей редакции договора этот пункт звучит несколько иначе, что показательное в контексте эволюции предоставлений об общем достоянии политико-правовых ценностей ЕС. Теперь редакция статьи K12 в ч. 5 звучит так: «настоящая статья не наносит ущерба положениям Протокола об интеграции шенгенского законодательства в рамки Европейского Союза». Такая редакция устранила возможность отдельного толкования шенгенских *aquis* и *aquis communautaire* Европейского союза. Тем не менее содержание термина стало внутренне дифференцироваться.

Дальнейшее изменение формулировки произошло в ходе разработки Ниццкого договора. Здесь формула *тесного сотрудничества* с ЕС была переименована в *продвинутое сотрудничество*. Это, в свою очередь, заставило внести некоторые дополнения в редакцию договора. Например, ч. «с» ст. 43 гласила: «Государства-члены, которые намерены наладить более тесное сотрудничество между собой, могут использовать институты, процедуры и механизмы, предусмотренные настоящим Договором и Договором об учреждении Европейского Сообщества, при условии, что предлагаемое сотрудничество: (с) уважает *acquis communautaire* и меры, принятые в соответствии с другими положениями указанных договоров»⁵. В тексте договора также отмечалось, что «продвинутое сотрудничество» должно «уважать *acquis communautaire*», а акты и решения, принятые государствами в рамках данной процедуры, не должны образовывать часть «*acquis* Союза». Такое уточнение предоставило основания некоторым юристам поднять вопрос о сосуществовании уже различных по содержанию *acquis communautaire* внутри права Европейского союза на рубеже XX–XXI вв. Формально редакция статьи говорила о возможном наличии общего достояния ЕЭС, *acquis* Европейского союза и даже шенгенских *acquis* в учредительных документах ЕС [10, с. 74]. А само *общее достояние* стало концепцией, а не формулой преодоления отдельных недоговоренностей.

Поэтому в тексте европейской конституции 2004 г. впервые была предпринята попытка расшифровать данную правовую категорию (п. 3 ст. IV). Но конституция не была принята и не вступила в силу. Поэтому текст Лиссабонского договора в первоначальной редакции содержал некоторый компромисс об *общем достоянии* и был вынужден

³ Treaty on European Union. Maastricht, 7 Feb 1992. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:11992M/TXT> (accessed 24 Feb 2022).

⁴ Treaty of Amsterdam amending the Treaty on European Union, the Treaties establishing the European Communities and certain related acts. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv%3AOJ.C_.1997.340.01.0001.01.ENG&toc=OJ%3AC%3A1997%3A340%3ATOC (accessed 1 Mar 2022).

⁵ Treaty of Nice amending the Treaty on European Union, the Treaties establishing the European Communities and certain related acts. Nice, 26 Feb 2001. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv%3AOJ.C_.2001.080.01.0001.01.ENG&toc=OJ%3AC%3A2001%3A080%3ATOC (accessed 1 Mar 2022).

включить в цели и ряд протоколов к договору старую формулу об *acquis communautaire*. Речь также шла о целях ЕС в измененной нумерации ст. 2, нормах *acquis communautaire* в разделе о продвинутом сотрудничестве на основе взаимодействия с третьими странами и об интеграции шенгенских *acquis* в право ЕС. Сам текст Лиссабонского договора, как и Ниццкого, давал основания говорить о параллельном существовании нескольких совместных достояний: базовых *acquis*, шенгенских *acquis* и *acquis* Европейского союза, включенных в учредительный договор ЕС, внутри системы права интеграционного объединения [12, с. 27]. Кроме того, к этому времени сложилась определенная судебная и правоприменительная практика по разрешению споров с использованием формулы *общего достояния*, что подталкивало к конкретизации этой концепции в дальнейшем. Поэтому после вступления договора в силу в 2009 г. термин *acquis communautaire* постепенно исчезает из договоров через механизм внесения поправок и в современной сводной редакции почти не употребляется. Он остается в Маастрихтском договоре как действующем учредительном договоре ЕС, амстердамских дополнениях и в некоторых Протоколах к иным договорам Европейского союза.

Сегодня в ст. 2 учредительного договора применяется не формула *общего достояния*, а дан перечень конкретных ценностей, на основе которых должен функционировать ЕС. А именно: «Союз основан на ценностях уважения человеческого достоинства, свободы, демократии, равенства, верховенства закона и уважения прав человека, в том числе прав лиц, принадлежащих к меньшинствам. Эти ценности являются общими для государств-членов в обществе, в котором преобладают плюрализм, недискриминация, терпимость, справедливость, солидарность и равенство между женщинами и мужчинами»⁶.

П. 5 ст. 3 дополняет эти формулировки ценностями, которыми должен руководствоваться ЕС в своих отношениях с третьими странами и другими участниками международных отношений. К числу наиболее фундаментальных ценностей в этом пункте относятся: «В своих отношениях с остальным миром Союз поддерживает и продвигает свои ценности и интересы и способствует защите своих граждан. Он должен способствовать миру, безопасности, устойчивому развитию Земли, солидарности и взаимному уважению между народами, свободной и справедливой торговле, искоренению нищеты и защите прав человека, в частности прав ребенка, а также строгому соблюдению и развитию международного права, в том числе уважение принципов Устава ООН»⁷.

Очевидно, что ценности ЕС и принципы ООН автоматически не исключают друг друга. У них разная юридическая сила. Тем не менее упоминание в действующей редакции

Сводного договора в разделе о целях Европейского союза двух перечней ценностей в идущих друг за другом статьях представляется не недоработкой юридической техники европейского законодателя, но, напротив, результатом поиска своего политического места интеграционным объединением и отражением эволюции концепции *acquis communautaire* в праве ЕС последних 30 лет. Именно эта концепция стала основой формирования и декларирования ценностей ЕС. Юридическое значение перечисленных ценностей, включенных в действующие договоры ЕС, определяется не только тем, какая именно сегодня формулировка в них присутствует, но и тем, что согласно ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров аутентичное толкование правовых норм идет в соответствии с целями и объектом договора.

По поводу причин конкретизации ценностей вместо упоминания сложившейся концепции в законодательстве ЕС было высказано несколько версий, каждая из которых отражает определенный сегмент политической и правовой реальности первых десятилетий XXI в.

1. После провала проекта Евроконституции не нужно было давать лишние аргументы евроскептикам и представителям праворадикальных политических сил в пользу существования наднациональной системы права ЕС. Это могло замедлить процесс политико-правовой интеграции новых членов внутри европейского сообщества и болезненно воспринималось населением [12, с. 25]. Перечисление в целях документов определенных ценностей, а не правовых норм, выводило формулу *acquis communautaire* за рамки правового поля ЕС, переводя данные нормы в политическое измерение. Кроме того, внутри права ЕС *de jure* сложилось несколько видов *общего достояния*, а основные ценности внутри Европейского союза (т. н. базовые *acquis*) и так были отражены во внутрисоюзных и национальных документах стран-участниц и не вызвали возражений. Но именно перевод правовой формулы в ценностное измерение достигнутого уровня интеграции и настораживал третьи по отношению к ЕС страны, включая Россию. Дипломаты усматривали здесь снижение общей регулятивной роли международного права и попытку замены правового механизма регулирования международной политики неправовым (ценностным), что трактовалось как потенциальная угроза достигнутому международному сотрудничеству.

2. Изменения формулировок в отношении *acquis communautaire* в текстах договоров Европейского союза свидетельствовали о постоянном расширении объема и содержания *совместного достояния*, что создавало сложности при формализации и толковании термина [12, с. 27]. Понятие превращалось в категорию с постоянно изменяющимся содержанием.

⁶ Consolidated version of the Treaty on European Union. As amended on 1 Mar 2020. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/treaty/teu_2016/oj (accessed 24 Feb 2022).

⁷ Ibid.

3. Попытка формализовать концепцию и применить общее достояние в отношении гарантий национальным меньшинствам на основе имеющихся договоров в праве ЕС столкнулась с тем, что участники по-разному восприняли идею правового закрепления гарантий национальных меньшинств в попытках формализации ее юридического содержания. Ряд государств вообще отказывались признавать существование национальных меньшинств у себя в стране на фоне ирредентистских процессов 1990–2000-х гг.

4. Считается, что в Лиссабонском договоре концепция трех опор ЕС, с которой генетически была связана формула *совместного достояния*, ушла в прошлое. Механизм гарантий межгосударственного сотрудничества более был не нужен. Правосубъектность ЕС была очерчена, а идеи *acquis communautaire*, напротив, приобретали неопределенный вид без их конкретизации. Поэтому и Лиссабонский договор упоминал общее достояние в дополнительных протоколах о функционировании сообщества.

Оценивая правовую эволюцию *общего достояния* Антье Винер из Центра Р. Шумана считала, что функционально можно говорить о трех уровнях значения концепции *acquis communautaire* в праве ЕС. Во-первых, даже сегодня она сохраняет свое значение как нормативно-правовой источник в законодательстве Европейского союза. Фактически в этом качестве концепция и реализована в действующих договорах и представляет собой определенный способ восполнения пробельности права ЕС, как и формальный ресурс материального и процессуального права. Во-вторых, концепция *общего достояния* демонстрировала изменение внутрисоюзных целей интеграционного объединения и отразила поэтапную многолетнюю практику сотрудничества европейских государств, закрепив в итоге конкретный перечень интеграционных ценностей. В-третьих, *общее достояние* можно воспринимать как констатацию общности норм, которые, будучи не закреплены формально, имеют важное значение для отношений ЕС в международном измерении с третьими странами [13, р. 9].

Соглашаясь с такой трехмерной оценкой измерения значения ценностей ЕС в целом, представляется, что ее можно дополнить и оценками *acquis communautaire*, высказанными другими отечественными и зарубежными правоведами. Так, А. С. Исполинов, вслед за Амихаем Магеном из Стэнфордской школы права, полагает, что постоянно растущее количество нормативных документов и правил внутри ЕС привело к тому, что дальнейшая формализация норм с помощью отдельных правовых актов оказалась затруднительной. Формула *acquis communautaire* стала охватывать практически все сферы интеграционного процесса от безопасности до корпоративного управления финансами и от пищевых продуктов до экологических программ [10, с. 78; 14, р. 387]. Содержательное ядро правового понятия оказалось размытым. Идея общего достояния, будучи емкой, удобной и внутренне многомерной основой для фиксации норм, понятных участникам

европейской интеграции рубежа веков, исчерпала свои правовые возможности. Поэтому она логично эволюционировала из права в политику, где не требовалось дальнейшей правовой формализации. С этой точки зрения декларирование собственных ценностей ЕС выглядит вполне закономерным.

Несколько иную оценку *acquis communautaire* дает украинский юрист-международник Р. А. Петров. Он считает, что при анализе этого понятия целесообразно говорить не только об эволюционном приросте ценностно-политической составляющей *совместного достояния* в правовом поле Европейского союза, но важно выделять растущую дифференциацию внутрисоюзного законодательства и внешнего измерения *acquis communautaire* как разных подходов в отношениях с разными странами [12, с. 96–98]. При этом если внутренняя политика ЕС в течение трех последних десятилетий спланировалась, то содержание внешнего измерения политики дифференцировалось по отношению к вступающим в ЕС государствам, странам, имеющим важное торгово-экономическое значение, и иным странам по отношению к интеграционному объединению [12, с. 26]. Если в отношении стран, желающих вступить в ЕС, термин по-прежнему играет роль неформальных ценностей для вступления за рамками копенгагенских критериев 1993 г., то в отношении торговых партнеров действуют «жесткие» нормы международного контрактного права, а для третьих ценности ЕС – это «дорожная карта» для расширения политического взаимодействия с ЕС. Таким образом, *acquis communautaire* представляют собой не столько нормативно-правовую, сколько внутренне многомерную политическую основу развития сотрудничества, выраженного в ценностном измерении современной международной интеграции. Эволюция концепции свидетельствует о становлении ЕС еще и как субъекта внешнеполитической деятельности и отражает процесс поиска своего места и новых направлений взаимодействия с внешним миром. Анализ изменений целей базовых договоров ЕС от первоначальной до современной редакции показывает этот процесс в полной мере и позволяет говорить о реализации интересов сообщества в ценностном преломлении в политике.

Наиболее проблемным аспектом рассмотренной эволюции формулы *acquis communautaire* является его деюридизация и закрепление ценностей в действующем законодательстве ЕС. В перспективе здесь не исключается конфликт с нормами международного права, включая основные принципы ООН. Принципы ООН, как известно, носят императивный характер в отличие от ценностей. Но конфликт между ценностями и нормами права – лишь одна из возможных линий взаимодействия и вовсе не обязательная. Еще один проблемный аспект такого развития – как руководствоваться перечисленными ценностями в правоприменительной деятельности? В юридическом смысле ценности важны при толковании договоров, они могут иметь вес при разрешении коллизий

между странами-участниками ЕС, но по существу это мягкое право ЕС. Как квалифицировать несоблюдение ценностей? В целом представляется не всегда уместным противопоставлять ценности и интересы Европейского союза. Как минимум прагматическое межгосударственное сотрудничество указанным перечнем ценностей не блокируется. Правовые санкции по отношению к третьим странам здесь отсутствуют, что не исключает реализацию политических форм ответственности по международному праву, а за перечнем ценностей скрывались и прагматически сформулированные интересы ЕС.

Региональные ценности как отражение интересов европейского общества: опыт применения идей Копенгагенской школы

Фактический перечень и оценку роли ценностей ЕС можно выявлять и социологическим путем. Тогда под ценностями Европейского союза будем понимать явления, значимые в первую очередь для современного европейского общества. К пониманию ценностей в системе социальных, а не политико-правовых координат подталкивает и сам термин. Один из философских словарей определяет ценность как «характеристику предмета или явления, обозначающую признание его значимости»⁸. Думается, что современные конструктивистские подходы могут помочь при решении этой задачи. В частности, представляется возможным опереться на ряд разработок Копенгагенской школы безопасности для реконструкции ценностей европейского общества в целом. Под Копенгагенской школой (Copenhagen School) понимается сообщество ученых-международников, занимающихся изучением безопасности, которые делают акцент в своих исследованиях на расширении ее повестки и отходе от ее понимания только как военно-политической проблемы в анализе. Школа получила известность благодаря работам, осуществленным в Институте изучения проблем мира в Копенгагене (Дания) с 1988 по 2002 год группой исследователей, возглавляемых Б. Бузаном.

В контексте выявления специфики европейских ценностей важно сделать акцент на трех идеях Копенгагенской школы, которые могут быть использованы для характеристики ценностей европейского общества.

1. Автономность социальной безопасности. В отличие от военно-политического сектора, где центральными элементами традиционно выступают угрозы и вызовы государственной безопасности, трактуемые в контексте национальных интересов государств, в основе социального измерения безопасности лежит понятие *идентичности*. И здесь показательным известное высказывание О. Вайвера: «Критерием безопасности государства выступает суверенитет, критерием безопасности общества выступает идентичность. И то, и другое означает выживание. Государство,

которое утрачивает свой суверенитет, перестает быть государством, общество, утратившее свою идентичность, не может считаться обществом в собственном смысле слова»⁹ [15, р. 77–78]. Именно анализ социальных аспектов безопасности вкупе с проблемным анализом еще ряда секторов, по мнению сторонников школы, показывает более глубокий круг проблем в сфере международных отношений.

2. Возможность выявления региональной специфики европейского общества посредством применения центрального для школы понятия *комплекс региональной безопасности* [16, р. 43–51]. Термин *региональный комплекс безопасности* был введен в научный оборот Б. Бузаном еще в 1980-х гг., задолго до формирования Копенгагенской школы. В работе «Люди, государства и страх» 1983 г. региональный комплекс безопасности определялся ученым как «группа государств, чьи отношения в области безопасности настолько тесно связаны, что их национальная безопасность не может рассматриваться отдельно друг от друга» [17, р. 106]. Процессы европейской интеграции в конце XX в. очень хорошо укладывались в такое понимание регионального уровня безопасности, схватывая специфику Европы как автономного региона. Практически в том же виде данное определение вошло в работу «Безопасность: новые рамки анализа», которая рассматривается квинтэссенцией для Копенгагенского проекта [18, р. 201]. Однако позднее, в исследовании 2002 г., региональный комплекс безопасности определяется Б. Бузаном и О. Вайвером несколько иначе, что было связано с полемикой вокруг этого понятия по другую сторону Атлантики и разработкой собственного метода изучения внутри Копенгагенской школы [19]. Под региональным комплексом безопасности здесь понимается «группа участников, чьи основные процессы секьюритизации и десекуритизации (или же оба этих процесса вместе), настолько связаны, что проблемы безопасности региона невозможно проанализировать или решить силами отдельных участников» [19, р. 24].

Понятие *комплекс региональной безопасности* представляет собой не просто существующее географическое пространство современного мира, но это и мир определенных социальных ценностей, которые позволяют говорить о региональной специфике того или иного общества [20]. Подобный подход позволил Б. Бузану совместить классический неореалистский взгляд на международные отношения с наработками Английской школы и применить их к новому для теоретического осмысления уровню анализа международных отношений.

3. Метод секьюритизации, который позволяет выявить ведущие социальные проблемы через речевой акт. Тогда центральным элементом в выявлении ценностей выступает анализ общественно-политического дискурса, который

⁸ Философский словарь, под ред. И. Т. Фролова. 6-е изд. М.: Политиздат, 1991. С. 512.

⁹ Здесь и далее по тексту перевод выполнен автором статьи.

фиксирует наиболее важные составляющие социальной идентичности. Метод секьюритизации выявляет и дает возможность проанализировать изменения социальной идентичности, показывая не только определенный набор общественно-политических контекстов, но и динамику изменения ценностей европейского общества. При этом изначально фокус Копенгагенской школы при использовании этого инструментария был обращен как раз к оценке деятельности международных региональных организаций и развитию региональной интеграции [18, р. 35].

Нельзя не отметить и недостатки подхода данной школы. Они проявились в специфическом понимании общества в конструктивистской концепции. Общество трактуется как относительно автономное от государства явление, которое может иметь собственную повестку при изучении проблематики безопасности. Иначе говоря, общество понимается школой не как относительно объективное и устойчивое явление, обладающее внутренней структурой устойчивых связей и отношений, но как конструируемый через идентичность текущий социальный феномен. Кроме того, имплицитно общественная и государственная повестка в изучении безопасности противопоставляются, что не всегда представляется корректным. Ко всему прочему в адрес школы был высказан и ряд других критических замечаний [21].

Для их преодоления в рамках цели статьи был использован количественный вариант анализа событийных данных европейских СМИ на примере публикаций 2021 г. В частности, был создан и обработан информационный массив общим числом в 1784 сообщения в хронологических рамках с февраля по ноябрь 2021 г. Это минимальный срок, позволяющий говорить о фиксации тенденций и первых предварительных наблюдениях в рамках количественной оценки. Основу информационного массива составили сообщения европейских СМИ, в первую очередь лента новостей Euronews. Стремление опереться на количественные методы в работе с информационными источниками не преследовало цель верификации определенных ценностных суждений СМИ, скорее – предоставило возможность неспекулятивного восприятия ведущих процессов внутри европейского общества в целом. При этом очевидно, что только количественный подход сам по себе мало информативен и нуждается в определенной теоретико-методологической рефлексии и качественной интерпретации.

Общий тематический классификатор полученного информационного массива представлен на рисунке. На первом месте по частотности упоминаний внутри европейских новостей находились вполне традиционные общественно-политические сюжеты с показателем в 27 % от общего числа сообщений. Думается, что это положение сохранилось, прежде всего, за счет объединения внутренних европейских и международных политических сюжетов в общем информационном поле европейских СМИ. В противном случае коронавирус и борьба с ним вышли бы на первое место. Так оно и было в отдельные периоды весны – начала лета 2021 г.

Пандемия и связанные с ней отдельные тематические индикаторы, периодически выходили вперед и могут характеризоваться специфическим набором индикаторов. Как правило, они были обусловлены вспышками заболеваемости в ряде стран (Италия, Румыния, Испания), появлением первых вакцин и трудностями прививочной кампании. На третьем месте с показателем 15 % оказались экономические проблемы, существенная доля которых также была вызвана спадом макроэкономических показателей и кризисом отдельных экономических сфер, вызванных пандемией. В целом совместно с общественно-политической проблематикой экономические аспекты дают приблизительно 42 % от информационного контента.

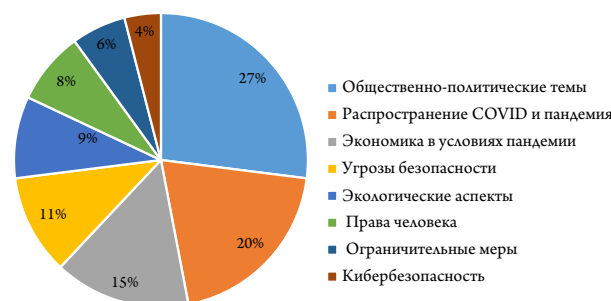

Рис. Тематическое распределение информационного массива
Fig. Information array: topics

Небезынтересным внутри общего распределения тем внутри информационного массива представляется экологическая составляющая в фокусе восприятия СМИ в условиях пандемии. Суммарно в общем информационном массиве доля сообщений составила 9 %. В этом смысле можно предположить, что экологическая повестка для общества имела такой же вес, как и вопросы соблюдения личных прав граждан при оценке протестной активности в СМИ. Представляется, что в этом проявилась и определенная региональная специфика. Примерно такое же количество информационных материалов было посвящено правозащитной повестке (8 %), что как раз высвечивает не только интерес прессы к соблюдению прав граждан, но и ценностное отношение к происходящему. Здесь проявляется, во-первых, неприятие ограничений столь значимых для европейского общества личных прав граждан и, во-вторых, рост протестной активности на фоне введения и действия ограничительных мер. Противоречие между необходимостью сохранения общественного порядка и соблюдением прав людей в условиях пандемии проявилось в протестной активности населения и появлении движения антиваксеров, которые консолидировали в себе социальные ценности протеста. При этом протестная составляющая европейских новостей часто встраивалась в более широкий контекст протестного движения в мире, а не ограничивалась только констатацией недовольства в отдельных европейских странах и регионах.

Последнее место при характеристике тематических интересов европейских СМИ пришлось на тему кибербезопасности (хакерские атаки, проблемы с Интернетом, новые гаджеты – основные маркеры этой темы). Доля сообщений составила 4 % в информационном массиве, и она находится в пределах статистической погрешности, допустимой для количественной оценки. Однако, это важный показатель сформированности информационного европейского общества. Компьютерные технологии, казалось бы, прочно вошли в европейскую жизнь, поэтому и кибербезопасность волнует меньше, чем проблемы отношения к власти. Предварительно можно допустить, что информационное и реальное общество почти совпадают. Но любопытные данные в этой связи были приведены М. Г. Носовым. Несмотря на карантинные ограничения, услугами электронной торговли в Италии не пользуется почти треть респондентов. Людей старше 65 лет в стране – 23 %, из них 59 % никогда не совершали покупок через Интернет [22, с. 21]. Поэтому и полного совпадения реального и информационного общества, которому придают существенное внимание современные социологи, нет даже в Европе. В целом эта тема использовалась как ложная переменная при анализе динамики для других тем. Также представляется небезынтересным понаблюдать за ней в дальнейшем в контексте выявления специфики развития информационного общества [23].

К концу 2021 г. представители Euronews определили информационные темы года несколько иначе, поставив акценты на следующих событиях и процессах:

1. Сложности с запуском кампании по вакцинации от ковида в ЕС.
2. Противоречивые меры против антиваксеров.
3. Ангела Меркель ушла с поста канцлера Германии.
4. Вступил в силу договор о Брексите.
5. Ухудшение отношений Польши с Брюсселем.
6. Миграционный кризис на границе Беларуси с ЕС.
7. Возвращение талибов к власти в Афганистане.
8. Напряженность в связи с ситуацией на границе России и Украины¹⁰ [19].

Этот перечень необходимо привести для проверки количественных данных. Очевидно, что тематическое распределение информационного массива изменится в текущем году. В целом базовый спектр тем, отражающий значимость тех или иных ценностей и интересов, в обоих случаях просматривается. Политическая проблематика по-прежнему занимает центральное место в фокусе восприятия международной повестки. Количественная оценка показывает приоритетное значение текущих политических вопросов и на общеевропейском уровне. Пандемия не вытеснила, но скорее догнала ее в общем объеме информации. Европейское общество по-прежнему позиционирует себя как важный и вполне самодостаточный участник

современных политических процессов, демонстрирующий интерес к различным аспектам международных отношений и внутренней политики со специфическим набором ценностного восприятия мира. Возможно, что акцент на политических ценностях в прессе был обусловлен тем, что реальные рычаги борьбы с пандемией были сконцентрированы на уровне национальных государств. Косвенно это подтверждается первыми итогами анализа социально-экономических программ 2021 г. в ФРГ [24, с. 67–68] и оценками ряда европейских экспертов об отсутствии солидарности внутри стран ЕС по отношению к пандемии [25, с. 120–121].

Заключение. Ценности versus интересы?

Проведенный анализ позволяет сформулировать некоторые предварительные итоги и наблюдения. Наличие определенных ценностей Европейского союза, артикулируемых как на уровне нормативно-правовых документов, так и на уровне европейского общества, сомнений не вызывает. Более того, процесс их формирования представляется закономерным и основные этапы этого процесса возможно объективировать через эволюцию концепции совместного достояния в нормативно-правовых документах ЕС.

Появление собственного перечня ценностей в сфере международной политики было обусловлено неоднородными процессами становления внешнеполитической субъектности ЕС и показывало формирование основных направлений сотрудничества как внутри, так и за пределами интеграционного образования Европы. Вместе с тем поиск собственной идентичности не был и не мог быть сопряжен с отказом от действующих международно-правовых обязательств государств, входящих в ЕС, как и с пересмотром международных конвенций отдельными участниками союза. Акцент на ценностях в изменяющихся правовых формулах договоров ЕС был вызван темпорально обусловленными задачами и интересами интеграции. Конкретный перечень ценностей, приведенный в действующей редакции учредительного договора ЕС, свидетельствовал об исчерпании возможностей концепции *acquis communautaire* и в первую очередь был рассчитан на дальнейшее внутреннее развитие интеграционного образования. Наиболее сложной проблемой ценностного измерения европейской политики остается определенная деюридизация международного сотрудничества с внешним миром, что подчеркивается в качестве аргументов критики представителями третьих по отношению к ЕС стран, включая отечественных дипломатов. Сложности могут возникнуть и в правоприменительной сфере, что связано с особенностями толкования данных норм.

В фокусе европейских СМИ при изучении современных ценностей европейского общества наблюдается некоторое смещение акцентов в сторону проблем социальной безопасности, что объективно отражает реакцию

¹⁰ 2021 год: 8 главных тем в новостях из Европы. URL: euronews.com/2021/12/24/8-main-european-stories-of-the-year (дата обращения: 03.01.2022).

европейских сообществ на пандемию. На первый план выдвинулись вопросы, связанные не только со здоровьем, но и с соблюдением личных прав людей, социальные и экономические последствия пандемии. Внутри социального поля критически большое значение имеет сфера ограничения личных и политических прав людей, которая в условиях прошлого года быстро политизировалась. Вопросы соблюдения прав человека представляются принципиальным фактором формирования общеевропейской социетальной повестки. Эти ценности рассматриваются как исторически европейские достижения. При этом действия национальных властей по ограничению прав объективно отражали проблему роста заболеваемости и необходимости борьбы с пандемией последних двух лет. Тем не менее наблюдался некоторый умеренный конфликт между европейским обществом и национальной политикой в сфере ограничения прав физических лиц.

Проведенный анализ свидетельствует и о том, что жесткого противопоставления между ценностями, указанными в договорах, и интересами внутри ЕС сегодня не просматривается. За набором ценностей может скрываться эволюция прагматических интересов, а ценностное восприятие мира в преломлении региональных СМИ отражает необходимость защиты фундаментальных интересов внутри европейского общества. Данные обстоятельства представляются целесообразным учитывать при формулировании и проведении политического курса в отношении ЕС.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflicting interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Лункин Р. Н. Страхи и надежды европейцев на фоне пандемии. М.: ИЕ РАН, 2021. 186 с. https://doi.org/10.15211/report32021_381
Lunkin R. N. *Fears and hopes of the Europeans in the context of pandemic*. Moscow: IE RAS, 2021, 186. (In Russ.) https://doi.org/10.15211/report32021_381
2. Борко Ю. А. Как формировалась советская школа исследования европейской интеграции. Часть вторая. *Современная Европа*. 2020. № 5. С. 46–53. <https://doi.org/10.15211/soveurope520204653>
Borko Yu. A. The birth of the Soviet school of European integration studies. Part 2. *Sovremennaya Yevropa*, 2020, (5): 46–53. (In Russ.) <https://doi.org/10.15211/soveurope520204653>
3. Годованюк К. А. «Глобальная Британия» в преддверии брекзита. М.: ИЕ РАН, 2020. 160 с. https://doi.org/10.15211/report62020_373
Godovanyuk K. A. *"Global Britain" in the run-up to Brexit*. Moscow: IE RAS, 2020, 160. (In Russ.) https://doi.org/10.15211/report62020_373
4. Алексеева Т. А. «Запад» и «Не Запад» в пространстве теории международных отношений. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2017. Т. 17. № 2. С. 217–232. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2017-17-2-217-232>
Aleksееva T. A. "West" and "Non-West" in the space of international relations theory. *Vestnik RUDN. International Relations*, 2017, 17(2): 217–232. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2017-17-2-217-232>
5. Манжолa В. А., Шаповалова А. И. Внешняя политика Франции: изменилась ли доктрина голлизма? *Современная Европа*. 2014. № 4. С. 84–96. <https://doi.org/10.15211/soveurope420148496>
Manzhola V. A., Shapovalova A. I. French Foreign Policy: whether Gaullism doctrine has changed? *Sovremennaya Yevropa*, 2014, (4): 84–96. (In Russ.) <https://doi.org/10.15211/soveurope420148496>
6. Белов В. Б. Специальные инвестиционные контракты и российско-германское экономическое сотрудничество. Часть вторая. *Современная Европа*. 2020. № 1. С. 146–158. <https://doi.org/10.15211/soveurope12020146157>
Belov V. B. Special investment contracts and Russian-German economic cooperation. Part two. *Sovremennaya Yevropa*, 2020, (1): 146–158. (In Russ.) <https://doi.org/10.15211/soveurope12020146157>
7. Ананьева Е. В. Россия в стратегии национальной безопасности Британии. *Вестн. Удм. ун-та. Социология. Политология. Международные отношения*. 2021. Т. 5. № 4. С. 453–459. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2021-5-4-453-459>
Ananieva E. V. Russia in the UK National Security Strategy. *Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations*, 2021, 5(4): 453–459. (In Russ.) <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2021-5-4-453-459>
8. Викторова Е. В., Петренко Д. А. Идентичность европейцев в контексте теорий неофункционализма и «воображаемых сообществ». *Современная Европа*. 2021. № 2. С. 89–98. <https://doi.org/10.15211/soveurope220218998>
Viktorova E. V., Petrenko D. A. European and national identities in the context of neofunctionalism and "imagined communities" theories. *Sovremennaya Yevropa*, 2021, (2): 89–98. (In Russ.) <https://doi.org/10.15211/soveurope220218998>

9. Громыко А. А. Субъектность Евросоюза – между атлантизмом и европоцентризмом. *Современная Европа*. 2021. № 4. С. 10–25. <https://doi.org/10.15211/soveurope420211025>
Gromyko A. A. Subjectivity of the European Union – between Atlanticism and Eurocentrism. *Sovremennaya Yevropa*, 2021, (4): 10–25. (In Russ.) <https://doi.org/10.15211/soveurope420211025>
10. Исполинов А. С. Концепция *acquis communautaire* в праве Европейского Союза. *Вестник Московского университета. Серия 11. Право*. 2010. № 5. С. 68–88.
Ispolinov A. S. Concept of the *acquis communautaire* in law of the European Union. *Moscow University Bulletin. Series 11. Law*, 2010, (5): 68–88. (In Russ.)
11. Кувалдин С. А. Ценности ЕС и их защита в европейском законодательстве. *Современная Европа*. 2020. № 7. С. 37–55. <https://doi.org/10.15211/soveurope720203745>
Kuvaldin S. A. The values of the EU their protection in the European law. *Sovremennaya Yevropa*, 2020, (7): 37–55. (In Russ.) <https://doi.org/10.15211/soveurope720203745>
12. Петров Р. А. Транспозиция "acquis" Европейского союза и правовые системы третьих стран. Киев: Истина, 2011. 383 с.
Petrov R. A. *Transposition of the acquis of the European Union and the legal systems of third countries*. Kyiv: Istina, 2011, 383. (In Russ.)
13. Wiener A. The embedded *Acquis Communautaire*: transmission belt and prism of new governance. *EU1 Working Paper RSC*, 1998, (98/35): 52.
14. Magen A. Transformative engagement through law: the "Acquis communautaire" as an instrument of EU external influence. *European Journal of Law Reform*, 2007, 9: 361–392.
15. Waever O. Securitization and desecuritization. *On security*, ed. Lipschute R. N. Y.: Columbia University Press, 1995, 46–86.
16. *System, society and the world. Exploring the English school of international relations*, ed. Murray R. W. Bristol, 2013, 73.
17. Buzan B. *Peoples, states and fear. An agenda for international security studies in the Post-Cold War Era*. London: Harvester Press Group, 1983, 262.
18. Buzan B. Waever O., de Wilde J. *Security: a new framework for analysis*. London: Lynne Rienner, 1998, 241.
19. Buzan B., Waever O. *Powers and regions. The structure of international security*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002, 387.
20. *Regional orders. Building security in a new world*, eds. Lake D., Morgan P. Pennsylvania: Penn State University Press, 1997, 406.
21. McSweeney B. Identity and security: Buzan and the Copenhagen school. *Review of International Studies*, 1996, (22): 81–93.
22. Носов М. Г. Вызовы стандартов пандемии: перемены в стандартах жизни. *Современная Европа*. 2021. № 3. С. 17–26. <https://doi.org/10.15211/soveurope320211726>
Nosov M. G. Covid-19 in Italy: reloading of life standarts. *Sovremennaya Yevropa*, 2021, (3): 17–26. (In Russ.) <https://doi.org/10.15211/soveurope320211726>
23. Кастельс М., Киселева Э. Кризис индустриального этатизма и коллапс Советского Союза. *Мир России. Социология. Этнология*. 1999. Т. 8. № 3. С. 3–56.
Castells M., Kiseleva E. The crisis of industrial statism and the collapse of the Soviet Union. *Universe of Russia*, 1999, 8(3): 3–56. (In Russ.)
24. Белов В. Б. Коронакризис versus социальное рыночное хозяйство и экономическое пространство Германии. *Современная Европа*. 2021. № 4. С. 58–70. <https://doi.org/10.15211/soveurope420215870>
Belov V. B. The coronavirus crisis versus social and market economy of Germany. *Sovremennaya Yevropa*, 2021, (4): 58–70. (In Russ.) <https://doi.org/10.15211/soveurope420215870>
25. Егоров А. И., Петровский А. М. Шок COVID-19: социальная политика страны ЕС. *Современная Европа*. 2021. № 4. С. 119–128. <https://doi.org/10.15211/soveurope4202119128>
Egorov A. I., Petrovsky A. M. COVID-19 shock: EU member's social policy. *Sovremennaya Yevropa*, 2021, (4): 119–128. (In Russ.) <https://doi.org/10.15211/soveurope4202119128>

оригинальная статья

Процесс адаптации восточноевропейских стран к *acquis communautaire* ЕС на примере Польши и Венгрии (2004–2021 гг.)

Мирошников Сергей Николаевич

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, г. Томск

Smiroshnikov64@mail.ru

Поступила в редакцию 31.03.2022. Принята после рецензирования 12.05.2022. Принята в печать 20.05.2022.

Аннотация: Рассмотрены причины появления противоречий между Польшей и Венгрией, с одной стороны, и «старыми» членами ЕС – с другой. Цель – определить причины особой позиции Польши и Венгрии в отношении функционирования национальных институтов власти и гражданских прав. Предмет – внутренние процессы трансформации и адаптации обществ Венгрии и Польши к *acquis communautaire* ЕС. Сделан вывод, что в основе особой позиции лежит подъем чувств национальной гордости и идентичности благодаря достижениям в социально-экономической сфере после периода трансформации 1990-х гг., значительно повысившим уровень и качество жизни населения, и неготовности граждан потерять это из-за действий властей или требований ЕС. Такую угрозу жители Польши и Венгрии увидели, во-первых, в давлении Брюсселя на правительства Венгрии и Польши принять распределенных по квотам мигрантов из-за неприятия их на ментальном уровне и по религиозным причинам. Во-вторых, в стремлении Брюсселя отстоять и заставить правительства Польши и Венгрии принять основополагающие права человека, касающиеся прав сексуальных меньшинств, в очень короткие сроки, к которым сама Европа шла столетиями. Сильные позиции церкви в данных странах усилили сопротивление этим попыткам Брюсселя, а партии, которые уловили настроения масс, пришли к власти и, используя методы подавления свободы слова и лишения независимости судебной власти, смогли не только удержаться у власти, но и, усилив свои позиции внутри страны, бросить вызов Брюсселю.

Ключевые слова: ЕС, Восточная Европа, Польша, Венгрия, миграционный кризис, *acquis communautaire*

Цитирование: Мирошников С. Н. Процесс адаптации восточноевропейских стран к *acquis communautaire* ЕС на примере Польши и Венгрии (2004–2021 гг.). *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 3. С. 320–325. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-3-320-325>

full article

Adaptation of Eastern Europe to the EU's *Acquis Communautaire*: Poland and Hungary in 2004–2021

Sergey N. Miroshnikov

Tomsk State University, Russia, Tomsk

Smiroshnikov64@mail.ru

Received 31 Mar 2022. Accepted after peer review 12 May 2022. Accepted for publication 20 May 2022.

Abstract: This article features the special position that Poland and Hungary demonstrate towards the national government institutions and civil rights. The research objective was to describe the internal transformation and adaptation processes of Hungarian and Polish societies to the European concept of *acquis communautaire*, as well as the tensions between these two countries and the older EU members. This special position can be explained by the growing sentiments of national pride and identity. The social and economic achievements that happened after the 1990s allowed these states to increase the quality of life, and their citizens are not willing to give up on their identity to accommodate the demands of the European Union. For instance, people of Poland and Hungary saw a certain threat to their identity in the pressure from Brussels to welcome migrants from the Middle East, whom they could not accept on the mental and religious levels. Another threat was the Brussels' pursuit to make Poland and Hungary accept sexual minorities in a very short timeframe, despite the fact that this process took Western Europe several centuries. Considering that the church had a very negative attitude to both issues, certain political parties managed to seize the power. They suppressed the freedom of speech, denied the independence of the judicial power, and challenged Brussels.

Keywords: European Union, Eastern Europe, Poland, Hungary, migration crisis, *acquis communautaire*

Citation: Miroshnikov S. N. Adaptation of Eastern Europe to the EU's *Acquis Communautaire*: Poland and Hungary in 2004–2021. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(3): 320–325. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-3-320-325>

Введение

«Редко, когда за столь короткий исторический период изменяется так много, как за время постсоциалистической системной трансформации, начавшейся в 1989 г. и продолжающейся до настоящего времени. Одни полагают, что для 10 стран ЦВЕ (Болгарии, Венгрии, Латвии, Литвы, Польши, Румынии, Словакии, Словении, Чехии и Эстонии), вошедших в состав Европейского союза и институционально дозревших до полнокровной рыночной экономики, трансформация уже увенчалась успехом. Другие утверждают, что до этого еще далеко. Я разделяю второй взгляд, поскольку сам факт формального членства в ЕС, предполагающий в соответствии с установленными еще в 1992 г. "копенгагенскими критериями" признание страны "функционирующей рыночной экономикой", способной к конкуренции в рамках европейского интеграционного объединения, не предопределяет ее реальной системной зрелости. Единственным разумным критерием такой зрелости может служить качественная продвинутость рыночной культуры в широком смысле и развитость институтов, то есть правил рыночной экономической игры, которые обеспечивали бы эффективное действие механизмов создания и распределения капитала, а также раздела произведенного продукта» [1, с. 3].

Эти слова написал в 2010 г. Гжегож Колодко – один из основных «отцов» трансформации социалистической Польши¹. С того момента, когда польское социалистическое правительство пошло на переговоры с оппозицией, завершившиеся знаменитым «Соглашением круглого стола», открывшим начало кардинальной социально-экономической трансформации не только самой Польши, но и всей Восточной Европы и СССР, прошло уже более 20 лет. Однако дискуссии о способах трансформации и ее законченности не утихают до сих пор, а события и процессы, как в мире, так и в странах Восточной Европы, дают все больше поводов для их продолжения.

В данной работе предпринята попытка взглянуть не столько на ход и последовательность процессов трансформации в восточноевропейских странах, сколько на объяснение тех процессов, которые происходят в наиболее продвинутых восточноевропейских странах, сотрудничающих в рамках Вышеградской четверки (Польша, Венгрия, Чехия и Словакия). События последнего десятилетия, включая экономический кризис 2008 г., брекзит, кризис еврозоны и миграционный кризис, привели в конечном итоге к образованию из этих стран определенной «фронды» европейской бюрократии, той модели европейской интеграции, которая доминировала в ЕС, и доминированию «старых членов» в процессе принятия решений в ЕС. В первую очередь

мы сосредоточимся, конечно, на процессах, происходящих в Польше и Венгрии, т. к. в этих странах все процессы и тренды выражены наиболее четко.

Формирование особой позиции Польши и Венгрии

Когда говорят или пишут о процессах трансформации, внимание в основном обращается на экономические и институциональные преобразования, под которыми и подразумевается процесс социально-экономической трансформации. Эти преобразования, несомненно, являются важнейшими элементами перехода от одной формации к другой, от одного состояния общества к другому. В работах российских и зарубежных авторов были детально проанализированы как сами преобразования в данных сферах, так и их последовательность, а также те трудности, которые встречались на пути [2–7].

В то же время очень мало внимания уделялось ментальной трансформации жителей и элит центральноевропейских стран. Напомним, что еще в XIX в. великий социолог К. Маркс писал в работе «18 брюмера Луи Бонапарта»: «Буржуазные революции, как, например, революции XVIII века, стремительно несутся от успеха к успеху, в них драматические эффекты один ослепительнее другого, люди и вещи как бы озарены бенгальским огнем, каждый день дышит экстазом, но они скоропреходящи, быстро достигают своего апогея, и общество охватывает длительное похмелье, прежде чем оно успеет трезво освоить результаты своего периода бури и натиска»². К. Маркс говорил, что любая революция имеет свойство затормаживать свое поступательное развитие, а затем и возвращаться назад. Это происходит потому, что практически никогда большинство населения и элит страны не может одновременно принять новые законы, привычки и обычаи, не может сразу начать думать по-новому. Старые обычаи, привычки, способ мышления постепенно берут свое, переплетаясь с новой реальностью и заставляя революционные нововведения откатываться назад, возвращая многие отринутые символы, привычки и т. д. Для принятия «нового» нужно длительное время, в период которого происходит соединение нового со старым. Обычно для этого необходима смена поколений. Так происходит всегда. И Центральная Европа не исключение.

Уже начиная с экономического кризиса 2008 г. и долгового кризиса 2010 г. стало проявляться понимание того, что восточноевропейские страны пытаются выстроить собственный подход к решениям европейских и собственных внутренних проблем, найти свое особое место в «общеевропейском доме». Место, которое центральноевропейские

¹ Гжегош Колодко – профессор, директор Центра исследований Трансформации, интеграции и глобализации – TIGER (Transformation Integration and Globalization Economic Research) в Университете Козьминского (Варшава), в 1994–1997 гг. и 2001–2003 гг. – заместитель премьер-министра, министр финансов Польской Республики.

² Маркс К. 18 брюмера Луи Бонапарта. URL: <https://booksonline.com.ua/view.php?book=23084> (дата обращения: 24.04.2022).

элиты видят для себя, является тем смыслом, в который вкладывается и новое понимание реалий существования внутри ЕС с теми выгодами для страны и общества, которое оно несет, и теми обязанностями и зачастую быстро не перевариваемыми изменениями, которые данные общества пока не готовы полностью принять.

Миграционный кризис 2015 г. и особая позиция Вышеградской четверки по квотам на прием мигрантов уже со всей очевидностью показала, что центрально-европейские страны понимают и реагируют на вызовы несколько по-другому, чем «старая Европа», что процессы, которые происходят в Польше и Венгрии с приходом к власти правоконсервативной партии «Порядок и справедливость» во главе с Ярославом Качинским в Польше и очередным переизбранием лидера «Фидес» Виктора Орбана в качестве премьер-министра в Венгрии, – это проявление долговременных тенденций, на которые нужно реагировать. И реакция последовала в виде предупреждений Европейской комиссии на несоответствие ряда принятых законов в этих странах европейскому праву, а затем и решения Суда Европейского союза о наложении финансовых штрафов на Польшу до тех пор, пока она не приведет внутреннее законодательство в соответствие с европейским [8].

Экономические причины

Причины формирования особого мнения и особой позиции можно условно разделить на несколько частей. Первая, конечно, – экономическая. Как уже было сказано выше, этому аспекту было уделено много внимания в литературе, однако, на одном аспекте необходимо остановиться отдельно. Стремление к достижению «европейского» уровня материального благополучия и уровня жизни было одним из важнейших стимулов, которые толкали народ и элиты государств на изменения существовавшего коммунистического строя, переход к рыночной экономике и вступление в ЕС. Все требования, которые были предъявлены восточноевропейским государствам по преобразованию экономической основы государств, были выполнены в 1990-е гг. и увенчались созданием рыночной конкурентоспособной экономики, что было одним из важнейших условий, выработанных на саммите Европейского Совета в Копенгагене, который определял критерии принятия новых государств в ЕС. Эти реформы практически диктовались Брюсселем, и он же контролировал их выполнение. Конечно, допускалась определенная самостоятельность национальных государств, но окончательное решение оставалось за Европейской Комиссией и Советом ЕС.

Уже в этот период население как Польши, так и Венгрии почувствовало, что мечты и реальность – не одно и то же. Структурные преобразования привели к росту безработицы и к необходимости для значительного количества населения изменять как свою работу, так и свой образ жизни. Это, естественно, привело к определенному разочарованию населения

в необходимости тех изменений, которые проводили правительства. По данным Евробарометра, поддержка вступления в ЕС со стороны поляков, которая в 1993 г. составляла около 95 %, в 2004, накануне вступления, едва превышала 50 %³. Однако, открывающиеся возможности членства в ЕС и укоренившаяся мечта о возможном «европейском уровне и качестве жизни», которыми жило население стран Центральной Европы при коммунистических режимах, не привело к изменению вектора развития этих стран и увенчалось принятием восточноевропейских стран в ЕС в 2004 г.

С этого момента диктат Брюсселя прекращается, и Польша и Венгрия как полноправные члены ЕС принимают участие в формировании повестки дня ЕС и ее выполнении. Конечно, потребовалось определенное время для осознания правящими элитами этого факта и выработки своей позиции по вопросам европейской политики. И этот путь не обошелся без определенных эксцессов. Например, правительство Венгрии в первый год функционирования в качестве полноправного члена ЕС «забыло» направить свои предложения на выделение сельскохозяйственных субсидий своим фермерам из фонда ориентации и гарантии сельского хозяйства ЕС [5].

Однако осознание новой роли в ЕС, становление эффективной экономики и формирование собственных серьезных экономических возможностей и национальных компаний, которые эти возможности и артикулировали, привели и к пониманию того, что экономические интересы присоединившихся стран и интересы «старых» членов ЕС, которые, собственно, и ассоциировали себя с ЕС, различаются и различаются существенно. Особенно ярко понимание собственных интересов проявилось во внешнеэкономических действиях Польши и Венгрии. Одна страна выступала главным рупором противодействия реализации Россией проекта «Северный поток-2», несмотря на то, что этот проект проталкивали все «старые» и наиболее влиятельные члены ЕС – Германия, Франция и Италия, а вторая, несмотря на вводимые ЕС экономические санкции против России после присоединения Крыма в 2014 г., выстраивала выгодное ей экономическое взаимодействие с Россией.

Таким образом, экономическое оздоровление экономик, серьезные финансовые вливания со стороны фондов ЕС привели к пониманию собственных интересов центрально-европейских стран, часто не совпадающих с экономическими интересами всего ЕС, и этот факт являлся серьезной подпиткой особой позиции центральноевропейских государств. Однако нужно понимать, что факт существования в ЕС, с его громадным рынком и экономическими возможностями, его фондами (сельскохозяйственным, региональным, сплочения и т. д.), а Польша, к примеру, является одним из государств, получающих крупнейшие выплаты из этих фондов, притягивал и заставлял государства Центральной Европы поумерить свои амбиции [9]. Фактически в настоящее время

³ Eurostat. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/data/database> (accessed 23 Apr 2022).

идет долговременный процесс соединения национальных интересов, в данном случае экономических, с интересами всего ЕС. Естественно, полного тождества никогда не будет, но когда в центральноевропейских странах будут функционировать, как писал в вышеприведенной цитате Гжегош Колодко, «качественная продвинутость рыночной культуры в широком смысле и развитость институтов» [1, с. 3], экономическая политика национальных правительств будет больше ориентироваться на общие европейские интересы, которые будут коррелироваться с национальными, а не на узконациональные интересы, выгодные только определенным слоям своего национального государства в ущерб всему Союзу.

Социально-экономические изменения, произошедшие в центральноевропейских странах, заставили население этих стран приспосабливаться к новой реальности. По данным Всемирного банка, безработица в Польше в течение всего переходного периода 1991–2004 гг. не опускалась ниже 11 %, а в определенные годы вырастала до 20 % от трудоспособного населения. Уровень безработицы в Венгрии в 1990-е гг. находился на уровне 8–10 %, несколько снизившись в 2000-х гг. до 5–7 %. Уровень безработицы в Чехии также колебался в течение переходного периода между 6–8 %⁴. Однако в данном случае речь идет не о людях, лишившихся работы в результате экономических причин и считающих подобное развитие событий хотя и неприятной, но все же привычной ситуацией в том обществе, в котором человек живет. Что касается ситуации в центральноевропейских государствах, то такой уровень безработицы показывает, что в среднем десятая часть населения была «выброшена» из привычного образа жизни и поставлена в условия, в которых нужно было ориентироваться в совершенно другой, незнакомой социально-экономической обстановке, в государстве, в котором все известные механизмы решения социальных проблем человека не работают, а новые механизмы только вырабатываются. Что естественно приводило к росту разочарованности и ностальгии по старым механизмам социальных гарантий, которыми было государство.

Политико-культурные причины

Неразвитость и несоответствие сформировавшейся веками или в результате национальных катастроф политической культуре стран Западной Европы политической культуры центральноевропейских государств, которые не прошли долгий путь формирования национального консенсуса, учета интересов различных групп населения собственного государства, уважения и ценности каждой личности и необходимости уважать ее мнение, является еще одним важным фактором поддержки населением правительств центральноевропейских государств в их «фронде» ЕС. История не дала

Центральной и Восточной Европе шанса эволюционного развития демократических институтов и становления гражданского общества. И государствам, которые здесь находятся, пришлось усваивать эти принципы в кратчайшие сроки, что сказалось на качестве такого усваивания.

Радикальные перемены 1990-х гг. привели, как уже было отмечено, к появлению новой реальности, новых правил и принципов жизни общества, новых целевых установок для конкретного человека, что в конечном итоге потребовало изменения образа мышления. К тому же 1990-е гг. совпали с приходом третьей технологической революции, сломом экономической парадигмы индустриального общества и широким внедрением в экономику и повседневную жизнь информационных технологий. Такие изменения всегда даются человеку с трудом, заставляя его отказываться от прежних идеалов, привычек, образа жизни и часто – жизненных ценностей. Неслучайно в переломные эпохи резко возрастают психиатрические расстройства, суициды и т. д.

Следующим очень важным, как нам кажется, фактором, вызвавшим рост этатистских настроений, явилась неразвитость политической культуры в центральноевропейских обществах. Пренебрежение к мнению и интересам конкретного человека «ради государственных» целей, что было характерной чертой поведения правительств «народной демократии», сформировало стойкое неприятие у жителей этих стран навязывания извне, будь то государство или в данном случае Европейский союз, каких-либо ценностей и символов, которые не отражали бы ценности и традиции, сформировавшиеся у жителей конкретного государства в определенный момент времени. В первую очередь такая ситуация проявилась в период кризисных явлений, связанных с миграционным кризисом 2015 г. в ЕС и ситуацией с правами ЛГБТ-сообществ.

Ситуация, вызванная миграционным кризисом, воспринималась в центральноевропейских странах как угроза национальной идентичности, которая была сохранена в условиях авторитарных режимов «народной демократии» и пережила трансформацию 1990-х гг. Период роста национального самосознания, роста национальной гордости, который объективно наступил с окончанием периода трансформации, период роста материального благополучия и уровня и качества жизни привел к власти партии, которые смогли ухватить эту тенденцию в настроениях избирателей и выразили их чувства в своих предвыборных программах⁵. Особенно в этой связи стоит отметить приход к власти партии «Фидес» в Венгрии во главе с Виктором Орбаном, которая заключила союз с правоконсервативной антиэмигрантской партией «Йоббик», и партии «Право и Справедливость» в Польше во главе с В. Кочиньским.

⁴ Indicators. *The World Bank*. URL: <https://data.worldbank.org/indicator> (accessed 23 Apr 2022).

⁵ На Чехию в 2021 г. приходится 90 % от среднего по ЕС показателя, на Словакию – 76 %, на Польшу – 70 %, на Венгрию – 68 %. С 2004 г. по 2017 г. Венгрия увеличила доход на душу населения по ППС почти в два раза – с 15467 до 28373 долл. на человека. Польша за этот же период увеличила доход на душу населения по ППС более чем в два раза: с 13346 до 29292 долл. на человека [10].

Эти две партии наиболее последовательно высказывали и отстаивали интересы той части населения своих стран, которая отражала страх потери своего образа жизни, достигнутого после тяжелых испытаний, в связи с возможным приездом мигрантов из стран Ближнего Востока и Африки. Именно усилиями этих партий при поддержке партнеров по Вышеградской группе центральноевропейские страны успешно проигнорировали квоты на распределение иммигрантов по странам ЕС, приняв их минимальное количество и в дальнейшем сделав все, чтобы иммигранты перебрались из их стран в Германию [11].

С потерей того образа жизни, которого достигли жители центральноевропейских государств, связано и очень жесткое неприятие к навязываемому Брюсселем терпимому отношению к правам ЛГБТ-сообществ, требованию разрешения однополых браков и возможности воспитывать такими парами детей. Несмотря на то, что права сексуальных меньшинств относятся к фундаментальным правам человека, процесс принятия данного факта не может произойти в одночасье и его принятие требует очень серьезной, кропотливой и очень осторожной работы всего общества. Наглядный пример сложности отрешения от устоявшегося веками предрассудка – вопрос с равенством чернокожего населения в США, борьба за которое ведется уже не одно столетие. Любые нажимы, попытки ускорения процесса, особенно если они будут идти со стороны, как происходит в данном случае, будут восприниматься и воспринимаются обществом в штыки. Неудивительно, что в лексиконе центральноевропейских лидеров очень часто можно встретить словосочетание *диктат Брюсселя*.

К тому же необходимо учитывать и очень сильные позиции католической церкви, особенно в Польше и Венгрии, которая, выступив одним из главных противников коммунистических режимов, обрела колоссальный авторитет в обществе и смогла не только не растерять его, а и приумножить в период трансформации. Именно церковь воспринимается обществом как тот остров, который сохранил в нетронутости все свои социальные функции, как та сила, которая объединяет нацию, сохраняя ее идентичность. И непринятие церковью идеи однополых любви является важным элементом в противостоянии центральноевропейских стран общей линии ЕС в данном вопросе, несмотря на то что в нем затронуты фундаментальные права человека, на чем, собственно говоря, и покоится главная ценность европейской цивилизации.

Наконец, невозможность в обществе, только привыкающем к решению всех проблем на основе общего консенсуса при учете мнения и соблюдении прав каждой личности, путем достижения устраивающего всех компромисса использовать те методы убеждения, которые приняты в странах с развитым гражданским обществом,

приводит к принятию правящей элитой необходимости использовать те методы, которые работают в такой ситуации и которые берут свои истоки в коммунистическом прошлом. Эти методы включают в себя, прежде всего, подавление независимых средств массовой информации для объяснения и по большей части навязывания населению официальной точки зрения и ликвидацию независимости судебной системы, которая осталась одна противостоять объединенному давлению исполнительной и судебной власти. Именно эти процессы в настоящее время происходят в Венгрии и Польше и именно против них ЕС инициировало применение ст. 7 Лиссабонского договора, которая предполагает лишение права голоса в Совете ЕС, а значит и отстранение от процесса принятия решений в этом союзе государств, в которых нарушаются *acquis communautaire* ЕС⁶.

Заключение

Особая позиция Польши и Венгрии по ряду вопросов функционирования Европейского союза является отражением глубинных процессов, связанных с подъемом чувств национальной гордости и идентичности благодаря тем достижениям в социально-экономической сфере, которые позволили данным странам значительно повысить уровень и качество жизни населения своих стран, и неготовностью граждан потерять достигнутого из-за действий властей или требований Евросоюза. Такую угрозу жители Польши и Венгрии увидели, во-первых, в давлении Брюсселя на правительства данных стран принять распределенных по квотам мигрантов из-за неприятия их в первую очередь ментально и по религиозным причинам. Во-вторых, в стремлении Брюсселя отстоять и заставить правительства Польши и Венгрии принять основополагающие права человека, касающиеся прав сексуальных меньшинств в очень короткие сроки, к которым сама Европа шла столетиями. Сильные позиции церкви в данных странах еще более усилили сопротивление этим попыткам Брюсселя. Партии, которые осознали эти тенденции в польском и венгерском обществе и облекли их в броские лозунги своих предвыборных программ, смогли завоевать сердца избирателей и, акцентируя их внимание на данных проблемах, не только удержали власть, используя старые методы коммунистического прошлого – урезая свободу слова и независимость судебной власти, но и бросили вызов Брюсселю.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflicting interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

⁶ Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community. Lisbon, 13 Dec 2007. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=OJ:C:2007:306:TOC> (accessed 23 Apr 2022).

Литература / References

1. Колодко Г. Великая трансформация. Могло ли быть лучше? Будет ли лучше? *Мировая экономика и международные отношения*. 2010. № 4. С. 3–14.
Kolodko G. Great transformation. Could it be better? Will it be better? *World Economy and International Relations*, 2010, (4): 3–14. (In Russ.)
2. Центральная-Восточная Европа во второй половине XX века. Т. 3. Трансформации 90-х годов, отв. ред. С. П. Глинкина. М.: Наука, 2002. Ч. I. 461 с.
Central-Eastern Europe in the second half of the XX century. Vol. 3. Transformations in the 1990s, ed. Glinkina S. P. Moscow: Nauka, 2002, pt. I, 461. (In Russ.)
3. Центральная-Восточная Европа во второй половине XX века. Т. 3. Трансформации 90-х годов, отв. ред. С. П. Глинкина. М.: Наука, 2002. Ч. II. 463 с.
Central-Eastern Europe in the second half of the XX century. Vol. 3. Transformations in the 1990s, ed. Glinkina S. P. Moscow: Nauka, 2002, pt. II, 463. (In Russ.)
4. Шишелина Л. Н. Некоторые итоги трех десятилетий трансформации Центральной Европы. *Современная Европа*. 2019. № 6. С. 48–57. <https://doi.org/10.15211/soveurope620194856>
Shishelina L. N. Some results of three decades of transformation of Central Europe. *Sovremennaya Yevropa*, 2019, (6): 48–57. (In Russ.) <https://doi.org/10.15211/soveurope620194856>
5. Шишелина Л. Н., Габарта А. А., Дрыночкин А. В. *Вишеградская четверка в Европейском союзе: дилеммы конвергенции*. М.: ИЕ РАН, 2017. 136 с.
Shishelina L. N., Gabarta A. A., Drynochkin A. V. *The Visegrad Four in the European Union: dilemmas of convergence*. Moscow: IE RAS, 2017, 136. (In Russ.)
6. Мирошников С. Н. Этапы и принципы восточного направления процесса расширения Европейского союза. Мирошников С. Н., Лицарева Е. Ю., Дериглазова Л. В., Троицкий Е. Ф., Юн С. М., Сербина А. С., Нелаева Г. А., Семенов А. В., Лаврентьева Н. С. *Восточное направление процесса расширения ЕС*. Томск: ТГУ, 2014. С. 15–58.
Miroshnikov S. N. Stages and principles of the Eastern direction of the European Union expansion process. In: Miroshnikov S. N., Litsareva E. Yu., Deriglazova L. V., Troitsky E. F., Yun S. M., Serbina A. S., Nelaeva G. A., Semenov A. V., Lavrentieva N. S. *Eastern direction of the European Union enlargement process: problems and prospects*. Tomsk: TSU, 2014, 15–58. (In Russ.)
7. Шишелина Л. Н. К 30-летию Вишеградской группы: достижения и перспективы. *Современная Европа*. 2021. № 4. С. 26–36. <https://doi.org/10.15211/soveurope420212636>
Shishelina L. N. The 30-th anniversary of Visegrad Group: achievements and prospects. *Sovremennaya Yevropa*, 2021, (4): 26–36. (In Russ.) <https://doi.org/10.15211/soveurope420212636>
8. Шишелина Л. Н. Будапешт и Варшава: противостояние с Брюсселем. *Современная Европа*. 2020. № 7. С. 5–15. <https://doi.org/10.15211/soveurope720200515>
Shishelina L. N. Budapest and Warsaw: confrontation with Brussels. *Sovremennaya Yevropa*, 2020, (7): 5–15. (In Russ.) <https://doi.org/10.15211/soveurope720200515>
9. Кувалдин С. А. Увязывание бюджетных ассигнований ЕС с соблюдением верховенства права: пример Польши и Венгрии. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*. 2021. № 2. С. 38–48. <https://doi.org/10.20542/afij-2021-2-38-48>
Kuvadin S. A. Linking EU budget allocations to the rule of law: the case of Poland and Hungary. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, 2021, (2): 38–48. (In Russ.) <https://doi.org/10.20542/afij-2021-2-38-48>
10. Мирошников С. Н. «Термидор» восточного расширения ЕС: реальность и ожидания. *Молодежь Европы и России. Европа и Европейских Союз глазами ученых: мат-лы Междунар. науч. конф.* (Томск, 17–19 мая 2018 г.) Томск: ТГУ, 2018. С. 114–119.
Miroshnikov S. N. The Thermidor of the eastern expansion of the EU: reality vs. expectations. *Youth in Europe and Russia. Europe and the EU through the eyes of scholars: Proc. Intern. Sci. Conf.*, Tomsk, 17–19 May 2018. Tomsk: TSU, 2018, 114–119. (In Russ.)
11. Матюхова Е. И. Миграционный вызов ЕС в условиях пандемии COVID-19: проявление солидарности или угроза сплоченности? *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*. 2020. № 4. С. 94–107. <https://doi.org/10.20542/afij-2020-4-94-107>
Matiukhova E. I. Migration challenges in the EU amid the COVID-19 pandemic: fostering solidarity or threatening the cohesion? *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, 2020, (4): 94–107. (In Russ.) <https://doi.org/10.20542/afij-2020-4-94-107>

оригинальная статья

Европейская (ЕС) критическая аналитика в поисках ответов на новые вызовы

Михайленко Валерий Иванович

Уральский федеральный университет имени первого президента России Б. Н. Ельцина, Россия, г. Екатеринбург

<https://orcid.org/0000-0002-2576-212X>

valery.mikhaylenko@urfu.ru

Поступила в редакцию 11.05.2022. Принята после рецензирования 31.05.2022. Принята в печать 31.05.2022.

Аннотация: Вплоть до сегодняшнего дня внешняя политика Европейского союза ассоциируется с нормативной силой, которая рассматривается как основной инструмент мягкой силы. Кризис глобального управления, происходящий под влиянием ряда внешних и внутренних факторов, оказывает влияние на изменения глобальной стратегии ЕС. В статье поставлена задача исследовать основные дискуссионные точки реформирования глобальной стратегии ЕС по наиболее актуальным темам. В качестве исходного материала рассматриваются публикации европейских мозговых центров и отдельных аналитиков. В ЕС выстроен механизм взаимодействия между аналитическими центрами и политическими лидерами. Вследствие этого европейская аналитика оказывает влияние на обоснование концепций и подходов, которые затем облекаются в законодательные формы. С другой стороны, через научную аналитику происходит апробация принимаемых решений. В статье обращается внимание на разработку следующих тем европейскими аналитиками: трансформация стратегической культуры ЕС, обращение к геополитике в стратегических документах ЕС и роли нормативной силы, обсуждение стратегической автономии ЕС, использование дифференциации и фрагментации как инструментов политики, влияние российской военной специальной операции на концепции мирового порядка, постепенный отход от единогласия при принятии ответственных решений и концепция прагматичного федерализма, внесение изменений в военное строительство и роль Стратегического компаса.

Ключевые слова: Европейский союз, европейские мозговые центры, ценности, интересы, нормативная сила, стратегическая культура, геополитика, стратегическая автономия, дифференциация и фрагментация, Стратегический компас

Цитирование: Михайленко В. И. Европейская (ЕС) критическая аналитика в поисках ответов на новые вызовы. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 3. С. 326–332. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-3-326-332>

full article

European Critical Analytics in Search of Answers to New Challenges

Valery I. Mikhaylenko

Ural Federal University, Russia, Ekaterinburg

<https://orcid.org/0000-0002-2576-212X>

valery.mikhaylenko@urfu.ru

Received 11 May 2022. Accepted after peer review 31 May 2022. Accepted for publication 31 May 2022.

Abstract: Until today, the European Union (EU) has associated its foreign policy with normative power, which is the main instrument of soft power. However, the crisis of global governance has affected the global strategy of the EU. The article explores the most pressing of these changes. The research was based on official publications made by various European think tanks and individual analysts. The EU has an effective mechanism for interaction between think tanks and political leaders. As a result, the European analytics can justify various concepts and approaches that later acquire legislative forms. Also, the scientific analytics makes it possible to test the decisions being made. The article focuses on the following EU issues: new strategic culture; geopolitics and normative power in strategic documents; strategic autonomy; differentiation and fragmentation as policy tools; the end of unanimity in making responsible decisions; the concept of pragmatic federalism; military development; the so-called Strategic Compass; the Russian military special operation and the concept of world order, etc.

Keywords: European Union, European think tanks, values, interests, normative power, strategic culture, geopolitics, strategic autonomy, differentiation and fragmentation, Strategic Compass

Citation: Mikhaylenko V. I. European Critical Analytics in Search of Answers to New Challenges. *Vestnik Kemarovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(3): 326–332. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-3-326-332>

Введение

В Европейском союзе разработкой новых предложений по переосмыслению внешней политики ЕС занимается большая группа аналитиков, как объединенных в мозговые центры (*think tanks*), так и индивидуальных. В результате выдается большой объем качественной аналитики, и особенно ценными являются новые методологические подходы и технологии исследований. В ЕС сложилась короткая дистанция между аналитиками и политиками. К примеру, над Глобальной стратегией 2016 г. работала итальянская команда аналитиков из римского Института международных отношений (*Istituto Affari Internazionali*) под руководством Верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности Ф. Могерини.

В представленной статье значительное внимание уделено концептуальным подходам бельгийского ученого Свена Бископа, профессора Гентского университета, директора программы «Европа в мире» в Королевском институте международных отношений (Эгмонт Институте). С. Бископ является одним из наиболее последовательных критиков внешней политики ЕС (но не евроскептиком). К его мнению прислушиваются военные и политики из Евросоюза. В 2018 г. вышло первое издание монографии С. Бископа под названием «Европейская стратегия в XXI веке. Новое будущее для старой державы», в которой автор подверг критике действовавшую концепцию внешней политики ЕС [1]. Год назад вышла новая книга С. Бископа «Великая стратегия в 10 словах. Руководство по политике великих держав в 21 веке» [2]. В статье анализируются работы бельгийского автора, опубликованные в *European Policy Briefs* Института Эгмонт¹.

В ЕС практикуется формирование временных научных коллективов, связанных с реализацией тематических научных грантов. В качестве примера можно привести эффективную исследовательскую и публикационную деятельность коллектива во главе с Таней Борзель и Томасом Риссе из Свободного университета Берлина. За время функционирования научной группы было издано свыше 90 рабочих тетрадей, обращенных к изучению внешней политики ЕС и региональных институтов в Латинской Америке, Африке, Азии, на Ближнем Востоке².

С 1983 г. представляет актуальную аналитику Центр европейских политических исследований (*Centre for European Policy Studies*), насчитывающий 60 сотрудников из 23 стран. В данной статье используются публикации сотрудника центра Захария Пайкина. Для раскрытия заявленной темы автор обращается и к другим публикациям европейских аналитиков.

Цель статьи – выделить и обобщить наиболее типичные ответы в европейской критической аналитике на современные внешнеполитические вызовы и под их воздействием на институциональные изменения в Европейском союзе.

Геополитика против нормативной силы Европейского союза

Многие годы визитной карточкой мягкой силы во внешней политике ЕС являлась нормативная сила. Понятие *нормативная сила* было введено в научный оборот Яном Маннерсом [3]. Он рассматривал нормативную силу как идентичность ЕС, определенный стандарт международного поведения ЕС и идеального международного порядка, общепризнанного и универсально применимого в рамках ООН. При этом акцент делался на невоенные формы экспорта нормативной силы ЕС. Я. Маннерс выделял шесть из них: влияние, передача, неформальное распространение, процедурное распространение, открытое распространение и культурный фильтр. Трудно представить себе ЕС как нормативную державу, утверждает Я. Маннерс, которая подает пример, если применяет принуждение для распространения своих норм [3].

В отечественной политической науке концепция нормативной силы ЕС проанализирована достаточно глубоко и содержательно [4–7]. Как отмечает Т. А. Романова, «в концепции нормативной силы Евросоюза речь идет о том, как ЕС участвует в ценностной конкуренции и как это влияет на его положение в мире» [6, с. 53]. Наиболее полный свод нормативных принципов ЕС представлен в Лиссабонском договоре, вступившем в силу 1 декабря 2009 г. На данный момент ЕС имеет обоснованную систему ценностей (*acquis communautaire* и *acquis politique*), которая помимо ценностей свободы, демократии, прав человека и верховенства закона включает социальные права, устойчивое развитие и предотвращение изменения климата [6, с. 55]. Что касается используемого инструментария экспорта нормативной силы, то, как справедливо обращает внимание Т. А. Романова, ЕС «балансирует между нормативной силой и имперской силой». В 2011 г. исследователь уже обращала внимание на избирательный характер применения нормативной силы ЕС в отношении с внешними партнерами [6].

Некоторую ясность в обсуждение вопроса о «ядре» и «оболочке» нормативной силы вносит дискуссия между Я. Маннерсом и Т. Диезом. Я. Маннерс рассматривает ЕС как «проект будущего», в «процессе европейской интеграции нет окончательности». Он обращает внимание на рукотворность формулирования нормативной силы, при этом подчеркивая, что нормы «не являются абсолютно европейскими»³ [3].

Под влиянием таких международных вызовов, как арабская весна 2011–2014 гг., российская наступательная внешняя политика, активность Китая в ЕС и регионах мира, пандемия 2019–2022, Брюссель начал пересматривать внешнеполитическую стратегию.

¹ European Policy Briefs. URL: https://www.egmontinstitute.be/publication_parent/european-policy-briefs/ (accessed 23 Apr 2021).

² Kolleg-Forschgruppe "The Transformative Power of Europe". URL: <https://www.polsoz.fu-berlin.de/en/v/transformeurope/index.html> (accessed 4 May 2022).

³ Здесь и далее по тексту перевод выполнен автором статьи.

В Европейской стратегии безопасности 2003 г. отмечалось, что «Европа еще никогда не была такой процветающей, такой безопасной и такой свободной». «Насилие первой половины XX века уступило место беспрецедентному в европейской истории периоду мира и стабильности»⁴. А в Глобальной стратегии ЕС 2016 г. (Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy) было выделено пять приоритетов: безопасность ЕС; государственная и социальная устойчивость на востоке и юге ЕС; комплексный подход к конфликтам; региональные порядки, основанные на сотрудничестве; глобальное управление в XXI в.⁵ Два понятия – переосмысление (*rethinking*) и стрессоустойчивость (*resilience*) вошли как доминанты в лексикон европейских политиков и аналитиков.

ЕС крайне заинтересован в инвестировании как в государственную, так и в социальную устойчивость регионов к востоку и югу от своих границ. Эти новации нашли отражение в программных документах регионального сотрудничества ЕС: Связанность Европы и Азии (Connecting Europe and Asia) 2018 г.; ЕС и Центральная Азия: новые возможности для более сильного сотрудничества (The EU and Central Asia: New Opportunities for a Stronger Partnership) 2019 г.; Взаимосвязанность и отношения между ЕС и Азией (Connectivity and EU-Asia relations) 2021 г.; В направлении всеобъемлющей стратегии с Африкой (Towards a comprehensive Strategy with Africa) 2020 г. Экспорт европейских ценностей продолжает оставаться среди приоритетов внешней политики ЕС⁶, тем не менее в последние годы европейские аналитики все настойчивее поднимают вопрос о важности использования геополитики в планировании внешней политики.

Для реализации стратегии требуется использование политической, экономической, военной силы, для того чтобы побудить, убедить заставить других действовать в соответствии с нужными интересами. Умный стратег будет стремиться организовать беспроигрышные ситуации для защиты своих интересов, не создавая напряженности и не прибегая к принудительному использованию своей силы. Вот почему мягкая сила так важна, и именно через привлекательность европейской модели общества.

Однако, сетует С. Бископ, «старая Европа» забыла о важности использования «жесткой силы» принуждения (эмбарго, санкции, военная сила), если нет иного способа гарантировать «жизненно важные интересы» ЕС. По объему военных расходов ЕС занимает второе место в мире, однако ЕС не рассматривается как единое целое и как мировой центр силы. «Европа, через Европейский Союз, должна действовать как великая держава в 21 веке» [1, р. 1–2], – утверждает бельгийский ученый. «Цель внешней политики – защитить ваши интересы, сделать так, чтобы европейцы могли продолжать жить так, как они выбрали. Суть внешней политики не в том, чтобы изменить образ жизни других людей»⁷.

Стратегическая автономия и прагматичный федерализм

С. Бископ полагает, что стратегическая автономия является европейским проектом на многие десятилетия. Это позволит ЕС стать глобальным игроком наряду с США, Китаем и Россией. В мире конкурирующих держав – это один из немногих способов защитить свои собственные интересы⁸. ЕС сможет принять участие в формировании нового мирового порядка только в том случае, если будет проводить политику как консолидированная группа. При этом ЕС не должен стремиться стать такой же великой державой, как другие, ценой отказа от уникальной эгалитарной модели общества. Поэтому ЕС должен отличаться собственной стратегией. Для этого у него имеются необходимые средства [1, р. 4].

Разногласия в ЕС относительно принятия пакетов санкций против России обострили обсуждение реформы ЕС, предполагающей отказ от принципа консенсуса при принятии важнейших решений⁹. В выступлении главы правительства Италии М. Драги перед Европейским парламентом в апреле 2022 г. прозвучало предложение о трансформации ЕС в направлении «прагматичного и идеального федерализма». М. Драги исходил из того, что способ принятия решений общим консенсусом создает препятствия для быстрых и эффективных решений «в строительстве европейской обороны». Поэтому он отстаивал позицию, согласно которой условием эффективной политики ЕС является полное исключение единогласного голосования в пользу квалифицированного большинства¹⁰.

⁴ A Secure Europe in a Better World. European Security Strategy. Brussels, 8 Dec 2003. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-15895-2003-INIT/en/pdf> (accessed 4 May 2022).

⁵ Новая глобальная стратегия Европейского союза по внешней политике и политике безопасности. 01.07.2016. URL: <https://eap-csf.eu/new-global-strategy-for-the-european-unions-foreign-and-security-policy-rus/> (дата обращения: 02.05.2022).

⁶ Börzel T. Es gibt eine europäische Identität. 3 May 2022. URL: <https://www.deutschland.de/de/topic/politik/eu-zeigt-einigkeit-im-ukraine-krieg> (accessed 7 May 2022).

⁷ Borrell J., Mahbubani K., Tooze A., Pirozzi N., Sie Dhian Ho M., Biscop S. European foreign policy in times of Covid-19. A Conversation with High Representative for the EU. 5 May 2021. URL: <https://geopolitique.eu/en/2021/05/05/european-foreign-policy-in-times-of-covid-19/> (accessed 12 May 2021).

⁸ Ibid.

⁹ Уткин С. Почему ЕС трудно отказать от единогласного принятия решений. *Forbes*. 08.05.2022. URL: <https://www.forbes.ru/mneniya/464971-evropejskaa-perestrojka-pocemu-es-trudno-otkazat-ot-edinoglasnogo-prinatia-resenij> (дата обращения: 10.05.2022).

¹⁰ Bonvicini G. Il lungo cammino del federalismo europeo. 5 May 2022. URL: <https://www.affarinternazionali.it/discorso-draghi-parlamento-federalismo-europeo/> (accessed 10 May 2022).

Наряду с темой дальнейшей консолидации ЕС в европейском экспертном сообществе поднимается вопрос относительно важной роли фрагментации и дифференциации в европейском строительстве. Научный проект «Интеграция и дифференциация ЕС для эффективности и ответственности» (EU Integration and Differentiation for Effectiveness and Accountability – EU IDEA) ведет группа исследователей римского Института международных отношений в рамках программы «Горизонт 2020». Авторы рассматривают дифференциацию как важный инструмент придания европейской интеграции большей гибкости. Например, в сфере обороны было начато постоянное структурированное сотрудничество, позволяющее группам желающих и способных государств-членов объединить усилия посредством новых гибких механизмов. Дифференциация может быть использована в других ключевых областях политики ЕС, где единообразие нежелательно или недостижимо, предлагая разнообразные модели сотрудничества между ЕС и странами-кандидатами, потенциальными странами-кандидатами и ассоциированными третьими странами¹¹.

В развитии этой темы представляет интерес исследование финских ученых Туомаса Исо-Маркку и Тиине Карьялайнена, обращенное к фрагментации [8]. Они исследовали три основные европейские системы обороны, которые возникли в последние годы «на обочине структур ЕС и НАТО»: разработанная Германией Рамочная концепция наций (Framework Nations Concept, FNC), Объединенный экспедиционный корпус (Joint Expeditionary Force, JEF) под руководством Великобритании, Европейская инициатива вмешательства (European Intervention Initiative, EI2) под руководством Франции. Несмотря на то, что потенциал этих структур остается до сих пор «в значительной степени не доказанным», имеет значение связывание европейских акторов через существующие институциональные барьеры и усиление взаимодействия между ними [8]. Авторы считают, что пока глубокое объединенное оборонное сотрудничество ЕС остается недостижимым, гибкие форматы сотрудничества могут идеально способствовать возникновению необходимых предварительных условий, предоставляя возможность для более тесного сотрудничества в рамках более мелких и менее разнообразных групп.

Аналогичный подход может быть использован при осуществлении сотрудничества со странами, не входящими в ЕС. Например, Норвегия не входит в ЕС, но является членом Европейской экономической зоны с 1994 г. Она поддерживает уникальные правовые, политические и практические отношения с ЕС в количестве более 70 соглашений. Таким образом, дифференцированные модели отношений могут расширить возможности взаимоотношений третьих стран с ЕС [9].

В течение года через различные общественные институты были собраны и обобщаются девятью рабочими группами тысячи предложений для Конференции о будущем Европы. Но уже сегодня можно предположить, в каком направлении будет осуществляться реформирование ЕС.

Прежде всего, центральные институты должны получить полномочия для вмешательства в те сектора, которые пока являются прерогативой национальных органов, но которые по своей природе требуют принятия совместных решений и коллективной ответственности. Это здравоохранение, оборона и энергетика. Чтобы действовать своевременно и эффективно, необходимо определить новые формы интеграции и дифференциации. ЕС не может функционировать без укрепления гибких методов сотрудничества между государствами и более упорядоченных процедур принятия решений. Формы дифференцированной интеграции уже предусмотрены в Договорах, в частности посредством расширенного сотрудничества, ими являются еврозона, Шенгенская зона и постоянное структурированное сотрудничество в области обороны. Ни в коем случае дифференциация не должна касаться основополагающих ценностей Союза, таких как верховенство закона или соблюдение прав человека, которые чреваты риском чрезмерной фрагментации или даже распада.

В связи с запросами о членстве в ЕС со стороны Украины, Грузии и Молдовы концепция гибкости может приобрести другое, более стратегическое значение, например, путем предложения нескольких моделей сотрудничества между Евросоюзом и странами-кандидатами.

Необходимо отказаться от консенсусного голосования и ввести процедуры квалифицированного большинства там, где единодушие бывает недостижимым, как в областях внешней политики, безопасности и обороны, прав человека и санкций.

Но всеобъемлющая реформа потребует модификации договоров. В связи с этим Европейский парламент потребовал созыва конференции, которая должна открыть учредительную фазу в соответствии со статьей 48. Момент подходящий, заключает Н. Пироцци, но для этого потребуются сильная политическая воля государств-членов и постоянное участие граждан¹².

Влияние российской специальной военной операции на проекты переустройства мирового порядка

Специальная военная операция России выступила в роли триггера международных процессов. С. Бископ полагает, что до начала российской операции ухудшение отношений России и Китая с ЕС и США означало, что мировой порядок рискует распасться на два соперничающих блока: Россия и Китай – с одной стороны, США и ЕС – с другой.

¹¹ Integration and Differentiation for Effectiveness and Accountability. URL: <https://euidea.eu/> (accessed 7 May 2022).

¹² Pirozzi N. Serve un'Europa che parli di futuro. 9 May 2022. URL: <https://www.affarinternazionali.it/serve-uneuropa-che-parli-di-futuro/> (accessed 9 May 2022).

Однако с 24 февраля 2022 г. все выглядит не столь однозначно. Чем больше западные санкции отражаются на России и мировой экономике, тем сложнее другим государствам делать свой выбор в пользу России¹³.

Анализируя позицию Китая по отношению к российской военной специальной операции, С. Бископ, Б. Дессен и Я. Роктус исходят из того, что «Пекин ведет себя как ответственный партнер»¹⁴. Отсюда они делают вывод, что «молчаливый прагматизм ставит Китай на сторону собственных интересов». Каждый из четырех глобальных акторов сотрудничает или не сотрудничает с каждым из остальных четырех в зависимости от своих интересов. Китай и Россия считают друг друга близкими партнерами против предполагаемой американской гегемонии. В связи с особенностями внутривластного положения Китай заинтересован в международной стабильности. Россия, напротив, проводит активную военно-политическую стратегию, позволяющую максимально использовать свои ресурсы в условиях нестабильности. Российский президент добивался многополярности, имея в виду отрицание однополярности США. Теперь, утверждают авторы, своими действиями российский президент вызвал настоящую многополярность. Только мировой порядок, включающий все великие державы нашего времени, может быть по-настоящему стабильным. Личные интересы Китая могут в достаточной мере пересекаться с интересами ЕС. «Это означает, что мы находимся в действительно многополярном мире»¹⁵, – заключают авторы.

Более пессимистично на будущую конфигурацию мирового порядка смотрит М. Нери Гуалдеси. Автор исходит из предположения относительно складывающегося системного соперничества между трансатлантическим блоком (НАТО, ЕС, G7), простирающимся до Индо-Тихоокеанского региона (Австралия, Южная Корея, Япония, Новая Зеландия), и евроазиатским блоком, возглавляемым Россией и Китаем. Несмотря на действия в Украине, Россия менее изолирована на международной арене, чем думают на Западе. В то время как 93 страны действительно проголосовали за исключение РФ из Совета ООН по правам человека, 100 стран, представляющих 76 % населения мира, хотя и по совершенно разным причинам, этого не сделали. В связи с вышесказанным, считает М. Нери Гуалдеси, «перед Западом стоит задача принять вызов перехода к новому мировому порядку»¹⁶.

Исходя из изменившейся под влиянием российских действий международной обстановки должна быть пересмотрена политика ЕС в отношении России. З. Пайкин рассуждает на тему того, что же осталось из сформулированных ранее пяти принципов политики ЕС в отношении Москвы. Пять принципов включали: 1) Минские соглашения / санкции; 2) отношения ЕС с бывшими советскими республиками; 3) устойчивость ЕС по отношению к российским угрозам; 4) избирательное взаимодействие с Россией; 4) поддержку гражданского общества / контактов между людьми¹⁷.

После 24 февраля 2022 г. ранее установленные принципы политики ЕС в отношении России «представляются почти мертвыми». Поэтому, утверждает З. Пайкин, стратегия ЕС в отношении России находится на переломном этапе. ЕС занимает непримиримую позицию в том, что постсоветские страны должны иметь возможность свободно выбирать свою экономическую, политическую и даже геополитическую ориентацию. Отношения с Москвой окажутся серьезной проблемой независимо от того, выйдет ли Россия из современного кризиса более уверенной и реваншистской или репрессированной и униженной. Евросоюзу придется взять на себя ответственность за политику в отношении России. Европейский союз должен укрепить свою жесткую силу. Однако в этом кризисе решимость ЕС должна сочетаться с видимыми попытками деэскалации. После завершения этого кризиса на повестке дня будет стоять задача построения некой инклюзивной европейской системы безопасности¹⁸.

Рассматривая перспективы решения российско-украинского конфликта, Дж. Бонвичини из Римского института международных отношений отмечает, что ЕС не должен добиваться полного военного поражения России, как это звучало на встрече 26 апреля 2022 г. в Рамштайне. Позиция ЕС должна заключаться в том, чтобы побудить обе стороны сесть за стол переговоров. ЕС с его экономическим весом действительно может предложить Украине большой пакт о восстановлении и ассоциации, а России – будущую отмену жестких экономических санкций. Но делать это нужно, проводя собственную политическую линию, не обязательно совпадающую с линией США¹⁹.

В этом плане важную итальянскую точку зрения озвучил президент республики Серджо Маттарелла. Он предлагает

¹³ Biscop S. War Aims. 9 May 2022. URL: https://www.egmontinstitute.be/war-aims/?utm_source=the+Egmont+mailing+list&utm_campaign=6cebfc6e7-Europe-and-great-powers-playing-our-Trump-cards_CO&utm_medium=email&utm_term=0_6fda39e199-6cebfc6e7-219852835 (accessed 9 May 2022).

¹⁴ Biscop S., Dessein B., Roctus J. Putin is Creating the Multipolar World He (Thought He) Wanted. 7 Mar 2022. URL: <https://www.egmontinstitute.be/putin-is-creating-the-multipolar-world-he-thought-he-wanted/> (accessed 22 Apr 2022).

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Neri Gualdesi M. La guerra della Russia all'ordine internazionale. 9 May 2022. <https://www.affarinternazionali.it/guerra-putin-occidente-fine-multilateralismo/> (accessed 9 May 2022).

¹⁷ Paikin Z. The European security order after Putin's aggression. W(h)ither the 'right to choose'? 9 Mar 2022. URL: <https://www.ceps.eu/the-european-security-order-after-putins-aggression/> (accessed 22 Apr 2022).

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Bonvicini G. Il lungo cammino del federalismo europeo. 5 May 2022.

брать в качестве точки отсчета для корректировки мирового порядка не Ялтинский мир, а Хельсинскую конференцию 1975 г. Обоснование президента выглядит следующим образом: «Хельсинки, а не Ялта; диалог, а не испытание на прочность между великими державами, которые должны понимать, что таковыми они становятся все меньше и меньше». Поэтому необходимо конкретно говорить о «новой архитектуре международных отношений в Европе и в мире, разделяемой, вовлекающей, без предвзятых привилегированных позиций»²⁰.

С. Бископ исходит из того, что коллективную территориальную оборону ЕС обеспечивает через инструменты НАТО вместе с США, Канадой и другими союзниками, не входящими в ЕС. Но остальные первоочередные задачи в области внешней политики и безопасности Евросоюз при необходимости должен решать самостоятельно. Для исключения ненужного дублирования в военной области и координации оборонных усилий создана структура Постоянного структурированного сотрудничества (Permanent Structured Cooperation, PESCO) [2].

Два года назад Еврокомиссия поручила подготовить новый политический и стратегический документ, названный Стратегическим компасом (Strategic compass). Главы государств и правительств ЕС 24 марта 2022 г. одобрили Стратегический компас, дорожную карту для того, чтобы определить реальные угрозы и усилить свои позиции в сфере безопасности и обороны. Документ разделен на четыре корзины: Действие, Безопасность, Инвестиции и Партнеры²¹. Глубокий анализ новой стратегической инициативы Евросоюза является темой отдельного обращения. Пока рассмотрим реакцию европейских экспертов.

С. Бископ, который с 1999 г. пропагандировал усиление интеграции в военной области, не скрывает своего удовлетворения в связи с одобрением Стратегического компаса. Он исходит из того, что страны-члены ЕС, чей совокупный военный бюджет является вторым в мире, расходуют военные средства расточительно и неэффективно из-за фрагментации и отсутствия интеграции в военной сфере²². Кроме того, бельгийский эксперт подвергает критике существующую систему интеграции европейских

вооруженных сил на уровне национальных батальонов. Одна из его статей называется достаточно резко – «Убить батальоны» (Kill the Battlegroups). В качестве альтернативы батальонам он противопоставляет создание «Потенциала быстрого реагирования» (Rapid Deployment Capacity) на уровне бригад, т. е. до пяти тысяч человек, с таким расчетом, чтобы ЕС мог развернуть в случае необходимости 12–15 бригад²³.

Заключение

Обращение к европейской критической аналитике является важным ресурсом для отечественных исследователей изучения актуальной внешней и внутренней политики ЕС и прогнозирования их динамики. Это связано, прежде всего, с открытостью, свободой критической аналитики и высоким уровнем научного анализа и рекомендаций как отдельных исследователей, так и многочисленных национальных и интернациональных мозговых центров в ЕС. Другая важная особенность европейской аналитики заключается в наличии системы и механизмов взаимодействия мозговых центров и евробюрократии. Произведенный европейскими аналитиками научный продукт достаточно быстро продвигается и усваивается не только политической элитой, но и становится достоянием массового потребителя. Наконец, в ЕС уделяется большое внимание прогностической деятельности (*foresight*), разработке сценариев, оценке будущей политики. В качестве примера сошлемся на выполненный по заказу Еврокомиссии аналитический прогноз до 2040 г. об открытой стратегической автономии ЕС. Над документом в 75 страниц трудилась интернациональная группа из 14 человек [10]. Обращение к этому документу является отдельной, самостоятельной темой исследования.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflicting interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / Reference

1. Biscop S. *European Strategy in the 21st century. New future for old power*. N. Y.: Routledge, 2018, 166.
2. Biscop S. *Grand Strategy in 10 words. A guide to great power politics in the 21st century*. Bristol: Bristol University Press, 2021, 262.

²⁰ Intervento del Presidente della Repubblica Sergio Mattarella all'Assemblea Parlamentare del Consiglio d'Europa. Strasburgo, 27 Apr 2022. URL: <https://www.quirinale.it/elementi/67082> (accessed 4 May 2022).

²¹ Blockmans S., Macchiarini Crosson D., Paikin Z. The EU's Strategic Compass: a guide to reverse strategic shrinkage. 31 Mar 2022. URL: <https://www.ceps.eu/ceps-publications/the-eus-strategic-compass/> (accessed 29 Mar 2022).

²² Biscop S. A European Defence Summit in May 2022: From Compass to Capabilities. 21 Apr 2022. URL: https://www.egmontinstitute.be/content/uploads/2022/04/Sven-Biscop_PolicyBrief275_v2.pdf?type=pdf (accessed 1 May 2022).

²³ Biscop S. Kill the Battlegroups. 18 Nov 2021. URL: https://www.egmontinstitute.be/kill-the-battlegroups/?utm_source=the+egmont+mailing+list&utm_campaign=4dc095d55f-Europe-and-great-powers-playing-our-Trump-cards_CO&utm_medium=email&utm_term=0_6fda39e199-4dc095d55f-219852835 (accessed 20 Apr 2022).

3. Manners I. Normative power Europe reconsidered: beyond the crossroads. *Journal of European Public Policy*, 2006, 13(2): 182–199. <https://doi.org/10.1080/13501760500451600>
4. Алексеенкова Е. С. Дискурсивная сила КНР против нормативной силы ЕС: казус Италии. *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. Т. 64. № 5. С. 62–72. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-5-62-72>
Alekseenkova E. S. PRC discursive force against the normative force of the EU: the case of Italy. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2020, 64(5): 62–72. (In Russ.) <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-5-62-72>
5. Игумнова Л. О. Критика нормативной силы Европы в России. *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение*. 2014. Т. 7. С. 122–133.
Igumnova L. O. Normative power Europe critique in Russia. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2014, 7: 122–133. (In Russ.)
6. Романова Т. А. Евросоюз как нормативная сила и проблемы ее восприятия в России как барьер на пути политико-правового сближения. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения*. 2011. № 1. С. 52–66.
Romanova T. A. The normative power of the European Union and its conflictual perception in Russia as a barrier for the EU-Russian legal and political approximation. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6. Filosofii. Kulturologiia. Politologii. Pravo. Mezhdunarodnye otnosheniia*, 2011, (1): 52–66. (In Russ.)
7. Savorskaya E. V. The concept of the European Union's normative power. *Baltic Region*, 2015, (4): 66–76. (In Russ.) <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2015-4-5>
8. Iso-Markku T., Karjalainen T. Flexible Defence Cooperation in Europe: FNC, JEF and EI2. *EU IDEA Policy Briefs*, 2022, (6). URL: https://www.iai.it/sites/default/files/euidea_pb_6.pdf (accessed 20 Mar 2022).
9. Græger N., Haugevik K. Differentiated Integration and EU Outsiders: A Norwegian View. *EU IDEA Policy Papers*, 2022, (19). URL: <https://www.iai.it/en/pubblicazioni/differentiated-integration-and-eu-outsiders-norwegian-view> (accessed 20 Apr 2022).
10. Cagnin C., Muench S., Scapolo F., Stoermer E., Vesnic Alujevic L. Shaping and securing the EU's open strategic autonomy by 2040 and beyond. *Luxembourg*, 2021. <https://doi.org/10.2760/727114>

оригинальная статья

Идентичность ЕС в условиях пандемии коронавируса

Хахалкина Елена Владимировна

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, г. Томск

<https://orcid.org/0000-0002-1747-163X>ekhakhalkina@mail.ru

Поступила в редакцию 25.03.2022. Принята после рецензирования 15.04.2022. Принята в печать 29.04.2022.

Аннотация: Выдвигается тезис о влиянии пандемии коронавируса на идентичность ЕС как спускового крючка для ее качественного переформатирования вследствие произошедшего столкновения национального и общеевропейского уровней самосознания на первоначальном этапе пандемии и последующей трансформации политики Брюсселя в сторону попыток укрепления солидарности и сплочения в связи с продолжением пандемии и крайней неустойчивости общей ситуации в отдельных странах Евросоюза. В первой части содержится теоретическое описание концепта идентичности ЕС и его проблематизация в условиях пандемии. Во второй части обозначены вызовы идентичности ЕС с началом пандемии и погружением союза в фазу неопределенности. В третьей части показаны действия Брюсселя по укреплению возникшего весной 2020 г. кризиса доверия и солидарности как базовых принципов идентичности ЕС. Далее на основе анализа опросов Евробарометра последних лет выявлена динамика отношения населения к разным уровням коллективного самосознания. В заключении содержатся выводы о повышении значения для Брюсселя концепта идентичности ЕС как защитного механизма союза в условиях продолжающейся пандемии и обострения прежних хронических проблем объединения.

Ключевые слова: идентичность Европейского союза, коронавирус, солидарность, международная неопределенность

Цитирование: Хахалкина Е. В. Идентичность ЕС в условиях пандемии коронавируса. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 3. С. 333–340. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-3-333-340>

full article

Pan-European Identity during the COVID-19 Pandemic

Elena V. Khakhalkina

Tomsk State University, Russia, Tomsk

<https://orcid.org/0000-0002-1747-163X>ekhakhalkina@mail.ru

Received 25 Mar 2022. Accepted after peer review 15 Apr 2022. Accepted for publication 29 Apr 2022.

Abstract: The coronavirus pandemic triggered a qualitative reformatting of the pan-European identity. Early in the pandemic, it clashed with national self-awareness. As Brussels attempted to strengthen solidarity and cohesion, the situation in some EU countries became extremely instable. The present article contains a theoretical description of the concept of EU identity and the transformations it underwent during the COVID-19 pandemic. It focuses on the early challenges to the EU's identity, its subsequent plunge into uncertainty and confusion, and Brussels' attempts to build trust and solidarity as the basic principles of the EU's identity. The author analyzed the Eurobarometer surveys to reveal the public attitude towards the two conflicting levels of identity. During the pandemic, the pan-European identity served as a protective mechanism against the exacerbation of chronic unification problems.

Keywords: European Union identity, coronavirus, solidarity, world uncertainty

Citation: Khakhalkina E. V. Pan-European Identity during the COVID-19 Pandemic. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(3): 333–340. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-3-333-340>

Введение

Все мировое сообщество, от простых обывателей до политиков и ученых, столкнулось с необходимостью полностью перестроить свой привычный уклад жизни, действовавший без сбоев много лет, в связи с объявлением ВОЗ 11 марта 2020 г. пандемии вируса нового типа. Ковид-19 поставил

под сомнение дальнейшее существование в прежнем виде национальных систем здравоохранения, модели социальной защиты и обеспечения, механизмы экономического регулирования и общую логику международных процессов, ставших характеризоваться как неопределенность.

Мобильность населения, нараставшая с каждым годом, была не просто временно прекращена в большей части земного шара; ее ограничение оказалось одним из главных средств для борьбы с пандемией. Продолжающая уже более двух лет ситуация по-прежнему носит чрезвычайный характер, оставаясь вызовом для всех и каждого. В особо сложном положении находится ЕС. Для него пандемия коронавируса стала проверкой на прочность, затмившей по своим масштабам, воздействию и последствиям все предыдущие вызовы, включая экономический кризис 2008–2009 гг., миграционный кризис 2014–2016 гг., Брекзит и др.

Понятие идентичности ЕС и его теоретические основания

Состояние и перспективы идентичности ЕС как системообразующего и поддерживающего единство союза каркаса в последние годы привлекают повышенное внимание экспертов, фиксирующих сбои в работе этого важного механизма [1–7] и предлагающих свое видение решения возникающих проблем [8–14]. Проблему признают и в ЕС, обращая внимание на спекуляции национальных правительств для увеличения своей популярности за счет ослабления имиджа ЕС. Так, в Белой книге 2017 г., изданной к 60-летию подписания Римских договоров, акцентировалось внимание на сложившемся в ЕС феномене, при котором в каких-либо трудностях экономического, социально-политического или иммиграционного характера национальные правительства склонны публично винить Брюссель, зарабатывая политические очки в своих странах, в то время как достижения Евросоюза преподносятся в первую очередь как успехи национальных государств¹.

Оговоримся, что под термином *идентичность ЕС* подразумевается самоидентификация жителей ЕС с ним или чувство принадлежности к объединению. Как любая форма индивидуального или коллективного самосознания идентичность ЕС обладает множественными формами и является динамичной категорией [15, p. 10], на формирование и функционирование которой оказывают влияние разноректорные силы и факторы, как потенциально способные привести к ее укреплению, так и разрушающие ее функции как «скрепы» общества / обществ и его / их иммунитета перед лицом угроз (массовые притоки беженцев, терроризм, правый популизм, пандемия коронавируса и др.).

В теоретическом плане одним из подходов к конструированию идентичности ЕС является представление о ней как мраморном кексе (*marble cake*). Такой пирог состоит из сдобного теста с вкраплениями темного теста, смешанного с какао. Поэтому использование данного выражения в отношении идентичности ЕС подразумевает

не добавление европейского слоя к другим политическим идентичностям, которые могут разделять граждане ЕС, а европеизацию национального уровня самосознания [16, p. 561]. Как отмечают авторы, все национальные идентичности ЕС в некоторой степени содержат европейский элемент [16, p. 561]. Иначе говоря, речь идет о вкраплении идентичности ЕС в национальный уровень.

Ядром избранной методологической рамки является представление о концепции идентичности ЕС в условиях коронакризиса как ресурсе развития, предложенном российским политологом И. С. Семененко [17–19]. В логике обозначенного теоретического видения идентичность ЕС выступает в качестве инструмента для укрепления единства организации и перезагрузки идейно-политической философии союза.

Следует также сделать важное уточнение – несмотря на огромный пласт литературы, связанной с понятием коллективного самосознания на уровне ЕС, указанная категория остается во многом условной – отсутствует ее общепринятое определение, способы ее формирования и укрепления носят подвижный, поисковый характер. С самого начала своего существования еще на уровне концепции идентичность ЕС была тесно увязана с ключевыми характеристиками европейских демократий, впервые в истории создавших наднациональные сообщества, – от их развитой социально-экономической модели до схожих внешнеполитических установок, диктовавших позиционирование в качестве третьей силы между двумя сверхдержавами.

В докладах Евробарометра время от времени фигурирует четыре уровня коллективной идентичности: региональный, национальный, уровень ЕС и уровень космополитических взглядов. Если не считать опросов, проводимых в рамках отдельных стран и неправительственными агентствами, Евробарометр является единственной социологической службой, которая не первое десятилетие осуществляет «замеры» общеевропейской идентичности на уровне всех стран объединения [20].

Общий набор элементов общеевропейской идентичности, фигурировавших в Евробарометре в разное время в длительной исторической динамике, включает следующие составляющие: общая история; география; демократические ценности, ценности демократии и свободы; высокий уровень социальной защиты; общая культура; общее религиозное наследие; единая валюта, евро; символы: флаг, гимн, девиз «Единство в разнообразии»; успехи европейской экономики².

К ключевым элементам идентичности ЕС относятся доверие и солидарность и общие ценности, перечисленные в Декларации идентичности 1973 г. В этом документе

¹ White Paper on the Future of Europe. Reflections and Scenarios for the EU27 by 2025. 2017. URL: <https://data.europa.eu/doi/10.2775/66626> (accessed 22 Dec 2021).

² Respondents' Sense of National / European Identity. URL: <https://www.gesis.org/eurobarometer-data-service/search-data-access/eb-trends-trend-files/list-of-trends/identity-items/> (accessed 12 Dec 2019).

страны-участники обязывались уважать и защищать принципы представительной демократии, верховенство закона, социальную справедливость как конечную цель экономического прогресса и гражданские права. В декларации особо подчеркивалась важность «разнообразия культур внутри общей Европейской цивилизации, принадлежность к общим ценностям и принципам, увеличивающаяся конвергенция отношений к жизни, осознание наличия собственных специфических интересов и решимость участвовать в строительстве единой Европы»³. Именно эти установки вплоть до сегодняшнего дня остаются основой идентичности ЕС.

Вызовы идентичности ЕС на начальном этапе пандемии

Начальная фаза⁴ пандемии нанесла глубокий удар по принципам солидарности, доверия и открытых границ ЕС как ключевых, или базовых, элементов идентичности ЕС и вызвала очередной виток дебатов об идентичности ЕС [21; 22]. Весной 2020 г. в связи с быстрым распространением вируса некоторые государства в одностороннем порядке (Австрия, Венгрия, Словения, Чехия и др.) объявили о закрытии границ, не дожидаясь согласованности своих действий с Брюсселем. Произошло резкое столкновение двух уровней коллективного – европейского и национального – самосознания. Саммит ЕС 26 марта 2020 г. постфактум зафиксировал сложившееся положение дел: Еврокомиссия официально утвердила закрытие внутренних границ на 30 дней и разрешила государствам самостоятельно регулировать отдельные вопросы, связанные с въездом и выездом своих и иностранных граждан.

Такое решение не стало панацеей: некоторые страны не стали закрывать свои границы. Так, Бельгия закрыла все школы, детские сады, кафе и рестораны еще 12 марта 2020 г., но в Нидерландах они оставались открытыми. Поэтому бельгийцы из приграничных районов просто «заскакивали по соседству» за пивом и картофелем-фри. Когда голландцы наконец объявили, что школы, детские сады, бары и рестораны будут закрыты через три дня, министр здравоохранения Нидерландов Б. Брюинс обвинил бельгийцев в «кафе-туризме»⁵. Ситуация же с течением времени усугублялась.

Последний раз ограничения на свободное передвижение людей без паспортов внутри ЕС вводились в 2015 г. в пик миграционного кризиса, связанного с массовым наплывом беженцев. Шенгенское законодательство позволяет вводить такие меры на срок до одного месяца. Правила допускают повторное введение пограничного контроля по причинам, которые включают большие миграционные потоки, террористические атаки и чрезвычайные ситуации в области здравоохранения. Общий срок ограничений не должен превышать шести месяцев⁶.

Евросоюз оказался не готов к своевременной и достаточной помощи странам-участницам в самом начале пандемии в марте 2020 г. Как следствие, действия отдельных стран не согласовывались с Брюсселем и выглядели как всплеск национального эгоизма в его худших проявлениях. Каждое государство ЕС, пребывая в состоянии паралича от накатившей тревоги и страха и пытаясь спасти себя, стало накапливать запасы на тот случай, когда вирус поразит их жителей. Некоторые страны, например Германия, запретили экспорт важнейших предметов медицинского назначения, пренебрегая нормами ЕС о свободном перемещении товаров⁷. Эти и другие действия вызвали массовый гнев и обиду на ЕС в самом пострадавшем в первую волну коронавируса государстве – Италии, испытывавшем беспрецедентное в истории республики давление на систему здравоохранения и все другие социальные службы.

Председатель Еврокомиссии У. фон дер Ляйен пыталась сделать все от нее зависящее, чтобы наладить контакт со всеми странами ЕС, неустанно повторяя слова поддержки и солидарности⁸, подкрепленные несколько запоздалым практическим комплексом мер. В последнюю декаду марта 2020 г., например, были ускорены грузоперевозки внутри ЕС между отдельными государствами, чтобы не допустить нехватки продуктов и медикаментов. Так называемые «зеленые коридоры» позволяли без бюрократических проволочек пересекать национальные границы и доставлять все товары вовремя⁹. Также Еврокомиссия выделила 80 млн евро высокотехнологичной компании CureVac (Тюбинген, Германия) на разработку вакцины против коронавируса¹⁰, предложила программу защиты рабочих мест и работников, затронутых

³ Declaration on European Identity. Copenhagen, 14 Dec 1973. URL: https://www.cvce.eu/content/publication/1999/1/1/02798dc9-9c69-4b7d-b2c9-f03a8db7da32/publishable_en.pdf (accessed 22 Dec 2021). Здесь и далее по тексту перевод выполнен автором статьи.

⁴ Под начальной фазой автор подразумевает период с марта по май 2020 г., когда с началом пандемии отдельные государства фактически принимали меры для борьбы с распространением вируса без согласования с Брюсселем.

⁵ Macdonald-Gibson Ch. The Coronavirus Outbreak is a Critical Test for the European Union. So Far, It's Failing. 18 Mar 2020. URL: <https://time.com/5805783/coronavirus-european-union/> (accessed 22 Dec 2021).

⁶ Temporary Reintroduction of Border Control. URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/what-we-do/policies/borders-and-visas/schengen/reintroduction-border-control_en (accessed 22.12.2021)

⁷ Macdonald-Gibson Ch. The Coronavirus Outbreak...

⁸ Speech by President von der Leyen at the European Parliament Plenary on the European Coordinated Response to the COVID-19 outbreak. 26 Mar 2020. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_20_532 (accessed 22 Dec 2021); State of the Union Address by President von der Leyen at the European Parliament Plenary. 16 Sep 2020. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_20_1655 (accessed 22 Dec 2021).

⁹ Nielsen N. Coronavirus: What EU can and can't do. 25 Mar 2020. URL: <https://euobserver.com/coronavirus/147865> (accessed 22 Dec 2021).

¹⁰ Coronavirus: Commission offers financing to innovative vaccines company CureVac. 16 Mar 2020. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_20_474 (accessed 22 Dec 2021).

Ковид-19, на сумму 100 млрд евро и разработала план помощи в размере 50 млн евро для поставок медицинского оборудования; ЕЦБ выделил 750 млрд евро, чтобы помочь еврозоне оставаться на плаву¹¹.

Причина растерянности и неготовности Брюсселя к оказанию помощи во многом носила объективный характер. ЕС юридически имеет ограниченные полномочия для отражения таких вызовов, какой стала пандемия коронавируса. В ст. 168 Раздела XIV «Здравоохранение» Договора о функционировании ЕС (в редакции 2009 г.) указано, что «надзор за здоровьем» лежит прежде всего на национальном государстве. ЕС может «дополнять национальную политику» и «поощрять сотрудничество»¹². Иными словами, Европейская комиссия координирует и поддерживает государства-члены ЕС в области здравоохранения, дает рекомендации и советы, оказывает помощь через другие структуры. С. Блокманс, эксперт из Брюссельского центра европейских политических исследований напоминает, что государства ЕС никогда не выражали заинтересованность в передаче полномочий в области здравоохранения на наднациональный уровень. «Я думаю, что это неотъемлемая часть той части государства всеобщего благосостояния, которая остается национальной компетенцией»¹³.

Договор о функционировании ЕС также содержит пункт о солидарности, известный как ст. 222, Раздел VII «Условие солидарности»: «Союз и его государства-члены действуют совместно в духе солидарности, если одно из государств-членов подвергается террористической атаке либо становится жертвой катастрофы, вызванной природными факторами или человеком»¹⁴. Разумеется, принудить какое-либо государство к оказанию помощи, да еще в условиях, когда оно само находилось в опасности, невозможно, инстинкт самосохранения в начале пандемии как внесистемного вызова оказался сильнее наднационального принципа.

На пути к преодолению кризиса солидарности и доверия?

В апреле 2020 г. состоялся очередной видеосаммит ЕС, на котором лидеры ЕС договорились о создании Фонда для восстановления экономики объемом до 2 млрд евро¹⁵. Канцлер Германии А. Меркель заявила, что Фонд отвечает

интересам Германии: «В духе солидарности мы должны быть готовы сделать совершенно иные, значительно более высокие взносы в европейский бюджет», – заявила она в выступлении в Бундестаге накануне саммита¹⁶. Решения председателя Европейского совета Ш. Мишеля, последовавшие вслед за саммитом, зафиксировали формулирование совместной Дорожной карты для восстановления ЕС¹⁷. Этот документ, выстроенный вокруг таких важных принципов, как солидарность, сплоченность и сближение, признавал первостепенность здоровья и безопасность граждан ЕС. Кроме того, он определял четыре ключевые области для действий: полностью функционирующий Единый рынок, беспрецедентные инвестиционные усилия, действия в глобальном масштабе и функционирующая система управления. После заседания Еврогруппы в инклюзивном формате 9 апреля 2020 г. было одобрено соглашение о трех важных составляющих социальной защиты для рабочих, предприятий и суверенных компаний на общую сумму 540 млрд евро¹⁸.

Что касается Италии, то ее резко эмоциональная реакция ко времени проведения саммита сменилась на более спокойное и конструктивное отношение к Брюсселю, особенно с учетом выделенной финансовой помощи и стабилизации ситуации внутри страны. Однако вряд ли было возможно говорить о полном и бесповоротном преодолении кризиса солидарности. Коронакризис поставил вопросы о самом содержании этого понятия как ключевого элемента идентичности ЕС, возможности и способах его целенаправленного конструирования.

Солидарность была заложена в «основы объединенной Европы» наряду с «обеспечением прочного мира, единства, равенства, свободы и безопасности». Более того, принцип солидарности ЕС выступает основополагающим, основанным на равном и справедливом распределении как преимуществ, т. е. процветания, так и бремени между членами¹⁹.

С началом пандемии, как отмечает политический аналитик Центра европейской политики (Бельгия) С. Порншлегель, солидарность стала «концепцией, на которую широко ссылались лица, принимающие решения в ЕС», однако оставалась «расплывчатой и двусмысленной»: если солидарность на национальном уровне можно считать «первостепенной», то солидарность ЕС выступала в качестве «второстепенной» важности [23, p. 5].

¹¹ Adler K. Coronavirus outbreak eats into EU unity. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-52135816> (accessed 22 Dec 2021).

¹² Договор о функционировании Европейского союза (новая редакция). URL: <https://eulaw.ru/treaties/tfeu/> (дата обращения: 22.12.2021).

¹³ Nielsen N. Coronavirus: What EU can and can't d...

¹⁴ Договор о функционировании Европейского союза (новая редакция...

¹⁵ EU Leaders clash over trillion euro Covid-19 aid in on-line meeting. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/apr/23/clashes-predicted-over-trillion-euro-covid-19-aid-as-eu-meets-online> (accessed 22 Dec 2021).

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Conclusions of the President of the European Council following the video conference of the members of the European Council. 23 Apr 2020. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2020/04/23/conclusions-by-president-charles-michel-following-the-video-conference-with-members-of-the-european-council-on-23-april-2020/> (accessed 22 Dec 2021).

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Solidarity Principle. 4 May 2011. URL: <https://www.eurofound.europa.eu/observatories/eurwork/industrial-relations-dictionary/solidarity-principle> (accessed 22 Dec 2021).

В июле 2020 г. состоялся очередной, уже в формате очного общения, саммит ЕС, на котором был принят План по восстановлению экономик союза в размере 750 млрд евро и семилетний бюджет в размере 1,074 трлн евро. Такие крупные ассигнования стали результатом решения государств-членов ЕС о временном займе большого объема капитала на рынках и договоренности о введении новых «собственных ресурсов», т. е. новых сборов ЕС для финансирования погашения совместного долга. После сложных и изнурительных переговоров, продолжавшихся пять дней, лидеры стран ЕС согласились предоставить 390 млрд евро в виде грантов и 360 млрд евро в виде ссуд под низкие проценты наиболее пострадавшим государствам (Италия, Испания, Греция и др.)²⁰.

Итоги этого саммита в освещении прессы и экспертных оценках носили позитивный характер. Однако делать выводы об окончательном преодолении кризиса идентичности ЕС было рано, учитывая, что пандемия продолжилась. На саммите в мае 2021 г. главы государств и правительств Евросоюза договорились восстановить к лету 2021 г. свободное передвижение людей, ограниченное из-за коронавируса, и поддержали введение т. н. «цифровых ковидных сертификатов», которые удостоверяют отсутствие у взрослого путешественника вируса Ковид-19²¹.

В наступивший 2022 г. Евросоюз вошел с уже обозначенными проблемами, связанными с распространением нового штамма коронавируса – омикрона, символизировавшего начало пятой волны пандемии. Брюссель призвал к наращиванию темпов вакцинации и введению дополнительных ограничений отдельными странами для предотвращения заражений²².

Динамика общественного мнения в отношении идентичности ЕС среди жителей Евросоюза

Пандемия коронавируса актуализировала задачу укрепления идентичности ЕС. Кейс Италии и других стран показывает, что идеи доверия и солидарности на уровне союза оказываются хрупкими конструкциями, эгоистическое начало берет верх в критический момент, и национальный уровень идентичности становится доминирующим, в некоторых случаях вступая в конфликт с уровнем ЕС. Действенных рецептов по недопущению таких ситуаций пока нет. Существующая модель идентичности союза, базирующаяся на таких

универсальных элементах, как общая история, география, демократические ценности, высокий уровень социальной защиты; культура; общее религиозное наследие и др.²³, в кризисных ситуациях уступает место национальному началу.

Опасность развития таких нежелательных сценариев понимали родоначальники европейской интеграции, считавшие «национализм и национальное первородным грехом» и «первопричиной» кровопролитных войн в XX в. в Европе. Прародители ЕС видели европейскую идентичность как нечто, что возникло бы посредством «того самого процесса, который в более ранний период истории произвел наши национальные формы жизни» [15, р. 6–7].

В опросах социологической службы Евробарометр сопричастность населения именно со своим государством, в первую очередь в длительной временной динамике, прослеживается четко: преимущественно жители ЕС соотносят себя с национальным уровнем (в каких-то случаях отмечается сильная региональная идентичность), в то время как уровень ЕС указывается респондентами на 2–3 месте.

Европейская комиссия отреагировала на возникший в начале пандемии кризис идентичности ЕС. В специальном отчете Евробарометра в серии «Ценности и идентичности граждан ЕС» (2020–2021 гг.), составленном по отличной от прежних подобных отчетов структуре, были представлены данные по самоидентификации жителей стран Евросоюза по профессиональному, возрастному, гендерному, этническому, образовательному, религиозному и политическому признакам. Еще четыре (и всего 12) включали разные уровни коллективной идентичности: отождествление себя с семьей, местом проживания / регионом, национальным и европейским уровнем.

Как видно, два последних показателя оказались «защиты» в общие уровни коллективной идентичности. Такая логика выстраивания и анализа разных уровней самосознания впервые представлена в отчетах Евробарометра за всю историю его существования с 1973 г. В этой связи интерес в упомянутом отчете вызывает раздел, озаглавленный «Идентичность под угрозой?» и явно отсылающий к реакции Еврокомиссии на пандемию. На вопрос, считаете ли Вы, что Ваша идентичность находится под угрозой, были получены следующие результаты: 56 % ответили несогласием, 22 % опрошенных ни согласны, ни не согласны, 21 % согласился с озвученным утверждением²⁴. Среди последних наиболее высокая доля респондентов была зафиксирована

²⁰ Zalan E. EU Leaders agree corona recovery after epic summit. 21 Jul 2020. URL: https://euobserver.com/economic/148997?utm_source=euobs&utm_medium=email&fbclid=IwAR00KlumQEhBubOLT2dnuX09tZaTP74FbuB0lrlMLFdgUX7BNldBcapn1g (accessed 22 Dec 2021).

²¹ Саммит ЕС: пандемия и климат. URL: <https://ru.euronews.com/2021/05/25/eu-summit-covid-climate-ursula> (дата обращения: 31.01.2022).

²² Какие проблемы возьмет с собой Евросоюз в 2022 год? URL: <https://www.dw.com/ru/kakie-problemy-evrosojuz-vozmets-s-soboj-v-2022-god/a-60230260> (дата обращения: 31.01.2022).

²³ Автор в данном случае руководствовалась перечнем, который уже на протяжении трех десятилетий фигурирует в опросах Евробарометра и включает в себя т. н. постоянные элементы. К подвижным элементам относятся образовательные программы, спортивные мероприятия, отдельные экономические инициативы ЕС и др.

²⁴ Becuwe N., Baneth O. Special Eurobarometer 508 on Values and Identities of EU citizens. Luxembourg, 2021. P. 86. <https://doi.org/10.2760/206143>

на Кипре (33 %), в Греции (31 %), Австрии (27 %), Мальте (26 %) и Болгарии (25 %) ²⁵.

Эти цифры, казалось бы, свидетельствуют об отсутствии серьезных проблем, хотя неопределившиеся и ответившие положительно на заданный вопрос составляют 43 % против 56 %. Такие данные явно говорят о наличии трудностей с самоидентификацией жителей ЕС по разным показателям.

Согласно общим данным, самой сильной среди других уровней является семейная идентичность: в 23 из 27 стран ЕС респонденты чаще всего соотносят себя со своей семьей. Далее идет национальная идентичность: в среднем по ЕС 73 % респондентов заявили, что идентифицируют себя по этому признаку, еще 17 % – наоборот, не отождествляют себя по принципу гражданства. Что касается идентичности ЕС, то чуть более 50 % респондентов определяют себя как европейцев, и только 14 % ответили, что они совсем себя не определяют таковыми. В 8 странах менее половины респондентов относят себя к европейцам: это Греция и Швеция (42 %), Хорватия (45 %), Бельгия и Эстония (46 %), Нидерланды (48 %), Финляндия (49 %). Существенные различия можно найти среди респондентов из разных стран-членов ЕС. Более восьми из десяти респондентов в Португалии (93 %), Венгрии (87 %), Словакии (85 %), Испании (84 %), Болгарии и на Кипре (83 %) идентифицируют себя со своей национальностью. Половина опрошенных соотносят себя со своей национальностью «сильно» в Португалии (69 %), Болгарии (57 %), Венгрии, Словакии и на Кипре (50 %) ²⁶.

56 % респондентов в ЕС указывают, что идентифицируют себя с европейцами, 28 % уклонились от ответа, 14 % не отождествляют себя с европейцами. Некоторые вариации можно найти в разных государствах-членах ЕС. Доля выше среднего в идентификации себя с европейцами отмечена в Венгрии (76 %), Словакии (75 %), Мальте (72 %), Польше и на Кипре (67 %), в Румынии и Чехии (66 %), Испании и Словении (65 %), Италии (64 %), а также Литве, Латвии и Австрии (63 %) ²⁷.

До пандемии общие результаты были аналогичными: в первую очередь жители ЕС отождествляли себя с национальным государством. Например, в Евробарометре за 2012 г. подавляющее большинство европейцев (91 %) соотносили себя со своей страной. Наиболее ярко выраженным

этот показатель был в Греции (99 %), Дании (98 %) и Польше (97 %). С Евросоюзом себя ассоциировали только 46 % населения против 52 % ²⁸. В 2018 г. эти данные заметно не изменились: 93 % населения в среднем по ЕС отнесли себя к гражданам своей страны и только 56 % – к ЕС ²⁹.

Несмотря на оптимизм составителей Евробарометра, остается вопрос об изменении или корректировании существующей модели идентичности ЕС таким образом, чтобы минимизировать негативные последствия от описанных выше кризисных ситуаций. В противном случае опасность столкновения национального и общеевропейского уровней, фрагментации и разобщенности ЕС, усиления правого популизма и других угроз сохраняется на длительный период. Эксперты уже на протяжении ряда лет фиксируют рост апатии населения и отдельных местных элит к институтам ЕС, на фоне которой происходят всплески популистских настроений разного спектра по всему союзу [24, р. 8; 25, р. 99]. Согласно опросам, с весны 2020 г. по последний квартал 2021 г. поддержка лидеров популистов в среднем упала на 10 %, в то время как рейтинги непопулистов в среднем вернулись примерно к допандемическому уровню. Электоральная поддержка их партий снизилась, что наиболее заметно в европейских странах, где доля людей, намеревающихся голосовать за популистскую партию, упала в среднем на 11 % – до 27 % в целом ³⁰. Однако в других опросах была замечена любопытная особенность: популистские лидеры, которые демонстрировали серьезное отношение к Ковид-19, во многих случаях получали поддержку в опросах. Снижение поддержки оппозиционных популистских партий в Западной Европе отмечалось в первые три месяца пандемии, но к концу октября значения вернулись почти к своему уровню до пандемии ³¹.

На опасность недооценки правого популизма указывают современные события, например расклад сил на предстоящих президентских выборах во Франции 2022 г. Действующий президент страны Э. Макрон соперничает с правыми и ультраправыми политиками. Шансы лидера правоконсервативной партии «Республиканцы» В. Пекресс и ультраправого политика Э. Земмура оцениваются как весьма высокие ³². Рейтинг последнего сравнялся в феврале 2022 г. с поддержкой лидера «Национального объединения» М. ле Пен ³³, причем все кандидаты особое внимание уделяют отношению к ЕС и наиболее насущным составляющим его развития.

²⁵ Ibid.

²⁶ Ibid. P. 71.

²⁷ Ibid. P. 86.

²⁸ Standard Eurobarometer 77.3. 2012. <https://doi.org/10.4232/1.12050>

²⁹ Standard Eurobarometer 89. 2018. Public opinion in the European Union. <https://doi.org/10.2775/00>

³⁰ The collapse of populist support during the pandemic. 18 Jan 2022. URL: <https://www.openaccessgovernment.org/populism-pandemic/127794/> (accessed 28 Jan 2022).

³¹ Meyer B. Populists in Power: Perils and Prospects in 2021. 18 Jan 2021. URL: <https://institute.global/policy/populists-power-perils-and-prospects-2021> (accessed 28 Jan 2022).

³² Макрон и еще правее. Кто участвует в президентских выборах во Франции. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-59597146> (дата обращения: 02.02.2022).

³³ Четверо правых. Коммерсант. 06.02.2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5204869> (дата обращения: 10.02.2022).

Заключение

С началом пандемии коронавируса обозначилась очередная волна научных и общественно-политических дискуссий о том, что ЕС достиг пределов интеграции и ему требуется передышка для собирания сил и переосмысления содержания и политики конструирования идентичности ЕС. Хотя приведенные в статье данные Евробарометра за 2020–2021 гг. свидетельствуют о преодолении ситуативного, казалось бы, кризиса идентичности ЕС и высокой поддержке граждан, особое внимание в нем к вопросам об угрозе разным видам идентичности и само структурирование отчета, отличное от прошлых аналогичных материалов, говорит об обратном. Брюссель явно стремится защитить категорию идентичности от критики, признавая тем самым необходимость усиления ее резистентных функций на случай обострения текущей ситуации или появления новых вызовов. Отсутствие же в новом отчете выделения разных элементов идентичности, как это было на протяжении многих лет в отчетах указанной социологической службы, дает повод предположить разработку нового подхода в определении составляющих идентичности ЕС. Очевидно, что Евросоюзу следует наращивать, учитывая частоту обсуждения этих вопросов в экспертных кругах,

действия по укреплению механизмов для «подстраивания» к национальному уровню идентичности и смягчению проявления эгоистических устремлений государств в момент опасности, повышению качества доверия и солидарности внутри объединения и готовности к подлинному, а не декларативному диалогу.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflicting interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 22-28-00187 «"Неопределенность" как норма жизни: идентичность ЕС в условиях глобальных трансформаций». <https://rscf.ru/project/22-28-00187/>

Funding: The research was supported by the Russian Science Foundation, project no. 22-28-00187 "Uncertainty as the Norm of Life: The EU Identity & Global Transformations". <https://rscf.ru/project/22-28-00187/>

Литература / References

1. Алонци Р. Миграционные процессы и конструирование идентичности ЕС. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2018. Т. 20. № 2. С. 167–175. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2018-20-2-167-175>
Alonzi R. Contemporary migration processes and construction of European identity. *RUDN Journal of Political Science*, 2018, 20(2): 167–175. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2018-20-2-167-175>
2. Браницкий А. Г. Отношение стран-членов ЕС к Евросоюзу и проблема «европейской идентичности». *Формирование современной европейской идентичности в рамках интеграции ЕС: социальное и культурное измерения*, под ред. Е. В. Викторовой. СПб.: СПбГЭУ, 2018. С. 46–50.
Branitskiy A. G. The attitude of the EU member-states citizens to the European Union and the problem of "European identity". *Modern European identity formation in the framework of the EU integration: social and cultural dimensions*, ed. Viktorova E. V. St. Petersburg: SPbSUE, 2018, 46–50. (In Russ.)
3. Лисицкая И. И. Кризис идентичности как основная детерминанта роста евроскептицизма в ЕС. *Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*. 2020. Т. 2. № 12-1. С. 146–150.
Lisitskaya I. I. Crisis of identity as a basic determinant of the growth of Euroscepticism in the EU. *Vestnik studencheskogo nauchnogo obshchestva GOU VPO "Donetskii natsionalnii universitet"*, 2020, 2(12-1): 146–150. (In Russ.)
4. *Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы*, под ред. А. И. Миллера, Д. В. Ефременко. СПб.: ЕУСПб, 2020. 632 с.
The politics of memory in contemporary Russia and in countries of Eastern Europe, eds. Miller A. I., Efremenko D. V. St. Petersburg: EUSPb, 2020, 632. (In Russ.)
5. Фадеева Л. А. Современные вызовы политики идентичности в ЕС. *Современная Европа*. 2021. № 7. С. 18–26. <https://doi.org/10.15211/soveurope720211826>
Fadeeva L. A. Contemporary challenges of the identity policy in the EU. *Sovremennaya Yevropa*, 2021, (7): 18–26. (In Russ.) <https://doi.org/10.15211/soveurope720211826>
6. *The State of the European Union: Risks, Reform, Resistance, and Revival*, eds. Cowles M., Smith M. Oxford: Oxford University Press, 2000. <https://doi.org/10.1093/0198297572.001.0001>
7. Guibernau M. Prospects for a European identity. *International Journal of Politics, Culture, and Society*, 2011, 24(1/2): 31–43. <https://doi.org/10.1007/s10767-010-9104-6>
8. Stoicheva M. G. EU cultural policy and European identity: a way to view correlation. *South Russian Journal of Social Sciences*, 2018, 19(4): 92–108. <https://doi.org/10.31429/26190567-19-4-92-108>

9. Хахалкина Е. В. Политика памяти ЕС в контексте осмысления деколонизации и европейской идентичности. *Известия АлтГУ*. 2020. № 6. С. 81–85. [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2020\)6-14](https://doi.org/10.14258/izvasu(2020)6-14)
Khakhalkina E. V. EU memory politics in the context of understanding decolonization and a common European identity. *Izvestiya of Altai State University*, 2020, (6): 81–85. (In Russ.) [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2020\)6-14](https://doi.org/10.14258/izvasu(2020)6-14)
10. Kuhn Th. *Experiencing European integration: transnational lives and European identity*. Oxford, 2015. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199688913.001.0001>
11. Levy N., Bonnie Ph. The utility of identity: explaining support for the EU after the crash. *Polity*, 2014, 46(4): 562–590. <https://doi.org/10.1057/pol.2014.19>
12. Royuela V., López-Bazo E. Understanding the process of creation of European identity – the role of Cohesion Policy. *Investigaciones Regionales – Journal of Regional Research*, 2020, (46): 51–70.
13. Youngs R. *The EU beyond the crisis: the unavoidable challenge of legitimacy*. Carnegie Endowment for International Peace, 2013, 32.
14. Janning J. *Crisis and cohesion in the EU: a ten-year review*. ECFR, 2018.
15. Dâmaso M., Davies L. J., Jablonowski K., Montgomery S. *Acting European: identity, belonging and the EU of tomorrow*. Europeanness and Identity Working Group. FEPS YAN 6th Cycle, Jun 2019, 28.
16. Leith M. S., Sim D., van der Zwet A., Boyle E. What does Brexit tell us about our understanding of European identity. *The Political Quarterly*, 2019, 90(3): 559–564. <https://doi.org/10.1111/1467-923X.12734>
17. Семенов И. С. Гражданская идентичность как ресурс национального развития. *Пятый Всероссийский конгресс политологов*. (Москва, 20–22 ноября 2009 г.) URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Semenenko_RAPN.pdf (дата обращения: 25.12.2021).
Semenenko I. S. Civic identity as a resource for national development. *5th All-Russian Congress of Political Scientists*, Moscow, 20–22 Nov 2009. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Semenenko_RAPN.pdf (accessed 25 Dec 2021). (In Russ.)
18. Семенов И. С. Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные ракурсы, европейский контекст. *Полис. Политические исследования*. 2016. № 4. С. 8–28. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.04.03>
Semenenko I. S. Identity politics and identities in politics: interethnic perspectives in a European context. *Polis. Political Studies*, 2016, (4): 8–28. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.04.03>
19. *Политическая идентичность и политика идентичности. Т. 2. Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке*, отв. ред. И. С. Семенов. М.: РОССПЭН, 2012. 471 с.
Political identity and identity politics. Vol. 2. Identity and socio-political changes in the XXI century, ed. Semenenko I. S. Moscow: ROSSPEN, 2012, 471. (In Russ.)
20. Хахалкина Е. В., Грошева Г. В. Проблемы укрепления идентичности ЕС и оценка Евробарометра как инструмента для ее «замера». *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2019. № 6. С. 220–236. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.11>
Khakhalkina E. V., Grosheva G. V. Problems of strengthening European identity and an evaluation of Eurobarometer as a tool to measure its identity. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2019, (6): 220–236. (In Russ.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.11>
21. Caretelli I. European Identity and the Test of COVID-19. *Instituto Affari Internazionali*. 8 May 2020. URL: <https://www.iai.it/sites/default/files/iaicom2034.pdf> (accessed 10 Dec 2021).
22. Miró J. Debating fiscal solidarity in the EU: interests, values and identities in the legitimization of the Next Generation EU plan. *Journal of European Integration*, 2021, 44(3): 307–325. <https://doi.org/10.1080/07036337.2021.1977292>
23. Porschlegel S. *Solidarity in the EU: More hype than substance?* European Policy Centre. Issue Paper. 28 Jul 2021, 32.
24. Bakare N., Sherazi T. Z. Is the European Union evolving or failing? *Policy Perspectives*, 2019, 16(2): 5–25. <https://doi.org/10.2307/j50009730>
25. Grygiel J. The return of Europe's nation-states: the upside to the EU's crisis. *Foreign Affairs*, 2016, 95(5): 94–101.

оригинальная статья

Европейская дипломатия в период кризиса: подход Верховного представителя ЕС Жозепа Борреля в отношении России

Игумнова Людмила Олеговна

Иркутский национальный исследовательский технический университет, Россия, г. Иркутск

<https://orcid.org/0000-0002-1737-4995>

lyudmila_igum@mail.ru

Поступила в редакцию 29.03.2022. Принята после рецензирования 20.04.2022. Принята в печать 29.04.2022.

Аннотация: Рассматриваются особенности дипломатии Европейского союза в отношении России с момента вступления Жозепа Борреля в должность Верховного представителя ЕС по внешней политике и политике безопасности. Изучается подход, которым руководствуется Европейская внешнеполитическая служба в условиях кризиса, эскалации напряженности, стремительного изменения геополитического ландшафта на фоне беспрецедентно низкого уровня двусторонних отношений. Для достижения поставленной цели были проанализированы официальные документы и пресс-релизы Европейской внешнеполитической службы, а также выступления и заявления Верховного представителя с декабря 2019 до начала 2022 г. На основании данных документов в статье представлены взгляд Ж. Борреля на международную роль ЕС, его образ России и предложения Верховного представителя о способах действий в отношении России. Сделан вывод, что подход Европейской внешнеполитической службы под руководством Ж. Борреля не выдержал испытания временем. Дипломатия ЕС продемонстрировала свою неспособность осмыслить и учесть существенные изменения, произошедшие в двусторонних отношениях и в самой России, и трансформироваться в соответствии с ними. В результате европейская стратегия оказалась неэффективной, неспособной адекватно решать стоящие перед ней задачи.

Ключевые слова: внешняя политика Европейского союза, Верховный представитель ЕС, Европейская внешнеполитическая служба, отношения ЕС и России, Жозеп Боррель

Цитирование: Игумнова Л. О. Европейская дипломатия в период кризиса: подход Верховного представителя ЕС Жозепа Борреля в отношении России. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 3. С. 341–348. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-3-341-348>

full article

European Diplomacy in Times of Crisis: the Approach of the EU High Representative Josep Borrell to Engagement with Russia

Lyudmila O. Igumnova

Irkutsk National Research Technical University, Russia, Irkutsk

<https://orcid.org/0000-0002-1737-4995>

lyudmila_igum@mail.ru

Received 29 Mar 2022. Accepted after peer review 20 Apr 2022. Accepted for publication 29 Apr 2022.

Abstract: The article explores the EU diplomacy toward Russia since Josep Borrell took office as EU High Representative for Foreign Affairs and Security Policy. The approach adopted by the European External Action Service (EEAS) in a time of crisis is examined, in the context of the rapidly changing international security environment and the unprecedentedly low level of engagement between Russia and the EU. The research featured the EEAS official documents, press releases, and Josep Borrell's statements issued from late 2019 to early 2022. The analysis revealed some of Borrell's ideas about the international role of the EU, his image of Russia and his suggestions on the EU's course of action towards Russia. The author believes that Borrell's approach clearly failed the reality test. The EU diplomacy demonstrated its inability to adjust to the escalating tensions and the major changes in the bilateral relations, as well as in Russia itself. As a result, the European strategy has proven ineffective and unable to address adequately the challenges it faces.

Keywords: foreign policy of the European Union, the EU High Representative, the European External Action Service, EU-Russia relations, Josep Borrell

Citation: Igumnova L. O. European Diplomacy in Times of Crisis: the Approach of the EU High Representative Josep Borrell to Engagement with Russia. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(3): 341–348. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-3-341-348>

Введение

В рамках европейского академического и политического дискурсов был сформулирован ряд концепций ЕС, определяющих его индивидуальность в сфере дипломатии и особую роль в мировых делах [1; 2]. Один из наиболее известных дискурсов идентичности ЕС – концепция нормативной силы Европы, утвердившаяся с 1990-х гг. [1; 3; 4]. Несмотря на то, что ряд ученых ставили под сомнение идеалистическую природу ЕС и критиковали тезисы, изложенные Яном Маннерсом в рамках данной концепции [5; 6], в глазах многих экспертов именно либеральное и антигеополитическое мышление стало определяющим для внешнеполитического курса и дискурсивных практик Брюсселя [7, p. 62]. Однако масштабные политические кризисы и территориальные изменения, порождая сдвиги в мировой политике, бросают серьезный вызов самовосприятию и внешнеполитическим идеям международных акторов, сложившимся в период стабильности и благополучия [7, p. 64]. На первый план выходит вопрос о путях развития внешней политики и политики безопасности ЕС в эпоху геополитических вызовов и «архаизации» мирового порядка [8], когда дискурс нормативной силы перестает соответствовать реалиям сегодняшнего дня, по крайней мере, в отношении России. Радикально меняющаяся и турбулентная международная среда, в которую вступил Евросоюз в XXI в., вызвала дискуссии в европейском академическом сообществе о роли альтернативных концепций, в частности о месте геополитики во внешней политике ЕС [9–12]. Актуальным в этой ситуации становится анализ реакции институтов и должностных лиц Евросоюза на изменение характера международных отношений.

Понимание институциональной и организационной основы внешней политики имеет значение при изучении дипломатии ЕС [13]. После вступления в силу Лиссабонского договора немало работ было посвящено принципам функционирования и деятельности Европейской внешнеполитической службы (ЕВПС), ставшей ключевым игроком в области Общей внешней политики и политики безопасности ЕС (ОВПБ) [14–17]. Большая часть исследований рассматривала влияние Верховного представителя (ВП) ЕС на внешнюю политику Брюсселя [18–22]. В зарубежной и отечественной литературе давались оценки дискурса ВП и ЕВПС с точки зрения его соответствия стандартам нормативной силы [23; 24].

Данная статья продолжает имеющиеся исследования и анализирует подход, которым руководствуется ЕВПС под руководством ВП Жозепа Борреля в отношении России. Ж. Боррель был назначен на эту должность 1 декабря 2019 г. Дипломатия ЕС в этот период действовала в постоянно меняющейся геополитической обстановке и подвергалась самым серьезным испытаниям. Управление отношениями с Россией не просто оставалось ключевой стратегической задачей Евросоюза, но и заняло центральное место в его повестке¹.

Цель статьи – рассмотреть реакцию нынешнего руководителя ЕВПС на внутрисполитическую эволюцию России и ее внешнеполитические действия, выявить основные особенности дипломатии ЕС в условиях кризиса на фоне беспрецедентно низкого уровня двусторонних отношений. Для достижения поставленной цели были проанализированы официальные документы и пресс-релизы ЕВПС; выступления, заявления, статьи и комментарии ВП с декабря 2019 до начала 2022 г. На основании данных документов в статье представлен взгляд Ж. Борреля на международную роль ЕС, его образ России и предложения ВП о способах действий ЕС в отношении России. Сделаны выводы в отношении эффективности линии поведения ВП.

Представления Жозепа Борреля о международной роли Европейского союза

Несмотря на диагностированный «экзистенциальный кризис» Европейского союза² и прогнозируемый закат его нормативной силы [25], ВП в основном продолжает разделять образ нормативной силы Европы. Он считает, что демократические идеи, принципы верховенства права, прав человека и основных свобод встроены в ДНК ЕС³ и одновременно являются всеобщими ценностями, опорами основанного на правилах международного порядка. Ж. Боррель полагает, что Евросоюз должен сохранить свое лидерство как нормотворец. В рамках развернувшейся «битвы стандартов» и нарративов и перед лицом культурного и политического релятивизма Европа обязана продолжать утверждать универсальные принципы и правила, ликвидировать нормативный вакуум в ряде областей, защитить свое гуманистическое и либеральное видение и не позволить отдельным акторам навязать свои узкие интересы⁴. ЕС не может оставаться «островком демократии в мире автократий», отмечает

¹ The Joint Communication to the European Parliament, the European Council and the Council on EU-Russia relations – Push back, constrain and engage. High Representative of the Union for foreign affairs and security policy. Brussels, 16 June 2021. JOIN(2021) 20 final. P. 3. URL: <https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/joint-communication-eu-russia-relations.pdf> (accessed 5 Feb 2022).

² Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. 2016. P. 7. URL: https://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (accessed 5 Feb 2022).

³ Russia: Speech by High Representative / Vice-President Josep Borrell at the EP debate on his visit to Moscow. Brussels, 09 Feb 2021. URL: https://eeas.europa.eu/delegations/russia/92876/node/92876_en (accessed 3 Feb 2022).

⁴ The EU in the multilateral system. Speech by the High Representative / Vice-President Josep Borrell at the UNited for a New, Fair and Inclusive Multilateralism online International Conference. Brussels, 18 Sep 2020. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage_en/85399/The%20EU%20in%20the%20multilateral%20system (accessed 6 Feb 2022).

Ж. Боррель. Интересы его выживания требуют проецирования европейских ценностей вовне, чтобы его политическую систему разделяли как можно больше народов⁵.

Рассуждая о принципах международного устройства, ВП следует либеральным и антигеополитическим установкам. Идеи многосторонности и опоры на дипломатические каналы коммуникации продолжают оставаться руководящими принципами внешней политики ЕС. Ж. Боррель указывает на недопустимость размывания взаимных обязательств и применения силы, подчеркивает необходимость равных условий и одинаковых норм и стандартов для всех акторов, независимо от их положения в международной системе. Международная солидарность и способность действовать на многосторонней основе видятся гарантией защиты глобальных общественных благ от риска чисто рыночных или национальных подходов. Для главы европейской дипломатии очевидно, что ЕС, будучи многосторонним актором, основанным на отказе от идеи силы, выступает главной движущей силой многосторонности и сдерживания силовой политики в международных отношениях⁶. Ж. Боррель считает, что Европа преодолела свое «имперское искушение». В результате, она видит мир как «динамичное взаимодействие взаимозависимых процессов, регулируемых правилами»⁷.

Выступая с антигеополитических позиций, ВП заявляет о недопустимости возрождения ялтинского порядка и неприемлемости использования его принципов в современных международных отношениях⁸. Попыткам России разграничить зоны влияния великих держав и создать собственную привилегированную сферу противопоставляется идея инклюзивности – учета интересов всех заинтересованных сторон при обсуждении международных проблем⁹, суверенного права каждой страны свободно определять свою внешнюю и внутреннюю политику и круг союзников¹⁰.

Ж. Боррель формулирует структурные причины кризиса мультилатерализма сегодня:

- формирование многополярного мира или «многополярности без многосторонности» – появление новых игроков, неспособных к достижению консенсуса, действующих в одиночку и ищущих гегемонии;

- возвращение империй, политического суверенитета и популизма и, как следствие, отступление от либерального видения мира;
- невозможность достигнуть согласия между всеми государствами и принять универсальные решения по сложным вопросам¹¹.

ВП признает, что в сложившейся ситуации реализовать идеи универсализма в полной мере и «объединить всех для всего» не представляется возможным. Для реабилитации многосторонности необходимо организовывать глобальное регулирование по актуальным вопросам в рамках коалиций *ad hoc* на плюрилатеральной, а не мультилатеральной основе, опираясь на политическую приверженность и добрую волю государств-единомышленников¹². Одновременно реабилитация многосторонности должна сопровождаться укреплением стратегической автономии ЕС, пониманием собственных интересов, поиском своего пути.

Образ России

С одной стороны, Ж. Боррель представляет Россию частью Европы, с другой – признает наличие фундаментальных различий между ними. Наряду с Турцией и Китаем, Россия противопоставляется Европе как страна, вставшая на путь возрождения своего имперского прошлого. К характеристикам современных империй ВП относит:

- «суверенизм» (в противовес суверенности) и авторитарность – упор на суверенитет государства, сопровождающийся отходом от идей воли народа, свободного гражданского общества, прав человека и основных свобод в нарушение международных обязательств;
- формирование зон влияния и попытки их скрыть от международной общественности;
- стремление изменить глобальные правила;
- апелляция к прошлому для продвижения своих интересов¹³.

Современные империи, подчеркивает Ж. Боррель, построены на чуждых Европе ценностях. Их появление и тяга к соответствующему стилю политики считаются одной из главных причин общей международной напряженности.

⁵ Russia: Speech by the High Representative / Vice-President Josep Borrell at the EP Plenary, Strasbourg, 14 Sep 2021. URL: https://eeas.europa.eu/delegations/russia/104078/node/104078_en (accessed 5 Feb 2022).

⁶ The EU in the multilateral system ...

⁷ Borrell J. Europe in the face of the new empires. Brussels, 30 Aug 2020. URL: https://eeas.europa.eu/delegations/russia/84754/node/84754_en (accessed 3 Feb 2022). Здесь и далее по тексту перевод выполнен автором статьи.

⁸ Ukraine: Press remarks by High Representative Josep Borrell at the press conference after meeting the Foreign Minister Dmytro Kuleba. Sanytsia Luhanska (Ukraine), 05 Jan 2022. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/109427/ukraine-press-remarks-high-representative-josep-borrell-press-conference-after-meeting_en (accessed 3 Feb 2022).

⁹ Statement by High Representative Josep Borrell on the security arrangements in Europe. Brussels, 22 Dec 2021. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/109290/node/109290_en (accessed 5 Feb 2022).

¹⁰ The Joint Communication to the European Parliament ... P. 4.

¹¹ The EU in the multilateral system ...

¹² Ibid.

¹³ Borrell J. Europe in the face of the new empires ...

На восприятие России главой европейской дипломатии не могла не оказать влияние его поездка в Москву в феврале 2021 г. Этот визит позволил ВП «оценить сложность работы с Россией»¹⁴ и прийти к нескольким выводам. Первый сводится к тому, что возможности для формирования демократического правового государства в России в настоящее время отсутствуют¹⁵. Демократические ценности и политические свободы рассматриваются властями России «как экзистенциальная угроза», войдя «в штопор», российский политический режим вынужден усиливать репрессии ради собственного сохранения¹⁶.

Второй вывод Ж. Борреля заключается в разрушении «традиционных основ» двусторонних отношений, ставший следствием отрыва России от Европы, отказа российских властей от сотрудничества, их нежелания прилагать усилия к спасению отношений¹⁷. Наряду с репрессиями внутри страны, считает Ж. Боррель, усиливающаяся конфронтация с Западом служит цели самосохранения режима¹⁸. ВП затрагивает проблему разрушения не только политических, но и экономических связей с Россией из-за санкций, сокращения и нарастающей замкнутости российской экономики, а также экологизации мировой экономики¹⁹.

В целом Россия в глазах Ж. Борреля – это «суверенистское государство», империя, геополитический игрок, который стремится к обладанию собственной сферой влияния, опирается на логику нулевой суммы, силой отвоевывает себе место в многополярном мире вместо равноправного взаимодействия в рамках многосторонней системы, основанной на правилах. Цели российского правительства противоположны целям ЕС²⁰. В своем поведении Москва следует повторяющемуся сценарию²¹ и создает «негативную спираль»²², что делает Россию довольно опасным соседом, действующим как соперник²³.

Возобновление полноценного партнерства с Москвой давно рассматривается Евросоюзом как «отдаленная перспектива»²⁴. Среди причин, однако, по которым с Россией приходится считаться, упоминается ее географический охват и протяженность общей границы с ЕС, наличие большой армии, ядерного и энергетического оружия, а также готовность проецировать силу²⁵. Как следствие, взаимодействие с Россией воспринимается как неизбежное, отчасти вынужденное, несмотря на огромные различия: «Россия существует»²⁶, она «не исчезнет», «она будет там, где сейчас, и это не изменится в одночасье»²⁷. ВП считает, что ЕС «придется полагаться» на Москву в решении ряда вопросов²⁸.

Одновременно взгляд на несиловые ресурсы России приводит Ж. Борреля к выводу, что она является слабым игроком как страна с глубокими структурными недостатками²⁹ и как экономический рантье, обладающий «посредственными» экономическими показателями и «неважными» экономическими перспективами. В международной сфере слабость Москвы, с его точки зрения, обусловлена попыткой выстроить стратегический союз с Китаем, который ведет ее к зависимости от Пекина³⁰.

Несмотря ни на что, Россия до недавнего времени все же называлась «крупнейшим партнером» ЕС и «важным глобальным актором»³¹, вместе с которым ЕС сталкивается с общими вызовами, несет «фундаментальную общую ответственность за мир и безопасность», разделяет общие обязательства в международных организациях и имеет экономические взаимосвязи³². Потенциал партнерства Евросоюза с Россией рассматривался как «очень значительный», если бы политические условия позволили его реализовывать. Высоко оценивалось сотрудничество с Россией в области науки и образования.

¹⁴ Russia: Speech... 09 Feb 2021.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Russia: Speech by High Representative / Vice-President Josep Borrell at the EP debate. Brussels, 28 Apr 2021. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/97446/node/97446_en (accessed 5 Feb 2022).

¹⁷ Russia: Speech... 09 Feb 2021.

¹⁸ Russia: Speech... 28 Apr 2021.

¹⁹ Russia: Speech... 09 Feb 2021.

²⁰ The Joint Communication to the European Parliament ... P. 2–3.

²¹ Russia: Statement by the Spokesperson on the expulsion of Czech diplomats. Brussels, 19 Apr 2021. URL: https://eeas.europa.eu/delegations/russia/96874/node/96874_en (accessed 5 Feb 2022).

²² The Joint Communication to the European Parliament ... P. 11.

²³ Russia: Speech... 28 Apr 2021.

²⁴ The Joint Communication to the European Parliament ... P. 11.

²⁵ Ibid. P. 1.

²⁶ Russia: Speech... 28 Apr 2021.

²⁷ Russia: Speech... 14 Sep 2021.

²⁸ Russia: Speech... 28 Apr 2021.

²⁹ The Joint Communication to the European Parliament ... P. 2.

³⁰ Russia: Speech... 28 Apr 2021.

³¹ Russia: Speech... 14 Sep 2021.

³² The Joint Communication to the European Parliament ... P. 2.

Один из аспектов европейского дискурса состоит в проведении четких различий между российским государством и обычными гражданами. Ж. Боррель направляет свою критику в адрес государства и предпочитает говорить о российском правительстве «как о чем-то отличном от России»³³, наносящем вред интересам россиян³⁴ и препятствующем раскрытию всего потенциала двустороннего сотрудничества. Россия, по словам ВП, это российский народ, а не ее властные структуры. Народ России «в основном европейского склада», разделяющий демократические ценности и стремящийся поддерживать прочные связи с ЕС; не отворачиваться от российского общества и искать пути продолжения работы с ним – важная задача ЕС³⁵.

Круг обсуждаемых ВП проблем, связанных с Россией, во многом остается прежним. Во внутренней политике – это продолжающийся дрейф страны в сторону все более авторитарного государства и отход от принципов правового государства, положение российского общества, усугубление ситуации в области прав человека. Во внешней политике внимание приковано к геостратегическим решениям российских властей и их возможным последствиям для ЕС и его соседей, начиная от военной активности России и заканчивая гибридными угрозами со стороны Москвы.

Способы действий в отношении России

Суждения ВП о желаемой европейской стратегии перед лицом современных империй отличаются некоторой противоречивостью. Если ЕС хочет продолжать действовать в соответствии со своими принципами, ему, по мнению Ж. Борреля, придется заплатить определенную цену – овладеть «языком силы» и пройти путь становления «геополитической Европы»³⁶. Дискурс главы европейской дипломатии, однако, не стал геополитическим. Риторика Ж. Борреля продолжала оставаться довольно мягкой вопреки резкому нарастанию напряженности.

Несмотря на попытки ВП убедить российские власти в твердости позиции ЕС, был очевиден его решающий упор на деэскалацию через дипломатические усилия, посредством диалога, через превентивные, упреждающие и разубеждающие

действия³⁷. Ж. Боррель сообщал о своей готовности «при необходимости и возможности» работать над улучшением отношений с российскими властями, «если они проявят искреннюю к этому готовность», и в том случае, если это не будет противоречить европейским ценностям и интересам³⁸. Он декларировал цель найти способ изменить текущую динамику, построить «более предсказуемые и стабильные отношения» с Россией³⁹. На фоне сложного геополитического контекста прошлого года и дальнейшего спада уровня двусторонних отношений Ж. Боррель поставил перед собой задачу «определить модус вивенди»⁴⁰ и как можно лучше подготовиться к длительному периоду политической конфронтации и ухудшения ситуации у границ ЕС. С призывом ожидать лучшего, но быть готовыми к худшему обратился Ж. Боррель к Европарламенту в конце 2021 г.⁴¹

Последние предложения о развитии двусторонних отношений с Россией содержатся в Совместном коммюнике ЕВПС и Еврокомиссии, разработанном по поручению Европейского совета⁴². Авторы коммюнике предложили совместить три способа действий в отношении России: дать отпор, сдерживать и взаимодействовать (push back, constrain and engage).

ЕС намеревался давать отпор нарушениям Россией прав человека и международного права, особенно если дело касается суверенитета, территориальной целостности и независимости государств; противодействовать гибридным угрозам и подрывной внешнеполитической деятельности. Инструменты, которые рекомендовалось задействовать, включали усиление санкций, ограничение ресурсов для реализации внешнеполитических целей, повышение прозрачности финансовых потоков из России. По вопросу о дополнительных ограничительных мерах против России ВП все же высказывал опасения из-за их негативного влияния на двусторонние отношения, экономику России и обычных граждан страны⁴³. Ж. Боррель обосновывал законность уже введенных санкций и призывал утвердить «санкционный режим Навального» за нарушение прав человека, но ссылался на нехватку правовых оснований для санкций в отношении олигархов или против «Северного потока»⁴⁴.

³³ Russia: Remarks by the High Representative / Vice-President Josep Borrell at the press conference presenting the Joint Communication on EU-Russia relations. Brussels, 16 June 2021. URL: https://eeas.europa.eu/delegations/russia/100169/russia-remarks-high-representativevice-president-josep-borrell-press-conference-presenting_en (accessed 5 Feb 2022).

³⁴ Russia: Speech on behalf of the High Representative / Vice-President Josep Borrell at the EP debate. Brussels, 10 June 2021. URL: https://eeas.europa.eu/delegations/russia/99876/node/99876_en (accessed 5 Feb 2022).

³⁵ Russia: Speech... 09 Feb 2021.

³⁶ Borrell J. Europe in the face of the new empires...

³⁷ Ukraine: Press remarks by High Representative Josep Borrell...

³⁸ Russia: Speech... 28 Apr 2021.

³⁹ Russia: Remarks by High Representative Josep Borrell...

⁴⁰ Russia: Speech... 28 Apr 2021.

⁴¹ Ukraine: Press remarks by High Representative Josep Borrell...

⁴² The Joint Communication to the European Parliament...

⁴³ Russia: Remarks by High Representative Josep Borrell...

⁴⁴ Russia: Speech... 28 Apr 2021.

Второй способ действий предполагал сдерживание попыток России подорвать интересы Евросоюза и его соседей. Для этого ЕС должен был стать более устойчивым к внешним потрясениям. Укреплению устойчивости стран Восточного партнерства должны были способствовать реформы. «Превращение в полностью демократические страны» и рост экономического благополучия в условиях свободы представлялся ВП «лучшим способом» противостояния российскому давлению⁴⁵ и «противоядием от вмешательства» со стороны России⁴⁶.

Первые два направления действий, по мнению авторов документа, не отменяли необходимости поддержания определенного уровня партнерства в областях, представляющих интерес для ЕС. В рамках третьего способа действий коммюнике подтверждало готовность к развитию избирательного взаимодействия в сфере здравоохранения и изменения климата. Неизбежным считалось «техническое взаимодействие» с правительством РФ по экономическим вопросам. Третий способ действий включал расширение контактов между людьми и поддержку российского гражданского общества с применением «более гибких и творческих подходов»⁴⁷. Несмотря на то, что ЕС негативно оценивал международную роль России во многих регионах, в коммюнике обозначены проблемы регионального и глобального значения, к решению которых планировалось привлечь российское правительство.

Авторы Совместного коммюнике указывали на свою приверженность пяти руководящим принципам в отношениях ЕС с Россией – концепции, утвержденной в 2016 г.⁴⁸ Согласно Ж. Боррелю, пять принципов – вне времени и устареть не могут из-за их общего характера. Коммюнике виделось способом развития принципов, руководством по их практической реализации. Предложенный подход преподносился как возможность сочетать давление и сотрудничество: демонстрировать силу, давать отпор, сдерживать Москву, оперативно реагировать на грубые нарушения международного права, но стараться избегать ухудшения отношений, сохранять пространство для взаимодействия с ней и даже расширить сотрудничество в ряде сфер.

«Вся полнота отношений ЕС – Россия не может быть сведена к отравлению г-на Навального», – отмечал Ж. Боррель⁴⁹. Другими словами, предлагалось «наводить мосты, когда это возможно, и стоять на твердой позиции, когда это необходимо»⁵⁰. Для главы европейской дипломатии в этом заключался «подход принципиального прагматизма»⁵¹.

Тот факт, однако, что концепция пяти принципов, сформулированная шесть лет назад, все еще рассматривалась как актуальный и адекватный подход к решению современных стратегических задач Европейского союза, защите его интересов и ценностей, не мог не вызывать серьезных вопросов к руководителю внешнеполитического ведомства. Неизменность концепции на фоне ее очевидной неэффективности, отсутствия положительных результатов от ее применения в прошлом и неспособности изменить линию поведения Москвы порождали обоснованную критику в адрес ВП со стороны европейского политического сообщества и СМИ⁵². Концепция Ж. Борреля могла оцениваться европейской общественностью как устаревшая.

Подход Ж. Борреля к осуществлению официальных коммуникаций с Россией также не нес принципиальной новизны и предполагал: 1) сохранение каналов коммуникаций открытыми; 2) наращивание потенциала стратегических коммуникаций; 3) повышение значимости Европейского союза и его институтов в коммуникациях с Россией, более активное вовлечение Москвы в диалог с ЕС как с единой организацией.

Россия актуализировала вопрос об ответственности за общеевропейскую внешнюю политику, сделав очевидным тот факт, что лишь инструменты ОВПБ могут быть эффективны в отношениях с Москвой⁵³. На фоне неприятия Кремлем многонациональных организаций и европейских институтов сплоченность и согласованность действий Европейского союза видятся «крупнейшим ресурсом» Брюсселя⁵⁴. В повестке дня Евросоюза появилось создание таких условий, при которых Москва не сможет заключать двусторонние сделки со странами-членами, а будет вынуждена вести диалог только по линии Россия – Европейский союз⁵⁵.

⁴⁵ Ibid.

⁴⁶ The Joint Communication to the European Parliament ... P. 12.

⁴⁷ Ibid. P. 12–13.

⁴⁸ Пять руководящих принципов: 1) полное выполнение Минских соглашений (как условие изменения позиции ЕС в отношении России); 2) укрепление отношений с восточными партнерами ЕС и другими соседями; 3) повышение устойчивости ЕС; 4) избирательное взаимодействие с Россией по вопросам, представляющим интерес для ЕС; 5) развитие контактов между людьми и поддержка российского гражданского общества.

⁴⁹ Arrest of Alexei Navalny: Speech by High Representative / Vice-President Josep Borrell at the EP debate. Brussels, 19 Jan 2021. URL: https://eeas.europa.eu/delegations/russia/91728/node/91728_en (accessed 5 Feb 2022).

⁵⁰ Russia: Speech... 09 Feb 2021.

⁵¹ EU-Russia relations: Commission and High Representative propose the way forward. Press release. Brussels, 16 June 2021. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_21_3010 (accessed 5 Mar 2022).

⁵² Russia: Remarks by High Representative Josep Borrell...

⁵³ Russia: Speech... 28 Apr 2021.

⁵⁴ Russia: Speech... 14 Sep 2021.

⁵⁵ Russia: Remarks by High Representative Josep Borrell...

Заключение

Изучение содержания документов ЕВПС, а также заявлений и выступлений ее главы за последние два года показывает, что внешнеполитическому ведомству Евросоюза в основном удалось избежать геополитической риторики в адрес Москвы, несмотря на эскалацию международной напряженности у границ ЕС и глубокий кризис двусторонних отношений. Ж. Боррель был готов вести дипломатическую работу и способствовать отказу России от конфронтационных подходов. При этом содержание выступлений Ж. Борреля указывает на неспособность европейской дипломатии развиваться и трансформироваться, переосмысливать и должным образом корректировать политику ЕС в новых условиях. Все это время ЕВПС продолжала опираться на подход, сформулированный ранее, несмотря на значимые изменения, которые произошли в двусторонних отношениях и в самой России. Программа действий, предложенная Ж. Боррелем как одним из авторов Совместного коммюнике, представляется неубедительной и не отвечающей потребностям сегодняшнего дня. Мягкий режим сдерживания и «отговаривания» России и даже сотрудничества с ней перед лицом ее готовности применить жесткую силу не имел перспектив стать эффективным.

Ж. Боррель подвергался справедливой резкой критике со стороны Европарламента и европейских СМИ. Визит ВП в Москву депутаты сочли провальным, унижительным для ЕС, а его переговоры о сотрудничестве с российскими властями расценили как неуместные. С точки зрения многих депутатов Европарламента, навязывание России диалога и сотрудничества в ситуации, когда сами российские власти не хотят этого диалога, является недальновидной и слабой позицией ЕС⁵⁶. ВП осуждали за отсутствие твердости в защите европейских ценностей и прав человека. Не случайно в глазах многих европейских политиков и журналистов Ж. Боррель стал воплощением слабости единой Европы перед лицом России, ее неспособности к адекватным действиям, олицетворением политики умиротворения.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflicting interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Manners I. Normative power Europe: a contradiction in terms? *Journal of Common Market Studies*, 2002, 40(2): 235–258. <https://doi.org/10.1111/1468-5965.00353>
2. Leonard M. *Why Europe will run the 21st century*. N. Y.: Public Affairs, 2006, 170.
3. Manners I. Assessing the decennial, reassessing the global: understanding European Union normative power in global politics. *Cooperation and Conflict*, 2013, 48(2): 304–329. <https://doi.org/10.1177/0010836713485389>
4. Manners I. Sociology of knowledge and production of normative power in the European Union's external actions. *Journal of European Integration*, 2015, 37(2): 299–318. <https://doi.org/10.1080/07036337.2014.990141>
5. Hyde-Price A. 'Normative' power Europe: a realist critique. *Journal of European Public Policy*, 2006, 13(2): 217–234. <https://doi.org/10.1080/13501760500451634>
6. Zimmermann H. Realist power Europe? The EU in the negotiations about China's and Russia's WTO accession. *Journal of Common Market Studies*, 2007, 45(4): 813–832. <https://doi.org/10.1111/j.1468-5965.2007.00749.x>
7. Guzzini S. The Framework of analysis: geopolitics meets foreign policy identity crisis. *The return of geopolitics in Europe? Social mechanisms and foreign policy identity crises*, ed. Guzzini S. Cambridge: Cambridge University Press, 2012, 45–74.
8. Штайгис А. Внешняя политика и политика в сфере безопасности Европейского союза и его отношения с Россией в будущем. *Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы*. 2020. № 56. С. 12–15.
Steigis A. Foreign Affairs and Security policy of the European Union and its Prospective Relations with Russia. *Evropeiskaia bezopasnost: sobytiia, otsenki, prognozy*, 2020, (56): 12–15. (In Russ.)
9. Cadier D. The geopoliticisation of the EU's Eastern Partnership. *Geopolitics*, 2019, 24(1): 71–99. <https://doi.org/10.1080/14650045.2018.1477754>
10. Nitoiu C., Sus M. Introduction: the rise of geopolitics in the EU's approach in its Eastern neighbourhood. *Geopolitics*, 2019, 24(1): 1–19. <https://doi.org/10.1080/14650045.2019.1544396>
11. Pänke J. Liberal Empire, geopolitics and EU strategy: norms and interests in European foreign policy making. *Geopolitics*, 2019, 24(1): 100–123. <https://doi.org/10.1080/14650045.2018.1528545>
12. Youngs R. Geopolitics and the Covid-19 Pandemic: a distorted turn in EU external relations. *European Policy Analysis*. Sieps, 2020. URL: https://www.sieps.se/globalassets/publikationer/2020/2020_Seps.pdf? (accessed 7 Mar 2022).
13. Стрешнева М. В., Руденкова Д. Э. Европейский союз: архитектура внешней политики. М: ИМЭМО РАН, 2016. 135 с.
Strezhneva M. V., Rudenkova D. E. *European Union: architecture of foreign policy*. Moscow: IMEMO, 2016, 135. (In Russ)

⁵⁶ Ibid.

14. Lequesne Ch. EU foreign policy through the lens of practice theory: a different approach to the European External Action Service. *Cooperation and Conflict*, 2015, 50(3): 351–367. <https://doi.org/10.1177/0010836715578742>
15. Руденкова Д. Э. Европейская служба внешнеполитических действий. Стрежнева М. В., Руденкова Д. Э. *Европейский союз: архитектура внешней политики*. М: ИМЭМО РАН, 2016. С. 32–39.
Rudenkova D. E. The European External Action Service. In: Strezhneva M. V., Rudenkova D. E. *European Union: architecture of foreign policy*. Moscow: IMEMO, 2016, 32–39. (In Russ.)
16. Kostanyan H. How "the political" can make the European external action service more effective in the eastern region. *East European politics*, 2017, 33(3): 355–370. <https://doi.org/10.1080/21599165.2017.1323736>
17. Furness M., Ganzle S. The security–development nexus in European Union foreign relations after Lisbon: policy coherence at last? *Development Policy Review*, 2017, 35(4): 475–492. <https://doi.org/10.1111/dpr.12191>
18. Koops J. A., Tercovich G. Shaping the European External Action Service and its post-Lisbon crisis management structures: an assessment of the EU High Representatives' political leadership. *European security*, 2020, 29(3): 275–300. <https://doi.org/10.1080/09662839.2020.1798410>
19. Häge F. M. Allocating political attention in the EU's foreign and security policy: the effect of supranational agenda-setters. *European Union Politics*, 2020, 21(4): 634–656. <https://doi.org/10.1177/1465116520942317>
20. Aggestam L., Hedling E. Leaderisation in foreign policy: performing the role of EU High Representative. *European security*, 2020, 29(3): 301–319. <https://doi.org/10.1080/09662839.2020.1798411>
21. de Deus Pereira J., Kaunert Ch. The high representative's role in EU countering terrorism: policy entrepreneurship and thick, thin and global Europe. *European politics and society*, 2022, 23(1): 94–114. <https://doi.org/10.1080/23745118.2020.1842695>
22. Amadio Viceré M. G. Looking towards the East: the High Representative's role in EU foreign policy on Kosovo and Ukraine. *European security*, 2020, 29(3): 337–358. <https://doi.org/10.1080/09662839.2020.1798405>
23. Игумнова Л. О. Образ нормативной силы Евросоюза в заявлениях Европейской внешнеполитической службы. *Современная Европа*. 2017. № 6. С. 81–93.
Igumnova L. O. Normative power of the EU in communications of the European External Action Service. *Sovremennaya Evropa*, 2017, (6): 81–93. (In Russ.)
24. Wagnsson C., Hellman M. Normative power Europe caving in? EU under pressure of Russian information warfare. *Journal of Common Market Studies*, 2018, 56(5): 1161–1177. <https://doi.org/10.1111/jcms.12726>
25. Павлова Е. Б., Романова Т. А. Нормативная сила: теория и современная практика России и ЕС. *Полис. Политические исследования*. 2017. № 1. С. 162–176. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.01.14>
Pavlova E. B., Romanova T. A. Normative power: some theory aspects and contemporary practice of Russia and the EU. *Polis. Political Studies*, 2017, (1): 162–176. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.01.14>

оригинальная статья

Санкции ЕС в отношении РФ в сфере экспортного контроля и оборота товаров двойного назначения (2014–2022)

Селезнев Роман Сергеевич

Кемеровский государственный университет, Россия,

г. Кемерово

Roman3340@mail.ru

Дементьев Денис Вячеславович

Кемеровский государственный университет, Россия,

г. Кемерово

Поступила в редакцию 19.04.2022. Принята после рецензирования 18.05.2022. Принята в печать 20.05.2022.

Аннотация: Статья посвящена изучению теоретических (правовых) и практических аспектов использования экспортного контроля ЕС за оборотом товаров двойного назначения в качестве санкционной меры в отношении России в 2014–2022 гг. Дан краткий обзор единых правил и принципов ЕС в области контроля экспорта товаров двойного назначения. Основное внимание уделено содержанию и динамике санкционных мер ЕС в отношении РФ в сфере экспортного контроля и оборота ТДН, включая последние (на дату подготовки материала к печати) ужесточения данных ограничительных мер, правовой основе, содержанию, развитию и реализации особого санкционного режима, действующего в данной сфере в отношении России, на практике. Проведен сравнительный анализ ограничений в сфере оборота товаров двойного назначения, действующих до и после ужесточения ограничительных мер ЕС в феврале–марте 2022 г. В качестве изучения механизмов контроля ЕС за соблюдением введенных ограничений рассматриваются судебные разбирательства в отношении лиц, заподозренных в торговле товарами двойного назначения с Россией в обход санкций. На основании доступных статистических данных ЕС за 2013–2021 гг., касающихся экспорта товаров двойного назначения, проведен анализ влияния санкций на сотрудничество ЕС и РФ в сфере экспорта товаров двойного назначения. Сделан вывод, что реализация ограничительных мер в сфере экспортного контроля – это интересный и в некотором роде уникальный кейс применения инструментов ОВПБ в условиях реализации принципов общей торговой политики ЕС. **Ключевые слова:** санкционная политика ЕС, ограничительные меры в отношении России, экспортный контроль, товары двойного назначения

Цитирование: Селезнев Р. С., Дементьев Д. В. Санкции ЕС в отношении РФ в сфере экспортного контроля и оборота товаров двойного назначения (2014–2022). *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 3. С. 349–358. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-3-349-358>

full article

EU Anti-Russian Sanctions in the Sphere of Export Control and Dual-Use Goods Circulation in 2014–2022

Roman S. Seleznev

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

Roman3340@mail.ru

Denis V. Dementiev

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

Received 19 Apr 2022. Accepted after peer review 18 May, 2022. Accepted for publication 20 May, 2022.

Annotation: The research features the theoretical (legal) and practical aspects of EU's export control over the dual-use goods circulation as a sanction measure against Russia in 2014–2022. It gives a brief overview of the common EU approach to the dual-use goods export control. The authors focus on the special sanctions regime against Russia in this sphere, i.e., its legal basis, content, development, and implementation. The article introduces a comparative analysis of restrictions in the sphere of dual-use goods circulation before and after the tightening of EU sanctions in February–March 2022. The theory is illustrated by several court cases against individuals suspected of violating the sanctions regime. Based on the available EU statistics for 2013–2021, the authors analyzed the impact of the sanctions on cooperation between the EU and Russia in the sphere of dual-use goods export. Restrictive measures in the sphere of export control are a unique case of using Common Foreign and Security Policy (CFSP) instruments in the context of implementing the principles of the EU Common Commercial Policy (CCP).

Keywords: EU sanctions policy, restrictive measures against Russia, export control, dual-use goods

Citation: Seleznev R. S., Dementiev D. V. EU Anti-Russian Sanctions in the Sphere of Export Control and Dual-Use Goods Circulation in 2014–2022. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(3): 349–358. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-3-349-358>

Введение

С 2014 г. взаимоотношения РФ и ЕС реализуются в условиях санкционной политики, которая является реакцией Союза на «действия России, дестабилизирующие ситуацию в Украине»¹. То, что принято называть понятием *санкции* в терминологии Евросоюза, обозначается как ограничительные меры (*restrictive measures*), данные меры – важный инструмент Общей внешней политики и политики безопасности ЕС (CFSP). Правовой основой для введения ограничительных мер выступает ст. 29 Договора о Европейском союзе (ДЕС), позволяющая Союзу принимать решения по отдельным вопросам географического или тематического характера. Но уполномочивающей статьёй для введения *restrictive measures* является ст. 215 Договора о функционировании Европейского союза (ДФЕС).

Согласно ст. 215 ДФЕС, ограничительные меры предполагают «прекращение или сокращение, частично или полностью, экономических и финансовых отношений с одной или несколькими третьими странами»². Дополнительно основные принципы реализации Евросоюзом ограничительных мер прописаны в «Руководящих принципах по осуществлению и оценке ограничительных мер», которые были приняты Советом в 2003 г.³

31 июля 2014 г. Европейский совет вводит против России т. н. секторальные санкции – «в связи с действиями России, дестабилизирующими ситуацию в Украине» (официальное наименование санкционного режима), закрепленные Решением Совета № 2014/512/CFSP⁴ и Регламентом Совета № 833/2014⁵ – они включают ограничения в финансовой, военной и технологической сферах в ответ на военные действия на юго-востоке Украины и невыполнение Минских соглашений. Персональные санкции, а также санкции в отношении Крыма регулируются другими постановлениями. Решение Совета ЕС № 2014/145/CFSP устанавливает режим персональных санкций «в отношении действий, подрывающих или угрожающих территориальной целостности, суверенитету и независимости Украины» – он включает санкции против физических и юридических лиц, участвующих или поддерживающих присоединение Крыма к России⁶. Решение Совета ЕС № 2014/386/CFSP устанавливает санкционный режим «в ответ на незаконную

аннексию Крыма и Севастополя» – он включает запрет на взаимодействие с Крымом в экономической, финансовой и туристической сферах⁷.

Практическое применение санкций предполагает теоретическое их изучение. Санкционные меры анализируются исследователями как метод / инструмент внешней политики стран и международных организаций [1–3]. Оцениваются их эффективность [4; 5] и противоречивость [6; 7]. Предметом внимания исследователей являются и санкционные меры в отношении конкретных стран, в том числе и России [8; 9]. Проблематике экспортного контроля в ЕС, в частности его правовым аспектам, посвящены работы зарубежных [10; 11] и отечественных авторов [12–14].

Методы и материалы

Методологическую основу статьи составил системный подход, предполагающий рассмотрение *ограничительных мер* как инструмента внешней политики ЕС. В этом же контексте был использован метод системного анализа. В работе применялись общенаучные и специальные методы исторической науки. Общенаучные методы – сбор, анализ и синтез материала – использовались, прежде всего, при работе с источниками.

Авторы использовали несколько типов источников: правовые акты ЕС (Council Regulation и Council Decision и др.), статистика ЕС (отчеты Еврокомиссии перед Европарламентом), материалы СМИ (Die Welt, Der Spiegel и др.), документы высших органов судебной власти РФ (определение Верховного Суда РФ). Специальный научный метод – сравнительно-исторический – позволил анализировать санкционную политику ЕС на разных этапах развития, т. е. проследить динамику с 2014 по 2022 г.

Результаты

Решение Совета № 2014/512/CFSP⁸ и Регламент Совета № 833/2014 являются основой секторальной санкционной политики Евросоюза в отношении РФ, в том числе в такой специфической сфере, как экспортный контроль и торговля товарами двойного назначения (ТДН). ЕС – это единственный в настоящее время регион / региональное

¹ Council Regulation (EU) № 833/2014 of 31 July 2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32014R0833> (accessed 5 Mar 2022). Здесь и далее по тексту перевод выполнен авторами статьи.

² Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union. 7 Jun 2016. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A12016E%2FTXT> (accessed 5 Mar 2022).

³ Sanctions: how and when the EU adopts restrictive measures. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/sanctions/> (accessed 5 Mar 2022).

⁴ Council Decision 2014/512/CFSP of 31 July 2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32014D0512> (accessed 5 Mar 2022).

⁵ Council Regulation (EU) № 833/2014 of 31 July 2014...

⁶ Council Decision 2014/145/CFSP of 17 March 2014 concerning restrictive measures in respect of actions undermining or threatening the territorial integrity, sovereignty and independence of Ukraine. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32014D0145> (accessed 10 Mar 2022).

⁷ Council Decision 2014/386/CFSP of 23 June 2014 concerning restrictions on goods originating in Crimea or Sevastopol, in response to the illegal annexation of Crimea and Sevastopol. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32014D0386> (accessed 10 Mar 2022).

объединение, имеющее общую (согласованную и юридически обязывающую) правовую базу для контроля за экспортом, посредничеством, перевозкой и перевалкой ТДН [15].

Сразу же необходимо обратить внимание на один немаловажный нюанс – в Союзе экспорт продукции двойного назначения регулируется по правилам Общей торговой политики (ОТП) ЕС, а не в рамках Общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ)! Этот нюанс важен в контексте именно санкционной политики.

До недавнего времени единые для всего Союза правила осуществления экспортного контроля были прописаны в Регламенте от 5 мая 2009 г. (Council Regulation (EC) No 428/2009) – «Регламент о правилах сообщества по контролю за экспортом, расхождением, посредничеством и транзитом товаров двойного назначения»⁸ (данный документ отменял Регламент Совета (ЕС) № 1334/2000 от 22 июня 2000 г.).

Согласно данному Регламенту, каждые три года Комиссия рассматривает вопрос о его выполнении и представляет доклад Европейскому парламенту и Совету, где могут содержаться предложения по изменению, т. е. периодически данный регламент пересматривается (в том числе в контексте санкционной политики). В 2019 г. был запущен процесс очередного пересмотра принципов функционирования режима контроля за экспортом ТДН, результатом чего стало обновление Регламента 2009 г.

Таким образом, на данный момент действует обновленная редакция от 20 мая 2021 г. – «Регламент о создании союзного режима контроля за экспортом, брокерской деятельностью, технической помощью, транзитом и передачей товаров двойного назначения»⁹. Регламент ЕС 2021/821 отменяет Регламент № 428/2009.

Ключевое правило, которое действует в сфере экспорта *dual-use items* – это необходимость экспортеру получать разрешение на экспорт данного вида товаров. Согласно Регламенту, в Евросоюзе под «предметами / товарами двойного назначения понимаются – предметы, включая программное обеспечение и технологии, которые могут быть использованы как в гражданских, так и в военных целях, и включают предметы, которые могут быть

использованы для проектирования, разработки, производства или применения ядерного, химического или биологического оружия или средств его доставки, включая все предметы, которые могут быть использованы как для невзрывоопасных целей, так и для оказания какой-либо помощи в производстве ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств»¹⁰. Перечень продукции двойного назначения, на экспорт которой требуется получение разрешения, приведен в Приложении I к Регламенту¹¹.

Санкционная политика Европейского союза в отношении России в сфере оборота товаров двойного назначения

Согласно Решению Совета ЕС № 2014/512/CFSP⁸ и Регламенту Совета № 833/2014 от 31 июля 2014 г. вводился запрет на прямую или косвенную продажу, поставку, передачу или экспорт товаров и технологий двойного назначения (из перечня в Приложении I Регламента № 428/2009) любому физическому или юридическому лицу в России или для использования в России, если эти предметы полностью или частично предназначены или могут быть предназначены для военного использования. Также вводился запрет на предоставление финансовой и технической помощи, брокерских услуг и иных услуг в отношении ТДН. При этом, если конечным пользователем являются российские военные, любые приобретенные ими товары и технологии двойного назначения считаются предназначенными для военного использования. Вместе с тем делалась оговорка, что указанные ограничения не распространяются на контракты и соглашения, заключенные до 1 августа 2014 г., в последующих постановлениях срок уточнен – 12 сентября 2014 г.

Данные решения Совета ЕС являются по-прежнему действующими, однако за прошедшие почти восемь лет они неоднократно продлевались (последовательно, каждые полгода), уточнялись и дополнялись. Последнее продление действия Решения Совета ЕС № 2014/512/CFSP⁸ состоялось 13 января 2022 г., до 31 июля 2022 г.¹² Последние изменения в Регламент Совета № 833/2014 внесены 8 апреля 2022 г.¹³

⁸ Council Regulation (EC) No 428/2009 of 5 May 2009 setting up a Community regime for the control of exports, transfer, brokering and transit of dual-use items. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/DE/TXT/?uri=celex:32009R0428> (accessed 10 Mar 2022).

⁹ Regulation (EU) 2021/821 of the European Parliament and of the Council of 20 May 2021 setting up a Union regime for the control of exports, brokering, technical assistance, transit and transfer of dual use items (recast). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32021R0821> (accessed 10 Mar 2022).

¹⁰ Ibid.

¹¹ Подробный анализ функционирования союзного режима экспортного контроля не входит в задачи нашего исследования. Общий обзор режима контроля за торговлей товарами двойного назначения можно посмотреть на сайте Еврокомиссии: URL: <https://ec.europa.eu/trade/import-and-export-rules/export-from-eu/dual-use-controls/> (accessed 10 Mar 2022). Для более подробного ознакомления с деятельностью ЕС в сфере экспортного контроля см. сайт «Программы экспортного контроля ЕС P2P»: URL: https://cbn-risk-mitigation.network.europa.eu/eu-p2p-export-control-programme_en (accessed 10 Mar 2022).

¹² Council Decision (CFSP) 2022/52 of 13 January 2022 amending Decision 2014/512/CFSP concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32022D0052> (accessed 10 Mar 2022).

¹³ Council Regulation (EU) 2022/576 of 8 April 2022 amending Regulation (EU) No 833/2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32022R0576> (accessed 12 Apr 2022).

Наиболее серьезные уточнения (в сторону ужесточения) ограничительных мер в сфере *export control* произошли (и, возможно, будут происходить и далее) в феврале-марте 2022 г., после признания Россией независимости ЛНР и ДНР и начала военной спецоперации на территории Украины. 24 февраля при обсуждении новых санкций страны ЕС продемонстрировали неожиданное единство – новый пакет санкций был принят меньше чем за 20 минут и опубликован в журнале ЕС уже на следующий день [16].

Необходимо учитывать, что последние санкционные решения в области экспортного контроля опираются уже на обновленный Регламент ЕС 2021/821, где, среди прочего, расширен перечень товаров двойного назначения. При этом последние постановления в этой сфере по-прежнему используют установленную еще в 2014 г. формулу, что «запрещен экспорт товаров двойного назначения любому физическому или юридическому лицу, организации или органу в России».

Вместе с тем в рамках «второго пакета санкций ЕС» (новый отсчет т. н. пакетов санкций ЕС пошел в феврале-марте 2022 г. после признания ЛНР и ДНР), согласно Решению Совета (CFSP) 2022/327¹⁴ и Регламенту Совета (ЕС) 2022/328¹⁵ от 25 февраля 2022 г., существенно расширяется сфера экспортных ограничений.

1. Теперь запрет может применяться даже в тех случаях, когда экспортируемые ТДН предназначены для гражданских целей, с очень ограниченными «исключениями и отступлениями». Иными словами, с 26 февраля 2022 г. экспорт ТДН в Россию запрещен даже для гражданского использования!

2. Уточняется и жестко оговаривается перечень «исключений и отступлений», которые позволяют осуществить экспорт ТДН, но при одном условии – если экспортер в таможенной декларации заявит о «невоенной цели» (согласно перечню), а компетентные органы стран-членов определяют «невоенный характер использования» и / или «невоенного конечного потребителя». Согласно Решению Совета, к невоенным целям (т. е. к «исключениям и отступлениям») относятся гуманитарные, медицинские цели, для сотрудничества в космических программах, предоставление услуг Интернета, для личного пользования и др. Важный нюанс – «исключения и отступления» разделены на два списка. Список, содержащийся в ст. 2(3), не требует получения специального разрешения на экспорт, а список в ст. 2(4) обязывает экспортера получить разрешение.

3. Расширяется список ТДН, экспорт которых либо полностью запрещен, либо крайне ограничен. В Приложении VII Регламента Совета (ЕС) 2022/328 подробно перечислены дополнительные товары и технологии двойного назначения, подпадающие под санкции, на экспорт которых в РФ требуется получение специального разрешения. Все товары распределены по нескольким категориям: электроника, компьютеры, информационная безопасность и др. Данный перечень товаров позволяет сделать заключение, что под действие европейских санкций подпадает часть оборудования (выборочно) из групп Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (ТН ВЭД ЕАЭС) 84, 85, 88, 89, 90. В основном это микроэлектроника и оборудование для военной и космической промышленности¹⁶.

В рамках т. н. четвертого пакета санкций ЕС, согласно Решению Совета (CFSP) 2022/430 от 15 марта 2022 г., уточняется и расширяется список конечных потребителей (организаций) в России, взаимодействие с которыми запрещается при реализации мер экспортного контроля (расширение данного списка было и в предыдущих «пакетах»). Иными словами, расширяется список российских юридических лиц, которым запрещено продавать товары двойного назначения¹⁷.

Таким образом, основное уточнение и ужесточение санкционных мер ЕС в сфере оборота ТДН связано с *расширением / уточнением*:

- 1) сферы охвата ограничений – теперь и в сторону гражданского назначения;
- 2) перечня товаров, попадающих под ограничительные меры;
- 3) списка российских юридических лиц, взаимодействие с которыми запрещено для всех участников внешнеэкономической деятельности со стороны Союза;
- 4) оснований («исключений и отступлений»), по которым могут быть выданы разрешения на экспорт ТДН, так или иначе это разнообразные «невоенные цели», и / или «невоенные потребители».

Теперь европейский экспортер, намеревающийся осуществить поставку в РФ, должен сверить номенклатуру товара с Приложением I к Регламенту ЕС 2021/821 об экспортном контроле, а затем обратиться к Приложению VII Регламента о санкциях и убедиться, что его товар попадает или не попадает под «исключения и отступления». Если «предполагаемое конечное использование»

¹⁴ Council Decision (CFSP) 2022/327 of 25 February 2022 amending Decision 2014/512/CFSP concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32022D0327> (accessed 17 Mar 2022).

¹⁵ Council Regulation (EU) 2022/328 of 25 February 2022 amending Regulation (EU) № 833/2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32022R0328> (accessed 17 Mar 2022).

¹⁶ Как санкции влияют на экспорт и импорт в России. Тинькофф. Журнал. 22.04.2022. URL: <https://journal.tinkoff.ru/ved-challenges/> (дата обращения: 24.04.2022).

¹⁷ Council Decision (CFSP) 2022/430 of 15 March 2022 amending Decision 2014/512/CFSP concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv%3AOJ.LL.2022.087.01.0056.01.ENG&toc=OJ%3AL%3A2022%3A0871%3ATOC> (accessed 17 Mar 2022).

попадает под исключения по ст. 2(3), тогда экспортеру нет необходимости запрашивать разрешение в соответствии с Регламентом о санкциях. Если «предполагаемое конечное использование» попадает под исключение по ст. 2(4), экспортер должен подать заявку на получение разрешения в компетентный орган государства-члена ЕС, в котором находится экспортер. И даже если товар не числится в перечне ТДН, он все-равно может находиться в других санкционных списках. Важно, что по контрактам, заключенным до 26 февраля 2022 г., экспортер должен был успеть запросить разрешение на экспорт до 1 мая текущего года. Точно так же и завершение уже заключенных контрактов (например, техническое обслуживание проданного оборудования) требует получения разрешения¹⁸.

Всё это создает дополнительные сложности и серьезные «санкционные риски» для европейских компаний, работающих с партнерами в России, и для российских компаний, работающих с европейскими партнерами [17; 18]. Дополнительные риски создает применяемое в рамках санкционной политики ЕС «правило 50 %», которое автоматически распространяет санкции на компании, 50 % акций которых (или более) прямо или косвенно контролируются одним или совокупно несколькими лицам из санкционных списков (например, 25 % – одним, 30 % – вторым)¹⁹. Таким образом, европейские компании вынуждены все время мониторить активно расширяющееся и ужесточающееся санкционное законодательство ЕС и разбираться в его юридических тонкостях. Данная задача не всегда под силу представителям среднего и малого бизнеса – на этом фоне особо востребованными становятся услуги профессиональных юристов в сфере санкционного права. Они предоставляют услуги по «санкционному комплаенсу» (*compliance*) – то есть проверки физических и юридических лиц, с которыми взаимодействуют европейские компании, на соответствие санкционному законодательству ЕС [19; 20].

Однако не всегда удается избежать рисков и финансовых потерь в условиях ужесточения санкционного режима. Это приводит к нарушению сроков поставки и другим сбоям контрактного сотрудничества, что становится поводом к судебным тяжбам в рамках гражданского судопроизводства.

С 2014 г. в практике российских судов все чаще появляются дела, где фигурирует санкционная тема. Например,

поставщик или не исполнил свое обязательство по поставке продукции, или допустил нарушение сроков в связи с введенными ограничениями [21–23]. В конкретной практике судопроизводства это ставит проблему признания или непризнания санкций обстоятельством непреодолимой силы (форс-мажором). Это позволяет ответчикам избежать (или не избежать) ответственности в ситуации, когда именно санкции являются причиной нарушения контрактов. Но единого подхода здесь нет, процесс признания санкций форс-мажором в нашей стране только запущен²⁰. Поэтому суды принимают решения в каждом конкретном случае.

В качестве примера приведем судебное решение, по которому суд освободил поставщика от ответственности за нарушение сроков поставки оборудования из-за введенных санкций. Согласно Определению ВС РФ № 307-ЭС18-11373 от 20.08.2018 по делу № А56-89542/2016 санкции были признаны обстоятельством непреодолимой силы. Ключевой довод – основной причиной нарушения сроков поставки стало то, что поставщик длительное время ожидал получения немецкой экспортной лицензии от Федерального ведомства экономики и экспортного контроля Германии (BAFA)²¹. Данное ведомство в Германии выдает разрешения на экспорт в том числе и ТДН.

Очередной виток санкционных ограничений в текущем году вновь актуализировал тему ответственности (в т. ч. уголовной) за соблюдение иностранных экономических санкций [23]. Первая попытка ввести подобную ответственность была предпринята еще в 2018 г. В текущем году пока результатом стало внесение в ГД законопроекта об уголовной ответственности за соблюдение санкций. Можем предположить – в том числе и в сфере экспортного контроля данная мера приведет к еще более серьезному давлению на бизнес²². Сложится ситуация, по сути, двусторонней ответственности и «замкнутого круга» – в России будут наказывать за соблюдение, а в ЕС – за несоблюдение санкций (или за попытку их обойти).

Введение ограничительных мер в сфере оборота ТДН не отменяет полностью данную сферу взаимодействия между РФ и ЕС, но устанавливает чрезвычайно тяжелые «правила игры» для игроков на этом рынке, степень регламентации возросла на порядок. Отсюда и желание некоторых участников рынка обойти столь жесткие ограничения.

¹⁸ Frequently Asked Questions on export-related restrictions pursuant to Articles 2, 2a and 2b of Council Regulation № 833/2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine, as amended by Council Regulation (EU) 2022/328 of 25 February 2022. 16 Mar 2022. URL: https://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2022/march/tradoc_160081.pdf (accessed 17 Mar 2022).

¹⁹ ЕС начал применять «правило 50 %» в санкциях против России. *Ведомости*. 28.03.2022. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/news/2022/03/28/915563-es-nachal-primenyat-pravilo-50-v-sanktsiyah-protiv-rossii> (дата обращения: 09.04.2022).

²⁰ Кокорева М. Правительство собирается признать санкции форс-мажором для бизнеса. *Forbes*. 17.03.2022. URL: <https://www.forbes.ru/finansy/459403-pravitel-stvo-sobiraetsa-priznat-sankcii-fors-mazorom-dla-biznesa> (дата обращения: 09.04.2022).

²¹ Определение Верховного Суда РФ № 307-ЭС18-11373 от 20.08.2018 по делу № А56-89542/2016. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-20082018-n-307-es18-11373-po-delu-n-a56-895422016/> (дата обращения: 17.03.2022).

²² Бизнесу хотят добавить ответственности. *Коммерсант*. 04.04.2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5293311> (дата обращения: 05.04.2022).

Борьба в Европейском союзе с нарушениями режима ограничительных мер

Реализация мер ЕС в отношении РФ в сфере оборота ТДН предполагает, конечно же, и меру ответственности за нарушения санкционного режима. И здесь мы вновь касаемся интересного аспекта нашей темы, связанного с борьбой в ЕС с нарушениями режима ограничительных мер и соответствующей судебной практикой уже в рамках не только гражданского, но и уголовного судопроизводства.

Вопрос «санкций за нарушение санкций» [24] актуализирует проблему полномочий между союзным и национальным законодательством. Согласно ст. 25 Регламента ЕС 2021/821 «каждое государство-член должно принять соответствующие меры для обеспечения надлежащего исполнения настоящего Регламента», причем эти меры должны быть «эффективными, соразмерными и сдерживающими»²³. То есть в традициях реализации ОВПБ ЕС определяет общие контуры ответственности за нарушения санкционного режима, а конкретные меры (статьи, сроки наказания и т. п.) устанавливаются уже на уровне национального законодательства²⁴ [10; 14; 25]. Большинство стран использует сочетание административных и уголовных наказаний за нарушение санкционных правил [13].

Интересно рассмотреть несколько конкретных судебных precedентов, связанных с установлением меры ответственности за нарушение режима санкций.

Первым процессом в Германии касательно нарушения санкционного законодательства ЕС стало дело против россиянина, проживающего и владеющего фирмой в Германии. Прокуратура обвинила предпринимателя в нарушении эмбарго ЕС на поставку ТДН в Россию – речь шла о поставках химического вещества декаборана (4,5 кг), которое используется для производства ракетных и взрывчатых веществ, а также специальных прессов, которые могут быть использованы для изготовления ракетных деталей. Главной темой дебатов в ходе судебного разбирательства стал вопрос – попадали ли поставленные в Россию товары под ограничения ЕС (адвокат и обвиняемый попытались доказать обратное) и предназначались ли данные товары

для военного применения. В итоге суд пришел к выводу о «конечном военном применении» товаров исходя из данных немецкой разведки и специализации конечных получателей. 9 января 2020 г. Верховный суд Гамбурга приговорил предпринимателя к семи годам лишения свободы и конфискации активов его немецкой фирмы на сумму около 1,5 млн евро²⁵.

Второй похожий судебный прецедент был связан с делом в отношении двух предпринимателей, граждан Германии, за нарушение эмбарго на поставки ТДН в Россию. В данном случае речь идет о поставках российскому предприятию ВПК 15 металлообрабатывающих станков, пригодных для производства ракетной техники, на общую сумму 8 млн евро. По данным следствия, обвиняемые пытались обойти запреты ЕС, указывая в качестве покупателей гражданские фирмы. В марте 2021 г. главный обвиняемый (Александр С., 41 год, Аугсбург), признавший вину в нарушении эмбарго ЕС, получил наказание в виде 3 лет и 9 месяцев тюремного заключения и штраф в размере 8 млн евро, которое нарушитель получил за запрещенные поставки. Второй обвиняемый (Александр О., 40 лет, Мюнхен), признанный соучастником, был приговорен к 2 годам условно за пособничество, к штрафу в размере 184 тыс. евро и залогу 150 тыс. евро за условно-досрочное освобождение²⁶.

Примечательно, что вышеуказанные прецеденты датируются 2020–2021 гг., т. е. еще до ужесточения режима в текущем году. Можно предположить, что в условиях усиления мер контроля по новым правилам 2022 г. новых судебных процессов не избежать. Так, уже 18 марта 2022 г. в СМИ появилась информация о начале расследования Федерального министерства экономики ФРГ в отношении концерна Bosch в связи с возможными поставками компаний в Россию ТДН, запрещенных еще в 2014 г. Расследование было спровоцировано заявлениями официальных лиц Украины об обнаружении запчастей производства немецкой компании в российских военных автомобилях, которые используются при проведении Россией специальной военной операции²⁷.

²³ Regulation (EU) 2021/821 of the European Parliament and of the Council of 20 May 2021...

²⁴ Report from the Commission to the European Parliament and the Council on the implementation of Regulation (EC) № 428/2009 setting up a Community regime for the control of exports, transfer, brokering and transit of dual-use items, including a report on the exercise of the power to adopt delegated acts conferred on the Commission pursuant to Regulation (EU) № 599/2014 of the European Parliament and the Council of 16 April 2014 amending Council Regulation (EC) № 428/2009 setting up a Community regime for the control of exports, transfer, brokering and transit of dual-use items. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52019DC0562&qid=1605625795550> (accessed 1 Apr 2022).

²⁵ Гончаренко Р. Санкции и ядерные ракеты – как инженер-россиянин стал контрабандистом. *Deutsche Welle*. 11.01.2020. URL: <https://www.dw.com/ru/санкции-и-ядерные-ракеты-как-инженер-россиянин-стал-контрабандистом-в-фрг/a-51958574> (дата обращения: 01.04.2022); Exportkontrollnews: Verstoß gegen Russland-Sanktionen kann zu Gefängnisstrafe führen. *Rold & Partner*. 2 Mar 2020. URL: <https://www.roedl.de/themen/export-russland-sanktionen-verstoess-straefe-gefaengnis> (accessed 1 Apr 2022).

²⁶ Haft für Verstöße gegen Russland-Embargo. *Süddeutsche Zeitung*. 4 Mar 2021. URL: <https://www.sueddeutsche.de/bayern/prozesse-hamburg-haft-fuer-verstoesse-gegen-russland-embargo-dpa.urn-newsml-dpa-com-20090101-210303-99-676270> (accessed 1 Apr 2022); В Германии двух человек осудили за нарушение санкций против России. *РБК*. 05.03.2021. URL: <https://www.rbc.ru/politics/05/03/2021/604163749a79475946251e0d> (дата обращения: 01.04.2022).

²⁷ Ukrainekrieg: Wirtschaftsministerium lässt mögliche Verstöße gegen Exportauflagen prüfen. *Der Spiegel*. 18 Mar 2022. URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/ukraine-krieg-wirtschaftsministerium-laesst-moegliche-verstoesse-gegen-exportauflagen-pruefen-a-5e05d0ec-4166-4815-9b3a-428a064bec7> (accessed 1 Apr 2022).

Выше уже шла речь о том, что экспорт ТДН в ЕС регулируется в рамках ОТП (где ключевые полномочия у Еврокомиссии), а санкционная политика проводится в рамках ОВПБ (где уполномочен в своих решениях Совет). Таким образом, применение санкций в сфере экспорта ТДН является опытом реализации ОВПБ через ОТП, что демонстрирует устойчивый компромисс между национальным (Совет) и наднациональным (Еврокомиссия) подходом в управлении. Так, согласно ст. 15 Регламента ЕС 2021/821, при выдаче лицензии на транзит ТДН компетентный орган государства-члена обязан учитывать интересы национальной и общей внешней политики и политики безопасности, в том числе обязательства по санкциям, введенные решением Совета²⁸.

И здесь мы касаемся проблемы полномочий между союзным и национальным законодательством. В сфере ОВПБ ключевые решения принимаются на уровне государств-членов. Союз определяет только общие рамки, оставляя на усмотрение государств-членов принятие конкретных мер, направленных на продвижение общесоюзного подхода [26]. На уровне таких узких вопросов, как контроль экспорта ТДН, также ключевую роль играют национальные органы – функция контроля соблюдения режима санкций лежит на государствах-членах Союза, как и наказание за нарушение режима, экспортные лицензии выдают национальные уполномоченные органы (например, в Германии – это Федеральное ведомство экономики и экспортного контроля – BAFA)²⁹.

Фактически в условиях распространения санкционных мер на торговлю ТДН экспортеры Евросоюза вынуждены нести двойную ответственность, соблюдать двойные правила и ограничения, прописанные в Регламенте по экспортному контролю и в Регламенте по санкциям. Отсюда, видимо, и вытекает несовершенство евросоюзного санкционного режима. Показателем несовершенства санкционного режима, в том числе в сфере экспорта ТДН, являются дискуссии, которые идут на национальном уровне. В Германии некоторые эксперты и депутаты Бундестага от партии Зеленых призывают к ужесточению критериев выдачи лицензий в сфере экспортного контроля – «BAFA должна внимательно отслеживать, что происходит с товарами двойного назначения, и исключать использование в военных целях»³⁰. Звучат призывы к более жесткому контролю и проверке уже выданных лицензий, особенно в части конечного получателя, чтобы исключить риск появления «конечного военного пользователя».

Интересно, что сторонники ужесточения подходов к системе экспортного контроля приводят данные, согласно которым по итогам 2020 г. РФ оказалась на четвертом месте по объему закупок товаров двойного назначения из Германии после Китая (1,6 млрд евро), США (1 млрд) и Бразилии (371 млн). По данным BAFA, за 2020 г. было выдано 673 лицензии на экспорт в Россию товаров, которые могут быть использованы и в военных целях, на сумму почти 366 млн евро³¹. Публикация этих данных вызвала критику Федерального правительства со стороны некоторых политических сил внутри страны и на международной арене – Россия в условиях санкций ЕС оказалась более важным направлением экспорта ТДН Германии, чем, например, Франция (274 млн евро) и тем более Украина (17 млн евро). Более того, некоторые СМИ и политики сочли подобные цифры свидетельством обхода санкций ЕС со стороны Германии.

Однако на этом фоне показательно, что немецкая статистика в целом совпадает с общесоюзной. Так, согласно последнему Докладу Комиссии Европарламенту и Совету о осуществлении Регламента в сфере экспортного контроля, в котором представлены данные за 2019 г., Россия заняла 4 место по экспорту ТДН за пределы ЕС после США, Китая и Швейцарии³². Согласно ежегодным Докладам Европейской Комиссии Европарламенту и Совету об осуществлении Регламента в сфере экспортного контроля, в 2013 г. (т. е. до введения санкций) Россия занимала 3 место (после США и Китая) среди стран, в которые ЕС экспортирует ТДН³³. Однако согласно все тем же отчетам, в 2014 г. (после введения санкций) Россия опускается на 4 место (после США, Китая и Швейцарии) и остается на данной позиции согласно статистике за 2015, 2016, 2017 и 2019 г.³⁴, составляя в эти годы около 4 % экспорта ТДН из ЕС. При этом наблюдается тенденция к постепенному отставанию России от своего ближайшего «конкурента» – Швейцарии, занимающей 3 место среди направлений экспорта ТДН из ЕС с 2014 г.

Статистика показывает, что взаимодействие между ЕС и РФ в сфере экспортного контроля осуществлялось и после 2014 г., даже в условиях введения ограничительных мер. До каких показателей оно снизится после введения очередных «пакетов санкций» в 2022 г. – пока можно лишь предполагать.

²⁸ Regulation (EU) 2021/821 of the European Parliament and of the Council of 20 May 2021 ...

²⁹ Dual Use Export Control National Competent Authorities (February 2022 Update). URL: https://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2022/february/tradoc_160036.pdf (accessed 3 Apr 2022).

³⁰ Deutsche Unternehmen lieferten militärisch nutzbare Güter für Russland. *Die Welt*. 13 Feb 2022. URL: <https://www.welt.de/politik/deutschland/article236869121/Umstrittene-Exporte-Deutsche-Unternehmen-lieferten-militaerisch-nutzbare-Gueter-fuer-Russland.html> (accessed 3 Apr 2022).

³¹ Ibid.

³² Report from the Commission to the European Parliament and the Council on the implementation of Regulation (EC) № 428/2009 ...

³³ Ibid.

³⁴ Ibid.

Евросоюзные санкции не сыграли роль «амбарного замка», который бы полностью закрыл данное направление торгового взаимодействия РФ и ЕС после 2014 г. Россия по-прежнему занимает достаточно высокое место среди 25 ведущих стран назначения экспорта ТДН. И здесь есть несколько причин:

1. Экспортные лицензии выдавались и, видимо, будут продолжать выдаваться по тем контрактам, которые заключались и будут заключаться в рамках «правового поля», т. е. при соблюдении санкционных правил. Можно лишь предположить, что их объем существенно сократится после ужесточений 2022 г.

2. Следует учитывать, что санкционные решения еще в 2014 г. предполагали оговорку, согласно которой ограничения не распространяются на контракты и соглашения, заключенные до 1 августа 2014 г. В последних решениях указана дата до 26 февраля 2022 г. при условии запроса лицензии до 1 мая 2022 г.

3. Нельзя забывать и сделки вне «правового поля», т. е. попытки нелегальной продажи санкционных товаров в Россию. Впрочем с «черным рынком» торговли ТДН ЕС настроен достаточно жестко бороться.

Заключение

Ограничительные меры ЕС в сфере экспортного контроля являются значимым элементом общей санкционной политики, проводимой Союзом в отношении РФ. Можно предположить, что именно данный кластер санкционных мер еще не исчерпан и сохраняется потенциал ужесточения ограничений со стороны ЕС. При нынешнем уровне кризиса взаимоотношений между ЕС и РФ оценить предел ужесточения ограничительных мер достаточно сложно, очевидно лишь направление в сторону дальнейшего «закручивания гаек» [16]. Санкции в сфере экспортного контроля – это интересный и в некотором роде уникальный кейс применения инструментов ОВГБ в условиях реализации принципов общей торговой политики ЕС. Введение ограничительных мер при реализации ОТП диктует необходимость периодически примирять наднациональный и национальный подходы. Это, конечно, провоцирует дискуссии на государственном и союзном уровнях о пределах жесткости ограничительных мер, о степени и правилах их исполнения. Но дискуссии лишь подтверждают тот факт, что в долгосрочной перспективе Союзу удастся найти компромисс / баланс между наднациональным и национальным подходами в управлении.

Литература / References

1. Hufbauer G., Shott J., Elliott K., Oegg B. *Economic sanctions reconsidered*. 3rd ed. Peterson Institute for International Economics, 2009, 248.
2. Hinz J. The cost of sanctions: estimating lost trade with gravity. *Kiel Working Paper*, 2017, (2093): 25.
3. Виноградова Е. В. Экономические санкции как инструмент международной политики. *Экономические и социальные проблемы России*. 2016. № 2. С. 9–23.
Vinogradova E. V. Economic sanctions as a tool of international politics. *Economic and social problems of Russia*, 2016, (2): 9–23. (In Russ.)

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflicting interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Р. С. Селезнев – формирование идеи, формулировка и развитие ключевой цели и задач статьи; сбор источниковой базы исследования, накопление и анализ историографии проблемы, первичный анализ источников и литературы; подготовка черновика рукописи. Д. В. Деметиев – корректировка идейного содержания, цели и задач статьи; сбор источниковой базы исследования, накопление и анализ историографии проблемы, первичный анализ источников и литературы; критический пересмотр чернового варианта рукописи статьи с внесением ценных правок и дополнений по сути темы.

Contribution: R. S. Selezenov developed the research concept, collected the source base, analyzed the historiography, and drafted the manuscript. D. V. Dementiev corrected the ideological content, formulated goals and objectives, collected the research material, analyzed the historiography, and proofread the manuscript.

Финансирование: Публикация статьи подготовлена в рамках гранта Erasmus + Jean Monnet Chair "Russia and the EU: Issues of Partnership and Competition in International Relations" / «Россия и ЕС: вопросы партнерства и конкуренции в международных отношениях» (612037-EPP-1-2019-1-RUEPPJMO-CHAIR). Поддержка Европейской Комиссией выпуска данной публикации не означает одобрения ее содержания. Публикация отражает только точку зрения авторов, Европейская Комиссия не несет ответственность за любое использование содержащейся в ней информации.

Funding: This research was supported by the Erasmus + Jean Monnet Chair "Russia and the EU: Issues of Partnership and Competition in International Relations" (612037-EPP-1-2019-1-RUEPPJMO-CHAIR). The European Commission's support for the production of this publication does not constitute an endorsement of the contents, which reflect the views only of the authors, and the Commission cannot be held responsible for any use which may be made of the information contained therein.

4. Drezner D. W. Economic sanctions in theory and practice: how smart are they? *Coercion: the power to hurt in international politics*, eds. Greenhill K. M., Krause P. N. Y.: Oxford University Press, 2018, 251–270.
5. Силаева В. А. Эффективность санкций в международной политике. *Вестник МГИМО-Университета*. 2021. Т. 14. № 4. С. 136–153. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-4-79-136-153>
- Silaeva V. A. Effectiveness of sanctions in international politics. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2021, 14(4): 136–153. (In Russ.) <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-4-79-136-153>
6. Pape R. Why economic sanctions do not work? *International Security*, 1998, 22(2): 90–136.
7. Drezner D. W. *The sanctions paradox: economic statecraft and international relations*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999, 364. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511549366>
8. Политика санкций: цели, стратегии, инструменты. 2-е изд., перераб. и доп., сост. И. Н. Тимофеев, В. А. Морозов, Ю. С. Тимофеева. М.: НП РСМД, 2020. 452 с.
- Sanctions policy: strategies and tools*. 2nd ed., comps. Timofeev I. N., Morozov V. A., Timofeeva Yu. S. Moscow: RIAC, 2020, 452. (In Russ.)
9. Тимофеев И. Н. Санкции против России: направления эскалации и политика противодействия. Доклад РСМД № 37/2018. 32 с.
- Timofeev I. N. *Sanctions against Russia: directions of escalation and policy of counteraction*. Report of the Russian International Affairs Council. 2018, (37): 32. (In Russ.)
10. *Non-proliferation export controls: origins, challenges and proposals for strengthening*, ed. Joyner D. Ashgate: Routledge, 2015, 254.
11. Chapman B. *Export controls: a contemporary history*. University Press of America, 2015, 444.
12. Осипова Н. Ю. Контроль в отношении экспорта технологий: новые тенденции правового регулирования. *Государство и право*. 2009. № 2. С. 111–115.
- Osipova N. Yu. Control over technology exports: new trends in legal regulation. *Gosudarstvo i pravo*, 2009, (2): 111–115. (In Russ.)
13. Слепак В. Ю. Правовое регулирование торговли вооружениями и товарами оборонного значения в Европейском союзе. М.: Проспект, 2020. 208 с. <https://doi.org/10.31085/9785392337620-2020-208>
- Slepak V. Yu. *Legal regulation of trade in arms and dual-use items*. Moscow: Prospekt, 2020, 208. (In Russ.) <https://doi.org/10.31085/9785392337620-2020-208>
14. Слепак В. Ю., Романова М. Е. Правовые аспекты экспортного контроля за перемещением вооружений и продукцией военного и двойного назначения в Европейском союзе: современное состояние и проблемные вопросы. *Актуальные проблемы российского права*. 2021. Т. 16. № 7. С. 168–178. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.128.7.168-178>
- Slepak V. Yu., Romanova M. E. Legal aspects of export control over the movement of arms and military and dual-use products in the European union: current state and problematic issues. *Aktualnye problemy rossijskogo prava*, 2021, 16(7): 168–178. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.128.7.168-178>
15. Ежегодник СИПРИ 2019: вооружения, разоружение и международная безопасность, ред. колл.: А. А. Дынкин, А. Г. Арбатов, В. Г. Барановский, И. С. Иванов, С. К. Ознобищев, М. Г. Евдотьева. М.: ИМЭМО РАН, 2020. 893 с. <https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0577-2>
- SIPRI Yearbook 2019: armament, disarmament and international security*, ed. board: Dynkin A. A., Arbatov A. G., Baranovskiy V. G., Ivanov I. S., Oznobishchev S. K., Evdotieva M. G. Moscow: IMEMO RAS, 2019–2020, 893. (In Russ.) <https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0577-2>
16. Кавешников Н. Ю. Антироссийская политика Европейского союза как реакция на украинский кризис. РСМД. 06.04.2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/antirossiyskaya-politika-evropeyskogo-soyuza-kak-reaktsiya-na-ukrainskiy-krizis/> (дата обращения: 07.04.2022).
- Kaveshnikov N. Yu. Anti-Russian policy of the European Union as a reaction to the Ukrainian crisis. *Russian International Affairs Council*, 6 Apr 2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/antirossiyskaya-politika-evropeyskogo-soyuza-kak-reaktsiya-na-ukrainskiy-krizis/> (accessed 7 Apr 2022). (In Russ.)
17. Роскошная М. С. Выявление актуальных угроз системы экспортного контроля: международный и российский опыт. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право*. 2016. № 3. С. 320–325.
- Roskoshnaya M. S. Identification of actual threats for export control system: international and Russian experience. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2016, (3): 320–325. (In Russ.)
18. Линников А. С. Влияние международных санкций на деятельность иностранных компаний в России. *Вестник Финансового университета*. 2017. Т. 21. № 3. С. 141–148.
- Linnikov A. S. The impact of international sanctions on activities of foreign companies in Russia. *Vestnik Finansovogo universiteta*, 2017, 21(3): 141–148. (In Russ.)

19. Гландин С., Примаков Д. Санкционный комплаенс в 2019 г.: тенденции и новые веяния. *Legal Insight*. 2019. № 4. С. 36–39.
Glandin S., Primakov D. Sanctions compliance in 2019: trends and new trends. *Legal Insight*, 2019, (4): 36–39. (In Russ.)
20. Примаков Д. Я. Специальные виды комплаенса: антикоррупционный, банковский, санкционный и розыск активов (форензик). Infotropik Media, 2019. 270 с.
Primakov D. Ya. *Compliance practices: anti-corruption, banking compliance, sanction compliance and asset tracing*. Infotropik Media, 2019, 270. (In Russ.)
21. Фролова Е. К. Внешнеторговые сделки с объектами экспортного контроля в условиях экономических санкций в Российской Федерации и Соединенных Штатах Америки. *Проблемы экономики и юридической практики*. 2018. № 6. С. 141–145.
Frolova E. K. Foreign trade transactions with products subject to export control in the context of economic sanctions in the Russian Federation and the United States of America. *Economic Problems and Legal Practice*, 2018, (6): 141–145. (In Russ.)
22. Мельник Н. Н. Вопросы исключительной юрисдикции российских судов по делам юридических лиц, являющихся субъектами секторальных санкций США и Евросоюза. *Российское право: образование, практика, наука*. 2021. № 1. С. 33–42. https://doi.org/10.34076/2410_2709_2021_1_33
Melnik N. N. Issues of exclusive jurisdiction of Russian courts over legal persons subject to sectoral sanctions of the USA and the European Union. *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2021, (1): 33–42. (In Russ.) https://doi.org/10.34076/2410_2709_2021_1_33
23. Старженецкий В., Бутырина В., Драгунова Ю. Экономические санкции глазами российских судей: между защитой публичного порядка и интересов бизнеса. *Международное правосудие*. 2018. № 4. С. 126–141. <https://doi.org/10.21128/2226-2059-2018-4-126-139>
Starzhenetskiy V., Butyrina V., Dragunova I. Russian judges on economic sanctions: balancing between protecting the national public order and business interests. *International Justice*, 2018, (4): 126–141. (In Russ.) <https://doi.org/10.21128/2226-2059-2018-4-126-139>
24. Тимофеев И. Санкции за нарушение санкций: бизнес на радарх минфина США. *Международный дискуссионный клуб «Валдай»*. 28.11.2018. Режим доступа: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/sanktsii-za-sanktsii/> (дата обращения: 25.03.2022).
Timofeev I. *Sanctions for violating sanctions: business on the radar of the US Treasury*. 28 Nov 2018. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/sanktsii-za-sanktsii/> (accessed 25 Mar 2022). (In Russ.)
25. Ириарте А. Х. Л., Линников А. С., Середа А. В., Минаков А. С. Актуальные способы юридической защиты российских лиц в обстановке международных экономических санкций. *Финансы: теория и практика*. 2022. Т. 26. № 1. С. 198–214. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2022-26-1-198-214>
Iriarte A. J. L., Linnikov A. S., Sereda A. V., Minakov A. S. Current ways to protect the rights and ensure the economic security of Russian individuals and legal entities in the context of international economic sanctions. *Finance: Theory and Practice*, 2022, 26(1): 198–214. (In Russ.) <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2022-26-1-198-214>
26. Кавешников Н. Ю. Европейский союз: история, институты, деятельность. М.: Аспект Пресс, 2021. 368 с.
Kaveshnikov N. Yu. *European Union: history, institutions, and activities*. Moscow: Aspekt Press, 2021, 368. (In Russ.)

оригинальная статья

Генезис гражданского компонента кризисного реагирования ЕС: параметры, проблемы, взаимодействие с РФ

Семенов Олег Юрьевич

Санкт-Петербургский филиал ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики"»

(НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург), Россия, г. Санкт-Петербург

<https://orcid.org/0000-0003-0324-3350>

<http://www.researcherid.com/rid/Y-9678-2019>

osemenov@hse.ru

Поступила в редакцию 01.04.2022. Принята после рецензирования 04.05.2022. Принята в печать 20.05.2022.

Аннотация: Актуальность проблемы детерминирована тем, что с появлением на рубеже XX–XXI вв. новых угроз и вызовов безопасности все большее значение приобретают гражданские инструменты, необходимые для полноценной постконфликтной стабилизации общества. Цель статьи – решение научной проблемы выявления принципиальных особенностей процесса становления гражданского компонента кризисного реагирования Европейского союза и степени участия в нем Российской Федерации. В качестве методологической основы работы используется универсальный эволюционизм, применяются методы концептуального и структурного моделирования, сравнительный анализ и исторический подход для выявления динамики рассматриваемого явления. К основным результатам статьи относится определение специфики гражданского компонента в системе кризисного урегулирования ЕС, определение основной ценности интеграционного объединения для развития гражданского компонента кризисного реагирования, которая заключается в объединении и координации европейских национальных ресурсов, создании площадок и возможностей для обмена опытом, повышения мотивации и профессионального уровня специалистов и экспертов в области гражданского компонента кризисного урегулирования. Отдельное внимание уделяется анализу взаимодействия Евросоюза и РФ на данном направлении. В качестве основного вывода следует назвать тезис о том, что ключевыми параметрами становления и развития гражданского измерения кризисного реагирования являются политическая воля к активному внедрению гражданского компонента политики безопасности со стороны государств и структур Евросоюза, решение проблемы достаточности и пополняемости кадрового потенциала. Отмечается, что на современном этапе двусторонних российско-европейских отношений и в обозримой перспективе потенциал кооперации в сфере гражданского компонента кризисного реагирования не входит в проблемное поле политики безопасности. Полученные результаты вносят существенный вклад в изучение проблем развития ЕС, параметров генезиса и развития гражданских миссий организации, российско-европейского диалога.

Ключевые слова: европейская безопасность и оборона, гражданское измерение, кризисное реагирование, российско-европейский диалог, кадровая политика, гражданские миссии ЕС

Цитирование: Семенов О. Ю. Генезис гражданского компонента кризисного реагирования ЕС: параметры, проблемы, взаимодействие с РФ. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 3. С. 359–367. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-3-359-367>

full article

Genesis of the Crisis Response Civil Component in the European Union: Parameters, Problems, and Interaction with Russia

Oleg Yu. Semenov

Higher School of Economics – Saint-Petersburg (HSE University – St Petersburg), Russian, St. Petersburg

<https://orcid.org/0000-0003-0324-3350>

<http://www.researcherid.com/rid/Y-9678-2019>

osemenov@hse.ru

Received 1 Apr 2022. Accepted after peer review 4 May 2022. Accepted for publication 20 May 2022.

Abstract: The article features the civil component of the crisis response in the European Union, as well as the Russian role in its development. With the new security threats and challenges, the civilian instruments necessary for the post-conflict society stabilization are becoming increasingly important. The research was based on the universal evolutionism and included such methods as conceptual and structural modeling, comparative analysis, and historical approach. The methods made it possible to reveal the civil

component within the crisis management system of the European Union. The civil component unites and coordinates European national resources, creates platforms and opportunities for experience exchange, increases the motivation and professionalism of experts, etc. The author also focused on the interaction between the European Union and the Russian Federation in this sphere. The key parameters for developing the civil dimension of crisis response include two points: (1) the political will to implement the civilian component of security policy by the European Union institutions and member states, (2) the will to solve the problem of human resources. For the current and foreseeable Russian-European relations, the cooperation potential of the civilian component of crisis response is not included in the security policy. The research makes a significant contribution to the study of the European Union development problems, genesis and development parameters of the civil missions, and the Russian-European dialogue.

Keywords: European security and defense, civil dimension, crisis response, Russian-European dialogue, personnel policy, EU civil missions

Citation: Semenov O. Yu. Genesis of the Crisis Response Civil Component in the European Union: Parameters, Problems, and Interaction with Russia. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(3): 359–367. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-3-359-367>

Введение

С появлением на рубеже XX–XXI вв. новых угроз и вызовов безопасности, источником которых являются субъекты разного рода, способность как государств, так и международных организаций быстро и эффективно реагировать на международные кризисы приобретает все большую значимость. Наиболее востребованы оказались гибкие политические, экономические, военные и гражданские инструменты, а также комплекс превентивных действий, включающих дипломатические усилия и помощь развитию, – синтез гражданских и военных компонентов кризисного реагирования. При этом все большее значение начало приобретать именно невоенное измерение – гражданская администрация, гражданская полиция и другие административные инструменты, необходимые в ситуации необходимости стабилизации общества на стадии постконфликтного восстановления. Указанные факторы предопределяют актуальность исследования и свидетельствуют о растущем интересе к рассматриваемой проблематике.

Цель проводимого исследования следует определить как выявление принципиальных особенностей процесса становления гражданского компонента кризисного реагирования ЕС и степени участия в нем РФ.

Степень научной разработанности вопроса гражданского измерения Европейской политики безопасности и обороны (ЕПБО) не позволяет охарактеризовать ее как достаточную. Теме внешней политики и политики безопасности ЕС в целом посвящено значительное количество публикаций отечественных и зарубежных авторов [1–9]. Оборонное измерение ЕПБО находится в безусловном фокусе внимания отечественной и иностранной европейстики [10–15]. При этом гражданскому потенциалу ЕПБО уделяется недостаточно внимания, по крайней мере в отечественной научной литературе, – отметим здесь работы О. О. Новиковой [16], И. Н. Щербака [17], а из зарубежных исследователей – Ф. Шиммель [18], Н. Пироцци [19].

Методы и материалы

В качестве методологического базиса работы выступает универсальный эволюционизм, в основе которого лежит принцип рассредоточения эволюционных идей на все сферы жизнедеятельности и рассмотрения развития как единого универсального процесса. Таким образом, эволюция развития гражданского измерения ЕПБО анализируется в динамике в контексте изменений в европейском пространстве безопасности, которое является частью глобальной системы международных отношений. С другой стороны, развитие детерминировано процессом многостороннего сотрудничества, в том числе с РФ, определяемым внешними и внутренними политическими, экономическими, социальными и другими динамично изменяющимися факторами.

Среди применяемых в работе методов отметим концептуальное и структурное моделирование, что имеет, помимо прочего, прогностический потенциал в плане поведения различных элементов системы. Использованы в исследовании сравнительный анализ и исторический подход с целью выявления динамики рассматриваемого явления.

Основы, проблемы и условия генезиса гражданского компонента ЕПБО

Основы для развития гражданского измерения ЕПБО – гражданских операций кризисного реагирования – были заложены еще в 2000 г. на саммите в португальском Санта-Мария-де-Фейра, где были приняты Основополагающие цели по развитию гражданского потенциала ЕС (Civilian Headline Goals)¹. Они предусматривали развитие гражданского компонента ЕПБО по четырем основным направлениям: осуществление полицейских миссий, укрепление правопорядка, защита мирного населения и организация гражданского управления.

Однако с внедрением гражданского компонента системы кризисного реагирования в первые годы ее существования был связан целый ряд функциональных проблем.

¹ Santa Maria Da Feira European Council, 19 and 20 Jun 2000, Conclusions of The Presidency. URL: https://www.europarl.europa.eu/summits/fei2_en.htm (accessed 31 Mar 2022).

Во-первых, в контексте реформы Второй опоры Евросоюза, отклонения Европейской Конституции 2004 г., сложного и долгого процесса создания Европейской службы внешних связей поддержка развития данного направления ЕПБО осуществлялась исключительно на декларативном уровне, а оперативность и эффективность стремились к нулю, будучи предопределенными незаконченностью формирования политических структур управления, связанных с гражданским измерением. Во-вторых, существовала серьезная проблема, связанная с ресурсным обеспечением, прежде всего в части укомплектованности квалифицированными кадрами, что косвенно подтверждало факт возрастающего интереса к гражданским инструментам кризисного реагирования в глобальном масштабе [20, p. 8].

Для стабильного развития гражданского измерения ЕПБО необходимо было, как представляется, 3 основных условия, которые мы рассмотрим подробнее в данной работе:

- 1) политическая воля к активному внедрению гражданского компонента политики безопасности, в частности, на уровне полевых миссий, со стороны самих государств ЕС и структур самого Союза;
- 2) функционирующие на национальном уровне и уровне ЕС административные механизмы (системы) функционального обеспечения работоспособности гражданского компонента;
- 3) объективно достаточная и регулярно пополняемая ресурсная и кадровая база.

При этом совершенно очевидно, что общая внешняя политика ЕС, несмотря на наличие соответствующих основополагающих документов, характеризовалась в начале XXI в. практически полным отсутствием политической воли к развитию гражданского потенциала ЕПБО со стороны наднациональных и национальных структур. Связано это было, на наш взгляд, с тем, что процесс принятия решений в ЕС, являющемся наднациональным образованием, носит, по сути, межправительственный характер, где, собственно, европейские структуры имеют достаточно ограниченные полномочия. Вся компетенция ЕС заключается в подготовке определенных решений к обсуждению странами-участницами, которые санкционируют имплементацию той или иной идеи или же нет. При этом все обязательства, связанные с реализацией выбранного проекта, государства берут на себя исключительно в добровольном порядке, а контроль со стороны ЕС практически номинален. Так Joint Action (коллективное действие), важнейший компонент гражданского измерения ЕПБО, существовавший как понятие до вступления в силу Лиссабонского договора, представлял собой принятие решения о целях,

задачах, финансировании, условиях и временных параметрах миссий именно на уровне министров иностранных дел стран ЕС, а не в рамках полномочий, например, Высокого представителя по ОВПБ².

Другим примером несоответствия декларируемой цели миссии объективным потребностям кризисного региона в силу недооценки гражданского компонента служит развернутая в 2008 г. миссия ЕС в Косово (EULEX) по воссозданию государственно-административных структур³. Вопрос о развертывании миссии не вызвал серьезных проблем во многом за счет того, что сам международно-правовой статус Косова был вынесен несколько за рамки обсуждения, и приоритетной была обозначена цель стабилизации ситуации в регионе. За развертывание миссии выступили не признавшие Косово как государство Испания, Кипр, Румыния, Словакия и Греция. Однако практическая деятельность миссии была осложнена тем, что задача заключалась в создании государственных структур непризнанной как государство территории [21, p. 98].

Лиссабонский договор, изменивший общий контекст внешней политики и инструментов кризисного реагирования всего ЕС, в целом не затронул влиятельную роль отдельных государств. Отсутствие значительной активности, в частности в рамках гражданского измерения ЕПБО в 2009–2012 гг., было во многом обусловлено адаптацией государственных стратегий по защите собственных интересов в новых рамках общей политики безопасности⁴. Многие государства восприняли ограничение своих возможностей по прямой постановке повестки обсуждения и лоббирования своих интересов как сужение спектра влияния на процесс принятия решений. Однако уже в 2011–2012 гг., когда введенные Лиссабонским договором нормы полностью вступили в силу, стало ясно, что уровень влияния государств остался практически на том же уровне благодаря обсуждению, например, в Военном и политическом совете. Такое понимание нашло отражение в развертывании 3 новых миссий ЕПБО, предусматривавших и гражданское измерение: 1) гражданская миссия ЕС по борьбе с пиратством в западной части Индийского океана (EUCAP Nestor, сейчас – EUCAP Somalia); 2) гражданская миссия ЕС по подготовке вооруженных государственных сил в Нигере (EUCAP Sahel Niger); 3) миссия ЕС по обеспечению безопасности воздушного пространства аэропортов в г. Юба (столице Южного Судана) (EUAVSEC South Sudan) [22, p. 288].

При этом различный уровень приоритета гражданского потенциала ЕПБО в самих государствах-участниках ЕС влиял не только на сам факт решения о развертывании той или иной миссии, но и на наличие кадрового

² Joint Action. URL: <https://www.eumonitor.eu/9353000/1/j9vvik7m1c3gyxp/vh7dppt594uz> (accessed 31 Mar 2022).

³ European Council Joint Action 2008/124/CFSP of February 2008 on the European Union Rule of Law Mission in Kosovo, EULEX KOSOVO. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX:32008E0124> (accessed 31 Mar 2022).

⁴ Troszczynska-van Genderen W. The Lisbon Treaty's provisions on CFSP/CDSP, State of implementation. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2015/570446/EXPO_IDA\(2015\)570446_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2015/570446/EXPO_IDA(2015)570446_EN.pdf) (accessed 31 Mar 2022).

и экспертного потенциала. В целом после вступления в силу положений Лиссабонского договора стало возможным выделить 3 группы стран по отношению к гражданским ресурсам кризисного реагирования:

1. Относительно небольшая группа государств, включающая страны Скандинавии, ФРГ и Великобританию, которые располагали существенными наработками в области гражданского потенциала кризисного реагирования, в т. ч. и соответствующими структурами рекрутирования и обучения кадров. Данные страны не раз являлись инициаторами миссий и имели наиболее сильные позиции в гражданском компоненте ЕПБО.
2. Немногочисленная группа государств, включающая такие страны, как Франция и Словакия, которые располагали базовыми представлениями о гражданских инструментах, а их стратегическое и концептуальное видение находилось в стадии конструирования. Франция, например, разработала стратегию гражданского и военно-гражданского кризисного реагирования в 2009 г., а на следующий год последовало создание двухуровневого межведомственного органа при Министерстве иностранных дел, в задачи которого входит координация процесса оценки ситуации и ресурсной базы, подготовка кадрового обеспечения.
3. Самая многочисленная группа государств, для которых гражданское измерение не является приоритетным направлением участия в ЕПБО.

Необходимо отметить, что первой страной, которая поставила вопрос о развитии гражданского потенциала в системе кризисного реагирования на национальном и общеевропейском уровнях, была Германия. В 2004 г. ФРГ предложила план *Zivile Krisenpraevention, Konfliktloesung und Friedenskonsolidierung* (Гражданское предотвращение конфликтов, их разрешение и мироподдержание), в том же году была создана рабочая группа по гражданскому компоненту предотвращения конфликтов в Министерстве иностранных дел ФРГ, а в 2005 г. – консультативный совет по работе с неправительственными акторами. В 2010 г. в Бундестаге был создан подкомитет по гражданской превенции и сетевой безопасности, который открыл возможность парламентской инициативы и контроля. Центр международных миротворческих миссий (ZIF) организует рекрутирование, обучение и подготовку персонала для миссий ООН, ОБСЕ, ЕС. Также и на межправительственном уровне ФРГ являлась инициатором ряда проектов по подготовке персонала для гражданских миссий⁵.

Сущность же задач наднациональных структур, как указывали немецкие аналитики, заключается в подготовке и поддержке решений, которые теоретически должны касаться и формирования национальных структур гражданского кризисного реагирования. Однако отмечалось,

что часто именно на уровне принятия коллективного решения возникают коллизии, которые касаются, прежде всего, Европейской службы внешних связей и Европейской комиссии. Разнонаправленность интересов приводит к тому, что выдвижение инициатив осложнено, принятие решений недостаточно оперативно и не подкреплено ресурсной базой [23, p. 84].

Определенного рода трудности внутри самой Европейской службы внешних связей привели к снижению эффективности гражданской составляющей ЕПБО. Так, последствия растянутого по времени процесса создания Службы и запоздалые кадровые решения по руководящим позициям имели долгосрочные негативные последствия, повлиявшие на сужение основного круга задач и, как следствие, на формирование гражданских структур кризисного реагирования. Финансовый кризис 2008–2009 гг. также наложил определенные ограничения на деятельность ЕСВД: из более чем 50 вакансий в отделе гражданского планирования и ведения операций (СРСС) 40 оставались до 2012 г. незаполненными. При этом значимость данного отдела для гражданских миссий, безусловно, исключительна в силу того, что он служит своего рода штаб-квартирой для операций (в правовом, логистическом и финансовом аспектах, прежде всего) [24].

Внутри Службы присутствует с самого момента создания и до сих пор нерешенность вопроса разделения компетенций (в т. ч. кадрового обеспечения) между Дирекцией по кризисному реагированию и планированию (СМРД), с одной стороны, и отделом гражданского планирования и ведения операций (СРСС) – с другой, что значительно снижает потенциал экономической оптимизации миссий [25].

Кадровый вопрос в контексте гражданского измерения ЕПБО

Ресурсную базу миссий в рамках ЕПБО составляют бюджет миссии, техническое оснащение и кадровый состав. В экономическое ведение наднационального уровня входит финансирование (т. е. бюджет операции), в рамках которого предусмотрено обеспечение техникой и транспортом. Наиболее важный ресурс – кадровый состав – поставляют исключительно сами страны ЕС, из чего следует неизбежный вывод о зависимости успешности миссий от поддержки национального уровня.

Кадровый состав миссий на этапе становления гражданского компонента ЕПБО состоял из преимущественно командированных экспертов, участие которых оплачивалось странами ЕС, а незначительное количество специалистов Союз предоставлял для миссий на контрактной основе. Например, в 2009 г. из 2334 гражданских специалистов 1976 было предоставлено непосредственно государствами, а 358 – на основе контракта с ЕС [20, p. 14].

⁵ Aktionsplan Zivile Krisenpraevention – Deutschlands Beitrag zur Friedenssicherung. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/deutschlands-beitrag-zur-friedenssicherung-419224> (accessed 31 Mar 2022).

Слабым местом данной схемы зависимости ЕС от национальных институтов явилась неопределенность в понимании необходимости развертывания гражданских миссий при преимущественном формировании контингента полицейских сил и специалистов по правовому регулированию, при этом еще опыт проведения операции в Косово 1999 г. показал, что уровень подготовленности кадрового состава в силу разнородности программ обучения не является образцовым. С целью решения этой проблемы в 2000–2004 гг. страны ЕС договорились о стандартизации планов подготовки, уже упоминавшихся Civilian Headline Goals (CHG) и предполагавших развитие 6 приоритетных направлений гражданского компонента кризисного реагирования:

- 1) полиция (осуществление правоохранительных функций в зоне проведения миссии);
- 2) правовые основы государства (судьи, прокуроры, исполнение наказания, административный персонал);
- 3) гражданская администрация (административные функции – отчетность, ЖКХ; социальная сфера – образование, здравоохранение; инфраструктура – водо- и энергоснабжение);
- 4) ГО и ЧС (гуманитарное обеспечение миграционных потоков (беженцы), эпидемиологическая защита);
- 5) мониторинг (мониторинг ситуации, анализ и оценка в конфликтном регионе);
- 6) обеспечение работы специальных представителей (профессиональные консультации по вопросам прав человека, политике и т. д.)⁶.

Несмотря на то, что почти все государства выполнили свои обязательства по CHG, практически все гражданские миссии сталкивались с кадровыми проблемами. Например, во время развертывания миссии EULEX Kosovo 60 % вакансий в штате миссии оставалось вакантным, а особая потребность испытывалась в узкоспециализированных кадрах [26, р. 602]. В целом можно выделить несколько причин, усложнивших процесс предоставления персонала для миссий со стороны национальных государственных структур стран-участниц.

Во-первых, гражданские специалисты являются достаточно неоднородной группой в плане подчиненности, т. е. представляют различные области и ведомства, от судебного производства до инженерного дела. Например, в Германии предоставление персонала для гражданских миссий связано и с частным (инженерные кадры), и с государственным секторами экономики (специалисты по государственному управлению). В процессе развертывания гражданских миссий со стороны ФРГ задействованы Министерство иностранных дел, Министерство внутренних дел, Министерство юстиции, Министерство по экономическому сотрудничеству и развитию,

которые являются независимыми структурами со своими специфическими особенностями. Так, в Министерстве внутренних дел ФРГ существует рабочая группа по международным полицейским миссиям, а в Министерстве юстиции подобного рода группа отсутствует.

Во-вторых, в ЕС отсутствует общая согласованная система рекрутирования кадров, что негативно влияет на уровень подготовки. Некоторые страны, однако, заботятся о создании специальных образовательных площадок и программ по отбору, обучению, подготовке, обслуживанию и оценке персонала. К лидерам в этой области относятся Швеция (Folke Bernadotte Academy, создана в 2002 г.), ФРГ (Zentrum für interdisziplinäre Forschung, основан в 2002 г.) и Финляндия (Центр кризисного реагирования, основан в 2007 г.). Данные центры ведут подготовку гражданского состава миссий для ООН, ЕС, ОБСЕ, а в перспективных планах – и для НАТО. Но большинство стран ЕС до сих пор находятся лишь на стадии систематического проведения учений и создания специальных правовых рамок для подготовки персонала в интересах гражданских миссий ЕС [27].

В-третьих, для гражданских сил не существует рамок обязательств, обычно присущих военной иерархии. Принцип свободного выбора в равной степени распространяется на государственных служащих, специалистов из частного сектора и организаций. При условии предварительного согласия часто все же возникает ситуация, когда из частных соображений поступает отказ в момент непосредственного развертывания миссии. Этим, в частности, объясняются численные несоответствия между заявленными и реальными показателями миссий. Для решения этой проблемы создаются т. н. экспертные команды, в рамках которых ведется подготовка по специализированным вопросам, контрактным условиям и моральным аспектам, примером являются гражданские кризисные оперативные команды (Civilian Response Teams)⁷.

В-четвертых, фактор внутренней мотивации персонала играет далеко не в пользу решения проблемы. Для большинства гражданских специалистов заграничная командировка, связанная с участием в миссии, не является серьезным карьерным достижением и не приносит значительных финансовых привилегий, а восстановление занимает длительное время. Уровень риска, связанный с работой в кризисном регионе, уменьшает привлекательность вакансий в миссиях ЕС. В данной ситуации прямой поиск со стороны ЕС специалистов и заключение с ними соответствующих контрактов может серьезно исправить ситуацию. В силу того, что часто внутри государственных структур существуют ограничения, то прямая система не только увеличит количество потенциальных

⁶ Council of the European Union, Civilian Headline Goal 2004. URL: http://www.consilium.europa.eu/ueDocs/cms_Data/docs/pressData/de/ec/00200-r1.d0.htm (accessed 31 Mar 2022).

⁷ Multifunctional Civilian Crisis Management Resources in an Integrated Format – Civilian Response Teams. Brussels, 23 Jun 2005. URL: <http://register.consilium.europa.eu/pdf/en/05/st10/st10462.en05.pdf> (accessed 31 Mar 2022).

кандидатов, но и в целом снизит затраты для стран ЕС. С другой стороны, потеря контроля над подготовкой кадров со стороны государств влечет снижение их политического влияния при подготовке проведения миссий, что явно противоречит их целям, поэтому данный путь решения проблемы имеет весьма ограниченный потенциал⁸.

В вопросе подготовки кадров для миссий на уровне ЕС важнейшую роль играет обмен опытом в рамках многочисленных семинаров на площадках учебно-научных центров, прежде всего Германии и Финляндии. Помимо этого, например, в июле 2009 г. Военно-политический комитет (PSC) Евросоюза утвердил 4 целевых ориентира в области кадровой политики для гражданских миссий: 1) национальные минимальные стандарты подготовки кадров; 2) параметры национального бюджета в указанной области; 3) национальные базы данных по персоналам; 4) создание программ регулярного повышения квалификации⁹. Соответственно, можно сделать вывод, что ЕС является главным бенефициаром повышения эффективности миссий, однако реализация конкретных проектов может быть осложнена отсутствием заинтересованности со стороны государств.

Место гражданского компонента кризисного реагирования в диалоге Россия – ЕС

Роль гражданского компонента кризисного урегулирования в российско-европейском диалоге начала XXI в., как представляется, имела весьма значительный потенциал реализации, однако в силу ряда причин сотрудничество оказалось весьма ограниченным с обеих сторон, как по масштабу взаимодействия, так и по спектру направлений.

Исторически взаимодействие России и ЕС, в том числе по вопросам безопасности, можно и нужно отсчитывать с 1994 г. – момента подписания Соглашения о партнерстве и сотрудничестве (СПС), представлявшего собой качественный шаг вперед по сравнению с предыдущим соглашением СССР – ЕС 1989 г., единственными целями которого были стабильность и содействие восстановлению советской экономики при определенной технической помощи со стороны Брюсселя. СПС явилось краеугольным камнем возникновения реального двустороннего политического диалога, в т. ч., как упоминалось в разделе II документа, направленного на установление новых форм консультаций и сотрудничества в целях укрепления международной безопасности¹⁰.

В 2000 г. заложенный подписанием и ратификацией СПС в 1997 г. динамизм нашел свое воплощение в специальной совместной Декларации об укреплении диалога и сотрудничества по политическим вопросам и вопросам безопасности в Европе, принятой в Париже, а до создания четырех общих пространств в 2005 г. было принято пять деклараций такого типа. Была создана достаточно объемная и реально действующая структура сотрудничества в вопросах безопасности на различных уровнях: саммиты, проводимые раз в два года, ежегодный Совет сотрудничества на уровне министров (в 2004 г. заменен более гибким органом – Постоянным советом партнерства), заседания Комитета по сотрудничеству, заседания Тройки политических директоров, подкомитеты по техническим вопросам и парламентское сотрудничество посредством комитетов в Государственной Думе и Европейском Парламенте.

Крупнейшим достижением в рассматриваемой области сотрудничества ознаменовался 2003 г., поскольку именно тогда берет начало по сути основополагающее практическое воплощение российско-европейского диалога в сфере гражданского компонента кризисного урегулирования – участие РФ в первой в истории полицейской миссии ЕС в Боснии и Герцеговине (EUPM/BiH, ПМЕС)¹¹. Специальные международные полицейские силы (СМПС) Организации Объединенных Наций присутствовали в стране еще с 1996 г., а с 1 января 2003 г. ЕС взял на себя продолжение деятельности СМПС путем предоставления порядка 500 офицеров полиции, предложив европейским странам, не входящим в Союз, членам НАТО и кандидатам на вступление в ЕС, а также государствам-членам ОБСЕ внести свой вклад в ПМЕС.

РФ таким образом присоединилась к Положению о ПМЕС, предоставила в состав миссии пять прикомандированных сотрудников полиции, ротируемых ежегодно, несла расходы по командированию, включая заработную плату, денежное довольствие, медицинские расходы, страховку, дорожные расходы в Боснию и Герцеговину и обратно. Отдельно стоит обратить внимание, что поскольку миссия была гражданской, оружие носить и применять российские и европейские офицеры права не имели, несли службу в своей национальной форме, а в рамках миссии носили лишь специальные береты и знаки различия [28, р. 8]. Офицеры находились в оперативном подчинении главы миссии, имели равные права и обязанности с европейскими коллегами, собственный Пункт связи

⁸ Guéhenno J.-M. Civilian capacity in the aftermath of conflict – Report A/65/747–S/2011/85. United Nations, 22 Feb 2011. URL: http://www.gppi.net/fileadmin/media/pub/2011/benner-et-al_2011_DSF_un-peace-ops.pdf (accessed 31 Mar 2022).

⁹ Preparatory measures budget line within the CFSP budget and rapid deployment needs under civilian ESDP. 22 Oct 2009. URL: <https://www.eumonitor.eu/9353000/1/j9vvik7m1c3gyxp/vi9n97eot5zw> (accessed 31 Mar 2022).

¹⁰ Agreement on Partnership and Cooperation establishing a Partnership between the European Communities and their Member States, of the One Part, and the Russian Federation, of the Other Part. Signed on the basis of the Council and Commission Decision of 30 October 1997 (97/800/EC, ECSC, Euratom141). URL: https://ec.europa.eu/competition-policy/system/files/2021-06/Russia-EU_agreement_en.pdf (accessed 31 Mar 2022).

¹¹ Agreement between the European Union and the Russian Federation on the participation of the Russian Federation in the European Union Police Mission (EUPM) in Bosnia and Herzegovina (BiH). 24 Jul 2003. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A22003A0805%2801%29> (accessed 31 Mar 2022).

национального контингента. Ежегодные расходы на время участия РФ составляли порядка 25000 евро, а продолжительность участия составила 3 года, в 2006 г. российские офицеры были отозваны, в то время как сама миссия продолжалась до 2012 г.¹²

Российские полицейские внесли весомый вклад в выполнение целей миссии: укрепляли оперативный потенциал и взаимодействие боснийских правоохранительных органов, занимающихся борьбой с организованной преступностью и коррупцией, оказывали помощь и поддержку в планировании и проведении расследований, укрепляли сотрудничество полиции, прокуратуры и пенитенциарной системы Боснии и Герцеговины¹³.

К сожалению, сотрудничество не нашло своего продолжения, и российская сторона не участвовала, например, в таких знаковых мероприятиях по построению гражданского компонента кризисного реагирования ЕС, как стартовавшая в 2005 г. и действующая до сих пор миссия по приграничной помощи Республике Молдова и Украине (EUBAM), чья основная роль заключалась в «содействии модернизации управления общей границей в соответствии с европейскими стандартами», в поиске решения «замороженного приднестровского конфликта», а также миссии ЕС по обеспечению законности в Грузии EUJUST Themis 2004–2005 гг., направленной на поддержку реформы системы уголовного правосудия [29, р. 235].

Как справедливо указывает Д. А. Данилов, Европейский союз воспринимал Россию как «младшего партнера», несмотря на особые интересы нашего государства на постсоветском пространстве и существенную ограниченность собственного антикризисного потенциала, а политические риски равноправного сотрудничества с РФ оказались неприемлемыми для ЕС [30, с. 124]. Принимая во внимание ряд цветных революций в непосредственной близости от российских границ в начале XXI в. (Грузия – 2003 г., Украина – 2004 г., Киргизия – 2005 г.), параметры и перспективы «стратегического партнерства» становились все более размытыми и неопределенными. Попытка преодоления декларативности отношений была предпринята в 2005 г. согласованием четырех дорожных карт по построению т. н. четырех общих пространств, включая «пространство сотрудничества в области внешней безопасности», однако ключевой пункт практического воплощения данных намерений – общее кризисное урегулирование – не демонстрировал качественного прогресса.

Исключением из тенденции стало согласованное после прихода на пост Президента РФ Д. А. Медведева

участие России в европейской военной миссии в Чаде и Центральноафриканской Республике (EUFOR Tchad/RCA). Президент подписал 1 сентября 2008 г. указ, подтверждающий отправку контингента численностью в 200 человек и 4 вертолета Ми-8МТ самой продвинутой модификации, позволяющей использовать летательный аппарат в качестве как транспортного, так и штурмового средства¹⁴. С учетом того, что численность всей миссии составляла порядка 3000 человек, российский вклад был весьма существенным, однако чисто военным, и к гражданскому компоненту кризисного урегулирования относился уже весьма условно.

Грузинские же события 2008 г., последовавший глобальный экономический кризис, а затем и украинский кризис 2014 г. практически окончательно поставили крест на российском участии в европейских гражданских и военных миссиях, подорвав институциональное и нормативное сотрудничество России с ЕС по повестке безопасности и обороны. Дефицит стратегического видения перспектив двустороннего взаимодействия и баланса интересов ограничили и практически нивелировали поиск взаимовыгодных схем развития отношений, а взаимная заинтересованность сторон и стремление к поиску практически работающих целей, задач и инструментов кооперации находятся на крайне низком уровне.

Заключение

Можно с уверенностью констатировать, что после окончания холодной войны значение гражданского компонента в кризисном урегулировании и постконфликтной стабилизации становилось все более очевидным, и в результате, начиная с 2000 г. концептуально, а с 2003 г. практически, ЕС начал развертывание гражданских миссий под эгидой Европейской политики безопасности и обороны. Однако, в отличие от военных миссий ЕС, гражданской составляющей кризисного реагирования уделялось не так много внимания, в ней не числился ряд серьезных проблем, масштаб миссий и спектр задач были сравнительно небольшими и играли в основном вспомогательную роль.

Для стабильного развития гражданского измерения ЕПБО необходимо, как было показано, несколько основных параметров, ключевыми из которых следует назвать политическую волю к активному внедрению гражданского компонента политики безопасности, в частности, на уровне полевых миссий, со стороны государств ЕС и структур самого Евросоюза, а также решение проблемы достаточности и пополняемости кадрового потенциала.

¹² EU completes its police mission in Bosnia and Herzegovina. Brussels, 30 Jun 2012. URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/esdp/131441.pdf (accessed 31 Mar 2022).

¹³ European Union Police Mission in Bosnia and Herzegovina (EUPM). Jun 2012. URL: https://eeas.europa.eu/archives/csdp/missions-and-operations/eupm-bih/pdf/25062012_factsheet_eupm-bih_en.pdf (accessed 31 Mar 2022).

¹⁴ О направлении воинского формирования Вооруженных Сил Российской Федерации для участия в операции Европейского союза в поддержку присутствия ООН в Республике Чад и Центральноафриканской Республике. Указ Президента РФ № 1279 от 01.09.2008. *Российская Газета*. 03.09.2008. № 4742.

Основная ценность ЕС в данном контексте как интеграционного объединения заключается, как представляется, в объединении и координации европейских национальных ресурсов, создании площадок и возможностей для обмена опытом, повышения мотивации и профессионального уровня специалистов и экспертов в области гражданского компонента кризисного урегулирования, что позволяет преодолеть разнонаправленность интересов и снизить зависимость Союза от конкретных позиций государств-участников в определенный момент времени.

Взаимодействие же ЕС и РФ на данном направлении, имевшее на этапе становления гражданского компонента ЕПБО значительные горизонты развития, воплотившееся в не самое масштабное, но при этом плодотворное и полезное сотрудничество, к сожалению, в силу ряда

региональных и глобальных геополитических и экономических причин перестало рассматриваться как перспективный ресурс для взаимовыгодного партнерства, а на современном этапе двусторонних отношений и в обозримой перспективе потенциал кооперации в сфере гражданского компонента кризисного реагирования не входит в проблемное поле ни российской, ни европейской политики безопасности.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflicting interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Громыко А. А. О насущном: Европа и современный мир. М.-СПб.: Нестор-История, 2017. 232 с.
Gromyko A. A. *To the vital issues: Europe and the modern world*. Moscow-St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2017, 232. (In Russ.)
2. Кавешников Н. Ю. Институционально-политическое развитие ЕС: кризис и варианты трансформации. *Мировая экономика и международные отношения*. 2017. Т. 61. № 5. С. 14–24. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-5-14-24>
Kaveshnikov N. Yu. Institutional and political development of the European Union: systemic crisis and transformation options. *World Economy and International Relations*, 2017, 61(5): 14–24. (In Russ.) <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-5-14-24>
3. Стрежнева М. В. Методологические аспекты в изучении внешней политики и глобальной роли Европейского союза. *Полис. Политические исследования*. 2017. № 6. С. 25–42. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.06.03>
Strezhneva M. V. Methodological aspects in the study of foreign policy and global role of the European Union. *Polis. Political Studies*, 2017, (6): 25–42. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.06.03>
4. Арбатова Н. К., Андреева Т. Н., Басов Ф. А., Васильев В. И., Воронов К. В., Зуева К. П., Кокеев А. М., Павлова М. С., Соколова П. С., Тимофеев П. П., Черкасова Е. Г., Шумицкая Е. В., Хорольская М. В. Стратегическая автономия ЕС и перспективы сотрудничества с Россией. М.: Весь мир, 2020. 368 с.
Arbatova N. K., Andreeva T. N., Basov F. A., Vasilev V. I., Voronov K. V., Zueva K. P., Kokeev A. M., Pavlova M. S., Sokolova P. S., Timofeev P. P., Cherkasova E. G., Shumitskaya E. V., Khorolskaya M. V. *Strategic autonomy of the EU and prospects for cooperation with Russia*. Moscow: Ves mir, 2020, 368. (In Russ.)
5. Потемкина О. Ю. Внешняя политика Европейского союза в постлиссабонский период. *Современная Европа*. 2017. № 5. С. 149–151.
Potemkina O. Yu. Foreign policy of the European Union in the post-Lisbon period. *Sovremennaya Yevropa*, 2017, (5): 149–151. (In Russ.)
6. Smith M. The European Union and the global arena: in search of post-Brexit roles. *Politics and Governance*, 2019, 7(3): 83–92. <https://doi.org/10.17645/pag.v7i3.2133>
7. Ekengren M., Hollis S. Explaining the European Union's security role in practice. *Journal of Common Market Studies*, 2020, 58(3): 616–635. <https://doi.org/10.1111/jcms.12946>
8. Кеpe M., Black J., Melling J., Plumridge J. *Exploring Europe's capability requirements for 2035 and beyond*. RAND, 2018, 43. URL: <https://www.rand.org/randeurope/research/projects/eda-capability-requirements-2035.html> (accessed 31 Mar 2022).
9. *Security and defence in Europe*, eds. Ramirez J. M., Biziewski J. Cham: Springer, 2020, 264.
10. Журкин В. В. Военная политика Евросоюза. М.: Междунар. отношения, 2014. 256 с.
Zhurkin V. V. *Military policy of the European Union*. Moscow: Mezhdunar. otnosheniia, 2014, 256. (In Russ.)
11. Арбатова Н. К. Станет ли Европейский союз мировым центром силы? *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. Т. 64. № 6. С. 51–65. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-6-51-65>
Arbatova N. K. Will European Union become a global power center? *World Economy and International Relations*, 2020, 64(6): 51–65. (In Russ.) <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-6-51-65>
12. Арбатова Н. К., Андреева Т. Н., Васильев В. И., Воронов К. В., Зуева К. П., Кокеев А. М., Соколова П. С., Тимофеев П. П., Хорольская М. В., Черкасова Е. Г., Шумицкая Е. В. Глобальная стратегия безопасности ЕС 2016. М.: ИМЭМО РАН, 2017. 33 с. <https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0505-5>

- Arbatova N. K., Andreeva T. N., Vasiliev V. I., Voronov K. V., Zueva K. P., Kokeev A. M., Sokolova P. S., Timofeev P. P., Khorolskaya M. V., Cherkasova E. G., Shumitskaya E. V. A *Global Strategy for European Union's foreign and security policy 2016*. Moscow: IMEMO, 2017, 33. (In Russ.) <https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0505-5>
13. Данилов Д. А. Формирование новых инструментов и механизмов ОПБО. *Европейский Союз: факты и комментарии*. 2018. № 93. С. 74–78.
Danilov D. A. Formation of new instruments and mechanisms of the CSDP. *European Union: facts and comments*, 2018, (93): 74–78. (In Russ.)
14. Barrie D., Barry B., Boyd H., Childs N., Giegerich B. Europe's defence requires offence. *Survival*, 2021, 63(1): 19–24. <https://doi.org/10.1080/00396338.2021.1881249>
15. Henke M. E. Networked cooperation: how the European Union mobilizes peacekeeping forces to project power abroad. *Security Studies*, 2019, 28(5): 901–934. <https://doi.org/10.1080/09636412.2019.1662480>
16. Новикова О. О. Европейский Союз в системе международной безопасности: новые инструменты кризисного урегулирования. *Полис. Политические исследования*. 2008. № 4. С. 174–185.
Novikova O. O. European Union in the system of international security: new instruments of crisis settlement. *Polis. Political Studies*, 2008, (4): 174–185. (In Russ.)
17. Щербак И. Н. Стратегия кризисного реагирования Евросоюза в условиях глобальных вызовов. *Современная Европа*. 2021. № 4. С. 151–160. <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope42021151160>
Shcherbak I. N. US's crisis response strategy in light of global challenges. *Sovremennaya Yevropa*, 2021, (4): 151–160. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope42021151160>
18. Schimmel F. *EU civilian crisis management in 2030: a test-run of scenario-based planning*. Berlin: Forschungsinstitut der Deutschen Gesellschaft für Auswärtige Politik, 2021, 10.
19. Pirozzi N. *The EU's comprehensive approach to crisis management*. Brussels, 2013, 27.
20. Chivvis C. S. *EU civilian crisis management. The record so far*. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2010, XIII+52.
21. Pond E. The EU's test in Kosovo. *The Washington Quarterly*, 2008, 31(4): 97–112. <https://doi.org/10.1162/wash.2008.31.4.97>
22. Pirozzi N. The European Union and civilian crisis management after Lisbon. *European Foreign Affairs Review*, 2015, 20(2): 287–306.
23. Haber E. Primat der Stabilität. Der Pragmatismus aller Beteiligten ebnete den Weg für den Aufbau rechtsstaatlicher Strukturen im Kosovo. *Internationale Politik*, 2009, 64(7-8): 83–89.
24. *Europe deploys towards a civil-military strategy for CSDP*. Egmont Paper 49, eds. Biscop S., Coelmont J. Academia Press, 2011, 23.
25. Major C., Mölling C. Towards an EU Peacebuilding Strategy? *European Parliament*, 2010. URL: http://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2009_2014/documents/sede/dv/sede260410peacebuildingstrategy_/sede260410peacebuildingstrategy_en.pdf (accessed 31 Mar 2022).
26. Zupančič R., Pejić N., Grilj B., Rodt A. P. The European Union rule of law mission in Kosovo: an effective conflict prevention and peace-building mission? *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*, 2018, 20(6): 599–617. <https://doi.org/10.1080/19448953.2017.1407539>
27. Mölling C., Schimmel F. *Upgrading Europe's civilian crisis management – a strategic planning process in ten steps*. DGAP Policy Brief, (28). Berlin: Forschungsinstitut der Deutschen Gesellschaft für Auswärtige Politik, 2020. URL: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-71287-8> (accessed 31 Mar 2022).
28. Muehlmann T. Police restructuring in Bosnia-Herzegovina: problems of internationally-led security sector reform. *Journal of Intervention and Statebuilding*, 2008, 2(1): 1–22. <https://doi.org/10.1080/17502970701810856>
29. Fernandes S. ESDP and Russia: a decade of unfulfilled promise. *Advances in military sociology: essays in honor of Charles C. Moskos* (Contributions to Conflict Management, Peace Economics and Development, vol. 12, pt. 1), ed. Caforio G. Bingley: Emerald Group Publishing Limited, 2009, 233–258. [https://doi.org/10.1108/S1572-8323\(2009\)000012A018](https://doi.org/10.1108/S1572-8323(2009)000012A018)
30. Данилов Д. А. Политические отношения Россия – ЕС: эволюция и перспективы. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*. 2021. Т. 14. № 2. С. 121–138. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2021.201>
Danilov D. A. Russia-EU political relations: evolution and prospects. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, 14(2): 121–138. (In Russ.) <https://doi.org/10.21638/spbu06.2021.201>

оригинальная статья

Ценностные основы европейской интеграции и их проявления в отношениях Россия – ЕС на современном этапе

Хайруллин Эльдар Рафаилович

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Россия, г. Омск
elhayrullin@mail.ru

Поступила в редакцию 26.04.2022. Принята после рецензирования 16.05.2022. Принята в печать 20.05.2022.

Аннотация: Рассмотрена роль ценностной категории в европейском интеграционном проекте, задающей нормативные рамки как для политического развития ЕС, так и для политической практики Объединенной Европы. Внимание акцентировано на роли ценности как инструменте формирования идеологии наднационального объединения, европейской идентичности и вектора политического развития Европейского союза. Кроме того, описана взаимосвязь ценности и института интеграционного объединения, роль института в стабильности ценностной основы интеграционного проекта, объясняется зависимость интереса европейцев к ценностному дискурсу от успешности интеграции, отмечается повышенное внимание к ценностям в условиях замедления интеграционного процесса, связанного с кризисными явлениями в ЕС с конца 2000-х гг. Проанализированы отношения Россия – ЕС с опорой на представленную теорию ценностей. Выяснено общее критическое отношение европейцев к ценностной составляющей договорных обязательств России, фиксируемых с Соглашения о партнерстве и сотрудничестве 1994 г., негативное восприятие Москвы как угрозы ценностям интеграционного проекта. Результатом анализа стал вывод, что Москва выступает в роли удобного оппонента, на которого можно списать многие противоречия интеграционного процесса, что делает невозможным для европейцев адекватно оценить проблемы интеграции как следствие внутри европейских политических процессов и достичь компромиссов с Россией.

Ключевые слова: Европейский союз, ценности, демократия, Россия, отношения Россия – ЕС, интеграция

Цитирование: Хайруллин Э. Р. Ценностные основы европейской интеграции и их проявления в отношениях Россия – ЕС на современном этапе. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 3. С. 368–374. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-3-368-374>

full article

Value Foundations of the European Integration and their Exercises in the Current Relations between Russia and the European Union

Eldar R. Khayrullin

Dostoevsky Omsk State University, Russia, Omsk
elhayrullin@mail.ru

Received 26 Apr 2022. Accepted after peer review 16 May 2022. Accepted for publication 20 May 2022.

Abstract: The article describes the value category behind the political development and practice of the European Union and the European integration project. Values are tools of developing the supranational ideology, identity, and political development vector. The author describes the connections between values and integration institutions, e.g., how the institution affects the stability of the value foundations of the integration project, how the interest of Europeans in the value discourse depends on the success of integration, etc. Public attention to values grows as the integration process slows down. Based on the theory of values, the author analyzed the current relations between Russia and the European Union. The analysis revealed a critical attitude of Europeans to the value component of Russia's contractual obligations, which developed as early as in 1994, the year of the first the Partnership and Cooperation Agreement. Europeans see Moscow as a threat to the integration values. Therefore, Moscow acts as a convenient opponent that can be held responsible for numerous integration failures. As a result, Europeans cannot understand that the integration problems are caused by the internal European political processes, which prevents them from reaching any compromise with Russia.

Keywords: European Union, values, democracy, Russia, Russia – EU relations, integration

Citation: Khayrullin E. R. Value Foundations of the European Integration and their Exercises in the Current Relations between Russia and the European Union. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(3): 368–374. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-3-368-374>

Введение

Ценностный дискурс имеет особую значимость для европейского интеграционного проекта. Он создает нормативную базу как для внутреннего развития, включая проект создания европейской идентичности, так и для внешней политики и международного позиционирования ЕС. Анализ этого дискурса позволяет глубже понять ценностные основы политических процессов наднационального образования, причины, степень и глубину противоречий в отношениях России и ЕС.

В работе используются общенаучные методы и специальные исторические методы (сравнительно-исторический и историко-генетический). Основными материалами для проведения исследования послужили нормативно-правовые документы ЕС, а также речи и выступления европейских политических деятелей.

Роль ценностей в европейском интеграционном процессе

Устройство европейского интеграционного объединения имеет не только нормативные, но и ценностные основания [1, с. 37]. С момента создания ЕС позиционирует себя как общность ценностей [2, с. 198]. В ключевых документах ЕС ценности определяются в качестве фундамента развития Объединенной Европы. В частности, в преамбуле Лиссабонского договора зафиксировано, что страны участники согласились создать Европейский союз, «вдохновляясь культурным, религиозным и гуманистическим наследием Европы, из которого развились универсальные ценности нерушимых и неотъемлемых прав человека, свободы, демократии, равенства и верховенства закона»¹. В статье 1а отмечается, что ценности являются общими для всех стран-членов.

Ценностная категория задает нормативные рамки для политического развития и политической практики Объединенной Европы. Однако в современных международных реалиях это не всегда осознается. По мнению многих экспертов, политиков, выступающих с позиций реалистической парадигмы, мотивом принятия политического решения выступает категория *интерес*. Именно интерес, выраженный формулировкой *национальный интерес*, служит объяснением причин политического решения.

Между тем в соотношении категорий ценности и интереса первичной, как декларируется в ключевых документах ЕС, выступает ценность. Например, в Глобальной стратегии ЕС по внешней политике и политике безопасности указывается следующее: «Наши ценности и интересы неразрывно

связаны. Мы заинтересованы в продвижении наших ценностей во всем мире. И при этом наши фундаментальные ценности заложены в наших интересах»².

Ценностный дискурс играет особую роль для европейского интеграционного проекта, опора на ценности требуется для следующих целей:

1. Создание идеологии наднационального объединения.

В самом общем виде содержание категории *ценность* отражает представление о том, что есть хорошо, а что плохо, и в этом смысле служит ориентиром для правильного, справедливого политического решения. Подобный акцент позволяет говорить об имплементации ценностей в идеологию. Любая идеология направлена на создание справедливого – идеального – мира [3, с. 140]. Ценности в идеологии играют роль инструментов трансформации существующего мира в мир идеальный. Определение этих инструментов-ценностей и четкое следование им в политической практике призвано уберечь ее от неправильных / несправедливых решений, происходящих из интересов личной, корпоративной и иной узкосоциальной этиологии.

Эти утверждения справедливы для национального государства, обладающего сформированной идеологией. Однако для политики ЕС как наднационального образования ценности служат фильтром, призванным защитить политику ЕС от национальных интересов и сплотить интеграционное объединение. Например, в ст. 16 Лиссабонского договора определяется порядок проведения общей внешней политики: «до выполнения какого-либо действия на международной арене или принятия на себя какого-либо обязательства, которое воздействует на интересы ЕС, каждому члену ЕС следует проконсультироваться с другими в рамках Европейского совета или Совета ЕС. Государства-члены обеспечивают посредством сближения своих действий способность Союза отстаивать свои интересы и ценности на международной арене. Государства-члены должны проявлять взаимную солидарность»³.

2. Формирование европейской идентичности.

Ценности являются скрепой для Европейского союза как уникальной политической организации европейских наций: они выступают основой для формирования европейской идентичности, которая, в свою очередь, является ключевой характеристикой создания европейского демоса⁴. В этом смысле следование ценностям необходимо ЕС для удержания европейцев в одном политическом организме и в конечном счете для сохранения

¹ Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community. Lisbon, 13 Dec 2007. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12007L%2FTXT> (accessed 29 Mar 2022). Здесь и далее по тексту перевод выполнен автором статьи.

² Общее видение, единый подход: сильная Европа. Глобальная стратегия Европейского Союза по внешней политике и политике безопасности. 2016. С. 9. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eu_global_strategy_ru.pdf (дата обращения: 29.03.2022).

³ Treaty of Lisbon...

⁴ Как отмечается в Глобальной стратегии ЕС 2016 г.: «Верность нашим ценностям – это вопрос права, а также этики и идентичности» [Общее видение, единый подход: сильная Европа... С. 10].

интеграционного проекта [4]. Европейская идентичность виделась как «универсальное иммунное средство по профилактике и защите европейского социума от идей и практик коммунизма, национализма и фашизма» [5, с. 147]. Кроме того, ценностные основы европейской идентичности являются маркером, отличающим нас от них: «человеку свойственно считать своими тех, кто разделяет усвоенные им ценности, и видеть в тех, кто придерживается иных взглядов, по крайней мере, оппонента» [6, с. 163].

Создание европейской идентичности берет свое начало 14 декабря 1973 г., когда девять стран подписали в Копенгагене Декларацию европейской идентичности [7, с. 5]. «Девятка» определялась как «сообщество ценностей». Общими ценностями служили представительная демократия, право закона, социальная справедливость и уважение прав человека [8]. На текущий момент европейская идентичность определяется через ценности, «среди которых граждане ЕС называют толерантность, мир, права человека, индивидуальные свободы, демократию, равенство и т. п.» [9, с. 328].

3. Определение вектора успешной внутренней и внешней политики. Опора на ценности служит основой для защиты качества демократий внутри союза, причем защита достигается соблюдением национального, европейского, международного права по самому широкому перечню проблем, с которыми сталкивается ЕС: «от миграции и права на предоставление убежища до энергетики, торговли и борьбы с терроризмом»⁵. В Лиссабонском договоре указывается, что в отношениях с внешним миром ЕС следует придерживаться и продвигать свои ценности и интересы. В отношении ближайшего окружения ЕС следует установить особые отношения с соседними странами, нацеленные на создание пространства процветания и добрососедства, основанного на ценностях ЕС и характеризующегося тесными и мирными связями, основанными на сотрудничестве. Политика расширения ЕС, ориентированная на ближайшие страны, также проводится в соответствии с ценностной составляющей. В частности, расширение происходит за счет европейского государства, которое уважает ценности, «зафиксированные в наших Соглашениях», и содействует их продвижению⁶. Эти особенности внешней политики позволяют говорить о ней как о миссионерской, «то есть призванной изменить мир, сделать его более справедливым» [10, с. 32]. В целом приверженность ценностям в политической практике ЕС как ключевому компоненту успешного развития, «соответствие между внутренними ценностями ЕС и его внешнеполитическими целями» [11, с. 158] определяет «степень доверия к нам и нашего влияния в мире»⁷.

Следует отметить, что все указанные задачи, которые ЕС желает решить, используя ценностный дискурс,

взаимосвязаны. Особенно это заметно при анализе того, как Европейский союз позиционирует себя в мире. Движение к справедливому миру, являющееся целью любой идеологии, означает «стремление трансформировать мир по своему образу и подобию, "воспроизвести себя" через создание аналогичных институтов в других государствах» [10, с. 33]. Подобная внешняя политика «могла бы способствовать росту осознания европейскими странами себя в качестве лидеров единого человечества, ведущего за собой "остальных". Идея миссии, выраженная таким образом, придает совокупности европейских ценностей некий высший смысл, придавая им характер фундаментального принципа, на основе которого может родиться единая европейская идентичность и ощущение коллективного Мы» [10, с. 33].

Ценность создается согласием общества и утверждается институтом, который наполняет ее определенным смысловым значением и задает ей место в иерархии. Институт функционирует в соответствии с ценностной установкой, сохраняя и продвигая ее. Как отмечает В. Ф. Антонов, «правоприменительная деятельность институциональных органов ЕС исходит из приоритета провозглашаемых ценностей, воплощаемых в систему законодательных предписаний» [12, с. 116]. Именно институтам адресуются положения Хартии ЕС об основных правах как части Лиссабонского договора, фиксирующей ценностные положения интеграционного объединения [13, с. 132].

Слабость института ведет к размыванию содержания ценности, что порождает конфликты и сомнения относительно ценности и, следовательно, ведет к ослаблению ее поддержки со стороны общества [4]. Соответственно, для ЕС чрезвычайно важным представляется сохранение и укрепление своих институтов. Учитывая значимость ценности для создания европейской идентичности, это становится вопросом существования интеграционного проекта. Например, М. С. Ладыгин видит причину усиления партий евроскептиков в том, что ЕС, углубляя интеграцию, «забыл параллельно развивать соответствующую демократизацию своих структур» [2, с. 202].

В контексте трансформации политики Восточного партнерства ЕС И. В. Болгова отмечает, что «признание ограничений ценностно-ориентированного подхода», составляющего нормативный фундамент программы Восточного партнерства, и «открытое декларирование неудачи механизмов политической обусловленности влечет за собой снижение уровня доверия к ЕС как международно-политическому игроку в целом... Снижая приоритетность категории общих ценностей в планировании и реализации внешней политики, Брюссель размывает ключевой цементующий элемент программы» [14, с. 117].

⁵ Общее видение, единый подход: сильная Европа... С. 10.

⁶ Treaty of Lisbon...

⁷ Общее видение, единый подход: сильная Европа... С. 4.

Следует отметить, что интерес европейцев к ценностному дискурсу зависит от успешности интеграционного проекта. Со вступления в силу Маастрихтского договора ЕС очень динамично развивался, чему способствовали сложившиеся международные условия. Однако в конце 2000-х гг., после масштабного расширения, которое укрепило веру западноевропейцев в нормативную, или ценностную, силу интеграционного проекта, интеграционный процесс стал замедляться. Глобальный финансово-экономический кризис вызвал сомнения в эффективности и безальтернативности либеральной идеологии и соответствующих ценностей, которые разделялись Объединенной Европой [4]. События на Украине 2013–2014 гг. обнаружили в полной мере угрозу классического конфликта на континенте, а также рамки внешнеполитического влияния ЕС. Разразившийся миграционный кризис 2015 г. грозился «подорвать сами основы ЕС как интеграционного объединения» [2, с. 184], испытывая на прочность единство и эффективность Объединенной Европы [2, с. 193]. Наконец, выход Великобритании из состава интеграционного проекта, одной из причин которого являлись отличия в восприятии базовых ценностей европейской интеграции со стороны британских и континентальных элит [15, с. 19], ярко продемонстрировал регресс в динамике интеграции, выявил уязвимость ЕС как для самих европейцев, так и для всего мира.

Эти кризисы генерировали ценностный дискурс в ЕС. На первый план выходят вопросы европейской идентичности, которая определялась чувством принадлежности к общей судьбе посредством нарративов, включающих ценностное восприятие, и проблемы укрепления европейских институтов как гарантов сохранения этих ценностей.

Политика России в ценностном дискурсе ЕС

История становления отношений ЕС и России изначально опиралась на ценностную основу. К примеру, в Соглашении о партнерстве и сотрудничестве 1994 г. фиксировалась приверженность ценностям сохранения мира, защиты прав человека, демократии и др., что формировало основу для взаимодействия двух сторон⁸. Стоит отметить, что нормативные рамки взаимодействия стран на европейском континенте были разработаны ранее, о чем свидетельствует Парижская хартия для Новой Европы 1990 г. [16, р. 3]. Эта хартия ознаменовала конец «эры конфронтации и раскола» и предвосхищала «новую эпоху демократии, мира и единства» [17, с. 117].

Однако, по мнению европейских экспертов, Россия не была привержена соблюдать ценностные нормы. Так, С. Рингэрт, обращаясь к «дорожным картам» 2005 г., отмечал, что «диалог между Европейским союзом и Российской Федерацией формально основан на "общих ценностях"» [18, с. 5]. Формальность заключается в том, что европейский ценностный дискурс остается очень иллюзорным «для Российской Федерации, которая использует платформу общих ценностей в основном для достижения стратегических целей» [18, с. 5]. В разных вариациях отсутствие желания соблюдать фундаментальные европейские ценности фиксируется Е. Румером [19], М. Кожмарски [20], Х. Тиммерманном [21], в работах французских геополитиков, о чем пишет П. А. Цыганков [22]. В целом экспертное сообщество ЕС было практически единодушно во мнении, что Россия не склонна проводить политику, опираясь на ценности, зафиксированные в соглашениях с ЕС.

Современный период взаимодействия России и ЕС приходится на период повышенного внимания ЕС к ценностной составляющей интеграционного проекта. Слабость Европейского союза как следствие вышеперечисленных кризисов и вызовов привела к тому, что российская политика воспринимается как угрожающая ценностным основам Объединенной Европы, а следовательно самому интеграционному проекту.

По мнению европейцев, российская угроза связана с попытками Москвы «разделить Европу». «Разделение» происходит посредством вмешательства в демократические процессы, которое выражается в следующем:

1. Поддержка крайне правых партий, популистских сил и движений. В резолюции Европарламента 2015 г. указано, что подобный *националистический интернационал*, формируемый Россией, угрожает демократии и силе права как ценностям Европейского союза⁹. В резолюции 2019 г. перечень ценностей, стоящих под угрозой, расширен за счет равенства и прав человека¹⁰. В резолюции 2022 г. содержится список участников националистического интернационала: Австрийская партия свободы, французское Национальное собрание (до 2018 г. – Национальный фронт), итальянская Лига Севера, немецкая Альтернатива для Германии, венгерские Фидеш и Йоббик, английская Партия Брексита¹¹.

2. Поддержка сторонников выхода Великобритании из состава ЕС. Депутаты Европейского парламента считают, что «российские государственные структуры вмешивались в референдум по Брекситу, используя открытые и скрытые

⁸ Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, учреждающее партнерство между РФ, с одной стороны, и Европейскими сообществами и их государствами-членами, с другой стороны. Подписано 24.06.1994.

⁹ European Parliament resolution of 10 June 2015 on the state of EU-Russia relations. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/b2f7ca01-a222-11e6-8401-01aa75ed71a1/language-en> (accessed 29 Mar 2022).

¹⁰ European Parliament resolution of 12 March 2019 on the state of EU-Russia political relations. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52019IP0157> (accessed 29 Mar 2022).

¹¹ European Parliament resolution of 9 March 2022 on foreign interference in all democratic processes in the European Union, including disinformation. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2022-0064_EN.html (accessed 29 Mar 2022).

средства, включая социальные сети и возможную незаконную финансовую поддержку, что на текущий момент расследуется властями Соединенного Королевства»¹². Примечательно, что, по их мнению, Россия является виновной в этих деструктивных действиях, несмотря на отсутствие результатов расследования британцев.

3. Российская практика, секьюритизированная как часть гибридной войны, которая «вводит в заблуждение, обманывает граждан и влияет на их поведение при голосовании, усиливает разногласия в дебатах, разделяют, поляризует и использует уязвимости обществ, поощряет разжигание ненависти, ... сеет недоверие к национальным правительствам, органам государственной власти и либерально-демократическому порядку»¹³.

Кроме того, с политикой «разделения» связаны контакты Москвы с каталонскими сепаратистами, политика поддержки соотечественников в странах ЕС, особенно в Прибалтике, и продвижения «советской ностальгии» среди населения Центральной и Восточной Европы¹⁴.

Следует отметить, что «разделение» Европы рассматривается и как следствие связей России с европейскими странами в сфере энергетики. В целом энергетическая политика России в отношении ЕС представляет двойную угрозу. С одной стороны, компания «Газпром» нарушает принципы свободной и справедливой конкуренции Общего рынка, что подрывает основы этого европейского института¹⁵. С другой – зависимость от российских углеводородов лишает Объединенную Европу возможности проводить скоординированную политику в отношении Москвы, что указывает на приоритетность национальных интересов над ценностными ориентирами. В частности, в резолюции Европарламента 2019 г. говорится: «сильная зависимость ЕС от ископаемого топлива подрывает развитие сбалансированного, последовательного и ориентированного на ценности европейского подхода к России»¹⁶.

Восприятие России как угрозы ценностным основам ЕС создавало устойчивый конфронтационный политико-психологический фон в двусторонних отношениях. Начало военной операции Москвы на территории Украины

сделало более рельефным это восприятие. По утверждению вице-председателя Еврокомиссии Франса Тиммерманса, «сейчас идет атака на наши ценности. Это долгосрочный проект Владимира Путина. Он занимается этим десятилетиями. Он финансирует крайне правых в Европе. Он пытается влиять на прессу. Он делает все, чтобы подорвать нашу демократию и наш образ жизни»¹⁷. Говоря о различиях ценностных основ, в том же духе высказывалась Урсула фон дер Ляйен, председатель Еврокомиссии: «Это не про Украину. Это столкновение двух миров... Это столкновение между силой права и правом оружия (the rule of the gun), между демократиями и автократиями, между порядком, основанном на правилах, и миром неприкрытой агрессии»¹⁸. Еще до украинских событий 2022 г. глава европейской дипломатии Жозеп Боррель заявил о том, что Россия отдаляется от Европы, «воспринимая демократические ценности как экзистенциальную угрозу»¹⁹. Опасения России относительно архитектуры европейской безопасности он свел к ценностным различиям: «Не будем сводить проблему к расширению НАТО. Проблема в борьбе между двумя политическими и экономическими системами, между тем, что мы представляем, нашими ценностями и их ценностями, нашим и их образами жизни. В этом на самом деле борьба и линия раздела»²⁰.

Заключение

Анализ источников по рассматриваемой теме показывает, что Россия воспринимается как угроза ценностной основе европейской интеграции и, как следствие этого, европейским институтам и европейской идентичности. Подобная трактовка роли и места России в ценностном дискурсе лишает европейцев возможности адекватно оценить угрозы интеграционному проекту, имеющие внутри европейское происхождение. Москва предстает в качестве удобного оппонента, на которого, при желании, можно списать многие противоречия интеграционного процесса, связанные в том числе с разным смысловым наполнением европейских ценностей со стороны самих государств-членов ЕС. Кроме того, перевод отношений России и ЕС в ценностную плоскость означает невозможность

¹² European Parliament resolution of 12 March 2019 on the state of EU-Russia political relations...

¹³ European Parliament resolution of 9 March 2022 on foreign interference...

¹⁴ Ibid.

¹⁵ European Parliament resolution of 10 June 2015 on the state of EU-Russia relations...

¹⁶ European Parliament resolution of 12 March 2019 on the state of EU-Russia political relations...

¹⁷ Мейв Макмахон. Еврокомиссия: «идёт атака на наши ценности». 25.02.2022. URL: <https://ru.euronews.com/my-europe/2022/02/25/eu-commission-timmermans-itw> (дата обращения: 29.03.2022).

¹⁸ Speech by President Ursula von der Leyen at the European Parliament Plenary on the Russian aggression against Ukraine. Brussels, 1 Mar 2022. URL: https://eeas.europa.eu/delegations/albania/111921/speech-president-ursula-von-der-leyen-european-parliament-plenary-russian-aggression-against_en (accessed 29 Mar 2022).

¹⁹ Borrel J. My visit to Moscow and the future of EU-Russia relations. 7 Feb 2021. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/92722/my-visit-moscow-and-future-eu-russia-relations_en (accessed 29 Mar 2022).

²⁰ Боррель объяснил кризис между Россией и Западом конфликтом идеологий. 16.02.2022. URL: <https://www.interfax.ru/world/822498> (дата обращения: 29.03.2022).

достичь компромиссов, учитывая роль ценностей для европейского интеграционного проекта. Лишь осознание этого и стремление к возобновлению полноценного прагматичного сотрудничества без акцентирования внимания на нормативной составляющей может вывести отношения из существующего тупика.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflicting interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Кувалдин С. А. Ценности ЕС и их защита в европейском законодательстве. *Современная Европа*. 2020. № 7. С. 37–45. <https://doi.org/10.15211/soveurope720203745>
Kuvaldin S. A. EU values of the UE and their protection in the European law. *Sovremennaya Yevropa*, 2020, (7): 37–45. (In Russ.) <https://doi.org/10.15211/soveurope720203745>
2. Кинякин А. А., Казаринова Д. Б., Варгова Л., Де Мартино М., Таишева В. В., Ладыгин М. С., Костина А. А., Кисель Н. С. Трансформация социально-политических ценностей в Европейском союзе. Материалы «Круглого стола» сотрудников и аспирантов Российского университета дружбы народов. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2017. Т. 19. № 2. С. 183–214. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2017-19-2-183-214>
Kinyakin A. A., Kazarinova D. B., Vargova L., De Martino M., Taisheva V. V., Ladygin M. S., Kostina A. A., Kisel N. S. Transformation of political values in the EU: pros and cons of the "Round-table" debate of the lecturers and students of Peoples' Friendship University of Russia. *RUDN Journal of Political Science*, 2017, 19(2): 198–202. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2017-19-2-183-214>
3. Хрусталева М. А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. М.: Аспект, 2015. 208 с.
Hrustaleva M. A. *Analysis of international situations and political expertise*. Moscow: Aspekt, 2015, 208. (In Russ.)
4. "European values". *Challenges and opportunities for EU governance*, Foret F., Calligaro O. London: Routledge, 2018, 200.
5. Берендеев М. В. Дискурс европейской идентичности в условиях кризиса в ЕС. *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. 2012. № 12. С. 146–154.
Berendeev M. V. The discourse of "European identity" in the conditions of the EU crisis. *Vestnik Baltiiskogo federalnogo universiteta im. I. Kanta*, 2012, (12): 146–154. (In Russ.)
6. Пушкарева Г. В. Идеи и ценности как способ конструирования символического пространства национальной идентичности. *Полис. Политические исследования*. 2017. № 5. С. 156–173. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.11>
Pushkareva G. V. Ideas and values as a method of constructing the symbolic space of the national identity. *Polis. Political Studies*, 2017, (5): 156–173. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.11>
7. Болдырихин А. А. Кризис европейской идентичности в современных условиях общественно-политической нестабильности. *Панорама*. 2017. Т. 30. С. 4–11.
Boldyrihin A. A. The crisis of European identity in the current conditions of social and political instability. *Panorama*, 2017, 30: 4–11. (In Russ.)
8. Лекаренко О. Г. Декларация о европейской идентичности 1973 г. и Европейское политическое сотрудничество: роль внешнего фактора. *Дневник Алтайской школы политических исследований*. 2021. № 37. С. 116–122.
Lekarenko O. G. Declaration on European Identity of 1973 and European political cooperation: the role of external factor. *Dnevnik Altaiskoi shkoly politicheskikh issledovaniy*, 2021, (37): 116–122. (In Russ.)
9. Еремина Н. В., Борисовская Ю. А. Кризис европейской идентичности и Brexit. *Азимут научных исследований: экономика и управление*. 2017. Т. 6. № 2. С. 327–330.
Eremina N. V., Borisovskaya J. A. The crisis of the European identity and Brexit. *Azimut of Scientific Research: Economics and Administration*, 2017, 6(2): 327–330. (In Russ.)
10. Мельникова С. В. Существует ли европейская идентичность? Анализ ценностных оснований европейского единства на примере посреднической роли ЕС в палестино-израильском конфликте. *Концепт: философия, религия, культура*. 2020. Т. 4. № 3. С. 29–42. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-3-15-29-42>
Mel'nikova S. V. Does the European identity really exist? An analysis of the European unity value foundations in the case of its mediatory role in the Israeli-Palestinian conflict. *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 2020, 4(3): 29–42. (In Russ.) <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-3-15-29-42>
11. Игумнова Л. О. Нормативные цели внешней политики Европейского союза. *Известия Иркутского государственного университета. Серия: История*. 2011. № 1. С. 154–169.
Igumnova L. O. Normative aims of the European Union foreign policy. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2011, (1): 154–169. (In Russ.)

12. Антонов В. Ф. Европейские ценности в нормативно-правовых актах ЕС. *Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата*. 2021. № 3. С. 116–118.
Antonov V. F. European values in EU regulations. *Uchenye trudy Rossiiskoi akademii advokatury i notariata*, 2021, (3): 116–118. (In Russ.)
13. Лебедева Я. И. Ценности Европейского союза: понятие, правовая природа и влияние на конституционное право суверенных государств. *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2022. Т. 18. № 2. С. 130–147. <https://doi.org/10.12737/jflcl.2022.029>
Lebedeva Ya. I. EU values: concept, legal nature and impact on the constitutional law of sovereign states. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2022, 18(2): 130–147. (In Russ.) <https://doi.org/10.12737/jflcl.2022.029>
14. Болгова И. В. «Восточное партнерство» после Украинского кризиса: ценности стабильности или стабильные ценности? *Современная Европа*. 2019. № 7. С. 115–123. <https://doi.org/10.15211/soveurope72019115123>
Bolgova I. V. "Eastern partnership" after the Ukrainian crisis: values of stability or stable values? *Sovremennaya Yevropa*, 2019, (7): 115–123. (In Russ.) <https://doi.org/10.15211/soveurope72019115123>
15. Кавешников Н. Ю. Великобритания и Европейский союз: долгая история развода. Статья 2. Сложный партнер. *Современная Европа*. 2018. № 6. С. 18–29. <https://doi.org/10.15211/soveurope620181829>
Kaveshnikov N. Yu. United Kingdom and European Union: a long history of divorce. Part 2. Awkward partner. *Sovremennaya Yevropa*, 2018, (6): 18–29. (In Russ.) <https://doi.org/10.15211/soveurope620181829>
16. Haukkala H. *The relevance of norms and values in the EU's Russia policy*. FIIA Working Papers. Helsinki: Ulkopoliittinen instituutti, 2005, (52): 22.
17. Уайт С. Европейский союз, Восточная Европа и «империализм ценностей». *Вестник МГИМО-Университета*. 2014. № 4. С. 116–124.
White S. EU, Eastern Europe and values imperialism. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2014, (4): 116–124. (In Russ.)
18. Рингэрт С. Россия и Европейский союз: трудный поиск общих ценностей. *Электронное приложение к Российскому юридическому журналу*. 2012. № 6. С. 5–11.
Ringart S. Russia and the European Union: the hard search for common values. *Elektronnoe prilozhenie k "Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu"*, 2012, (6): 5–11. (In Russ.)
19. Rumer E. *Russia and the security of Europe*. Carnegie Endowment for International Peace, 2016, 56.
20. Kaczmarek M. *The policy of Russia towards the European Union*. Report of the Center of International Relations, 2005, (13): 30.
21. Тиммерманн Х. Россия и Европейский союз: развитие партнерства при разных ценностях? *Мир перемен*. 2005. № 4. С. 80–94.
Timmermann H. Russia and the European Union: can partnership be based on different values? *Mir peremen*, 2005, (4): 80–94. (In Russ.)
22. Цыганков П. А. Французская школа геополитики в 2000-х годах: отношения ЕС с Россией. *Международные процессы*. 2011. Т. 9. № 2. С. 4–15.
Tsygankov P. A. French geopolitics on EU-Russia relations. *International Trends*, 2011, 9(2): 4–15. (In Russ.)

оригинальная статья

Тематика отношений Российской Федерации и Европейского союза в испанской прессе за 2021 год

Цымбалова Анна Евгеньевна

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Россия,

г. Нижний Новгород

<https://orcid.org/0000-0002-3673-0641>

tsimbalova.n@gmail.com

Поступила в редакцию 01.04.2022. Принята после рецензирования 16.05.2022. Принята в печать 20.05.2022.

Аннотация: Рассмотрены вопросы, связанные с восприятием и интерпретацией имиджа России в контексте отношений с ЕС в испанской прессе. Источниковой базой исследования выступают две известные испанские газеты: *El Mundo* и *El Pais*, а хронологический период охватывает события, произошедшие в 2021 г. Посредством контент-анализа по обозначенной проблематике были переведены и проанализированы 20 публикаций из *El Mundo* и 50 – из *El Pais*. Количество статей, затрагивающих двусторонние отношения России и ЕС, в *El Pais* в два раза больше, чем в *El Mundo*. Наиболее популярные темы для освещения в испаноязычных средствах массовой информации: высылка дипломатических работников, взаимные обвинения сторон в шпионаже и дезинформации, строительство «Северного потока-2», затягивание экспертизы «Спутника V», дело А. Навального, отношения России и Белоруссии и обострение отношений России и ЕС в связи с предполагаемым вторжением в Украину. На основе публикаций можно сделать вывод, что позиция ЕС в отношении России не всегда согласована, а тематика двусторонних отношений России и Испании в контексте ЕС затрагивается довольно редко. По оценочным высказываниям европейских политиков прослеживается негативный и агрессивный образ России в испаноязычных СМИ.

Ключевые слова: ЕС, образ РФ, санкции, В. Путин, Ж. Боррель, дело А. Навального, Северный поток-2, *El Mundo*, *El Pais*

Цитирование: Цымбалова А. Е. Тематика отношений Российской Федерации и Европейского союза в испанской прессе за 2021 год. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 3. С. 375–382. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-3-375-382>

full article

Relations between the Russian Federation and the European Union as Reflected by the Spanish Press in 2021

Anna E. Tsymbalova

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia, Nizhni Novgorod

<https://orcid.org/0000-0002-3673-0641>

tsimbalova.n@gmail.com

Received 1 Apr 2022. Accepted after peer review 16 May 2022. Accepted for publication 20 May 2022.

Abstract: The article deals with the image of Russia and its relations with the European Union as reflected by two Spanish newspapers in 2021. The content analysis covered twenty publications from *The El Mundo* and fifty from *The El Pais*. The articles focus on the following topics: expulsion of diplomats, mutual accusations in espionage and disinformation, Nord Stream II, Satellite V, A. Navalny, Russia and Belarus, and the recent events in Ukraine. The official position of the European Union towards Russia often seems incoordinate. The bilateral relations between Russia and Spain receive little attention while evaluative statements made by European politicians about Russia create a negative and aggressive image of this country in the Spanish press.

Keywords: European Union, image of Russia, sanctions, V. Putin, J. Borrell, A. Navalny, Nord Stream II, *El Mundo*, *El Pais*

Citation: Tsymbalova A. E. Relations between the Russian Federation and the European Union as Reflected by the Spanish Press in 2021. *Vestnik Kemarovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(3): 375–382. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-3-375-382>

Введение

В рамках данного исследования рассмотрены основные события, произошедшие в отношениях между РФ и ЕС в 2021 г., в восприятии двух ведущих испанских газет – *El Mundo* и *El Pais*. В последние годы эти отношения претерпевают глубокий кризис, т. к. европейские страны и Россия расходятся в понимании целого ряда важных международных вопросов. Анализ испаноязычных СМИ представляет интерес как с точки зрения содержательной части статей, так и с позиции интерпретации самих событий. Основные задачи: выбрать наиболее значимые публикации, отражающие ключевые проблемы отношений РФ и ЕС, проанализировать их содержание, определить насколько объективно подается информация и на каких событиях делается акцент, сделать выводы, какой образ России формируется у зарубежных читателей, провести сравнительный анализ освещения событий в этих газетах.

Среди авторов, исследующих вопросы отношений Испании, России и ЕС и их отражение в испаноязычных СМИ, можно отметить Е. Астахову [1], А. П. Беседину [2], Дж. Вильсона¹, В. М. Кузьмину [3], А. С. Куклину [4], М. В. Ларионову и Г. С. Романову [5], А. А. Санчеса и Н. Педро [6], Е. Г. Черкасову [7], Д. А. Чечкина [8]. За последние пять лет опубликован ряд исследований, посвященных образу России в испанских СМИ [9–13], особенностям формирования имиджа России, оценке влияния международных событий на восприятие внешней политики Кремля в Испании, анализу комментариев читателей под статьями в испаноязычных газетах, составлению тематических карт публикаций.

Методы и материалы

Проблемный подход выбран основным, т. к. позволяет наиболее четко сформулировать предметную область исследования и сконцентрироваться на изучении современных двусторонних отношений РФ и ЕС. Применялись общенаучные методы анализ помог разобрать содержание каждой статьи и вычленил наиболее важную информацию; сравнение позволило сопоставить особенности освещения событий в *El Mundo* и *El Pais*, а также позиции отдельных Европейских стран; с помощью обобщения выявлены основные тенденции российско-испанских отношений. Применение частотного метода контент-анализа помогло выявить наиболее часто повторяющиеся темы и проблемы двусторонних отношений, а анализ заявлений российских и европейских политиков способствовал пониманию образа России в испаноязычных СМИ. Для реализации контент-анализа были выбраны статьи, отражающие проблематику отношений

РФ и ЕС за 2021 г. Из публикаций *El Mundo* было переведено и проанализировано 20 статей по обозначенной проблематике, а из *El Pais* – 50 статей, поиск производился по ключевым словам *Российская Федерация* и *Европейский союз*.

Освещение событий 2021 г. в *El Mundo* и *El Pais*

Довольно много внимания в публикациях газеты *El Mundo* уделялось делу оппозиционера А. Навального, вызвавшему широкий резонанс во многих европейских странах. В статьях говорится о санкциях ЕС, которые были применены в отношении четырех российских чиновников, причастных к случаю отравления и тюремного заключения А. Навального. В список были включены: генеральный прокурор И. Краснов, председатель Следственного комитета РФ А. Бастрыкин; директор Федеральной службы исполнения наказаний А. Калашников и Директор Федеральной службы войск национальной гвардии РФ В. Золотов. Санкционные меры включают запрет на поездку в ЕС и замораживание зарубежных активов.

Упоминается список из 35 человек, подготовленный в феврале 2021 г. сторонниками А. Навального и включающий руководителей органов безопасности и ряд чиновников, которые должны стать предметом западных санкций. Отмечается, что ЕС предпочел не налагать санкции на олигархов без крайней необходимости, опасаясь дальнейших судебных разбирательств. Кроме того, приводится информация американского агентства Bloomberg, полученная в феврале со ссылкой на неких дипломатов, что «ряд членов ЕС боится сжигать все мосты с Москвой». Постоянный представитель РФ при ЕС В. Чижов заявил, что данные санкции практически не будут иметь никакого влияния, кроме ответных мер со стороны России².

Еще в одной статье *El Mundo* приводилась позиция министров иностранных дел ЕС, заключающаяся в том, что Россия поворачивается к авторитаризму и отдаляется от Европы. События, произошедшие с А. Навальным, по их мнению, явно демонстрируют, что Россия настроена на конфронтацию, а не сотрудничество, в то время как европейские государства должны быть едины в своем отношении к нарушению прав человека и в том, чтобы эти права защищать, а сами санкции являются лишь конкретным ответом на неправомерные действия отдельных лиц и не распространяются на всю страну и ее население. Отмечалась сдержанная позиция Германии в вопросе применения санкций, которая заинтересована в строительстве «Северного потока-2», а также попытки Франции наладить отношения с Россией³.

¹ Wilson J. Spain: judge probes Catalan separatism links with Russia. 28 Oct 2020. URL: <https://apnews.com/article/police-spain-barcelona-2fc97ed44c9cf8d6ac62bcd71b2bcc20> (accessed 16 Mar 2022).

² Colas X. EEUU y la UE amplifican sus sanciones a Rusia por el 'caso Navalny'. *El Mundo*. 2 Mar 2021. URL: <https://www.elmundo.es/internacional/2021/03/02/603e4ef321efa094218b4660.html> (accessed 16 Mar 2022).

³ Suanzes P. R. La UE acuerda imponer sanciones a Rusia por el caso Navalny. *El Mundo*. 22 Feb 2021. URL: <https://www.elmundo.es/internacional/2021/02/22/6033e2e321efa06a628b464e.html> (accessed 16 Mar 2022).

Довольного много статей посвящены визиту ВП ЕС по иностранным делам и политике безопасности Ж. Борреля в Москву в феврале 2021 г. В статье *El País* сказано, что Ж. Боррель был убежден, что его поездка в российскую столицу способствовала сближению позиций 27 государств-членов в отношениях с Россией, как между теми, кто выступает за жесткие меры (Польша), и теми, кто предпочитает идти на компромисс (Франция, Германия). После встречи с министрами он отметил, что «мы должны найти способ существования с соседом, который, к сожалению, предпочел перманентную конфронтацию и решил стать противником». Брюссель настаивает на том, что санкции не являются самоцелью, а скорее инструментом для изменения поведения или практики наказанной страны, но в случае с Россией ее международная политика не меняется. В. Путин обвиняется во вмешательстве в западные демократические процессы, нападениях с применением химического оружия на территории ЕС, запугивании соседних стран, например, Украины и Грузии, военном вмешательстве в конфликты в Сирии и Ливии⁴.

По информации *El Mundo*, Ж. Боррель в ходе визита в Москву сказал, что существуют сферы, в которых Россия и ЕС могут и должны сотрудничать, и объявил, что Брюссель выступает за поддержание диалога, несмотря на трудности. Представители МИД России также подчеркнули, что готовы способствовать нормализации отношений с ЕС. Однако уже в следующей статье говорится о предположении Ж. Борреля, что на заседании Совета ЕС по иностранным делам, который пройдет 22 февраля, будут обсуждать расширение санкций против РФ. По мнению министра иностранных дел С. Лаврова, западные страны пытаются превратить проблему А. Навального в один из главных вопросов в диалоге с Россией, в то время как приговоры, вынесенные организаторам каталонского референдума в 2017 г., являются примером политически мотивированных судебных решений⁵. Более того, мнения российских политиков о событиях в Каталонии сводятся к осуждению испанских властей в их нежелании прислушиваться к волеизъявлению собственных граждан и применению политики двойных стандартов со стороны ЕС [3, с. 125].

Дальнейшая полемика С. Лаврова и Ж. Борреля по этой теме обратила на себя пристальное внимание испанских СМИ. Были приведены слова С. Лаврова, озвученные во время совместной пресс-конференции, что

Россия не видит ЕС как надежного партнера на данном этапе. Несмотря на расхождения, Россия и ЕС согласны, что необходимо расширить каналы диалога и что дальнейшее ухудшение отношений может привести к непредсказуемым последствиям. В статьях неоднократно упоминались слова министра иностранных дел Испании Аранча Гонсалеса Лайя: «В Испании нет политических заключенных, есть заключенные политики. И я надеюсь, что Алексей Навальный имеет возможность участвовать в предстоящей избирательной кампании, как это могут сделать лидеры каталонского движения за независимость, осужденные в Испании»⁶.

Ряд публикаций затрагивает санкции ЕС, взаимные высылки дипломатов и комментарии официальных представителей сторон. Небольшая статья *El Mundo* комментирует позицию С. Лаврова, который высказался о том, что Москва готова разорвать отношения с ЕС, если возможные новые санкции Брюсселя подвергнут риску российскую экономику, хотя «Россия не хочет изолировать себя от мира». Было опубликовано высказывание официального представителя МИД России Марии Захаровой: «Совершенно неприемлемо использовать права человека и демократические принципы в качестве геополитического инструмента для достижения своих собственных целей. Опыт отношений с ЕС после 2014 года показывает нам, что инстинктивно Брюссель цепляется за рычаг санкций, когда сталкивается с твердой позицией нашей страны и других суверенных государств, защищающих свои законные интересы и предотвращающие прямое вмешательство во внутренние дела»⁷.

В *El Mundo* упоминается высылка трех европейских дипломатов из Швеции, Польши и Германии, которые принимали участие в незаконных демонстрациях в поддержку А. Навального 23 января 2021 г. Данные действия объяснялись российской стороной как послание к Западу, означающее, что уважение к взаимным интересам и невмешательство во внутренние дела являются ключевыми условиями для хороших отношений⁸.

В начале мая 2021 г. *El País* опубликовала информацию, что Россия в знак протеста против санкций, введенных в отношении восьми высокопоставленных европейских чиновников, приняла ответные меры, объявив персонами нон грата председателя Европарламента Дэвида Сассоли и вице-президента Европейской комиссии по правам человека,

⁴ de Bernardo M. La UE acuerda ampliar las sanciones a Rusia por la represión contra Navalny y los manifestantes. *El País*. 23 Feb 2021. URL: <https://elpais.com/internacional/2021-02-22/la-ue-acuerda-ampliar-las-sanciones-a-rusia-por-la-represion-de-los-opositores-liderados-por-navalnyi.html> (accessed 16 Mar 2022).

⁵ Colas X. Rusia se pregunta a qué ministro de Pedro Sánchez hay que creer sobre si España es una democracia plena. *El Mundo*. 9 Feb 2021. URL: <https://www.elmundo.es/espana/2021/02/09/60228d9021efa0a33a8b462b.html> (accessed 16 Mar 2022).

⁶ Colas X. España cuestiona que Rusia sea una democracia tras comparar al opositor Alexei Navalny con los independentistas en España. *El Mundo*. 5 Feb 2021. URL: <https://www.elmundo.es/internacional/2021/02/05/601d33c1fc6c8364588b4674.html> (accessed 16 Mar 2022).

⁷ Colas X. Rusia, dispuesta a romper relaciones con la UE si Bruselas aprueba nuevas sanciones. *El Mundo*. 12 Dec 2021. URL: <https://www.elmundo.es/internacional/2021/02/12/60264a5d21efa0eb768b4598.html> (accessed 16 Mar 2022).

⁸ Colas X. Rusia critica la "propaganda" de Arancha González Laya y acusa a Josep Borrell de ser un títere. *El Mundo*. 8 Feb 2021. URL: <https://www.elmundo.es/internacional/2021/02/08/60211b72fdddfb5d8b45f4.html> (accessed 16 Mar 2022).

ценностям и прозрачности Веру Юрову. В Брюсселе считают, что решение Кремля носит в высшей степени политический характер и лишено правовой основы, а потому лишь способствует деградации и без того испорченных отношений⁹.

В интервью конца июля 2021 г. Ж. Борреля газете *El País* говорилось, что задачей Европейского совета была подготовка отчета, где анализировалась бы текущая ситуация и перспективы отношений с РФ, находящихся на самом низком уровне за многие годы. Накануне обсуждения этого отчета Франция и Германия объявили о своем намерении организовать встречу президента России и 27 государств, но предложение было отвергнуто, что показало, насколько деликатны отношения с Россией для некоторых стран. Он подчеркнул, что «мы должны искать пути взаимопонимания с Россией по вопросам, для которых она нам нужна, например, Арктика и энергетика. У нас должна быть стратегия с Россией по сдерживанию, отказу от вредных инициатив и установлению договоренностей по необходимым вопросам, для чего 27 государств должны выработать совместную позицию»¹⁰.

Статья *El País* от 6 февраля отражает точку зрения Президента РФ Владимира Путина о том, что в Европейском союзе нет единой и согласованной политики в отношении России, у нее есть некоторые союзники, такие как Венгрия, а также страны, выступающие за сближение с целью противодействия все более тесным связям между Москвой и Пекином. Существуют и те, кто придерживается более прагматичного подхода, например Германия, у которой с Москвой строится «Северный поток-2», т. к. Союз по-прежнему очень зависит от поставляемой им энергии. Кроме того, Россия – ключевой геостратегический партнер для диалога по Ливии, Сирии, Ирану, Арктике или климатическому кризису¹¹.

Много внимания уделено и вопросам энергетического диалога между Россией и ЕС. По информации Евростата, опубликованной в *El País*, крупнейшими поставщиками газа в ЕС в 2020 г. были Норвегия (24,5 %), Россия (23,0 %), Украина (12,8 %) и Белоруссия (10,3 %). Но учитывая, что большая часть газа, поступающего в ЕС из Украины и Белоруссии, изначально поступает из России, эта страна фактически становится крупнейшим европейским поставщиком¹².

В начале августа 2021 г. была опубликована статья о том, что завершение строительства российско-германского газопровода «Северный поток-2» и стремление наладить отношения с РФ, несмотря на агрессию против Украины, обостряет отношения Германии с ЕС. Подчеркивается, что инициатива Германии была поддержана президентом Франции Э. Макроном. Как заявил *El País* Ж. Боррель: «Я думаю, что Германия и Россия были правы, решив начать новый диалог, но, вероятно, то, как они подошли к этому, привело к провалу инициативы».

Одобрение США проекта и соглашение с Германией по этому вопросу вызвало наибольшее недовольство в соседних с Россией странах, как внутри ЕС (Польша, Эстония, Латвия и Литва), так и за его пределами (Украина). Канцлера Германии обвиняют в том, что он принес В. Путину геостратегическую победу и даже поставил под угрозу экономическое выживание Украины как независимого государства, поскольку она потеряет свои доходы от транзита российского газа, который теперь будет поступать в Европу напрямую через Балтику. Испания же продолжает входить в ограниченную группу стран, которая хоть и испытывает некоторые опасения относительно увеличивающейся топливной зависимости от России, но все же продолжает занимать умеренные позиции [8, с. 72].

Об общей позиции Еврокомиссии говорится, что она имеет двойственное отношение. С одной стороны, «она с отвращением смиряется со строительством газопровода, который закрепит за Россией статус поставщика энергоносителей в ЕС, роль которого резко возросла за последние десятилетия». С другой – осознает, что строительство газопровода является жизненно важным интересом для экономики Германии. В рамках отказа от ядерной энергии в 2022 г. и отказом от угля, запланированным на 2038 г., Германии нужен газ в качестве дополнения к использованию возобновляемых источников энергии. «Северный поток-2», помимо прочих преимуществ, сокращает путь газа из России в Германию на 1000 км по сравнению с газопроводами, которые проходят через Украину¹³.

Одновременно в *El País* была статья о том, что согласно расследованию Европейской Службы Внешних Связей, проведенному в марте 2021 г., из всех стран ЕС Германия подвергается наибольшему количеству дезинформационных кампаний со стороны России. По данным Службы,

⁹ Pellicer L. La UE traslada a Rusia su condena por las sanciones contra el presidente de la Eurocámara y una comisaria. *El País*. 3 Mar 2021. URL: <https://elpais.com/internacional/2021-05-03/la-ue-traslada-a-rusia-su-condena-por-las-sanciones-contr-el-presidente-de-la-eurocamara-y-una-comisaria.html> (accessed 16 Mar 2022).

¹⁰ González A. "Con Rusia hay que buscar formas de entendimiento". *El País*. 29 Jul 2021. URL: <https://elpais.com/internacional/2021-07-29/con-rusia-hay-que-buscar-formas-de-entendimiento.html> (accessed 16 Mar 2022).

¹¹ Sahuquillo M. R. Rusia escenifica su desafío a la Unión Europea. *El País*. 6 Feb 2021. URL: <https://elpais.com/internacional/2021-02-06/rusia-escenifica-su-desafio-a-la-ue.html> (accessed 16 Mar 2022).

¹² Peralta L. A. Lukashenko reta a Europa: '¿Y si cortamos el gas natural?' *El País*. 11 Nov 2021. URL: https://cincodias.elpais.com/cincodias/2021/11/11/mercados/1636645722_657009.html (accessed 16 Mar 2022).

¹³ de Bernardo M. Merkel afronta en la recta final de su mandato las protestas del Este contra su entendimiento con Putin. *El País*. 2 Aug 2021. URL: <https://elpais.com/internacional/2021-08-02/merkel-afronta-en-la-recta-final-de-su-mandato-las-protestas-del-este-contr-su-entendimiento-con-putin.html> (accessed 16 Mar 2022).

с 2015 г. Германия стала мишенью российской дезинформации более 700 раз, Франция – около 300, Италия – 170 и Испания – 40 раз. В статье говорится о «систематической кампании против Германии» как на политическом уровне, так и со стороны близких к Кремлю СМИ, поскольку российская международная многоязычная сеть информационных телеканалов RT пытается подорвать доверие к демократическим институтам, распространяя финансируемую пропаганду с 2014 г.¹⁴

Еще одной темой двусторонних отношений, освещавшейся на протяжении всего года, стала возможность применения российской вакцины «Спутник V» на территории ЕС и ее постепенная экспертиза, которая так и не была завершена до конца 2021 г.¹⁵ Ряд статей в *El País* посвящены конфликту, который разгорелся в ЕС из-за того, что Венгрия и Словакия решили закупать «Спутник V» вне программы закупок ЕС, что спровоцировало бурную реакцию со стороны других европейских стран, и в итоге премьер-министр Словакии И. Матович подал в отставку. Закупка российской вакцины была трактована как отчаянная попытка исправить сложную эпидемиологическую ситуацию, а не из-за его пророссийских настроений. В то же время отмечалось, что медлительность ЕС в распределении вакцин начинает раздражать граждан. Аналитики также фиксируют, что часть населения Вышеградской группы, несмотря на свое посткоммунистическое наследие, разочарована Западом, поскольку не видит преимуществ вступления в ЕС и чувствует себя проигравшей стороной глобализации, в России они не видят угрозы, поэтому и не боятся вакцинации «Спутником».

В свою очередь, Польша, страна с самым большим населением в регионе, исключает российскую вакцину, но поддерживает контакты с Пекином для будущего приобретения китайской вакцины. Премьер-министр Чехии Андрей Бабиш входит в число лидеров, которые жалуются на «неравное» распределение вакцин в обществе, но министр здравоохранения Ян Блатны остается твердым в своем решении не одобрять ни одну вакцину, которая не была одобрена Европейским агентством лекарственных средств (ЕАЛС)¹⁶.

В *El País* появлялась информация о готовности Германии договориться в двустороннем порядке о поставках российской вакцины и инициировать переговоры на уровне ЕС, который до сих пор не проявлял такого интереса. Однако, сначала «Спутник V» должен получить сертификацию ЕАЛС, которое начало процедуру проверки российской вакцины 4 марта 2021 г., но примерные сроки ее окончания озвучены не были¹⁷.

Согласно отчету словацкого аналитического центра Globsec, за непрекращающимися кампаниями по дезинформации о таких вакцинах, как AstraZeneca в Словакии, стоят российские информационные службы¹⁸. В одной из статей приводится позиция российской стороны в лице генерального директора Российского фонда прямых инвестиций Кирилла Дмитриева: «Многие компании, конкуренты и политические силы в других странах пытаются вмешаться в процесс признания нашей вакцины. Мы даже знаем, что несколько стран планируют провокации против "Спутника V", но мы не останавливаемся и, конечно же, это одна из самых признанных вакцин в мире»¹⁹.

Неоднократно публиковались статьи, затрагивающие отношения России, Белоруссии и ЕС на фоне миграционного кризиса на белорусско-польской границе. Ряд статей освещают совместные российско-белорусские военные учения, которые прошли в ноябре 2021 г., приводится обращение А. Лукашенко к В. Путину с просьбой предоставить самолеты для контроля границы ЕС с воздуха²⁰. Неоднократно подчеркивается, что Москва поддерживает Минск в его конфронтации с Польшей, Литвой и остальной частью ЕС, освещается совместная позиция двух государств и их осуждение реакции на миграционный кризис со стороны других европейских государств²¹.

В статье *El País* от 13 ноября 2021 г. подробно освещается заявление В. Путина относительно возможной блокады транзита российского газа по трубопроводу «Ямал-Европа» через территорию Белоруссии. Данная угроза была высказана А. Лукашенко как ответная мера после заявления польского правительства о намерении закрыть границу с Белоруссией, а также выдвижением очередного пакета

¹⁴ Sevillano E. G. La propaganda rusa elige a Alemania como Diana. *El País*. 11 Mar 2021. URL: <https://elpais.com/internacional/2021-03-11/la-propaganda-rusa-elige-a-alemania-como-diana.html> (accessed 16 Mar 2022).

¹⁵ Colas X. La vacuna Sputnik V al rescate de Europa: gran calibre, pero poca munición. *El Mundo*. 5 Mar 2021. URL: <https://www.elmundo.es/ciencia-y-salud/salud/2021/03/04/6041372f21efa0251e8b45da.html> (accessed 16 Mar 2022).

¹⁶ Hervás M. La vacuna Sputnik, el nuevo caballo de Troya entre los países del Este y la UE. *El País*. 5 Apr 2021. URL: <https://elpais.com/internacional/2021-04-05/la-vacuna-sputnik-el-nuevo-caballo-de-troya-entre-los-paises-del-este-y-la-ue.html> (accessed 16 Mar 2022).

¹⁷ Sevillano E. G., Pellicer Lluís. Alemania abre el camino para que los países compren vacunas al margen de la Unión Europea. *El País*. 4 Apr 2021. URL: <https://elpais.com/sociedad/2021-04-08/alemania-negociara-la-compra-de-la-vacuna-rusa-sputnik-v-de-forma-bilateral.html> (accessed 16 Mar 2022).

¹⁸ Sevillano E. G., Pellicer Lluís. Alemania abre el camino para que los países compren vacunas al margen de la Unión Europea. *El País*. 4 Apr 2021. URL: <https://elpais.com/sociedad/2021-04-08/alemania-negociara-la-compra-de-la-vacuna-rusa-sputnik-v-de-forma-bilateral.html> (accessed 16 Mar 2022).

¹⁹ de Bernardo M., Sahuquillo M. R. La vacuna rusa Sputnik desata una oleada de desinformación en la UE. *El País*. 12 Feb 2021. URL: <https://elpais.com/sociedad/2021-02-12/la-vacuna-rusa-sputnik-desata-una-oleada-de-desinformacion-en-la-ue.html> (accessed 16 Mar 2022).

²⁰ Colas X. Rusia hace maniobras en Bielorrusia y Boris Johnson envía tropas a Polonia. *El Mundo*. 12 Nov 2021. URL: <https://www.elmundo.es/internacional/2021/11/12/618e6a6721efa09c5f8b457c.html> (accessed 16 Mar 2022).

²¹ Colas X. Rusia y Bielorrusia se unen para que la Unión Europea ceda ante el chantaje en su frontera. *El Mundo*. 10 Nov 2021. URL: <https://www.elmundo.es/internacional/2021/11/10/618bad95e4d4d85b1e8b45b6.html> (accessed 16 Mar 2022).

санкций со стороны ЕС. В свою очередь В. Путин отметил, что реализация этой угрозы может нанести большой вред энергетическому сектору Европы и не будет способствовать развитию отношений с Белоруссией. Более того, в статье подчеркивается, что Россия в течение многих лет была ближайшим союзником Белоруссии, помогая как финансово, так и военно. Европейская комиссия заявила, что если А. Лукашенко выполнит свои угрозы, то это в основном повредит России как поставщику газа²².

В статье *El País*, посвященной совместным российско-белорусским учениям «Запад-2021», говорится, что В. Путин прикрывает белорусского авторитарного лидера А. Лукашенко в его углубляющемся конфликте с Западом из-за репрессий против инакомыслящих и посягательств на права человека. Такая поддержка вызывает беспокойство со стороны ЕС, который опасается, что Россия аннексирует Белоруссию, воспользовавшись слабостью А. Лукашенко, изолированного санкциями²³. Можно отметить, что в целом в испанских газетах сохраняет свою актуальность стереотип об агрессивной внешней политике России. Журналисты постоянно пишут о том, как она реформирует свои военные силы, о военных учениях, российской авиации, нарушении воздушных границ, продаже вооружения неугодным Западу странам [14, с. 275].

Последняя наиболее острая тема, появившаяся в конце года в двусторонних отношениях, связана с ростом российско-украинской напряженности. В начале декабря 2021 г. в *El País* вышла статья, в которой была однозначно обозначена позиция США с предупреждением о серьезных экономических санкциях, подготовленных совместно с европейскими союзниками в случае, если Москва усилит давление на Украину. Брюссель также предупредил Москву, что любая дальнейшая агрессия приведет к серьезным торговым ответным действиям со стороны ЕС, что может нанести серьезный ущерб российской экономике. Обозначено, что с 2014 г. ЕС принял широкий спектр мер против России в ответ на незаконную аннексию украинской территории Крыма, но благодаря канцлеру Германии А. Меркель удалось избежать грубого разрыва торговых отношений. Было опубликовано высказывание бывшего заместителя министра обороны Украины и директора Центра стратегических коммуникаций StratCom Uk Алины Фроловой, что «действия России носят замаскированный характер, такие

как отправка оружия на Донбасс, недавний миграционный кризис в Белоруссии или провокации в Крыму». В конце статьи была дана краткая аналитическая справка о возможных последствиях прекращения подачи газа в Европу. Однако речь там шла только про Германию, которая содействовала введению в эксплуатацию «Северного потока-2». Подчеркивается, что у нее уже есть другие поставщики, такие как Норвегия и Нидерланды, которые покрывают почти 40 % потребления Германии²⁴.

В одной из последних статей *El Mundo*, затрагивающих отношения России и ЕС в свете украинского кризиса, открыто сообщается, что на очередной встрече министров иностранных дел было сказано, что «любая агрессия будет иметь политические последствия и высокую экономическую стоимость». Страны ЕС выразили полную поддержку суверенитету и территориальной целостности Украины, а министр иностранных дел Испании Хосе Мануэль Альбарес заявил: «Мы делаем ставку на дипломатические договоренности, но есть соглашение о том, чтобы подготовить экономические и политические санкции в случае, если будут осуществлены враждебные действия, противоречащие международному праву. Мы хотим, чтобы сдерживание было максимально эффективным». Однако в статье подчеркивается, что Франция и Германия, несмотря на эскалацию напряженности, введение санкций в отношении России и протест ряда европейских стран, предложили и дальше придерживаться политики сближения с Россией²⁵.

В статье *El País* от 27 декабря 2021 г. говорится, что в связи с концентрацией российских войск вдоль границ с Украиной, все более яростными антикиевскими и антинатовскими речами В. Путина, а также предупреждающими сигналами западных спецслужб о возможном новом российском вторжении многие аналитики предполагают начало войны на Донбассе. По словам украинского журналиста Зураба Аласания, сам конфликт характеризуется как очередная российская агрессия под предлогом вмешательства для «защиты» около миллиона россиян, возникших благодаря щедрой выдаче паспортов российскими властями и находящимися в самопровозглашенных ДНР и ЛНР. Дальнейшей кульминацией политики В. Путина, по его мнению, может стать слияние России и Белоруссии, поскольку его союзник, авторитарный лидер А. Лукашенко, все больше зависит от кредитов и поддержки Москвы²⁶.

²² Colas X. Putin advierte a Lukashenko contra el cierre del tránsito de gas ruso a Europa: "Supondría un gran daño". *El Mundo*. 13 Nov 2021. URL: <https://www.elmundo.es/internacional/2021/11/13/618f8694fc6c83c60b8bedee.html> (accessed 16 Mar 2022).

²³ Sahuquillo M. R. Rusia exhibe fuerza militar en plena escalada de tensión con la OTAN. *El País*. 2 Jun 2021. URL: <https://elpais.com/internacional/2021-06-02/rusia-exhibe-fuerza-militar-en-plena-escalada-de-tension-con-la-otan.html> (accessed 16 Mar 2022).

²⁴ Seisdedos L., Cuesta J. G., de Bernardo M. Estados Unidos y la UE elevan la presión sobre Putin con la amenaza de fuertes sanciones económicas. *El País*. 7 Dec 2021. URL: <https://elpais.com/internacional/2021-12-07/biden-amenaza-a-putin-con-fuertes-sanciones-economicas-si-rusia-aumenta-su-presion-sobre-ucrania.html> (accessed 16 Mar 2022).

²⁵ Suanes P. R. La UE advierte: "Cualquier agresión contra Ucrania tendrá un alto coste para Rusia". *El Mundo*. 13 Dec 2021. URL: <https://www.elmundo.es/internacional/2021/12/13/61b793e621efa00d7c8b45bc.html> (accessed 16 Mar 2022).

²⁶ Sahuquillo M. R. Ucrania, que se siente cada vez más cerca de la UE, se enroca ante la amenaza rusa. *El País*. 27 Dec 2021. URL: <https://elpais.com/internacional/2021-12-27/ucrania-que-se-siente-cada-vez-mas-cerca-de-la-ue-se-enroca-ante-la-amenaza-rusa.html> (accessed 16 Mar 2022).

Результаты

Тематика двусторонних отношений ЕС и России является не самой популярной темой на страницах *El Mundo* за 2021 г. Освещаются только наиболее важные встречи и актуальные вопросы: санкции, применение вакцины «Спутник V» на территории ЕС, реакция европейских стран на дело А. Навального, отношения России, Белоруссии и ЕС на фоне миграционного кризиса на белорусско-польской границе. События освещаются объективно, т. к. обычно отражается точка зрения обеих сторон, часто приводятся высказывания В. Путина и С. Лаврова. Однако ряд статей, посвященных обострению отношений между Белоруссией и ЕС, несколько отождествляет позицию Белоруссии и России, хотя официальный представитель МИД РФ М. Захарова подчеркнула, что Россия не имеет никакого отношения к миграционному кризису на границе Белоруссии и Польши²⁷. Подобное восприятие российско-белорусских отношений можно проследить и в публикациях *El País*.

Количество статей по данной проблематике в *El País* за 2021 г. в два раза превышает количество статей в *El Mundo*, тематика более разнообразна. На страницах *El País* можно встретить информацию о взаимной высылке дипломатических работников, взаимных обвинениях сторон в шпионаже и дезинформации, подробно освещаются вопросы энергетики в двусторонних отношениях. Кроме того, статьи в *El País* более объемны, информативны, как правило, содержат некоторую аналитическую составляющую в отличие от сухого изложения фактов в *El Mundo*. Публикации за предыдущие годы, затрагивающие тот же спектр вопросов, свидетельствуют о том, что редакция стремится сохранить максимально возможную объективность в условиях давления со стороны общего мнения ЕС по вопросам российской внешней политики, использует экспертные оценки и сдержанный тон публикаций, что позволяет сформировать в целом нейтральный имидж России у целевой читательской аудитории газеты *El Mundo* [10, с. 439]. На страницах *El País* часто приводятся цитаты европейских и российских политиков, поэтому по ее публикациям гораздо проще проследить оценочные высказывания о России. Также в *El País* можно найти более подробную информацию о сложностях, связанных с одобрением российской вакцины «Спутник V» на территории ЕС, более детально освещаются внутренние противоречия в ЕС и можно четко увидеть позицию отдельных стран.

Заключение

Подводя итоги современным отношениям РФ и ЕС, стоит отметить, что независимо от издания видно, насколько глубокий кризис они переживают в настоящий момент. Ключевыми темами за 2021 г. в двусторонних отношениях стали: санкции, взаимная высылка дипломатических работников, обвинения

в шпионаже и дезинформации, вопросы строительства «Северного потока-2», затягивание экспертизы «Спутника V», дело А. Навального, отношения России и Белоруссии и их совместные учения, обострение отношений России и ЕС в связи с предполагаемым вторжением в Украину.

Проведенный анализ показал, что позиция ЕС в отношении России далеко не всегда согласована и однородна, а заявления ВП ЕС по иностранным делам и политике безопасности носят конъюнктурный и переменчивый характер. Германия и Франция часто упоминаются как страны, настроенные на установление диалога и взаимовыгодного партнерства. Словения и Венгрия также занимают более дружественную позицию, что подтверждается информацией о готовности сотрудничать по закупкам «Спутника V». Наиболее сложные отношения в настоящий момент складываются с Польшей и странами Прибалтики. Тематика двусторонних отношений России и Испании в контексте ЕС затрагивается довольно редко, основной темой стала полемика С. Лаврова и Ж. Борреля о сравнении дела А. Навального с каталонскими политиками, осужденными за проведение референдума в 2017 г.

Образ России, который можно проследить по различным оценочным высказываниям в статьях и цитатах европейских политиков и журналистов, является однозначно агрессивным и негативным. Российское руководство характеризуется как неспособное на компромиссы, нарушающее договоренности и права человека, склонное к авторитаризму и подавляющее всякое инакомыслие. В статьях постоянно следуют обвинения о злонамеренной дезинформации в СМИ, осуществляемой в отношении европейских стран. Степень недоверия настолько велика, что включает неоднократные предположения о дальнейшей аннексии Россией Белоруссии. В то же время европейские лидеры не скрывают своего утилитарного отношения, подчеркивая, что готовы выстраивать отношения с Россией лишь в тех сферах, которые представляют для них интерес, а любые ответные шаги на санкции объявляются незаконными и политически необоснованными.

Если сравнить подачу материала, то в *El País* данная тематика рассматривается более подробно, но в то же время и количество статей, в которых прослеживается негативный образ России и приводятся довольно резкие высказывания европейских политиков, тоже намного больше. *El Mundo* характеризуется более сдержанной подачей материала и стремлением показать конфликт с обеих сторон.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflicting interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

²⁷ В МИД отвергли причастность России к кризису на белорусско-польской границе. *РИА Новости*. 17.11.2021. URL: <https://ria.ru/20211117/krizis-1759522318.html> (дата обращения: 16.03.2022).

Литература / References

1. Астахова Е. Россия и Испания: модернизация образов. *Вся Европа*. 2011. № 4. URL: <http://alleuropa.ru/?p=1295> (дата обращения: 16.03.2022).
Astakhova E. Russia and Spain: modernization of images. *All Europa*, 2011, (4). URL: <http://alleuropa.ru/?p=1295> (accessed 16 Mar 2022). (In Russ.)
2. Беседина А. П. Образ современной России в политической медиареальности испанской газеты *El Mundo*. *Nauka.me*. 2020. № 2. URL: <https://nauka.me/S241328880010293-6-1/> (дата обращения: 16.03.2022).
Besedina A. P. Image of modern Russia in Spanish newspaper *El Mundo*'s political mediareality. *Nauka.me*, 2020, (2). URL: <https://nauka.me/S241328880010293-6-1> (accessed 16 Mar 2022). (In Russ.)
3. Кузьмина В. М. Перспективы развития испанского регионализма и позиция России по данному вопросу. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2018. Т. 10. № 5-2. С. 119–129.
Kuzmina V. M. Prospects for the development of Spanish regionalism and Russia's position on this issue. *Historical and Social-Educational Idea*, 2018, 10(5-2): 119–129. (In Russ.) <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2018-10-5/2-119-129>
4. Кукина А. С. Анализ дискретности политических и исторических взаимоотношений России и Испании нового тысячелетия. *Вестник Томского государственного университета*. 2020. № 450. С. 136–146. <https://doi.org/10.17223/15617793/450/17>
Kuklina A. S. An analysis of the discreteness of political and historical relations between Russia and Spain in the new millennium. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, (450): 136–146. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/15617793/450/17>
5. Ларионова М. В., Романова Г. С. Когниция и коммуникация: метафора в испанском медийном дискурсе. *Филологические науки в МГИМО*. 2019. № 1. С. 26–34. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2019-1-17-26-34>
Larionova M. V., Romanova G. S. Cognition and communication: metaphor in the Spanish media discourse. *Linguistics & Polyglot Studies*, 2019, (1): 26–34. (In Russ.) <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2019-1-17-26-34>
6. Sánchez A. A., de Pedro N. Spain and the European Union-Russia conflict: the impact of the sanctions. *Notes internacionales CIDOB*, 2015, (108). URL: https://www.cidob.org/en/publications/publication_series/notes_internacionales/n1_108/spain_and_the_european_union_russia_conflict_the_impact_of_the_sanctions (accessed 16 Mar 2022).
7. Черкасова Е. Г. Образ Испании в России: прошлое и настоящее. *Ибероамериканские тетради*, 2016. № 1. С. 108–115.
Cherkasova E. G. Image of Spain in Russia: past and present. *Cuadernos Iberoamericanos*, 2016, (1): 108–115. (In Russ.)
8. Чечкин Д. А. Российская внешняя политика в зеркале испанской дипломатии и прессы. *Латинская Америка*, 2011. № 11. С. 64–73.
Chechkin D. A. Russian foreign policy in the mirror of Spanish diplomacy and press. *Latinskaya Amerika*, 2011, (11): 64–73. (In Russ.)
9. Клещенко Л. Л. «Русский медведь» в испаноязычном медиадискурсе. *Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2021. Т. 12. № 3. С. 806–822. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-3-806-822>
Kleshchenko L. L. "Russian bear" in the Spanish-language media. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2021, 12(3): 806–822. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-3-806-822>
10. Кузьмич С. В. Имидж России на страницах газеты "El Mundo": тематическая карта публикаций за 2015–2020 годы на основе анализа комментариев читателей. *Мир науки, культуры, образования*. 2021. № 3. С. 436–440.
Kuzmich S. V. Image of Russia in the newspaper "El Mundo": thematic map of publications for 2015–2020. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*, 2021, (3): 436–440. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2021-388-435-440>
11. Ortega A. Putin wins and loses: towards a new European order? *Elcano Royal Institute*. 25 Jan 2022. URL: <https://www.realinstitutoelcano.org/en/putin-wins-and-loses-towards-a-new-european-order/> (accessed 16 Mar 2022).
12. Полякова А. В. Сравнительный анализ имиджевой политики России и Испании в условиях современной интеграции. *Латинская Америка*. 2020. № 5. С. 92–100. <https://doi.org/10.31857/S0044748X0009126-7>
Poliakova A. V. Comparative analysis of image policy of Russia and Spain in the context of modern integration. *Latinskaya Amerika*, 2020, (5): 92–100. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S0044748X0009126-7>
13. Славина В. А., Олейников А. С. Репрезентация образа России в испанской прессе. *Преподаватель XXI век*. 2018. № 4-2. С. 444–350.
Slavina V. A., Oleynikov A. S. Representation of the image of Russia in the Spanish press. *Prepodavatel XXI vek*, 2018, (4-2): 444–350. (In Russ.)
14. Олейников А. С., Славина В. А. Стереотипизация и мифологизация образа России в современных испанских газетах. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика*, 2019. Т. 24. № 2. С. 273–282. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2019-24-2-273-282>
Oleynikov A. S., Slavina V. A. Stereotypization and mythologization of the image of Russia in modern Spanish newspapers. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2019, 24(2): 273–282. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2019-24-2-273-282>

оригинальная статья

Отношения России и ЕС в условиях пандемии COVID-19

Черкашина Татьяна Николаевна

Омский государственный университет, Россия, г. Омск

<https://orcid.org/0000-0003-0103-4694>

tata_davydoffa@mail.ru

Поступила в редакцию 30.03.2022. Принята после рецензирования 19.04.2022. Принята в печать 29.04.2022.

Аннотация: Пандемия коронавируса, начавшаяся в конце 2020 г., продемонстрировала невозможность мирового сообщества эффективно действовать как сообщество, так и в одиночку перед лицом нового врага. Появилась необходимость поиска нового формата межгосударственного взаимодействия. Цель – исследовать влияние пандемии на отношения России и ЕС, а также выявить новые стандарты сотрудничества в контексте эпидемии коронавируса. В ходе исследования выявлено отсутствие кардинальных изменений в процессе нормализации политических коммуникаций между двумя участниками, связанное с невозможностью на данном этапе вести неполитизированный диалог. Определено влияние геополитических реалий, которое не позволяет Брюсселю выстраивать отношения с Москвой в новой парадигме. Отмечено, что пандемия не способствовала нивелированию санкционного давления на Россию со стороны Европы. В условиях действия односторонних ограничительных мер в отношении России и геополитической конъюнктуры взаимного сдерживания анализируются новые форматы взаимодействия в рамках борьбы с коронавирусом: модель гуманитарного сотрудничества с Италией, практическая реализация «вакцинной дипломатии» России в Венгрии и Словакии. Устанавливается значимость новых видов сотрудничества между отдельными государствами в контексте пандемии для возможности восстановления системного диалога между Россией и ЕС. Подчеркивается конструктивный вклад России в борьбу с пандемией коронавируса в Европе.

Ключевые слова: пандемия, коронавирус, вакцинная дипломатия, Россия, Евросоюз, взаимодействие, сотрудничество, конкуренция

Цитирование: Черкашина Т. Н. Отношения России и ЕС в условиях пандемии COVID-19. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 3. С. 383–390. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-3-383-390>

full article

Relations between Russia and the European Union in the Context of the COVID-19 Pandemic

Tatyana N. Cherkashina

Omsk State University, Russia, Omsk

<https://orcid.org/0000-0003-0103-4694>

tata_davydoffa@mail.ru

Received 30 Mar 2022. Accepted after peer review 19 Apr 2022. Accepted for publication 29 Apr 2022.

Abstract: The COVID-19 pandemic, which began in the late 2020, demonstrated that the global community is unable to act effectively in the face of a new enemy, hence the need for a new format of interstate interaction. The present research objective was to explore the impact of the pandemic on the relations between Russia and the European Union, as well as to identify new standards of cooperation in the context of the COVID-19 epidemic. The study revealed the absence of fundamental changes that would improve the political communications between the two parties because no non-politicized dialogue was possible at that stage. The author describes the geopolitical realities that prevented Brussels from building relations with Moscow in the new paradigm. The pandemic did not level the sanctions pressure on Russia. In the context of unilateral restrictive measures against Russia and the geopolitical conjuncture of mutual deterrence, the new formats of interaction included the humanitarian cooperation with Italy and Russia's "vaccine diplomacy" in Hungary and Slovakia. However, the new types of cooperation between individual states in the context of the pandemic can restore a systemic dialogue between Russia and the European Union. Russia's contribution to the fight against COVID-19 in Europe can hardly be overestimated.

Keywords: pandemic, COVID-19, vaccine diplomacy, Russia, European Union, interaction, cooperation, competition

Citation: Cherkashina T. N. Relations between Russia and the European Union in the Context of the COVID-19 Pandemic. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(3): 383–390. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-3-383-390>

Введение

Эпидемия коронавирусной инфекции, захлестнувшая весь мир в 2020 г., со всей остротой поставила перед мировым сообществом вопрос об эффективных форматах межгосударственного взаимодействия в экстремальных условиях и очень скоро превратилась из изначально медицинской проблемы в политическую, став глобальной угрозой для человечества.

Несмотря на то, что угроза нового типа стала общим знаменателем для международного сообщества, последовавшая реакция на нее не привела к тому результату, который можно было ожидать исходя из логики здравого смысла. Мировое сообщество оказалось не готово: у него не нашлось возможности сплотиться, преодолеть разногласия и действовать в интересах солидарности [1, с. 25]. Не оказались эффективными и традиционные способы реагирования государств на вызовы в виде принятия решений на общенациональном уровне. Реакция властей на пандемию сопровождалась порой непродуманными и неоднозначными решениями, последствия которых люди испытывают на себе до сих пор (ограничение свободы передвижения, закрытие предприятий и т. д.) [2, с. 7]. Более того, пандемия не смогла устранить кризисные явления, имевшие место в мировом сообществе до ее начала, а имевшиеся противоречия между государствами получили дополнительную амплитуду. Так, продолжало нарастать санкционное давление на Россию, усилилось торговое противостояние США с Китаем. Стала происходить дальнейшая коррозия в сфере безопасности, проявившаяся в т. ч. и в дальнейшей расстыковке Вашингтона с его европейскими сателлитами [3, с. 8, 16]. В дополнение к этому пандемия стала триггером, запустившим в ход и новые витки противостояния государств. Стартовала борьба за лидерство в войне с вирусом, в связи с этим усилилось информационное противоборство, и возникли ожесточенные дебаты о природе происхождения вируса [4, с. 8].

Задача данной статьи – исследовать, как захлестнувшая весь мир пандемия коронавирусной инфекции повлияла на отношения между Россией и Евросоюзом. В ходе исследования мы проследим появление новых форм взаимодействия между двумя крупными геополитическими игроками и определим их значимость в процессе нормализации коммуникаций и политического диалога между Москвой и Брюсселем.

В условиях, когда страны продемонстрировали отсутствие эффективных механизмов межгосударственного взаимодействия перед лицом заболевания мирового масштаба, было бы крайне наивно надеяться на существенное улучшение отношений между Россией и ЕС, двумя крупными геополитическими игроками, процессы коммуникации между которыми и без того были осложнены острыми политическими противоречиями, возникшими после

украинского кризиса 2014 г. К тому же в начале пандемии и Евросоюз, и Россия оказались в списке наиболее пострадавших [5]. Весной 2020 г. глобальный очаг пандемии был сосредоточен именно в Европе, а Россия, помимо борьбы с коронавирусной инфекцией, была вынуждена реагировать на неожиданный и резкий обвал цен на нефть.

Единодушие российских экспертов при оценке влияния пандемии

Большинство российских экспертов признают, что пандемия не привела к фундаментальной перезагрузке российско-европейских отношений¹. Вполне логично, что пандемия не стала поводом для смягчения санкций, введенных ЕС в отношении РФ, поскольку не произошло радикального прорыва или каких-то значимых подвижек в отношении выполнения Минских договоренностей по поводу восточной части Украины.

Т. В. Бордачев отмечает невозможность возобновления работы институциональных форматов, закрепленных в «Соглашении о партнерстве и сотрудничестве» 1994 г., в современных реалиях [6, с. 445]. Академик С. Рогов считает, что начало пандемии дало небольшую надежду на снижение военной напряженности, поскольку многие военные учения были отменены или перенесены². Д. В. Тренин подчеркивает, что хотя формально отношения между РФ и ЕС были заморожены начиная с 2014 г., они были более «дружественными», нежели отношения России с США. Тем не менее натянутость отношений и потенциальные кризисные точки, к которым подошли обе стороны (например, дело А. Навального), позволяют ученому заключить, что отношения ЕС и России зашли в тупик, возможность выхода из которого, по крайней мере в вопросах военной безопасности, видится через взаимодействие по линии Россия – США (НАТО), учитывая то, что отношения России с Европой не развиваются в вакууме [7].

А. В. Картунов характеризует отношения между Россией и Европейским союзом в данный период как «баланс слабостей». По его мнению, в качестве «слабого звена» для России выступает стагнация российской экономики, а для ЕС – упадок старых партийно-политических систем в ведущих странах Европы и их неспособность обеспечить политическое лидерство [8].

А. В. Грушко указывает на то, что «точка невозврата» в отношениях России и ЕС еще не пройдена, а в целом ЕС демонстрирует довольно специфическую логику поведения в отношении России. С одной стороны, он апеллирует к «выборочному взаимодействию», а с другой – не предоставляет никакой возможности для практической

¹ Примаковские чтения 2021. URL: <https://www.imemo.ru/news/events/text/primakovskie-chteniya-2021> (дата обращения: 24.03.2022).

² Как COVID-19 повлияет на внешнюю политику Европейского союза. *Интерфакс*. 23.05.2020. Режим URL: <https://www.interfax.ru/world/709958> (дата обращения: 27.03.2022).

реализации этого взаимодействия ввиду «замораживания» многих каналов диалога [9]. По его мнению, во время пандемии в Европе был запущен процесс осмысления отношений с Россией [9].

Как видится, процесс его запуска был связан с тем, что в свете обострения противоречий между США и ЕС при президенте Д. Трампе многие представители Европы стали рефлексировать по поводу того, что же будет дальше с ЕС. Возник вопрос и о попытке найти себя на международной арене, в т. ч. и о характере отношений с Россией как непереносимым участником в построении системы европейской безопасности [10].

В 2020 г. закончился период президентства Д. Трампа, при котором впервые трансатлантическое партнерство подверглось значительной эрозии, результатом которой стал подрыв доверия между ЕС и США [11, с. 15]. Здесь можно упомянуть выход США из ряда сделок, в которых они участвовали совместно с европейскими странами, обострение торговых отношений и т. д. [12, с. 144]. Но ухудшение отношений между ЕС и США не привело к развороту ЕС в сторону России. С приходом в Белый дом администрации демократа Дж. Байдена отношения Америки с Европой начинают налаживаться, поскольку американский президент поставил задачу восстановления доверия между союзниками и создания объединенной коалиции западных стран для оказания давления на Россию. Разумеется, в подобной ситуации было бы крайне наивно надеяться на какие-то серьезные подвижки в условиях кризиса в отношениях России и ЕС.

Модель гуманитарного сотрудничества с Италией: возможность конструктивного взаимодействия в условиях санкций

Вместе с тем в условиях стагнации системного политического диалога между Евросоюзом и Россией, когда Брюссель в одностороннем порядке заморозил основные механизмы политического взаимодействия, включая двусторонние саммиты на высшем уровне, пандемия способствовала поиску нового формата коммуникаций между ними. Так, одной из появившихся возможностей для российско-европейского взаимодействия стала модель гуманитарного сотрудничества РФ с Италией в рамках помощи в борьбе с COVID-19. В частности, 21 марта 2020 г. между президентом РФ В. Путиным и премьер-министром Италии Дж. Конте была достигнута договоренность об оказании Москвой помощи Риму в борьбе с коронавирусом, несмотря на действующие антироссийские ограничительные меры. В течение следующих нескольких дней на севере Италии,

ситуация в которой на тот момент стремительно ухудшалась, приземлились 15 самолетов, доставивших туда около 100 российских военных вирусологов, 8 российских врачебных бригад, а также оборудование для диагностики и проведения дезинфекционных мероприятий³.

В апреле 2020 г. три итальянских региона (Пьемонт, Апулия и Фриули-Венеция-Джулио) отправили запрос в посольство России в Италии на оказание помощи со стороны российских военных по борьбе с распространением коронавируса. Военные специалисты и медики из России находились в Италии более месяца, помогая лечить заболевших коронавирусом в полевом госпитале г. Бергамо. К сожалению, трудно оценить эффективность полученной помощи ввиду отсутствия данных.

Обращает на себя внимание тот факт, что в рамках данного гуманитарного сотрудничества была апробирована новая модель взаимодействия между странами и регионами, связанная с практической реализацией «ковид-субсидиарности», подразумевающей передачу полномочий от центра на региональный уровень в условиях экстремальной ситуации. Так, весной-летом 2020 г. ограничительные меры в связи с пандемией в рамках Европейского союза все чаще стали приниматься на уровне региональных административно-территориальных единиц [13]. В частности, в апреле 2020 г. за оказанием помощи к РФ по борьбе с распространением коронавирусной инфекции обратились непосредственно главы итальянских регионов, минуя Рим, взяв на себя функции кризисного управления и тем самым усилив международную составляющую субъектности внутривластных регионов⁴.

Разумеется, в условиях, когда логика поведения ЕС на российском треке была деформирована внешними факторами, высшие должностные лица Европы весьма скептически отнеслись к усилиям России по оказанию гуманитарной помощи и поддержке Италии во время первой волны эпидемии коронавируса. В частности, верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Ж. Боррель заявил о том, что Москва, равно как и Пекин, используют пандемию коронавируса для расширения своего влияния.

Попытка дискредитации российской гуманитарной помощи в Италии была предпринята и в авторитетной итальянской газете *La Stampa*, опубликовавшей скандально известную статью, в которой заявлялось о политико-дипломатических расчетах России при оказании помощи, а также о «бесполезности или малополезности» 80 % направленных Россией в Италию грузов⁵. Вместе с тем,

³ Страновой обзор: Опыт Италии в борьбе с COVID-19. Счетная палата РФ. 21.04.2020. URL: <https://ach.gov.ru/upload/pdf/Covid-Italy.pdf> (дата обращения: 25.03.2022).

⁴ Артеев С. П. COVID-субсидиарность: временная мера или новый тренд? 08.09.2020. URL: <https://www.imemo.ru/publications/relevant-comments/text/covid-subsidiarity-vremennaya-mera-ili-noviy-trend> (дата обращения: 18.03.2022).

⁵ Iacboni J. Coronavirus, la telefonata Conte-Putin agita il governo: "Piu che aiuti arrivano militari russi in Italia". *La Stampa*. 24 Mar 2020. URL: <https://www.lastampa.it/topnews/primo-piano/2020/03/25/news/coronavirus-la-telefonata-conte-putin-agita-il-governo-piu-che-aiuti-arrivano-militari-russi-in-italia-1.38633327/> (accessed 24 Mar 2022).

как известно, руководство РФ неоднократно подчеркивало бескорыстный характер помощи, оказанный Россией Италии. Да и сам премьер-министр Италии Дж. Конте подверг резкой критике заявления о политической подоплеке помощи от России, назвав их «оскорблением для итальянского правительства»⁶.

В этой связи Е. А. Маслова и Дж. Савино обращают внимание на политический эффект российской гуманитарной помощи, проявившийся в укреплении имиджа России в Италии как дружественной страны среди политической элиты и обычных итальянцев [14, с. 46]. Показательным в этом плане является то, что жители Италии увековечили память российских врачей, открыв в Ломбардии в июне 2021 г. мемориальные доски со словами благодарности в адрес российских медиков и военных специалистов.

«Спутник V» в Европе – российская попытка абстрагироваться от политических разногласий

Еще одним новым механизмом взаимодействия между РФ и ЕС в условиях пандемии можно назвать поставки разработанной в России векторной вакцины «Спутник V», которая стала первым в мире зарегистрированным препаратом от Covid-19. Первая реакция западных стран на появление российского препарата была подозрительной, если не сказать враждебной, наблюдались попытки политизировать проблему признания «Спутника V» в Европе⁷. Перемены в отношении российской вакцины в Европе произошли после того, как 2 февраля 2021 г. в авторитетном британском журнале *The Lancet* были опубликованы результаты третьей фазы клинических испытаний российской вакцины [15]. Они сопровождались комментариями двух британских профессоров, подтверждавших безопасность и эффективность «Спутника V» [16].

В условиях, когда ЕС испытывал острый дефицит западных вакцин, вследствие чего было перенесено начало массовой вакцинации, некоторые страны ЕС были вынуждены обратиться за помощью к России и Китаю.

В частности, не дожидаясь одобрения «Спутника V» со стороны Европейского агентства лекарственных средств (ЕМА), российский препарат зарегистрировали и стали применять в Венгрии и Словакии. Причем в обоих случаях поставки вакцины были сопряжены с политическими скандалами. Так, в Венгрии представители оппозиции даже обратились в Еврокомиссию с просьбой о недопущении регистрации российского препарата в их стране. Тем не менее в январе 2021 г. Российский фонд прямых

инвестиций (РФПИ) и Венгрия подписали контракт о поставке российского препарата в эту страну в три этапа. Таким образом, Венгрия стала первой страной Европейского союза, официально разрешившей применение «Спутника V» на своей территории. В мае 2021 г. Россия поставила Венгрии последнюю партию российской вакцины, тем самым выполнив взятые на себя договорные обязательства по контракту. Всего Россия поставила в Венгрию 2 млн доз отечественного антиковидного препарата.

В сентябре 2021 г. в Венгрии началось строительство завода по производству российской антиковидной вакцины, а в ноябре 2021 г. Россия и Венгрия договорились о взаимном признании ковид-паспортов. Пример Венгрии стал неопровержимым доказательством возможности нового формата двустороннего взаимодействия в условиях конъюнктуры взаимного сдерживания России и ЕС.

Что касается Словацкой республики, то она стала второй страной ЕС, официально зарегистрировавшей на своей территории российский препарат. Первые поставки российской вакцины были осуществлены 1 марта 2021 г. (было поставлено 200 тыс. доз из планируемых 2 млн). Премьер-министр страны И. Матович держал договоренность с Россией в тайне и объявил об этом только тогда, когда военный самолет прибыл в страну с первой партией вакцины. На фоне непрекращающейся второй волны эпидемии коронавирусной инфекции и в ситуации полного фиаско политики И. Матовича в борьбе с ее распространением, а также стремительной потери поддержки населения премьер-министр страны рассматривал закупку российской вакцины в качестве способа преодоления кризиса [17].

Однако его расчет не оправдался, и поступление первой партии российской вакцины в страну привело к эскалации политического конфликта, поскольку это решение было принято без согласования с партнерами по правительственной коалиции. В результате 3 марта 2021 г. в Словакии разгорелся политический кризис, в ходе которого были вынуждены уйти в отставку несколько ключевых министров, потребовав от премьер-министра страны последовать их примеру. В итоге под давлением обстоятельств премьер-министр И. Матович был вынужден покинуть занимаемый им пост, пробыв на нем чуть более года и войдя в историю как премьер-министр с самым коротким по продолжительности периодом пребывания на посту премьер-министра Словакии с середины 1990-х гг.⁸

⁶ Конте ответил на заявления о политической подоплеке помощи от России. *РИА Новости*. 09.04.2020. URL: <https://ria.ru/20200409/1569794997.html> (дата обращения: 25.03.2022).

⁷ Лавров описал мнение Запада о «Спутник V» фразой «и хочется, и колется». *РБК*. 19.02.2021. URL: <https://www.rbc.ru/politics/19/02/2021/602fee4a9a79470e7cb13cc5> (дата обращения: 23.03.2022).

⁸ Четверикова А. С. Политические последствия пандемии в Словакии. 02.04.2021. URL: <https://www.imemo.ru/publications/relevant-comments/text/political-consequences-of-the-pandemic-in-slovakia> (дата обращения: 17.02.2022).

В июле 2021 г. глава Министерства здравоохранения Словакии заявил о том, что в стране практически отсутствует интерес к российскому препарату со стороны населения, в этой связи Россия выкупила обратно 160 тыс. доз из 200 тыс. поставленных⁹. Таким образом, опыт «вакцинной дипломатии» России в отношении Словакии не оказался столь успешным, как в венгерском случае, но во многом это было связано с внутривластной ситуацией в самой Словакии. Разумеется, полемика вокруг российской вакцины стала лишь катализатором политического кризиса, который начался в Словакии задолго до прибытия первой поставки препарата. И все же ситуация с поставкой российской вакцины дала почву для порождения многочисленных спекуляций на эту тему и стала очередным поводом для нападок на «вакцинную дипломатию» России.

Отметим, что готовность рассмотреть использование российской вакцины после того, как будет получено окончательное одобрение от европейского регулятора к применению «Спутника V» на территории Европейского союза, озвучивали ряд европейских стран, в числе которых – Франция, Чехия, Италия и Германия. Более того, в марте 2021 г. между швейцарско-итальянской компанией Adienne Pharma & Biotech и Российским фондом прямых инвестиций была достигнута договоренность о производстве вакцины «Спутник V» в Италии. Несмотря на то, что использование препарата на территории Европейского союза недопустимо, пока его не одобрит ЕМА, допускается его производство для экспорта без одобрения европейского регулятора¹⁰. Подписание данного документа явилось историческим событием, поскольку Италия стала первой страной в Европе, решившей производить российскую вакцину. Данный прецедент стал еще одним наглядным примером возможности продуктивного двустороннего взаимодействия между РФ и членом Европейского союза в условиях, отягощенных острыми политическими разногласиями.

В итоге Брюссель так и не санкционировал распространение российской вакцины в Европе, что во многом было сопряжено с тем, что вопрос о ее применении из сугубо медицинского дискурса трансформировался в политический. В условиях простоя системного политического диалога между РФ и ЕС среди членов европейского дома не сформировалось единое мнение о возможно-

сти «продемонстрировать благосклонность» Москве. Та же Франция в июле 2021 г. призвала Европейский союз не признавать вакцины от коронавируса из России и Китая¹¹. К тому же наглядный пример Словакии стал однозначным предостережением для остальных стран о возможности фатальных политических последствий для местных лидеров.

Представляется, что применение политизированного подхода в отношении производителей вакцины, который сами европейские чиновники упорно отрицали, все-таки имело место быть. Об этом свидетельствуют неоднократные заявления европейских политиков об использовании быстро вошедшего в общественный и академический дискурс конструкта «вакцинной дипломатии», целью которой было продвижение российских геополитических интересов. Например, министр иностранных дел Франции прямо заявил о российской вакцине как о «пропагандистском инструменте»¹².

Кроме того, возможность применения российской вакцины в странах Европейского союза трактовалась последним как инструмент «мягкой силы» для укрепления РФ своих позиций на международной арене в условиях действия односторонних ограничительных мер. В этой ситуации неудивительно, что неблагосклонность европейских институтов по отношению к «Спутнику V» была сопряжена не с вопросом об эффективности вакцины, а с отсутствием политического доверия к декларируемым благим намерениям России.

Очевидно, что в вопросе признания российской вакцины в Европе не стоит сбрасывать со счетов и экономический фактор, поскольку официальное применение нашего антиковидного препарата в ЕС привело бы к возникновению конкуренции с препаратами западных фармацевтических компаний. Это признают и некоторые европейцы. Так, депутат фракции «Альтернатива для Германии» в бундестаге Петр Быстрон прямо указал на экономические причины, мешающие признанию «Спутника V» в Европейском союзе, заявив о том, что ЕМА таким способом защищает свой рынок, чтобы «западные фармкомпании могли продавать свою продукцию без конкуренции»¹³. Учитывая тот факт, что отношения между ЕС и Россией уже почти 20 лет развиваются в конкурентном ключе, неудивительно, что соперничества не удалось избежать и в «вакцинном» вопросе [18].

⁹ Vilček I. Slovensko ukončí registraci na Sputnik koncem června. *Novinky*, 17 Jun 2021. URL: <https://www.novinky.cz/koronavirus/clanek/slovensko-ukonci-registraci-na-sputnik-koncem-cervna-40363584> (accessed 16 Mar 2022).

¹⁰ Впервые в Европе было подписано соглашение между Российским фондом прямых инвестиций (РФПИ) и Adienne Pharma & Biotech о производстве вакцины «Спутник V» в Италии. URL: <http://www.ccir.mosca.ru/newses/item/2261-vpervye-v-evrope-bylo-podpisano-soglasenie-mezhdu-rossijskim-fondom-pryamykh-investitsij-rfpi-i-adienne-pharma-biotech-o-proizvodstve-vaktsiny-sputnik-v-v-italii> (дата обращения: 23.02.2022).

¹¹ Франция призвала сказать нет вакцинам из России и Китая. *РИА новости*. 08.07.2021. URL: <https://ria.ru/20210708/vaktsiny-1740388272.html> (дата обращения: 24.02.2022).

¹² France Slams Russia's Sputnik Vaccine as 'Propaganda' Tool. *The Moscow Times*, 26 Mar 2021. URL: <https://www.themoscowtimes.com/2021/03/26/france-slams-russias-sputnik-vaccine-as-propaganda-tool-a73377> (accessed 18 Feb 2022).

¹³ Деньги решают? Кто мешает использованию вакцины «Спутник V» в Евросоюзе. *Москва24*. 14.01.2022. URL: https://www.m24.ru/news/medicina/14012022/200303?utm_source=CoryBuf (дата обращения: 02.02.2022).

Признание COVID-сертификатов – на пути к восстановлению практического взаимодействия?

Начиная с лета 2021 г. в общественно-политической риторике обеих сторон стал активно обсуждаться вопрос о возможности взаимного признания COVID-сертификатов. 8 июля 2021 г. посол ЕС в Москве Маркус Эдерер предложил Министерству здравоохранения России обсудить возможности сотрудничества по коронавирусным сертификатам¹⁴. Тем самым Брюссель предложил Москве присоединиться к европейской системе сертификации эпидемиологического статуса ввиду того, что в Евросоюзе с 1 июля 2021 г. стала действовать система COVID-сертификатов, которые выдаются привитым или переболевшим, а также сдавшим отрицательный ПЦР-тест. В России же эта система на постоянной основе стала вводиться чуть позже, начиная с ноября 2021 г.

После поступления инициативы от Брюсселя стал формироваться механизм экспертного взаимодействия по линии профильных структур России (Минздрав, Минцифры) и ЕС по вопросу взаимного признания сертификатов о вакцинации от коронавируса. Появление подобного вопроса в повестке переговоров обеих сторон вполне можно объяснить сугубо прагматическими соображениями, ведь признание сертификатов в контексте непрекращающейся пандемии способствовало бы возобновлению трансграничных путешествий, а значит и восстановлению экономики. Помимо политизированности данного вопроса, процесс взаимного признания ковидных сертификатов в России и Евросоюзе оказался отягощен и техническими сложностями, связанными с разногласиями сторон о механизмах верификации цифровых документов¹⁵.

В январе 2022 г. Минцифры отправило европейским коллегам заявку на присоединение к механизму проверки COVID-сертификатов, оформленную в соответствии с требованиями ЕС, что является значимой составляющей на пути взаимного признания сертификатов. Хотя на сегодняшний день признание COVID-сертификатов России и ЕС остановлено из-за политических разногласий, в случае успешного подключения к европейской инфраструктуре российское министерство планирует по запросу гражданина формировать сертификат в соответствии с европейскими стандартами в дополнение к российскому¹⁶.

Хотя эти результаты, конечно, являются относительно скромными в плане нормализации отношений между двумя сторонами, не стоит их полностью игнорировать.

Заключение

Очевидно, что кризис, связанный с эпидемией коронавирусной инфекции, не смог существенно сблизить Россию с Европейским союзом и повлиять на улучшение их отношений. Пандемия не побудила членов ЕС к консолидации усилий с Россией. Вынуждены констатировать, что разворота во внешнеполитическом курсе Брюсселя по отношению к Москве не произошло. К сожалению, геополитические тренды являются сегодня преобладающими, поэтому вести неполитизированный диалог участникам пока не удастся.

Несмотря на это, между отдельными странами было налажено двустороннее взаимодействие по вопросу борьбы с угрозой нового типа, были продемонстрированы новые модели сотрудничества и коммуникации, которые можно взять на вооружение в будущем. Принимая во внимание географическое соседство и межгосударственные контакты, а также тот факт, что Россия является крупнейшим партнером ЕС на постсоветском пространстве, подобные модели взаимодействия, безусловно, не лишены смысла.

С момента начала пандемии Россия продемонстрировала свою готовность к созидательной работе и ведению совместной с Европой неидеологизированной и неполитизированной борьбы с общим врагом в лице коронавируса. Выполнив свои обязательства по поставкам вакцины, Россия в очередной раз зарекомендовала себя как надежный партнер. Нарратив российских властей в этом случае четко сводится к установке на налаживание широкого международного сотрудничества с целью преодоления коронакризиса. Это особенно важно, учитывая, что, как перед Россией, так и перед ЕС во многих сферах ставятся одинаковые задачи.

В этой связи поиск новых форматов взаимодействия в условиях обнуления старых, например между странами и регионами, может стать залогом успешного преодоления кризисов и поможет вынести за скобки политические разногласия.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflicting interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

¹⁴ Евросоюз предложил России обсудить сотрудничество по COVID-сертификатам. *РИА новости*. 08.07.2021. URL: <https://ria.ru/20210708/sertifikaty-1740397272.html> (дата обращения: 12.02.2022).

¹⁵ Взаимное признание COVID-сертификатов РФ-ЕС буксует из-за разногласий по верификации. *Интерфакс*. 16.12.2021. URL: <https://www.interfax.ru/world/809719> (дата обращения: 16.02.2022).

¹⁶ Россия направила в ЕС заявку на присоединение к системе проверок QR-кодов. *РБК*. 02.02.2022. URL: <https://www.rbc.ru/society/02/02/2022/61fa4c7d9a7947ddd14a5f> (дата обращения: 13.03.2022).

Литература / References

1. Энтин М. Л. Безальтернативный характер развития ЕС. *Современная Европа*. 2020. № 4. С. 25–36. <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope420202536>
Entin M. L. Unalternative character of EU development. *Sovremennaya Yevropa*, 2020, (4): 25–36. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope420202536>
2. Пандемия COVID-19. Вызовы, последствия, противодействие, под ред. А. В. Торкунова. М.: Аспект Пресс, 2021. 246 с. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-7567-1139-4.2021>
Pandemic COVID-19. Challenges, consequences, and counteraction, ed. Torkunov A. V. Moscow: Aspect Press, 2021, 246. (In Russ.) <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-7567-1139-4.2021>
3. Громыко А. А. Пандемия и кризис системы международных отношений. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2020. Т. 13. № 5. С. 6–19. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-5-1>
Gromyko A. A. The pandemic and the crisis in the system of international relations. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 2020, 13(5): 6–19. (In Russ.) <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-5-1>
4. Громыко А. А. Коронавирус как фактор мировой политики. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. 2020. № 2. С. 4–13. <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran22020412>
Gromyko A. A. Coronavirus as a factor in world politics. *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, 2020, (2): 4–13. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran22020412>
5. Потемкина О. Ю. Европейский союз: ограничение передвижения граждан как средство борьбы с COVID-19. *Аналитические записки ИЕ РАН*. 2020. № 14. <https://doi.org/10.15211/analytics142020>
Potemkina O. Yu. European Union: restricting the movement of citizens as a means of combating COVID-19. *Analiticheskie zapiski IE RAN*, 2020, (14). (In Russ.) <https://doi.org/10.15211/analytics142020>
6. Бордачев Т. В. Европа и Россия в посткоронавирусном мире. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*. 2020. Т. 13. № 4. С. 430–448. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2020.401>
Bordachev T. V. Europe and Russia in the post-coronavirus world. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, 2020, 13(4): 430–448. (In Russ.) <https://doi.org/10.21638/spbu06.2020.401>
7. Тренин Д. В. Европа и Россия: тупик, из которого можно выйти. *Московский центр Карнеги*. 08.04.2021. URL: <https://carnegie.ru/2021/04/08/ru-pub-84249> (дата обращения: 07.03.2022).
Trenin D. V. *Europe and Russia: a not quite dead end*. 8 Apr 2021. URL: <https://carnegie.ru/2021/04/08/ru-pub-84249> (accessed 3 Mar 2022). (In Russ.)
8. Кортунув А. В. Баланс слабостей. Как эпидемия изменит отношения России и ЕС. *Московский центр Карнеги*. 22.04.2020. URL: <https://carnegie.ru/commentary/81601> (дата обращения: 12.03.2022).
Kortunov A. V. *Weakness balance. How the epidemic will change relations between Russia and the European Union*. 22 Apr 2020. URL: <https://carnegie.ru/commentary/81601> (accessed 12 Mar 2022). (In Russ.)
9. Грушко А. В. Точка невозврата в отношениях России и ЕС еще не пройдена. *РСМД*. 06.02.2021. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/tochka-nevozvrat-v-otnosheniyakh-rossii-i-es-eshchye-ne-proydena/> (дата обращения: 15.03.2022).
Grushko A. V. The point of no return in relations between Russia and the European Union is yet to come. *Russian International Affairs Council*, 6 Feb 2021. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/tochka-nevozvrat-v-otnosheniyakh-rossii-i-es-eshchye-ne-proydena/> (accessed 15 Mar 2022). (In Russ.)
10. Рыжков В. А. Отношения России и ЕС: текущий кризис и возможности нормализации. *Современная Европа*. 2019. № 3. С. 13–24. <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope320191324>
Ryzhkov V. A. Relations between Russia and the EU: current crisis and the prospects of normalization. *Sovremennaya Yevropa*, 2019, (3): 13–24. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope320191324>
11. Шумилин А. И. Фактор пандемии во внешней политике Евросоюза. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. 2020. № 2. С. 14–21. <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran220201421>
Shumilin A. I. Pandemic factor in European foreign policy. *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, 2020, (2): 14–21. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran220201421>
12. Черкашина Т. Н. Отношения Россия – США – ЕС: кризис международной системы безопасности. *Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки»*. 2020. Т. 7. № 1. С. 142–146. [https://doi.org/10.24147/2312-1300.2020.7\(1\).142-146](https://doi.org/10.24147/2312-1300.2020.7(1).142-146)
Cherkashina T. N. Russia-USA-EU relations: crisis of the international security system. *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*, 2020, 7(1): 142–146. (In Russ.) [https://doi.org/10.24147/2312-1300.2020.7\(1\).142-146](https://doi.org/10.24147/2312-1300.2020.7(1).142-146)

13. Маслова Е. А. Итальянский коронакризис и его последствия: национальное, общеевропейское и глобальное измерения. *Международная аналитика*. 2020. Т. 11. № 1. С. 58–70. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-1-58-70>
Maslova E. A. Italian coronacrisis and its repercussions: national, European, and global dimensions. *Journal of International Analytics*, 2020, 11(1): 58–70. (In Russ.) <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-1-58-70>
14. Маслова Е. А., Савино Дж. Пандемия по-итальянски: стресс-тест для политической системы. *Современная Европа*. 2020. № 4. С. 37–49. <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope420203749>
Maslova E. A., Savino G. Pandemic all'Italiana: stress-test for the political system. *Sovremennaya Yevropa*, 2020, (4): 37–49. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope420203749>
15. Logunov D. Y., Dolzhikova I. V., Shcheblyakov D. V., Tikhvatulin A. I., Zubkova O. V., Dzharullaeva A. S., Kovyrshina A. V., Lubenets N. L., Grousova D. M., Erokhova A. S., Botikov A. G., Izhaeva F. M., Popova O., Ozharovskaya T. A., Esmagambetov I. B., Favorskaya I. A., Zrelkin D. I., Voronina D. V., Shcherbinin D. N., Semikhin A. S., Simakova Y. V., Tokarskaya E. A., Egorova D. A., Shmarov M. M., Nikitenko N. A., Gushchin V. A., Naroditsky B. S., Gintsburg A. L., Smolyarchuk E. A., Zyryanov S. K., Borisevich S. V. Safety and efficacy of an rAd26 and rAd5 vector-based heterologous prime-boost COVID-19 vaccine: an interim analysis of a randomised controlled phase 3 trial in Russia. *The Lancet*, 2021, 397(10275): 671–681. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(21\)00234-8](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(21)00234-8)
16. Jones I., Roy P. Sputnik V COVID-19 vaccine candidate appears safe and effective. *The Lancet*, 2021, 397(10275): 642–643. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(21\)00191-4](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(21)00191-4)
17. Ведерников М. В. Политический кризис в Словакии: фактор российской вакцины. *Аналитические записки ИЕ РАН*. 2021. № 9. <http://doi.org/10.15211/analytics92021>
Vedernikov M. V. Political crisis in Slovakia: Russian vaccine factor. *Analiticheskie zapiski IE RAN*, 2021, (9). (In Russ.) <http://doi.org/10.15211/analytics92021>
18. Алексеева П. М., Наймович Ю. А. Россия и Европейский союз: история и перспективы развития отношений. *Вестник науки и образования*. 2019. № 3-1. С. 51–56.
Alekseeva P. M., Naymovich Yu. A. Russia and the European Union: history and prospects of development of relations. *Herald of Science and Education*, 2019, (3-1): 51–56. (In Russ.)

оригинальная статья

Проблемы и перспективы участия ЕС, ЕАЭС и Китая в БЕП

Пакулин Виталий Сергеевич

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, г. Томск

<https://orcid.org/0000-0002-6336-8545>

pakulin.vitalii@gmail.com

Поступила в редакцию 04.04.2022. Принята после рецензирования 04.05.2022. Принята в печать 20.05.2022.

Аннотация: Исследуются проблемы и перспективы участия ЕС в реализации Большого евразийского партнерства (БЕП) – концепции создания общего геоэкономического пространства в Евразии. Цель статьи – оценить возможности формирования контура интеграционного сотрудничества между ЕС, Китаем и РФ. Задачи: определить основные направления взаимодействия по линии ЕС – КНР в рамках проекта «Один пояс – один путь» (ОПОП) и КНР – РФ в рамках процессов сопряжения между ОПОП и Евразийским экономическим союзом; на основе сравнительного анализа выявить потенциальные треки сотрудничества между ЕС, КНР и РФ в рамках концепции БЕП. Сделан вывод, что в настоящее время стороны не готовы к построению Большой Евразии: взаимодействие КНР – ЕС и КНР – РФ в рамках ОПОП происходит независимо друг от друга. Однако при условии нормализации отношений между РФ и ЕС стороны могут начать многостороннее сотрудничество в сфере инфраструктурного строительства в Евразии (системы мультимодальных перевозок), а также в инвестиционном секторе в рамках уже существующих финансовых институтов, таких как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций.

Ключевые слова: отношения ЕС – КНР, отношения РФ – ЕС, Один пояс – один путь, евразийская интеграция, Большое евразийское партнерство

Цитирование: Пакулин В. С. Проблемы и перспективы участия ЕС, ЕАЭС и Китая в БЕП. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 3. С. 391–397. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-3-391-397>

full article

The European Union, the Eurasian Economic Union, and China: Problems and Prospects for Participation in the Greater Eurasian Partnership

Vitaly S. Pakulin

Tomsk State University, Russia, Tomsk

<https://orcid.org/0000-0002-6336-8545>

pakulin.vitalii@gmail.com

Received 4 Apr, 2022. Accepted after peer review May 4, 2022. Accepted for publication May 20, 2022.

Abstract: The article features the role of the EU in the Greater Eurasian Partnership (GEP), a common geo-economic area in Eurasia proposed by Russian President Vladimir Putin at the St. Petersburg Economic Forum in 2016. The author assessed the prospect of cooperation between the EU, China, and the Russian Federation on a bilateral level, including the GEP concept. The author sees no premises for establishing Greater Eurasia at present: the interactions between China and the EU and between China and Russia as part of The Belt and Road Initiative (BRI) are independent of each other. If relations between the Russian Federation and the EU ever return to normalcy, the parties can begin a multilateral cooperation in the field of infrastructure construction in Eurasia, e.g., multimodal transportation systems, as well as in the investment sector, e.g., the Asian Infrastructure Investment Bank.

Keywords: EU – China relations, Russia – EU relations, The Belt and Road Initiative, Eurasian Integration, Greater Eurasian Partnership

Citation: Pakulin V. S. The European Union, the Eurasian Economic Union, and China: Problems and Prospects for Participation in the Greater Eurasian Partnership. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(3): 391–397. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-3-391-397>

Введение

Ухудшение отношений между Россией и странами Запада на фоне конфликта на Украине мотивировало власть РФ искать альтернативные пути развития политико-экономических связей. Санкции западных стран против ряда секторов российской экономики способствовали выработке внешнеполитического курса РФ, ориентированного на развитие сотрудничества в рамках евразийских интеграционных проектов. На сегодняшний день одним из основных направлений внешней политики РФ является продвижение Большого евразийского партнерства (БЕП) – концепции создания общего геоэкономического пространства в Евразии, выдвинутой Президентом РФ Владимиром Путиным во время выступления на Петербургском экономическом форуме в 2016 г. Ядром данной интеграционной концепции является сопряжение между Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) и китайским проектом «Один пояс – один путь» (ОПОП), запущенное в 2015 г.

В связи с этим проблема евразийской интеграции чрезвычайно актуализировалась в российском и зарубежном научном дискурсах. Среди исследований, посвященных китайскому проекту и его влиянию на международные отношения на Евразийском континенте, стоит выделить работы А. В. Лукина [1], С. А. Сазонова [2], М. М. Лебедевой [3]. Анализ динамики взаимодействия Китая с ЕС рассматривается в коллективной монографии сотрудников Института Европы РАН [4]. Интерес к изучению процессов сотрудничества в Евразии также наблюдается среди зарубежных исследователей. Европейские авторы скептически относятся к возможности построения Большой Евразии с участием ЕС, Китая и РФ. Такая точка зрения содержится в работах Бобо Ло [5], Ксении Киркхем [6], Алисы Экмен [7], Игоря Пеллициари и Андрея Криковича [8]. Китайские исследователи более благосклонны к перспективам интеграционного сотрудничества между ЕАЭС и ОПОП. Тема сопряжения двух проектов стала центральным направлением исследований китайских авторов Чжао Хуэйжуна [9], Ли Юнцуня [10], Чжао Хуашена [11], Чжана Хунжоу [12] и т. д.

Усиление взаимодействия с Китаем не означает, что Россия отказывается от развития сотрудничества с ЕС, который остается ключевым российским экономическим партнером. Согласно концепции внешней политики РФ 2016 г., создание общего экономического пространства с целью «достижения единства региона без разделительных линий»¹ является одним из стратегических приоритетов в отношениях с ЕС.

Москва заинтересована в том, чтобы по мере развития ОПОП основные евразийские транспортные маршруты из Китая в Европу проходили через Россию и страны ЕАЭС. БЕП – это не только одна из важнейших интеграционных концепций, выдвинутых Россией, но и вполне реализуемый план взаимодействия с ключевыми акторами региона.

ЕС занимает более осторожную позицию. В резолюции Европарламента от сентября 2014 г. говорится, хотя и расплывчато, что «комиссии ЕС стоит изучить возможные пути сотрудничества ЕС с Евразийским экономическим союзом»². Осенью 2015 г. бывший глава Комиссии ЕС Ж.-К. Юнкер выразил одобрение идеи взаимодействия между двумя организациями, однако он отметил, что сотрудничество обусловлено выполнением Минских соглашений. В условиях продолжающегося кризиса на Украине пока невозможно говорить о начале трехстороннего диалога по строительству Большой Евразии. Однако анализ взаимодействия в рамках ОПОП на уровнях ЕС – Китай и ЕАЭС – Китай показывает, что стороны могут найти общие направления для реализации планов создания единого экономического пространства от Лиссабона до Владивостока.

Уровень ЕС – Китай

В 2015 г. Китай опубликовал первый программный документ, посвященный целям и задачам ОПОП³, однако реакция со стороны институтов ЕС на его публикацию была относительно незаметной. Только в резолюции Европарламента от 16 декабря 2015 г. об отношениях между ЕС и Китаем был принят к сведению «запуск инициативы "Пояса и пути", направленной на создание крупных энергетических и коммуникационных связей между Центральной, Западной и Южной Азией, а также Европой». Далее подчеркивалось, что учитывая геостратегическую актуальность этой инициативы, ее следует реализовывать в многостороннем порядке и что «крайне важно осуществлять соответствующие проекты в условиях полной прозрачности и с участием всех заинтересованных сторон». Европарламент призвал Комиссию «принять во внимание влияние глобальной инвестиционной политики Китая, а также его инвестиционной деятельности в ЕС и в странах Восточного партнерства»⁴.

До сих пор ЕС не выработал полноценный стратегический подход к взаимодействию с ОПОП и его влиянием на региональную динамику, т. к. не до конца ясны

¹ Концепция внешней политики РФ. Утверждена Указом Президента РФ № 640 от 30.11.2016. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420384312?mark=6560IO> (дата обращения: 31.03.2022).

² European Parliament resolution of 18 September 2014 on the situation in Ukraine and the state of play of EU-Russia relations. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2014-0025_EN.html?redirect (accessed 31 Mar 2022). Здесь и далее по тексту перевод выполнен автором статьи.

³ Прекрасные перспективы и практические действия по совместному строительству Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века. Пекин: Изд. лит. на иностр. яз., 2015. URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/201504/t20150415_766831.html (дата обращения: 31.03.2022).

⁴ European Parliament resolution of 16 December 2015 on EU-China relations. URL: http://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2015-0458_EN.html?redirect (accessed 31 Mar 2022).

инструменты реализации проекта и стратегические интересы Китая. Тем не менее на высоком уровне были сделаны некоторые шаги с целью достижения большей прозрачности процессов сотрудничества. В сентябре 2015 г. Европейская комиссия и правительство Китая подписали соглашение о создании платформы по взаимодействию⁵ между ЕС и КНР с целью усиления сотрудничества в таких областях, как инфраструктура, оборудование, технологии и стандарты управления, а также поиска возможностей по сопряжению инициативы ОПОП и такого проекта, как Трансевропейская транспортная сеть (TEN-T)⁶. Предполагалось, что посредством обмена информацией и координации инфраструктурных проектов можно будет обеспечить равные условия для всех инвесторов. Ко всему прочему данная платформа была призвана определить возможности инвестиционного сотрудничества китайского Фонда Шелкового пути и Европейского фонда стратегических инвестиций. До 2017 г. деятельность данной платформы была недостаточно заметна из-за противоречий между сторонами. В частности, Европейская комиссия, которая является двигателем и защитником европейского законодательства и стандартов, негативно относится к китайской модели инвестирования проектов в области инфраструктуры, которая обычно предусматривает государственные гарантии и характеризуется закрытой системой предоставления тендеров на строительство. Нежелание Китая принять открытые правила государственного финансирования проектов привело к тому, что на 18 саммите ЕС-Китай сторонам не удалось подписать совместное коммюнике и урегулировать важные вопросы.

В июле 2018 г. был опубликован краткосрочный план по сопряжению инфраструктурных стратегий ЕС и Китая и составлен список из 34 пилотных проектов в области инфраструктуры для совместной реализации⁷. На 20 саммите данный план вместе со списком проектов был официально принят сторонами в качестве ориентира для дальнейшего сотрудничества⁸. В число этих проектов вошло строительство различных автомагистралей, железных дорог и контейнерных терминалов как в Европе, так и в Китае. По состоянию на 2020 г. сотрудничество продолжалось по ряду определенных проектов, включая логистический и промышленный центр в Рижском свободном порту, железную дорогу Риека-Загреб-Будапешт и автомагистраль между Хорватией и Боснией и Герцеговиной [13, р. 27].

Будучи двумя крупнейшими торговыми партнерами в мире, ЕС и Китай имеют общую заинтересованность в снижении транспортных издержек, которые в первую очередь обусловлены длительным временем доставки товаров. Переход на железнодорожный транспорт сможет существенно сократить это время. Строительство инфраструктуры позволит сократить время в пути по железной дороге из Китая в Европу до 16–21 дня по сравнению с 37–45 днями при транспортировке морским транспортом [14, р. 259]. Успешная реализация идеи создания Трансевразийского сухопутного моста сможет обеспечить не только более быструю перевозку товаров из Китая на рынки ЕС, но и откроет для компаний из ЕС новый экономически эффективный маршрут для экспорта европейской продукции.

Развитие железнодорожных маршрутов между Европой и Китаем в перспективе может создать конкуренцию морским и авиаперевозкам. Однако быстрая доставка железнодорожным транспортом компенсируется ее высокой стоимостью по сравнению с транспортировкой морем [15, с. 100]. Так, средняя стоимость доставки морским путем в европейские страны из Китая составляет 922 доллара за 40-футовый контейнер, в то время как транспортировка железной дорогой – в три раза дороже. Тем не менее из-за сокращения времени транзита и того факта, что технологии позволяют сократить расходы на железнодорожные перевозки, ОПОП может изменить ситуацию в международной торговле, переместив большие объемы торговли с моря на сухопутные линии. С 2017 г. Китай принял ряд мер для снижения тарифов на железнодорожные перевозки, а в 2019 г. Министерство транспорта КНР объявило о планах снизить ставку налога на добавленную стоимость для железнодорожных перевозок⁹.

При условии сохранения модели с высоким уровнем субсидирования железнодорожные перевозки будут оставаться более дешевым вариантом, чем авиаперевозки, особенно для товаров с высокой стоимостью или чувствительных ко времени (например, медицинских товаров). Эффективность железнодорожных путей доставки подтвердилась во время пандемии коронавируса, когда сбои в цепочках поставок и рост расходов на авиаперевозки и морские перевозки привели к значительному спросу использования железнодорожного транспорта. Однако ключевой проблемой остается вопрос долгосрочной финансовой

⁵ EU-China Summit joint statement: The way forward after forty years of EU-China cooperation. 29 Jun 2015. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/23732/150629-eu-china-summit-joint-statement-final.pdf> (accessed 31 Mar 2022).

⁶ Regulation (EU) № 1315/2013 of the European Parliament and of the Council of 11 December 2013 on Union guidelines for the development of the trans-European transport network and repealing Decision № 661/2010/EU. 2013. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:32013R1315> (accessed 31 Mar 2022).

⁷ List of projects to be considered in the framework of the EU-China Connectivity platform. 16 Jul 2018. URL: <https://www.docksthefuture.eu/list-of-projects-to-be-considered-in-the-framework-of-the-eu-china-connectivity-platform/> (accessed 31 Mar 2022).

⁸ EU-China summit, Beijing, 16 Jul 2018. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/meetings/international-summit/2018/07/16/> (accessed 31 Mar 2022).

⁹ В Китае снижены сборы за грузовые железнодорожные перевозки. 02.04.2019. URL: http://russian.news.cn/2019-04/02/c_137942731.htm (дата обращения: 31.03.2022).

жизнеспособности в отсутствие китайских субсидий, которые должны постепенно сокращаться вплоть до отмены¹⁰.

Развитие железнодорожных маршрутов в значительной степени соответствует приоритетам ЕС. Железные дороги – вид транспорта с наибольшим количеством узких мест, поэтому с 2014 г. на их «расшивку» выделяется большая часть финансирования в рамках программы CEF¹¹. Развитие сотрудничества между ЕС и Китаем в области инфраструктуры, инвестиций и торговли сопряжено с рядом проблем. Основной из них является несбалансированность двусторонней торговли. Так, поезда из Китая полностью загружены товарами, в то время как поезда в обратную сторону зачастую отправляются с заметно меньшим количеством продукции.

Дополнительные трудности вносит отсутствие в Пекине четко определенного набора руководящих принципов по реализации проекта, которые укладываются в логику традиционной китайской прагматичной и гибкой стратегии, изменяющейся в зависимости от новых реалий в международных отношениях. Однако такой подход порождает двусмысленность у других стран – потенциальных партнеров в рамках инициативы [16, с. 6]. С одной стороны, благодаря созданию Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, Китай укрепил экономическую дипломатию и повысил статус надежного партнера. С другой – отсутствие связи с политическими кругами в странах, которые Китай считает ключевыми партнерами при стратегическом планировании ОПОП, привело к тому, что некоторые из них относятся к данной инициативе с подозрением и скептицизмом. В марте 2019 г. комиссар по бюджету и человеческим ресурсам Пюнтер Эттингер выразил мнение, что ЕС должен иметь право накладывать вето на китайские инвестиции в инфраструктуру стран-членов ЕС, если они не отвечают общим интересам Союза¹². Растущая инвестиционная активность Китая в ЕС привела к принятию ряда законодательных инициатив, направленных на ограничение доступа китайских инвесторов на европейских рынках. Так, в октябре 2020 г. ЕС представил новый механизм скрининга прямых иностранных инвестиций, главная цель которого – отслеживание потенциальных инвестиционных угроз для стратегических отраслей внутри стран ЕС со стороны третьих стран, в особенности КНР¹³.

Брюссель придерживается позиции, что для сотрудничества с Китаем в долгосрочной перспективе ЕС должен выработать надлежащие стандарты и правила. Определенные шаги для достижения понимания между ЕС и Китаем в инвестиционной сфере были сделаны на 21 саммите в 2019 г. Результатом стало намерение подписать всеобъемлющее двустороннее инвестиционное соглашение в 2020 г.¹⁴ Предполагалось, что оно будет способствовать упрощению доступа к рынкам, устранению дискриминирующих требований и практик, затрагивающих иностранных инвесторов, а также созданию сбалансированной системы защиты инвестиций. Однако в связи с обвинениями Китая со стороны ЕС в нарушении прав человека в Синьцзяне, Тибете и Гонконге подписание соглашения было отложено на неопределенный срок.

Уровень ЕАЭС – Китай

После официального визита В. Путина в КНР весной 2014 г. лидеры двух стран опубликовали совместное заявление о новом этапе отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия. В нем лидер РФ отметил важность китайской инициативы и предложил продолжить поиск путей возможного сопряжения проекта Экономического пояса Шелкового пути и создаваемого ЕАЭС¹⁵.

В марте 2015 г. был опубликован первый официальный документ «Прекрасные перспективы и практические действия...», который уточнил цели и задачи Пути, а в мае состоялся визит лидера КНР в РФ, приуроченный к 70 годовщине победы в ВОВ. 8 мая Путин и Си Цзиньпин подписали совместное заявление, в котором стороны выразили взаимную поддержку евразийских интеграционных проектов РФ и КНР и объявили о начале процесса сопряжения ЕАЭС и Пути. В нем были определены приоритетные направления сотрудничества: торговля, инвестиции, финансы и инфраструктурная взаимосвязанность¹⁶. Стоит отметить, что заявление 2015 г. было подписано только Президентом РФ и постфактум поддержано остальными членами.

Далее, по предложению РФ, позиционирование ЕАЭС как одного из центров формирования БЕП путем сопряжения с «Путем» было закреплено в стратегических

¹⁰ 财政部要求中欧班列逐年降补贴 2019 年不超运费四成 [Минфин требует, чтобы грузовые поезда Китай-Европа ежегодно сокращали субсидии в 2019 г.]. 5 Jun 2019. URL: <http://tradeinservices.mofcom.gov.cn/article/yanjiu/hangyezsk/201906/84156.html> (accessed 31 Mar 2022).

¹¹ Connecting Europe Facility. URL: <https://ec.europa.eu/inea/en/connecting-europe-facility.htm> (accessed 31 Mar 2022).

¹² Dikov I. Commissioner Proposes EU Veto Power on Chinese Infrastructure Investments after Italy's BRI Deal. 24 Mar 2019. URL: <https://www.european-views.com/2019/03/commissioner-proposes-veto-power-on-chinese-infrastructure-investments-in-eu-after-italys-bri-deal/> (accessed 31 Mar 2022).

¹³ EU foreign investment screening mechanism becomes fully operational. 9 Oct 2020. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_20_1867 (accessed 31 Mar 2022).

¹⁴ 21 EU-China Summit Joint statement. Brussels, 9 Apr 2019. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/39020/euchina-joint-statement-9april2019.pdf> (accessed 31 Mar 2022).

¹⁵ Совместное заявление РФ и КНР о новом этапе отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия. 24.05.2014. URL: <http://kremlin.ru/supplement/1642> (дата обращения: 31.03.2022).

¹⁶ Совместное заявление РФ и КНР о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути. 08.05.2015. URL: <http://kremlin.ru/supplement/4971> (дата обращения: 31.03.2022).

направлениях развития ЕАЭС до 2025 г.¹⁷ Китай стал первой страной, откликнувшейся на идею БЕП. После саммита Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в Ташкенте 25 июня 2016 г. президент РФ посетил Китай с официальным визитом. Встреча политических элит России и Китая привела к подписанию совместного заявления двух стран, в котором, в частности, говорится: «Россия и Китай выступают за создание евразийского всеобъемлющего партнерства, основанного на принципах открытости, транспарентности и учета взаимных интересов, в том числе с возможным подключением стран – членов ЕАЭС, ШОС и АСЕАН»¹⁸.

В июле 2017 г. министр торговли Китая Чжун Шань и министр экономического развития России Максим Орешкин подписали «Совместное заявление Министерства экономического развития РФ и Министерства коммерции КНР о совместном технико-экономическом обосновании Соглашения о Евразийском экономическом партнерстве»¹⁹. В целом в период 2015–2021 гг. Россия, страны ЕАЭС и Китай неоднократно выступали с совместными заявлениями о готовности к формированию всеобъемлющего евразийского партнерства путем сопряжения интеграционных стратегий. Но несмотря на амбициозные заявления, сторонам все еще предстоит разработать конкретные инструменты реализации БЕП и экономическую сущность этого партнерства [17, с. 131].

Неопределенность параметров сотрудничества привело к тому, что соглашение о сопряжении 2015 г., которое получило широкую огласку, в действительности не принесло каких-либо существенных результатов, поскольку сторонам не удалось договориться о реализации ряда проектных предложений от ЕАЭС на основании экономической нецелесообразности. В 2017 г. Евразийская комиссия сформировала список из 40 инфраструктурных проектов, однако ни один из них не получил даже примерных сроков реализации, а их список не появился в свободном доступе²⁰.

Недостаточно активная позиция Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) может стать причиной сворачивания процессов сопряжения [18]. Это обусловлено ограниченностью полномочий Комиссии. Она не может начинать переговоры с Китаем по вопросам, выходящим за рамки ее компетенции. Для наращивания сотрудничества по линии ЕАЭС – КНР могут быть расширены полномочия ЕЭК в сфере макроэкономической политики. Однако

расширение компетенций ЕЭК может быть достигнуто только решением Высшего Евразийского экономического совета о внесении изменений в Союзный договор. Такая специфика взаимодействия с Китаем в рамках сопряжения в первую очередь обусловлена сугубо экономическим характером интеграции ЕАЭС, о чем неоднократно заявляли представители государств-членов.

Заключение. Перспективы реализации БЕП с участием ЕС, КНР и ЕАЭС

Анализ уровней взаимодействия ЕС – Китай и ЕАЭС – Китай показывает, что идея создания БЕП вполне реализуема при нормализации политических отношений между Россией и Западом. Привлекательность евразийского сотрудничества осложняется определением фундамента, на котором оно могло бы быть реализовано. Для этого сторонам предстоит решить ряд задач.

Во-первых, найти формат, в котором ЕАЭС и ЕС, представляющие собой институционально оформленные интеграционные организации, могли бы быть совмещены с геоэкономическим проектом ОПОП, не имеющим строго очерченных институциональных рамок. На фундаментальном уровне ЕС и ЕАЭС различаются подходами к интеграции, что часто рассматривается экспертами как препятствие для установления тесного сотрудничества: либеральная интеграция в ЕС зачастую противопоставляется протекционистской интеграцией в ЕАЭС [19–21]. Однако эти различия могут служить стимулом к наращиванию сотрудничества ЕС с ЕАЭС. Взаимодействие с ЕАЭС по реализации БЕП позволит ЕС усилить свое экономическое влияние в странах Восточного партнерства и России, что будет способствовать модернизации их экономик, расширению рынка и обеспечению безопасности поставок углеводородов из России в страны Европы. Наиболее реалистичным представляется вариант создания трехсторонней рабочей группы из представителей комиссий ЕС и ЕАЭС и министерств Китая, ответственных за реализацию ОПОП. Это будет способствовать деполитизации экономического взаимодействия с Россией, т. к. в рамках союза РФ ограничена многосторонними институциональными рамками.

Во-вторых, обеспечить согласование стратегий развития инфраструктурной взаимосвязанности. Без развития транспортно-логистической инфраструктуры тех стран, через которые проходят ключевые маршруты «Пути»,

¹⁷ О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 г. Решение Высшего совета ЕАЭС № 12 от 11.12.2020. URL: <https://www.altai.ru/tamdoc/20vr0012/> (дата обращения: 31.03.2022).

¹⁸ Совместное заявление РФ и КНР. 25.06.2016. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5100/> (дата обращения: 31.03.2022).

¹⁹ Россия и Китай завершили совместное технико-экономическое обоснование Соглашения о Евразийском экономическом партнерстве. 08.06.2018. URL: https://economy.gov.ru/material/news/rossiya_i_kitay_zavershili_sovmestnoe_tehniko_ekonomicheskoe_obosnovanie_soglasheniya_o_evraziyskom_ekonomicheskom_partnerstve.html (дата обращения 31.03.2022).

²⁰ Сопряжение ЕАЭС и ЭПШП приобретает реальные очертания: согласован список инфраструктурных проектов. 01.03.2017. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/2-03-2017-1.aspx> (дата обращения 31.03.2022).

невозможно говорить об интенсификации торговых и экономических связей между ЕАЭС и КНР²¹. Неоднократно отмечалось, что реализация совместных проектов по развитию системы мультимодальных перевозок могла бы стать одним из ключевых треков многостороннего сотрудничества между Китаем, ЕАЭС и ЕС [22–23]. Вместе с тем инфраструктура и логистика являются стратегически важными для ЕС и стран ЕАЭС, что приводило к отмене и задержке реализации ряда китайских проектов вдоль стран ОПОП. Успешная реализация сотрудничества в области инфраструктуры может стать основой для взаимодействия в области обеспечения региональной стабильности и устойчивого развития в третьих странах, участвующих в «Пути».

В-третьих, определить экономический фундамент процессов сопряжения. Одновременное членство в ЕАЭС и взаимное соглашение о свободной торговле с ЕС невозможно. Однако технически экономическое сотрудничество между ЕС и ЕАЭС потенциально осуществимо и может быть достигнуто за счет снижения торговых барьеров, гармонизации стандартов и создания общей зоны свободной торговли. По подсчетам экспертов, соглашение между ЕС и ЕАЭС могло бы увеличить экспорт России в ЕС примерно на 71 млрд евро [19, р. 56] и стимулировать российский экспорт в остальные страны мира, поскольку доступность более дешевого оборудования и промежуточных продуктов из ЕС повысит общую конкурентоспособность России. В целом российский экспорт увеличился бы примерно на 77 млрд евро. В 2014 г. Китаем было инициировано создание Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, основная деятельность которого

сосредоточена на финансировании перспективных инфраструктурных проектов. С точки зрения китайской стратегии, данный банк тесно связан с ОПОП. В то же время он выступает в качестве многостороннего банка развития, который формально не следует логике «Пути» или руководящим указаниям властей Китая. По состоянию на 2019 г. членами Азиатского банка инфраструктурных инвестиций являются 18 стран-членов ЕС и 4 из 5 стран ЕАЭС. Координация взаимодействия ЕС, Китая и стран ЕАЭС в рамках уже созданных финансовых институтов могла бы стать первым шагом к разработке многостороннего инвестиционного соглашения.

В-четвертых, разработать программу сотрудничества по вопросам безопасности в регионе. Дефицит инфраструктуры (для преодоления которого по разным оценкам необходимы инвестиции в размере 77 млрд долл. в год в период 2016–2030 гг.²²) – это лишь часть проблем Центрально-Азиатского региона, необходимо также сконцентрировать внимание на проблемах терроризма, трансграничной преступности, незаконного оборота наркотиков и т. д. [24, р. 5]. Пекин неоднократно заявлял, что ОПОП – это в первую очередь экономический проект, однако действия властей КНР показывают, что они стремятся защищать свои инвестиции и персонал за рубежом, в том числе в Центральной Азии.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflicting interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Лукин А. В. Россия и Китай в Большой Евразии. *Полис. Политические исследования*. 2020. № 5. С. 46–59. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.05.04>
Lukin A. V. Russia and China in Greater Eurasia. *Polis. Political Studies*, 2020, (5): 46–59. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.05.04>
2. Сазонов С. Л. КНР: инфраструктура транспорта, инновации, проект пояса и пути. М.: ИДВ РАН, 2022. 408 с.
Sazonov S. L. *China: transport infrastructure, innovation, Belt and Road project*. Moscow: IFES RAS, 2022, 408. (In Russ.) <https://doi.org/10.48647/IFES.2022.99.42.002>
3. Лебедева М. М. Новый мировой порядок: параметры и возможные контуры. *Полис. Политические исследования*. 2020. № 4. С. 24–35. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.03>
Lebedeva M. M. New world order: parameters and possible contours. *Polis. Political Studies*, 2020, (4): 24–35. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.03>
4. Авилова А. В., Алексеенкова Е. С., Бочаров И. А., Бочарова М. А., Буторина О. В., Забелин С. А., Колесникова М. Л., Магадеев И. Э., Маслова Е. А., Пахомова М. А., Энтина Е. Г. Фактор Китая в Средиземноморье. М.: ИЕ РАН, 2022. 200 с. https://doi.org/10.15211/report12022_387
Avilova A. V., Alekseenkova E. S., Bocharov I. A., Bocharova M. A., Butorina O. V., Zabelin S. A., Kolesnikova M. L., Magadeev I. E., Maslova E. A., Pakhomova M. A., Entina E. G. *The China factor in the Mediterranean*. Moscow: IE RAS, 2022, 200. (In Russ.) https://doi.org/10.15211/report12022_387

²¹ Транспортные коридоры Шелкового пути: анализ барьеров и рекомендации по направлению инвестиций. 18.05.2018. URL: <https://eabr.org/analytics/integration-research/cii-reports/transportnye-koridory-shelkovogo-puti-analiz-barerov-i-rekomendatsii-po-napravleniyu-investitsiy/> (дата обращения 31.03.2022).

²² Meeting Asia's infrastructure needs. Asian Development Bank, 2017. 107 p.

5. Lo B. Greater Eurasia: the emperor's new clothes or an idea whose time has come? *Russie.Nei.Reports*, 2019, (27): 44. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/bobo_lo_greater_eurasia_2019.pdf (accessed 31 Mar 2022).
6. Kirkham K. The formation of the Eurasian Economic Union: how successful is the Russian regional hegemony. *Journal of Eurasian Studies*, 2016, 7(2): 111–128. <https://doi.org/10.1016/j.euras.2015.06.002>
7. *China's Belt & Road and the world: competing forms of globalization*, ed. Ekman A. Études de l'Ifri, 2019, 136. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/ekman_china_belt_road_world_2019.pdf (accessed 31 Mar 2022).
8. Pellicieri I., Krikovic A. From "Greater Europe" to "Greater Eurasia": status concerns and the evolution of Russia's approach to alignment and regional integration hegemony. *Journal of Eurasian Studies*, 2021, 12(1): 86–99. <https://doi.org/10.1177/1879366521998808>
9. Хуэйжун Ч. Необходимость, осуществимость и выбор пути сопряжения Большого евразийского партнерства и инициативы «Один пояс – один путь». *Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения»*. 2021. № 1. С. 109–116. <https://doi.org/10.28995/2686-7648-2021-1-109-116>
10. Huirong Z. Necessity, feasibility, and choice of way of integrating the Greater Eurasian Partnership and the initiative called One Belt, One Road. *RSUH/RGGU Bulletin. "Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations" Series*, 2021, (1): 109–116. (In Russ.) <https://doi.org/10.28995/2686-7648-2021-1-109-116>
11. Li Y. The greater Eurasian partnership and the Belt and Road Initiative: can the two be linked? *Journal of Eurasian Studies*, 2018, 9(2): 94–99. <https://doi.org/10.1016/j.euras.2018.07.004>
12. Huasheng Z. Greater Eurasian Partnership: China's perspective. *China International Studies*, 2018, (68): 68–84.
13. Zhang H. *Building the Silk Road Economic Belt: problems and priorities in Central Asia*. Singapore: RSIS Policy Report, 2015, 20.
14. Anthony I., Zhou J., Yuan J., Su F., Kim J. *China–EU connectivity in an era of geopolitical competition*. Stockholm: SIPRI, 2021, 60. URL: <https://www.sipri.org/sites/default/files/2021-03/sipripp59.pdf> (accessed 31 Mar 2022).
15. *Securing the Belt and Road initiative*, eds. Arduino A., Gong X. Singapore: Palgrave Macmillan Singapore, 2018, XXI+308. <https://doi.org/10.1007/978-981-10-7116-4>
16. Сазонов С. Л. Транспорт КНР: место и роль в развитии региональной экономики. М.: ИДВ РАН, 2018. 432 с. Sazonov S. L. *Transport of China: place and role in the development of the regional economy*. Moscow: IFES RAS, 2018, 432. (In Russ.)
17. Сафронова Е. И. Проект ЭПШП и российско-китайский диалог. *Азия и Африка сегодня*. 2019. № 3. С. 2–9. <https://doi.org/10.31857/S032150750004064-2>
18. Safronova E. I. The SREB project and Russian-Chinese dialogue. *Asia & Africa today*, 2019, (3): 2–9. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S032150750004064-2>
19. Лузянин С. Г. Россия – Китай: формирование обновленного мира. М.: Весь Мир, 2018. 328 с. Luzyanin C. G. *Russia – China: shaping a renewed world*. Moscow: Ves Mir, 2018, 328. (In Russ.)
20. Чистякова А. Н., Хощкина О. В. Сопряжение экономического союза и инициативы «Один пояс, один путь»: проблемы и перспективы. *Азия и Африка сегодня*. 2018. № 8. С. 7–14. <https://doi.org/10.31857/S032150750000500-2>
21. Chistyakova A. N., Khotkina O. V. Conjugulation of the economic union and the initiative 'One Belt, One Road': Concerns and perspectives. *Asia & Africa today*, 2018, (8): 7–14. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S032150750000500-2>
22. Felbermayr G., Gröschl J. Free trade from Lisbon to Vladivostok: who gains, who loses from a Eurasian Trade Agreement? *CESifo Forum*, 2017, 18(2): 52–62.
23. Ferrari A., Tafuro Ambrosetti E. Russia and China: countering the dominance of the West. *Russia and China: anatomy of a partnership*, eds. Ferrari A., Tafuro Ambrosetti E. Milano: Ledizioni, 2019, 13–35.
24. Duchâtel M., Godement F., Liik K., Shapiro J., Slavkova L., Stanzel A., Tcherneva V. *Eurasian integration: caught between Russia and China*. 7 Jun 2016. URL: https://ecfr.eu/article/essay_eurasian/ (accessed 31 Mar 2022).
25. Воронцов А. В. Перспективы «Коридора Китай-Монголия-Россия» в рамках глобального экономического пояса Шелкового пути. *Азия и Африка сегодня*. 2018. № 12. С. 18–24. <https://doi.org/10.31857/S032150750002567-5>
26. Vorontsov A. V. "China-Mongolia-Russia Corridor" perspective in framework of Global Silk Road Economic Belt. *Asia & Africa today*, 2018, (12): 18–24. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S032150750002567-5>
27. Забелла А. А., Каткова Е. Ю., Шабара А. В. Центральноеазиатское направление политики России и Китая в контексте евразийской концепции. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2021. Т. 21. № 1. С. 79–90. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-1-79-90>
28. Zabella A. A., Katkova E. Yu., Shabaga A. V. Eurasian concept: Central Asian in Russian and Chinese foreign policy. *Vestnik RUDN. International Relations*, 2021, 21(1): 79–90. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-1-79-90>
29. Ghiasy R., Zhou J. *The Silk Road Economic Belt: considering security implications and EU–China cooperation prospects*. Stockholm: SIPRI, 2017, 60.

full article

The EU and European Countries' Indo-Pacific Strategies: Security and Nuclear Factor

Gleb V. Toropchin

Novosibirsk State Technical University, Russia, Novosibirsk

Novosibirsk State University of Economics and Management, Russia, Novosibirsk

Russian MFA's Diplomatic Academy, Russia, Moscow

<https://orcid.org/0000-0002-8055-1202>

glebtoropchin@mail.ru

Received 10 May 2022. Accepted after peer review 31 May 2022. Accepted for publication 31 May 2022.

Abstract: The Indo-Pacific region concept, having a significant place in the U.S. as well as their Asia-Pacific allies' official discourse in the latest decades, is also penetrating the diplomatic terminology of both the EU and separate European nations. This paper features a review of how the Indo-Pacific strategies are designed as exemplified by the corresponding documents adopted by the said international organisation and some of its member states (including the former ones, such as the UK), particularly in the security realm and nuclear non-proliferation, given the importance of these factors for strategic stability in the global and regional dimensions. In terms of methodology, the article employs some elements of discourse analysis, content analysis, comparative political studies, and prognostic methods; the sources are represented by the EU and European countries' official documents, as well as speeches made by politicians. Thanks to analysing the states' strategies, main trends, which are also reflected in the common EU strategy, are singled out. The author draws a conclusion that the deterioration of the Ukrainian crisis will limit the opportunities for further development of the interregional ties between Europe and Asia.

Keywords: European Union, Europe, Asia-Pacific, Indo-Pacific strategies, interregional ties

Citation: Toropchin G. V. The EU and European Countries' Indo-Pacific Strategies: Security and Nuclear Factor. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(3): 398–404. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-3-398-404>

оригинальная статья

Индо-Тихоокеанские стратегии ЕС и европейских стран: безопасность и ядерный фактор

Торопчин Глеб Вячеславович

Новосибирский государственный технический университет, Россия, г. Новосибирск

Новосибирский государственный университет экономики и управления, Россия, г. Новосибирск

Дипломатическая академия МИД РФ, Россия, г. Москва

<https://orcid.org/0000-0002-8055-1202>

glebtoropchin@mail.ru

Поступила в редакцию 10.05.2022. Принята после рецензирования 31.05.2022. Принята в печать 31.05.2022.

Аннотация: Концепция Индо-Тихоокеанского региона, занимающая в последние десятилетия важное место в официальном дискурсе США и их союзников в АТР, проникает и в дипломатическую терминологию как ЕС, так и отдельных европейских стран. Секьюритизация общественно-политического дискурса в Европе в 2022 г. требует более пристального внимания к динамике отношения ЕС и ведущих европейских игроков к безопасности в ключевых регионах мира, включая Азиатско-Тихоокеанский. В статье рассмотрены особенности формулирования Индо-Тихоокеанских стратегий ЕС и некоторых ее членов (включая бывшие – на примере Великобритании), в частности в сфере безопасности и ядерного нераспространения, с учетом важности данных факторов для стратегической стабильности в глобальном и региональном измерениях. Используются отдельные элементы дискурса-анализа, контент-анализа, политической компаративистики и прогностические методы; источниковая база представлена официальными документами ЕС и европейских стран, а также заявлениями отдельных политиков. Благодаря рассмотрению страновых стратегий выявляются основные тенденции, отражающиеся и в общей стратегии ЕС в отношении ИТР. С точки зрения ядерного фактора в Индо-Тихоокеанских стратегиях и документах более низкого порядка (в случае ФРГ и Нидерландов – «основополагающих принципах») общим местом является обеспокоенность северокорейской ядерной проблематикой и в меньшей степени модернизацией стратегических ядерных сил КНР. Также автор приходит к выводу, что обострение ситуации вокруг Украины сократит возможности дальнейшего налаживания европейско-азиатских межрегиональных связей. Приводятся и перспективные направления дальнейших исследований в изучаемой области.

Ключевые слова: ЕС, Европа, Азиатско-Тихоокеанский регион, Индо-Тихоокеанские стратегии, межрегиональные связи

Цитирование: Торопчин Г. В. Индо-Тихоокеанские стратегии ЕС и европейских стран: безопасность и ядерный фактор. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 3. С. 398–404. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-3-398-404>

Introduction

The European countries (in particular, EU member states) have long been striving to institutionalise their relations with the Asia-Pacific region. This is especially important in light of the impressive economic growth displayed by key Asian players even in the COVID-19 pandemic¹. However, it is no wonder that the fundamental security challenges in the region are reflected in the respective strategies adopted by the EU countries. Indeed, such developments are quite abundant, including but not limited to border conflicts on the disputed territories (e.g. between China and India), grievances concerning island chains claimed by several nations in the East China Sea and South China Sea, 2021 power shift in Myanmar (often labelled in the Western media as a coup d'état), DPRK nuclear and missile tests etc. Thus, U.S. and their Asia-Pacific allies (predominantly Japan and Australia) responded to these happenings by popularising the Indo-Pacific concept in their doctrines following its mainstreamification in the scholarly discourse. Several years later, EU also followed their suit, producing a unified EU Strategy for Cooperation in the Indo-Pacific² in September 2021. A number of European countries had also come up with similar documents on a national level, and this piece represents an attempt to trace the role of the security component in such strategies, specifically comparing the influence of the nuclear factor in the European outlook on the Indo-Pacific macroregion as stipulated in these papers.

Manifold dimensions of security as an umbrella term range from so-called classical security (defence in the first place) to human security. Even if the given work focuses on the former, it is crucial to understand the complex nature of the security as a notion established in the European mindset. Still, the goal of this article is to find out what role hard security (namely, nuclear factor) plays in the European states' Indo-Pacific strategies as well as outline a probable future scenario in the short-term perspective.

Methodology

It would be pointless to deny the conceptual significance of the problem under consideration from the IR theories standpoint. As such, frameworks as interregionalism or transregionalism explaining the cooperation between different parts of the world could be enriched by means of an in-depth study of the relations between Europe and Asia-Pacific. At the same time, it is necessary to point out that theoretical subtleties rather remain on the periphery of the presented paper.

Inasmuch as the methodology per se is concerned, conventional logical and intuitive methods are at the core of the research conducted. Country-based approach turned out to be of assistance in terms of delineating the tendencies related to the dynamics of interregional relations as shown in the documents discussed. The work also involves some elements of other methods that include: discourse analysis (unveiling the ideological foundations of the Indo-Pacific strategies), qualitative content analysis (e.g. defining intertextual topical links), comparative studies (which helped the author mark out similarities and differences in the countries' postures), prognostic methods (represented by a simplified version of scenario analysis, where only the baseline scenario is laid out briefly, due to the format constraints).

Literature review

From a historiographical standpoint, the sources analysing EU's Indo-Pacific stance are in essence of quite recent origin, which is understandable since this concept appeared in the contemporary political science less than two decades ago. All the more, European countries arguably acted more slowly (see below) in embracing the term under consideration from a scholastic point of view, as well as officially.

It is worth noting that the adoption of "Indo-Pacific" thinking in Europe began not on the EU level; on the contrary, separate European nations, such as France, set this trend. As mentioned by K. He and H. Feng, conceptual institutionalisation of the Indo-Pacific largely depends on creating far-reaching multilateral establishments (described by the word combination "deep institutionalisation"), and the example of the EU can play an existential role in this regard, in terms of identity in the first place [1]. Australian thinker R. Medcalf draws a historical parallel, noting that on European colonial maps, Asia encompassed what is now understood as "Indo-Pacific" [2], which, in turn, explains European comprehension of this part of the globe. F. Heiduk and G. Wacker take notice of major differences pertaining to the content of the term in various nations and even situations, and specifically acknowledge the politicised nature of this concept [3]. At the time their paper was published (i.e. mid-2020), as claimed by these authors, the EU interests in the region – including in the security realm – were still to be defined.

One of the most prominent European scholars involved in the studies of the Indo-Pacific phenomenon, E. Pejsova [4],

¹ Asian Development Outlook (ADO) Supplement December 2021. URL: <https://www.adb.org/outlook> (accessed 31 Mar 2022).

² Joint Communication to the European Parliament and the Council. The EU strategy for cooperation in the Indo-Pacific. Brussels, 16 Sep 2021/ JOIN(2021) 24 final. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/jointcommunication_indo_pacific_en.pdf (accessed 31 Mar 2022).

argues that the impact of geopolitics has eventuated in the EU embracing the Indo-Pacific as a concept, as the security implications of the U.S.-China rivalry will have a spillover effect not only regionally, but also globally.

M. Li, in turn, connects the security aspect of the European Indo-Pacific strategic thinking with the Belt and Road Initiative [5], based on a link between geoeconomics and geopolitics. According to the scholar, China's trade and infrastructure activities arguably securitise the environment in the region, thus leading to a more active stance from the external actors, such as the EU and certain European states. Other papers also single out PRC as one of the reasons for an increasingly active positioning of the EU in the Asia-Pacific [6]. The context of intensifying competition between Washington and Beijing [7] comprises the backbone of the regional setting, forcing EU and European actors to adjust their policies accordingly.

Talking about an Indian perspective, B. Krishnamurthy assesses commonalities between India's and European players' vision of the region where multilateralism and adherence to "rules-based order" are of the utmost importance [8].

On a normative level, some policy briefs [9] underline the necessity of coordination and engagement between the EU and minilateral regional formats. In the first place it is associated with the Quadrilateral Security Dialogue and its member countries. Theoretically, interregionalism has been employed as an explanatory framework interpreting the EU's involvement in the Indo-Pacific [10], and the UK and France are seen as key nodes outside the region for building partnerships with the U.S. and its Quad allies. G. S. Khurana, oftentimes cited as the one who coined the term "Indo-Pacific" in its modern understanding, argues that the EU sees Quad as a "quasi-military alliance" [11], highlighting its divisive impact for the region. However, the Indian pundit also admits – and rightly so – that large European powers such as France and the UK are more amicable towards the notion *per se*. Still, one has to take into account an extensive use of quotation marks to emphasise the term "Indo-Pacific" by manifold commentators, not excluding G. S. Khurana himself.

Therefore, it is no wonder that most of the papers on the given topic concentrate more on the national dimension of Indo-Pacific strategies. Symptomatically, J. Rogers in his visionary article scrutinises French and British Indo-Pacific geostrategies even before the second iteration of Quad, namely, in 2013, specially concentrating on the naval component of their respective stances [12], a landmark trend in the present-day situation. E.g. D. Scott [13] treats France's Indo-Pacific strategy as a fashion of projecting the power by means of cooperating with the regional "like-minded partners" (meaning Japan and Australia). Another layout would be a trilateral dialogue with the participation of France,

India and Australia [14]. N. Regaud proceeds from a convergence of French and EU interests in the region, calling crisis prevention the most promising sphere for interregional collaboration [15], also centring in the possible adoption of European mechanisms and structures by the Asian players. Another French researcher, C. Penot [16], claims that the *Élysée* should pursue its own goals in the region independently, renouncing the approach proffered by the AUKUS. As such, authors from France mostly focus on Paris's strategy in the Indo-Pacific, rather than zeroing in on the EU. A. Y. Chikhachev [17] takes note of the institutional formats (e.g. FRANZ grouping) that can help France maintain its security dialogue in the region, although after AUKUS was announced, the future of such an alignment is questionable. In general, the establishment of the trilateral "Anglo-Saxon" pact in the region has led to pessimistic predictions regarding the future of Europe in general [18].

As is clear from this section, it is only lately that the Indo-Pacific strategising has come to the fore in the European scholarly literature, especially comparing the interest to this phenomenon on the part of U.S. and Asia-Pacific authors. Out of the country-based studies, France appears to be the most popular related case, having the longest established history of involvement in the Indo-Pacific from a legal perspective, the UK firmly occupying the second place in this improvised ranking. On a side note, no papers – to the best of the author's knowledge – have been devoted to the nuclear side of the issue, leaving a gap to be filled.

Results

Compared to the U.S. or its Asia-Pacific partners, European states adopted their Indo-Pacific strategies with a certain time lag for obvious reasons. The related timeline is displayed on Fig. 1.

Structure-wise, it would be rational to preface the analysis of the EU strategy with a short overview of the topical documents on a national scale first.

French Republic. France has been a pioneer in developing its own Indo-Pacific strategy [19], which was declared in 2018. It should be emphasised that France is anchored to the region relying on its overseas possessions (French Polynesia and other insular territories) with a total population of 1.6 million citizens and military personnel. It stands to reason that Paris's concerns originally had to do primarily with security. It is all the more peculiar that the nuclear factor was not underscored distinctly in the paper – even in its most recent edition³. In the chapter dedicated to strategic partnership with India, peaceful use of atomic energy is referred to as an "axis" of the collaboration⁴. It should also be noted that France is desperately trying to recover its status in the region after the painful AUKUS blow that resulted in a diplomatic tiff with Australia and the U.S. France has also been planning to deploy its nuclear attack submarine

³ France's Indo-Pacific Strategy. France Diplomatie – Ministère de l'Europe et des Affaires étrangères. 74 p. URL: https://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/en_dcp_a4_indopacifique_022022_v1-4_web_cle878143.pdf (accessed 31 Mar 2022).

⁴ La stratégie de la France dans l'Indopacifique. Ministère de l'Europe et des Affaires étrangères. P. 39. URL: <https://www.elysee.fr/admin/upload/default/0001/10/c3852600cbeccbc2fa05ecf147fa307a79ac17.pdf> (accessed 31 Mar 2022).

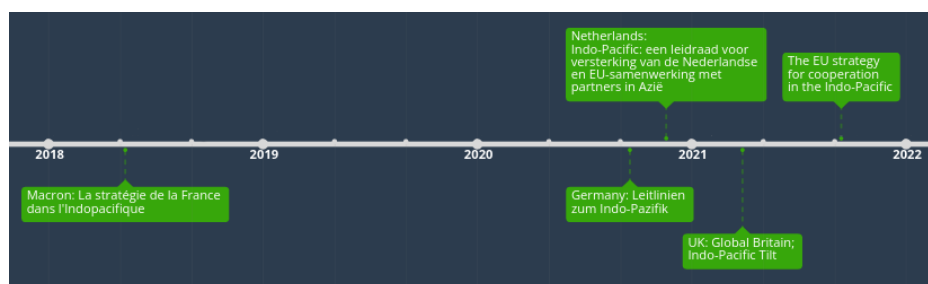

Fig. 1. The timeline of EU and European countries' Indo-Pacific strategies adoption
Рис. 1. Хронология принятия Индо-Тихоокеанских стратегий ЕС и европейскими странами

in the region (the “Marianne” mission)⁵. Apart from that, North Korea with its nuclear ambitions was another item mentioned in the nonproliferation context.

Federal Republic of Germany. Germany is doubtlessly one of the pivot states for the EU, but unlike most major nations, so far it has not ended up going further than adopting its guidelines⁶ – Leitlinien zum Indo-Pazifik – in September 2020. Whereas Indo-Pacific security in Berlin's vision only goes after trade and even climate policies⁷, the wording in the paper itself is comparatively restrained, but the references to the nuclear aspects are tangible⁸. Three Indo-Pacific nuclear powers are highlighted: China, India, and Pakistan (Netherlands, for one, attributes this regional presence to seven nuclear-weapon-states); North Korea is also mentioned, like China's growing nuclear arsenal. In the meantime, it does not prevent Berlin from collaborating with Beijing in strategic domains [20].

Kingdom of the Netherlands. Amsterdam, enjoying the “nuclear sharing” privilege within NATO, made its Indo-Pacific guidelines available in November 2020. Netherlands, a seemingly insignificant participant of the EU, is in fact, an influential partner for the Asia-Pacific thanks to its shipbuilding, supply chains, fintech and other fields. It is quite symptomatic that not only DPRK's nuclear programme is taken heed of, but also China's expansion of its nuclear arsenal⁹. Thus, the Netherlands, together with Germany, constitutes one of the few exceptions in this regard (see below).

The United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland. Even after Brexit, UK, having concentrated on its “Global Britain” stance, still remains too important to be omitted from this context. London's position towards

the region was crystalised in its most recent 2021 Integrated Review entitled “Global Britain in a Competitive Age”¹⁰, where security and defence issues received much attention. The word “nuclear” is used by an order (literally!) more frequently than in the other documents investigated in this article, which can be explained by a more comprehensive nature of the Review. The part devoted to the Indo-Pacific is filled with the references to security, rooted in both “laws” and “rules”. “Nuclear proliferation and miscalculation” is regarded as one of the flashpoints in this area, and this type of WMD is also alluded to as one of the CBRN constituents, albeit the country's nuclear deterrent is most actively mentioned in the document in conjunction with NATO, i.e. in the Transatlantic environment. Concerning the practicalities, the AUKUS pact, formed by Australia, UK and US in September 2021, can be interpreted as an attempt to vocally express London's take on the regional affairs, not excluding the nuclear component (when it comes to the nuclear propulsion deal). Besides, creating military bases in the region is one of the major directions in Great Britain's “tilt” towards the Indo-Pacific [21].

European Union. Only after the leading states within the Union expressed their interest in the Indo-Pacific through their documents, the EU embarked on forging its own strategic paper. Initial discussions on a joint approach within the EU date back to late 2020 – early 2021¹¹. As to the premises behind this endeavour, one should keep in mind individual nations' policy features connected with the historical background: rich colonial past, control of overseas territories, as well as macroeconomic reasons expressing itself, among other things, in engagement in trade routes and supply chains. Pertaining to the chosen

⁵ Ibid. P. 56.

⁶ For the sake of simplicity and consistency, Germany's and the Netherlands' Indo-Pacific guidelines are hereinafter referred to as “strategies” in this article.

⁷ Indo-Pazifik. *Auswärtiges Amt*. 28 Oct 2021. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/regionaleschwerpunkte/asien/indo-pazifik/2492704> (accessed 31 Mar 2022).

⁸ Policy guidelines for the Indo-Pacific. Germany – Europe – Asia. Shaping the 21st century together. Druck- und Verlagshaus Zarbock GmbH & Co. KG, Frankfurt a. M. 68 p. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/blob/2380514/f9784f7e3b3fa1bd7c5446d274a4169e/200901-indo-pazifik-leitlinien-1-data.pdf> (accessed 31 Mar 2022).

⁹ Indo-Pacific: Guidelines for strengthening Dutch and EU cooperation with partners in Asia. *Government of the Netherlands*, 13 Nov 2020. URL: <https://www.government.nl/binaries/government/documenten/publications/2020/11/13/indo-pacific-guidelines/Indo-Pacific+Guidelines+EN.pdf> (accessed 31 Mar 2022).

¹⁰ Global Britain in a competitive age. The Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy. HM Government, Crown copyright, 2021. 112 p. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/975077/Global_Britain_in_a_Competitive_Age_the_Integrated_Review_of_Security_Defence_Development_and_Foreign_Policy.pdf (accessed 31 Mar 2022).

¹¹ Cunningham G. The EU's Strategy for Cooperation in the Indo-Pacific. 14 Jan 2022. URL: <https://spfusa.org/research/the-eus-strategy-for-cooperation-in-the-indo-pacific/> (accessed 31 Mar 2022).

subject, one should remember the atmospheric nuclear weapons tests conducted in the region by UK and France during the Cold War. All of this adds to the picture, revealing the EU motivation to become more involved in the intricate Asia-Pacific regional affairs in a more pronounced manner.

The European understanding of the region under scrutiny is predetermined by its declared broad geographical scope (including i.a. East Africa). The ideological component is explicitly reflected in the "rules-based international order" formula. Conspicuously, the strategy simultaneously embraces the (in) famous "rule of law" concept, but the "free and open Indo-Pacific" word combination (native for U.S. Asian allies' papers) is remarkably missing.

The quantitative content analysis conducted shows that German vision of the region relies on security more than in any other country (Fig. 2). The number of mentions of the term "security" in the EU strategy is ostensibly close to a mean value of a similar indicator in the countries' documents. In case of UK, such an outlier can be explained by a relatively smaller amount of text dedicated to the Indo-Pacific itself.

Delving further into the specificity of the topic, one can see that the "nuclear" component is mentioned more in the strategies of so-called "nuclear sharing" countries of the EU, i.e. states with the U.S. tactical nuclear weapons on their territories: Germany and the Netherlands (Fig. 3). Nuclear possessors (in accordance with the 1968 Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons) such as France or United Kingdom seemingly deemphasise their nuclear armaments. Again, it is remarkable how the EU paper contains an average – approximately – of all the countries' indicators.

Given the urgency of North Korea's nuclear and missile programmes as a problem of a global significance, it is also demonstrative how different the stances of the nations might seem (Fig. 4). The subject has been ignored in the EU Strategy for Cooperation in the Indo-Pacific, but "Global Britain in a Competitive Age" is a leader in this regard.

Wrapping up the discussion of content analysis results, it is necessary to make an allowance for unequal sizes of the documents: those were guidelines in cases of Berlin and Amsterdam, whereas France and the EU provided full-fledged strategies. For UK, it was about positioning the nation's foreign policy not only in the region (only several pages being dedicated to the Indo-Pacific), but – as follows from the title of the document – globally.

All in all, security and defence is one of the seven key priority areas designated in the EU Strategy. The actual realisation presupposes naval activities (such as joint drills with two or more participants). For instance, exercises of this kind could be held on a multilateral basis in the Indian and/or Pacific oceans, but the details of such sensitive undertakings would remain under question. The underlying causes are securing the vital sea trade routes and sharing expertise in dealing with piracy (relevant for navigation in the Strait of Malacca). Other spheres of cooperation cover counterterrorism as well as novel dimensions, e.g.

cybersecurity. Another window for practical implementation is a chance for European defence industries to sign exports contracts with the regional powers. Such deals, though, are mostly sealed on a bilateral basis, like France's Dassault Rafale supplies to Indonesia.

Nevertheless, the prior proactiveness of the leading EU states predicates that the Strategy was mostly formed by them, and disagreements in the course of drawing up the document were inevitable. Same applies to different hues of attitudes to China: Italy or some Eastern European states are traditionally

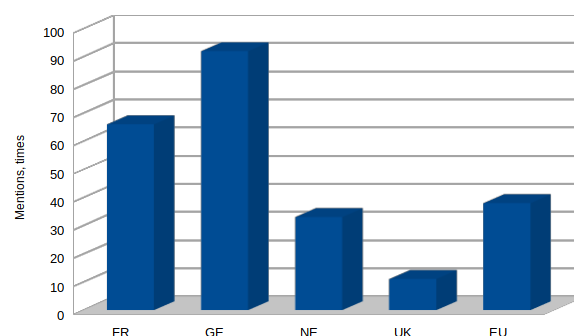

Fig. 2. The term "security" as mentioned in the corresponding strategies

Рис. 2. Упоминания термина безопасность в соответствующих стратегиях

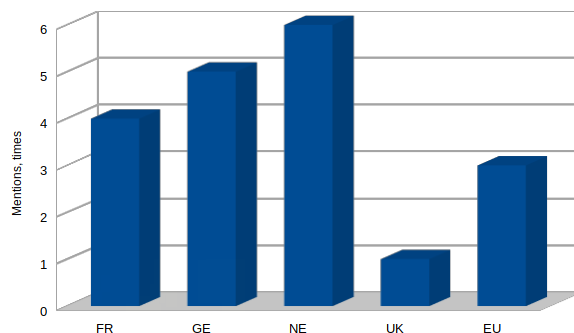

Fig. 3. The term "nuclear" as mentioned in the corresponding strategies

Рис. 3. Упоминания термина ядерный в соответствующих стратегиях

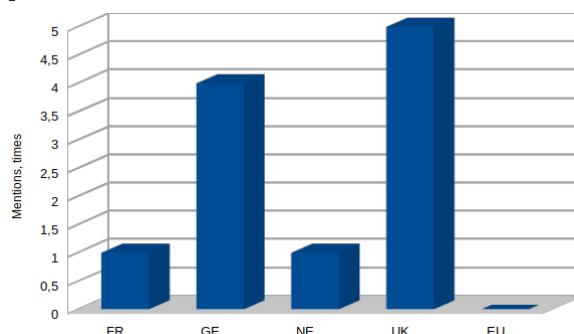

Fig. 4. North Korean nuclear programme as mentioned in the corresponding strategies

Рис. 4. Упоминания северокорейской ядерной программы в соответствующих стратегиях

perceived as considerably more lenient towards Beijing with its military modernisation programme, whereas Western European countries have a more “hawkish” position (relatively speaking, naturally). Zhongnanhai, in its turn, does not welcome the Indo-Pacific pivot as much as it applies to regional powers. On the one hand, the Strategy offers a holistic, macroregional approach; on the other hand, regardless of the inclusiveness, one cannot help noticing the subtle nod to China. The value-based approach described above could indeed be seen as an obstacle to cloudless collaboration with Beijing under certain circumstances.

Taking into account the nuclear factor, it is only brought up in the scope of joint efforts aimed at ensuring nuclear safety and security¹². On a more substantive note, inter-institutional cooperation with ASEAN on CBRN is rated high, and it is encouraged to continue this cohesion.

Curiously enough, High Representative of the European Union for Foreign Affairs and Security Policy Josep Borrell did not invoke nuclear matters – let alone AUKUS – in his remarks at the press-conference on September 16, 2021¹³. The agenda of the official visits also carries some symbolism: e.g. in his speech in Jakarta, Borrell also talked about security engagement in general terms, skipping the nuclear factor¹⁴.

Conclusion

Summing it up, the accentuation of the security dimension in the strategic documents is strongly dependent upon the European countries’ understanding of their interests in the Asia-Pacific. At the same time, European thinking on Asia is on the whole less subject to ideologisation than the U.S. vision of the region, and can arguably be called more pragmatic.

Some attention is, as a matter of fact, paid to the nuclear proliferation as an issue in the documents under review. Speaking of common points in the national strategies, nuclear dangers and threats are in most cases illustrated by balanced – and sometimes vague – expressions such as regretting or condemning North Korea’s activities. With a few exceptions, EU states avoid any direct allusion connected with China’s strategic forces buildup. It is noteworthy that Europe is not inclined to join the containment strategy directed at Beijing, trying to avoid the zero-sum mentality and securitisation of the relations with China.

That said, in spite of a more or less unified position voiced in the EU strategy, there is a notable degree of compartmentalisation on security issues. One should also consider a certain asymmetry within the EU: countries such as France are incomparably more interested in incorporating themselves into the Indo-Pacific. Unsurprisingly, certain discrepancies between the 27 member

states will arise, and overcoming these difficulties might not be a simple task, allowing for consensus-based decision making. Despite the fact that Europe as a whole is perceived as an outsider in the region to an even bigger extent than the U.S., external players will be definitely welcomed in the Asia-Pacific if they are to play a stabilising role. In the years to come, observers will presumably witness this whimsical co-existence of the EU and the European nations as separate external actors in the macroregion.

From a constructive point of view, EU might have some common ground with ASEAN, not necessarily fully embracing the ideologems nurtured by the U.S. On that occasion, ASEAN could benefit from EU sharing its relevant experience of building a state-of-the-art international organisation, while acknowledging that it would be next to impossible to succeed through blindly copying and pasting this pattern in the South-East Asia. ASEAN is likely to refrain from creating redundant political bodies to avoid bureaucracy the EU is notorious for. This, however, should not be an impediment to the intergovernmental interplay between the two organisations. Furthermore, the idea of ASEAN centrality is a rare point of convergence with the Russian official stance. By contrast, these benevolent intentions can be rendered null in the face of the tendency to search for the lowest common denominator (as is demonstrated by the content analysis results pertaining to the EU’s search for consensus). Distance remains another challenge here, preventing seamless integration, much like growing self-sufficiency of some Asian players. Moreover, the situation with the interregional cooperation will evidently deteriorate as Russia used to provide connectivity between the parts of the globe (from supply chains and logistics to its role as a cultural bridge). Even though the article is not intended to be a prescriptive one, it would be advisable to foster Track 1, 1.5, and 2 dialogues (bilateral summits and expert groups) between European and Asian structures, featuring Russia as well – to the extent feasible.

Mindful of the rapidly deteriorating situation in the Eastern Europe, European actors – together with the U.S. under the auspices of NATO – have their eyes set more on the intraregional contingencies. Given the repercussions of the ongoing Ukrainian crisis, it is reasonable to stick to the prediction that the European countries will likely concentrate on building their own capacity, focusing on the military projects within both EU and NATO.

Accommodating the limitations of this study, further research will require closer theoretical deliberations and a deeper investigation into ASEAN states’ attitude towards the EU presence in the region. A wider database is also needed to get a bigger picture (politicians’ statements, public opinion polls etc.), as well as more varied analysis tools.

¹² Joint Communication to the European Parliament and the Council. The EU strategy for cooperation in the Indo-Pacific ...

¹³ Indo-Pacific: Remarks by the High Representative / Vice-President at the press conference on the Joint Communication. Brussels, 16 Sep 2021. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/indo-pacific-remarks-high-representativevice-president-press-conference-joint-communication_en (accessed 31 Mar 2022).

¹⁴ The EU approach to the Indo-Pacific: Speech by High Representative / Vice-President Josep Borrell at the Centre for Strategic and International Studies (CSIS). Jakarta, 3 Jun 2021. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/eu-approach-indo-pacific-speech-high-representativevice-president-josep-borrell-centre_en (accessed 31 Mar 2022).

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflicting interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. He K., Feng H. The institutionalization of the Indo-Pacific: problems and prospects. *International Affairs*, 2020, 96(1): 149–168. <https://doi.org/10.1093/ia/iiz194>
2. Medcalf R. Reimagining Asia: from Asia-Pacific to Indo-Pacific. *International relations and Asia's Southern Tier. Asan-Palgrave Macmillan Series*, eds. Rozman G., Liow J. Singapore: Springer, 2018, 9–28. https://doi.org/10.1007/978-981-10-3171-7_2
3. Heiduk F., Wacker G. *Vom Asien-Pazifik zum Indo-Pazifik. Bedeutung, Umsetzung und Herausforderung*. SWP-Studie 2020/S. Berlin, 9 May 2020. 45 S. <https://doi.org/10.18449/2020S09>
4. Pejsova E. Europe's Indo-Pacific puzzle. In search of an independent foreign policy. *Indo-Pacific Strategies. Navigating Geopolitics at the Dawn of a New Age*, eds. Cannon B. J., Hakata K. London: Routledge, 2021. <https://doi.org/10.4324/9781003206934>
5. Li M. The Belt and Road Initiative: Geo-economics and Indo-Pacific security competition. *International Affairs*, 2020, 96(1): 169–187. <https://doi.org/10.1093/ia/iiz240>
6. Mohan G. A European Strategy for the Indo-Pacific. *The Washington Quarterly*, 2020, 43(4): 171–185. <https://doi.org/10.1080/0163660X.2020.1850447>
7. Péron-Doise M. La stratégie indo-pacifique de l'Union européenne au risque de la compétition Chine / États-Unis. *Diplomatie*, 2021, (112): 22–26.
8. Krishnamurthy B. India, Europe and the Indo-Pacific. *India, Europe and Asia*, ed. Jain R. K. Singapore: Palgrave Macmillan, 2021, 161–185. https://doi.org/10.1007/978-981-33-4608-6_7
9. Mohan G. Europe in the Indo-Pacific: a case for more coordination with Quad countries. *German Marshall Fund of the United States, Policy Brief*, 2020, (1). URL: <https://www.jstor.org/stable/pdf/resrep21235.pdf> (accessed 10 May 2022).
10. Atanassova-Cornelis E. Alignment Cooperation and Regional Security Architecture in the Indo-Pacific. *The International Spectator*, 2020, 55(1): 18–33. <https://doi.org/10.1080/03932729.2020.1712132>
11. Khurana G. S. The “Indo-Pacific” idea: origins, conceptualizations and the way ahead. *Journal of Indian Ocean Rim Studies*, 2019, 2(2): 58–76.
12. Rogers J. European (British and French) geostrategy in the Indo-Pacific. *Journal of the Indian Ocean Region*, 2013, 9(1): 69–89. <https://doi.org/10.1080/19480881.2013.795014>
13. Scott D. France's “Indo-Pacific” strategy: regional projection. *Journal of Military and Strategic Studies*, 2019, 19(4): 76–103.
14. Grare F. Exploring Indo-Pacific convergences: the Australia-France-India trilateral dialogue. *The Washington Quarterly*, 2020, 43(4): 155–170. <https://doi.org/10.1080/0163660X.2020.1850004>
15. Regaud N. Enjeux de la coopération de défense et de sécurité dans l'Indo-Pacifique pour l'Europe et la France. *Revue Défense Nationale*, 2021, 844(9): 45–50. <https://doi.org/10.3917/rdna.844.0045>
16. Penot C. Le renforcement de l'engagement de la France en Indo-Pacifique se poursuit. *Revue Défense Nationale*, 2021, 844(9): 15–20. <https://doi.org/10.3917/rdna.844.0015>
17. Чихачев А. Ю. Основы современной внешней политики Франции в Индо-Тихоокеанском регионе. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки*. 2020. № 1, 111–123.
Chikhachev A. Y. Basics of France foreign policy in Indo-Pacific region. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social sciences*, 2020, (1): 111–123. (In Russ.)
18. Уйман Е., Дзись Ю. И. Создание американо-британо-австралийского альянса AUKUS: «Закат Европы»? Тенденции развития науки и образования. 2021. № 80-6. С. 145–147. <https://doi.org/10.18411/trnio-12-2021-301>
Uyman E., Dzis Yu. I. Creation of the American-British-Australian alliance AUKUS: “The Decline of Europe”? *Tendentsii razvitiia nauki i obrazovaniia*, 2021, (80-6): 145–147. (In Russ.) <https://doi.org/10.18411/trnio-12-2021-301>
19. Wacker G. *Europe and the Indo-Pacific: comparing France, Germany and the Netherlands*. 9 Mar 2021. URL: <https://media.realinstitutoelcano.org/wp-content/uploads/2021/10/ari29-2021-wacker-europe-and-the-indo-pacific-comparing-france-germany-and-the-netherlands.pdf> (accessed 31 Mar 2022).
20. Ulatowski R. Germany in the Indo-Pacific region: strengthening the liberal order and regional security. *International Affairs*, 2022, 98(2): 383–402. <https://doi.org/10.1093/ia/iiac008>
21. Годованюк К. А. Приоритеты Великобритании в Индо-Тихоокеанском регионе. *Современная Европа*. 2020. № 1. С. 37–48. <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope120203748>
Godovanyuk K. A. The UK priorities in the Indo-Pacific. *Sovremennaya Yevropa*, 2020, (1): 37–48. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope120203748>

оригинальная статья

Россия и ЕС на постсоветском пространстве: в поиске сотрудничества (на примере Армении)

Эламирян Рубен Гагикович

Российско-Армянский (Славянский) университет, Республика Армения, г. Ереван

Академия государственного управления Республики Армения, Республика Армения, г. Ереван

<https://orcid.org/0000-0002-8724-3376>

rub.elamiryan@gmail.com

Поступила в редакцию 01.04.2022. Принята после рецензирования 30.05.2022. Принята в печать 31.05.2022.

Аннотация: Анализируется влияние растущей парадигмы войны и противостояния в отношениях между Россией и ЕС на постсоветское пространство. Основной исследовательский вопрос – возможно ли сотрудничество между Россией и ЕС на постсоветском пространстве. Для ответа рассматриваются стратегические основы внешней политики России и ЕС на постсоветском пространстве. В частности, изучены пример Армении (в качестве case-study) и основы реализации и ключевые векторы внешней политики этого государства. На следующем этапе представляется понятие *сотрудническое сосуществование* и проектируется на отношения между Россией и ЕС на постсоветском пространстве. На примере Армении в статье выявляется возможность развития сотруднического сосуществования как win-win стратегии (при которой выигрывают все вовлеченные стороны) между ними на постсоветском пространстве. Статья основана на изучении первоисточников, дискурс-анализе и ситуативном анализе (case-study). Ценность статьи и ее вклад в научную дискуссию заключаются в попытке на примере Армении проанализировать и представить возможности развития сотруднического сосуществования между Россией и ЕС на постсоветском пространстве. Автор приходит к выводу, что потенциально развитие сотруднического сосуществования на постсоветском пространстве возможно. Подтверждением этому служит пример Армении, а также те интересы, которые Россия и ЕС преследуют в регионе. Однако переменными неопределенности являются как политика малых и средних государств региона, так и таких игроков, как США, Китай и Турция.

Ключевые слова: Россия, ЕС, постсоветское пространство, Армения, сотрудническое сосуществование, турбулентность

Цитирование: Эламирян Р. Г. Россия и ЕС на постсоветском пространстве: в поиске сотруднического сосуществования (на примере Армении). *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 3. С. 405–412. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-3-405-412>

full article

Russia and the European Union in Post-Soviet Space: In Search of Cooperative Co-Existence (the Case of Armenia)

Ruben G. Elamiryan

Russian-Armenian (Slavonic) University, Republic of Armenia, Yerevan

Public Administration Academy of the Republic of Armenia, Republic of Armenia, Yerevan

<https://orcid.org/0000-0002-8724-3376>

rub.elamiryan@gmail.com

Received 1 Apr 2022. Accepted after peer review 30 May 2022. Accepted for publication 31 May 2022.

Abstract: The article introduces the prospects of cooperative co-existence for Russia and the European Union in former Soviet republics within the current confrontation paradigm. It describes their foreign policies, strategies, and interests in the post-Soviet space. The author applied discourse and case-study analyses to the case of Armenia. The authentic idea of cooperative co-existence was projected on the relations between Russia and the European Union in post-Soviet countries. In Armenia, cooperative co-existence could be a win-win strategy, beneficial for all actors involved. The case of Armenia proved the possibility of a collaborative co-existence between Russia and the European Union in the post-Soviet space, the risk factors being the policies of small Caucasian states, the USA, China, and Turkey.

Keywords: Russia, EU, post-Soviet space, Armenia, cooperative co-existence, turbulence

Citation: Elamiryan R. G. Russia and the European Union in Post-Soviet Space: In Search of Cooperative Co-Existence (the Case of Armenia). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(3): 405–412. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-3-405-412>

Введение

Трансформация миропорядка, разворачивающаяся сегодня на наших глазах, не только демонтирует сложившийся после распада Советского Союза однополярный мир, но и разрушает более фундаментальные основы – Ялтинско-Потсдамскую систему международных отношений, сложившуюся по итогам Второй мировой войны. Это приводит к растущей турбулентности, неопределенности и конфликтности во всем мире, провоцируя рост напряженности в различных частях земного шара. Постсоветское пространство не является исключением. Скорее, регион является лакмусовой бумагой этих изменений. Третья Арцахская война стала одним из первых индикаторов того, что миропорядок меняется, в том числе в Закавказье. Текущая фаза украинского конфликта стала еще одним, хотя и более ярким в силу своих масштабов, индикатором.

Одними из ключевых участников меняющегося миропорядка и растущей напряженности на постсоветском пространстве являются Россия и ЕС. С этой точки зрения данная статья является попыткой ответа на вопрос, возможно ли сотрудничество сосуществование между Россией и ЕС на постсоветском пространстве в данных условиях. Сначала рассматриваются стратегические основы внешней политики России и ЕС на постсоветском пространстве. После этого изучен пример Армении в качестве case-study, анализируются основы реализации и ключевые векторы внешней политики этого государства. На следующем этапе представляется понятие *сотрудническое сосуществование*, которое проектируется на отношения между Россией и ЕС на постсоветском пространстве.

В качестве основных методов в статье используется анализ первоисточников (российские документы и документы ЕС соответственно) и дискурс-анализ. Наряду с этим, применяется метод ситуативного анализа (case-study) (пример Армении). В работе используется значительное количество первоисточников, которые позволяют изучить видение и интересы России и ЕС относительно постсоветского пространства в целом и Армении в частности. Вместе с этим рассмотрение работ некоторых ведущих специалистов в данной области позволяет глубже изучить исследуемую тему и ответить на исследовательский вопрос.

В научной литературе существует большое количество работ, посвященных анализу отношений между Россией и ЕС, исследующих взаимодействие между двумя этими акторами на постсоветском пространстве, раскрывающих политику Армении «и-и» (сотрудничество и с Россией, и с ЕС) вместо «или-или» (которая бы предполагала выбор одной из сторон) в отношениях с Россией и ЕС. Вклад данной работы в научную дискуссию заключается в попытке на примере Армении решить задачу о развитии сотруднического сосуществования между Россией и ЕС на постсоветском пространстве.

Россия и постсоветское пространство

Развивающийся новый мировой порядок напрямую влияет на стратегическую среду в различных частях земного шара. Постсоветское пространство, и в частности Закавказье, не является исключением. Третья Арцахская война ясно продемонстрировала, что геополитический ландшафт претерпевает постепенную трансформацию с усилением некоторых традиционных акторов, ослаблением других и появлением новых сил.

В течение веков Россия была одним из ведущих акторов на постсоветском пространстве. Сегодня политика России в отношении региона основывается на комплексном политическом, геополитическом, военном, экономическом и культурном взаимодействии. Она строит отношения с постсоветским пространством как на двусторонней, так и на многосторонней основе. Многостороннее взаимодействие осуществляется в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС), Содружества Независимых Государств (СНГ), Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), а также идеи Большой Евразии. Об этом свидетельствуют такие стратегические документы, как Стратегия национальной безопасности РФ (2015), Концепция внешней политики РФ (2016), недавно принятая Стратегия национальной безопасности РФ (2021), ряд других документов, статьи и интервью высокопоставленных должностных лиц, российских ученых и экспертов.

Так, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации от 2015 г. в статье о стратегической стабильности и равноправном партнерстве утверждает, что одним из основных направлений внешней политики России является развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества с государствами-участниками СНГ, Абхазией и Южной Осетией. Подчеркивается, что Россия развивает потенциал региональной и субрегиональной интеграции и координации на пространстве СНГ в рамках СНГ, ОДКБ, ЕАЭС и Союзного государства России и Беларуси. Вместе с этим представляется, что Россия выступает за преобразование ОДКБ в универсальную международную организацию, способную противостоять региональным вызовам военно-политического и военно-стратегического характера, угрозам в информационной сфере. В то же время указывается, что формирование ЕАЭС открыло новый этап евразийской интеграции, что Россия приложит все возможные усилия для того, чтобы способствовать укреплению Союза, с целью достижения дальнейшей интеграции, стабильного развития, комплексной модернизации и сотрудничества, повышения экономической конкурентоспособности государств-членов¹.

Концепция внешней политики РФ от 2016 г. придерживается аналогичного подхода в отношении российской внешней политики и политики безопасности в регионе.

¹ О Стратегии национальной безопасности РФ. Указ Президента РФ № 683 от 31.12.2015. СЗ РФ. 04.01.2026. № 1. Ч. II. Ст. 212.

Концепция касается вопроса о конфликтах на постсоветском пространстве и констатирует, что Россия активно выступает за политико-дипломатическое разрешение, в частности приднестровского и нагорно-карабахского конфликтов².

В июле 2021 г. Россия опубликовала новую Стратегию национальной безопасности, которая проливает больше света на восприятие Россией современных угроз и вызовов безопасности и понимание ее интересов на постсоветском пространстве, например в Закавказье, хотя оно не имеет отдельного упоминания в Стратегии. Однако страны региона косвенно упоминаются в ст. 101. Так, в п. 5 Стратегии говорится, что положение о приоритетах внешней политики России реализуется путем «углубления сотрудничества с государствами-членами государств СНГ, Республик Абхазия и Южная Осетия на двусторонней основе, а также в рамках интеграционных единиц, прежде всего ЕАЭС, ОДКБ и Союзного государства [с Беларусью]»³. Пункты 30–32 той же статьи относятся к постсоветскому пространству и региону СНГ, где упоминаются активизация сотрудничества в области международного развития, выполнение работ по участию в деятельности международных организаций в регионе, взаимная экономическая помощь, решение социальных проблем, гуманитарные вопросы и вопросы, связанные с развитием новых технологий. В ст. 32 написано об усилении биологической безопасности⁴.

В то же время следующий отрывок вносит большую ясность в понимание интересов России в регионе: «Поскольку российские приграничные районы всегда имели смешанное население, они вызывали постоянную тревогу и требовали особых усилий для их защиты. Никогда не считалось само собой разумеющимся, что границы должны быть установлены, а государство ограничено; рост территории всегда казался нормальным и элементарным. Воспринимая как средство защиты страны»⁵ [1, р. 5]. Этот подход подтверждают бывший премьер-министр России Евгений Примаков [2, с. 129] и швейцарский историк Андреас Каппелер. Последний поясняет, что главным толчком к территориальной экспансии России во второй половине XVII – начале XIX в. были геополитические проблемы. К примеру, он перечисляет такие мотивы, как охранять границы, завладеть незамерзающими портами, препятствовать захвату приграничных территорий и т. д. «По словам швейцарского историка, эти факторы преобладали в экономических соображениях» [3, с. 7].

Продолжая обсуждение интересов России на Южном Кавказе, необходимо отметить, что особое значение приобретает ЕАЭС. Успешное развитие организации является одним из основных внешнеполитических приоритетов России в регионе. Более того, он определяет не только экономическую политику, но и политику безопасности в отношении региона.

Данный подход нашел отражение в статье В. В. Путина от 2011 г. [4], где тогда он, будучи премьер-министром, особо подчеркивал важность следующих вопросов:

- ЕАЭС – это не попытка воссоздать Советский Союз.
- «Сложение природных ресурсов, капиталов, сильного человеческого потенциала позволит Евразийскому союзу быть конкурентоспособным в индустриальной и технологической гонке, в соревновании за инвесторов, за создание новых рабочих мест и передовых производств» [4, с. 12].
- Евразийский союз как центр дальнейших интеграционных процессов, постепенно объединяющих самостоятельно функционирующие Таможенный союз и Единое экономическое пространство.

В текущей противоречивой международной обстановке, называемой многими исследователями *новым средневековьем* или *периодом неопределенности*, мотивированной необходимостью улучшения отношений с ЕС и углубления сотрудничества в Евразии, В. Путин вынес на международную политическую повестку видение создания Большой Евразии – «интеграции интеграций», сформулированной в ходе 70-го ежегодного Саммита Генеральной Ассамблеи ООН в 2016 г. На церемонии открытия Международного форума «Один пояс, один путь» в Пекине 14–15 мая 2016 г. В. Путин конкретизировал свой подход: «Я считаю, что объединение потенциалов таких интеграционных форматов, как ЕАЭС, "Один пояс, один путь", Шанхайская организация и АСЕАН способно стать основой для формирования более широкого евразийского партнерства... Мы приветствовали бы участие в этом партнерстве стран-членов ЕС. В этом случае он был бы действительно гармоничным, сбалансированным и комплексным, позволяющим реализовать уникальный шанс создать единое пространство сотрудничества от Атлантики до Тихого океана – фактически впервые в истории... Это настоящий цивилизационный проект, устремленный в Будущее»⁶.

Таким образом, мы видим приоритизацию постсоветского пространства как единого геополитического пространства. Вместе с этим все большее внимание уделяется концепции Большой Евразии.

² Концепция внешней политики РФ. Утверждена Президентом РФ В. В. Путиным 30.11.2016. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 15.03.2022).

³ О Стратегии национальной безопасности РФ...

⁴ Там же.

⁵ Здесь и далее по тексту перевод выполнен автором статьи.

⁶ Международный форум «Один пояс, один путь». Пекин, 14.05.2017. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/54491> (дата обращения: 15.03.2022).

Продолжая дискуссию про внешнюю политику России и постсоветское пространство, важным для понимания и анализа представляются следующие подходы:

- «Наш главный аргумент заключается в том, что Кавказ является одним из трех важных международных пространств, формирующих большую стратегию России. Поскольку эта среда формирует общую стратегию, мы предполагаем, что в регионе проявляются ключевые черты, которые иллюстрируют российскую внешнюю политику, а именно его склонность к использованию жесткой силы и замысловатых стратегий балансирования, а также внутренняя хрупкость России» [5].
- «Южный Кавказ остается регионом, в котором переплетаются геополитические интересы. Большую роль в развитии Южного Кавказа играет энергетический фактор» [6, с. 333].
- «Действительно, чем больше НАТО расширяется, приближаясь к российской "сфере влияния", тем больше усиливаются российские военные провокации. По словам Лохшельдера, Россия все больше беспокоилась из-за расширения НАТО на восток и дала понять, что включение Грузии в Североатлантический союз будет рассматриваться как непоправимое нарушение стратегической стабильности в регионе» [7, р. 14].
- «России в этих условиях (*прим. автора* – Специальная военная операция на Украине) не стоит рассчитывать на существенную помощь и поддержку со стороны западных партнеров – достаточно будет их фактического нейтралитета, то есть неучастия в антироссийских санкциях. России в основном придется полагаться на собственные силы» [8].

Подводя итог, можно сделать вывод, что Россия заинтересована в стратегической стабильности в соседних странах и сотрудничестве (политическом, экономическом, геополитическом) с ними, а развитие ЕАЭС, ОДКБ и концепция Большой Евразии являются главными региональными приоритетами для России на постсоветском пространстве.

ЕС и постсоветское пространство

Политика Европейского союза на постсоветском пространстве, так же как и в случае с Россией, включает двусторонний и многосторонний форматы. Основной платформой многостороннего сотрудничества ЕС с регионом (за исключением стран Центральной Азии) является Программа Восточного партнерства – относительно новый проект регионального сотрудничества, официально представленный ЕС шести стран Восточной Европы и Южного Кавказа. При активном

участии Швеции Польша представила эту инициативу на заседании Совета ЕС по иностранным делам 26 мая 2008 г. Она предназначена для содействия региональной стабильности и устойчивому развитию посредством экономического сотрудничества, создания демократических институтов, стабилизации восточного соседства ЕС. «Официальные цели Восточного партнерства включают развитие политической и экономической интеграции ЕС с Арменией, Азербайджаном, Беларусью, Грузией, Молдовой и Украиной. Программа направлена на продвижение прав человека и норм "хорошего управления" путем создания зоны свободной торговли, которая предоставит странам-партнерам доступ к пятистам миллионам потребителей ЕС»⁷.

Но дальше предложения партнерства с ЕС инициатива не пошла. В частности, отсутствует предложение о членстве. С одной стороны, это было разумное решение с учетом ограниченных возможностей дальнейшего расширения ЕС. С другой – этот шаг рассматривался как препятствие и ограничение для стран-партнеров в проведении серьезных экономических и политических реформ⁸. Существует также третье мнение, согласно которому Восточное партнерство было намеренно создано, чтобы остановить расширение ЕС на восток. В качестве основной цели Восточного партнерства Совместная декларация пражского саммита Восточного партнерства (Прага, 7 мая 2009 г.) подчеркивает «создание необходимых условий для ускорения политической ассоциации и дальнейшей экономической интеграции между ЕС и заинтересованными странами-партнерами»⁹. И последнее, но не менее важное: Восточное партнерство обеспечивает стратегическое измерение безопасности для ЕС через всеобъемлющую стабильность его соседей¹⁰.

Однако, после фактически провального для Восточного партнерства 2013 года, когда Армения и Украина отказались подписывать Договор об ассоциации, стало складываться впечатление, что ЕС устал от Программы [9].

Вместе с этим программа «Соединение Европы и Азии – строительные блоки стратегии ЕС» вдохнула свежий воздух в региональную интеграцию и сотрудничество. Причем результаты «свежего воздуха» появились даже раньше представленных выше планов по соединению Европы и Азии. Так, во время саммита Восточного партнерства в Брюсселе в ноябре 2017 г. был публично представлен план инвестиций в инфраструктуру ЕС.

Европейская комиссия и Всемирный банк совместно разработали «Индикативный план инвестиционных действий трансъвропейской транспортной сети (TEN-T)», в котором определены приоритетные проекты в странах

⁷ ESDC supports the EaP panel on CSDP. 16 Nov 2017. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/35706/esdc-supports-eap-panel-csdp_en (accessed 15 Mar 2022).

⁸ The European Union's Eastern Partnership. 13 Mar 2014. URL: <https://www.cfr.org/background/european-unions-eastern-partnership> (accessed 15 Mar 2022).

⁹ Joint Declaration of the Prague Eastern Partnership Summit. Prague, 7 May 2009. URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/en/107589.pdf (accessed 15 Mar 2022).

¹⁰ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. Jun 2016. 56 p. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eugs_review_web_0.pdf (accessed 15 Mar 2022).

Восточного партнерства. Согласно Плану, проекты требуют совокупных инвестиций в размере почти 13 млрд евро и предусматривают в общей сложности 4800 км автомобильных и железных дорог, 6 портов и 11 логистических центров. В плане уточняется, что приоритетные инвестиции включают как краткосрочные проекты, которые должны быть завершены к 2020 г., так и долгосрочные, направленные на улучшение транспортного сообщения в регионе к 2030 г.¹¹

Согласно Стефании Бенальи, научной сотруднице итальянского Института международных отношений, «новая стратегия появилась после того, как президент Европейской комиссии Жан-Клод Юнкер призвал к более жесткой внешней политике ЕС, чтобы соответствовать его экономическому влиянию, в ответ не только на подход президента США Дональда Трампа "Америка прежде всего", но энергичного участия Китая в Африке и Азии»¹². Более того, после Третьей Арцахской войны ЕС объявило, что предоставит Армении и Азербайджану более чем 2 млрд евро¹³.

Таким образом, еще в 2009 г. Программа Восточного партнерства была и остается стратегической инициативой, охватывающей широкий спектр внешнеполитических вопросов ЕС в этом регионе, включая экономическую, политическую, социальную и другие сферы. Подводя итоги, можно заключить, что Восточное партнерство было создано в основном по следующим причинам и интересам:

- развитие нормативной власти ЕС;
- экономические интересы: торговля и новые рынки;
- диверсификация импорта энергии;
- политическая и экономическая стабильность по соседству как необходимое условие стабильности в ЕС;
- геостратегические мотивы: снижение роли России в регионе, который находится в непосредственной близости от ЕС;
- лучшее понимание мотивов и возможностей России продвигать эти мотивы;
- контроль стратегических наземных маршрутов с запада на восток и развитие отношений с Китаем.

Успешная реализация Восточного партнерства могла бы поспособствовать внешней и внутренней безопасности ЕС за счет создания мирного, устойчивого и стабильного региона по соседству. В настоящее время такой подход был бы более чем своевременен, учитывая украинский конфликт, продолжение миграционного кризиса в ЕС,

послевоенную ситуацию в нагорно-карабахском конфликте и агрессию Азербайджана против суверенной территории Республики Армения.

Внешняя политика Армении и проблема геополитического выбора

Предыдущие два раздела представили стратегические цели и интересы России и ЕС на постсоветском пространстве. В данном разделе делается попытка проанализировать, как проявляется проектирование и «работа» этих стратегических целей и интересов на «земле» на конкретном примере Армении, а также как последняя может сочетать эти приоритеты и работать по принципу «и-и».

После распада Советского Союза и обретения независимости в 1991 г. Армения начала активно налаживать отношения со всеми глобальными и региональными игроками, присутствующими в Закавказье и за его пределами (Россией, США, ЕС и Ираном).

В начале 2000-х гг. министр иностранных дел Армении Вардан Осканян сконцептуализировал этот подход в т. н. комплементаризм, под которым понималось многостороннее сотрудничество со всеми ведущими центрами силы – РФ, США и ЕС¹⁴. Позже, при третьем президенте Армении Серже Саргсяне (2008–2018), концепция была переименована в многовекторную внешнюю политику, но по сути продолжала внешнеполитическую линию второго президента Армении с некоторыми адаптациями к стратегической среде того периода, как эту среду видел С. Саргсян и его команда¹⁵.

Ключевая идея обеих концепций состоит в том, что Армения должна развивать многоплановое сотрудничество со всеми центрами силы, от России и США до Ирана и Китая (в случае с Китаем начиная с конца 2000-х гг.) [10].

В частности, Армения развивала сотрудничество с США и ЕС. Армения подписала План действий индивидуального партнерства с НАТО и участвовала в миссиях НАТО в Афганистане и Косово. В 2009 г. она присоединилась, как было представлено в предыдущей части, к Программе Восточного партнерства ЕС. Несмотря на то, что в 2013 г. она не подписала Соглашение об ассоциации с ЕС, в 2017 г. Армения и ЕС подписали Соглашение о всеобъемлющем и расширенном партнерстве, вступившее в силу в 2020 г.

Российский ученый И. В. Болгова пишет, что «Официальная позиция Армении в отношениях с ЕС готовностью

¹¹ Eastern Partnership: new Indicative TEN-T Investment Action Plan for stronger connectivity. 18 Jan 2019. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/56763/eastern-partnership-new-indicative-ten-t-investment-action-plan-stronger-connectivity_en (accessed 15 Mar 2022).

¹² Benaglia S. EU strategy for connectivity in Asia presented at the 12th ASEM Summit. 20 Oct 2018. URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/eu-strategy-for-connectivity-in-asia-presented-at-the-12th-asem-summit-45080/> (accessed 15 Mar 2022).

¹³ Hayrapetyan T. Azerbaijan's €2 Billion Shakedown. 21 Feb 2022. URL: <https://evnreport.com/politics/azerbaijans-2-billion-shakedown/> (accessed 15 Mar 2022).

¹⁴ Вардан Осканян: Комплементарный внешнеполитический курс Армении – эффективен. 12.03.2007. URL: <https://regnum.ru/news/polit/794684.html> (дата обращения: 15.03.2022).

¹⁵ Константин Косачев: Блестящая речь Сержа Саргсяна и многовекторная политика Армении стали главными на Мюнхенской конференции. 19.02.2018. URL: <https://www.panorama.am/ru/news/2018/02/19/Константин-Косачев-Блестящая-речь-Сержа-Саргсяна-Мюнхен/1908159> (дата обращения: 15.03.2022).

использовала риторику общеевропейской идентичности и желание продвигать идею европейской интеграции как цивилизационный выбор страны... С. Саргсян неоднократно подчеркивал, что армянский народ является неотъемлемой частью Европы, что определяет основы внешней политики Армении в направлении европейской интеграции. При этом во внешнеполитическом дискурсе прослеживалась тенденция рассматривать ЕС в качестве нормативного игрока, который способен использовать системы "мягких" инструментов для решения "жестких" проблем на Южном Кавказе» [11, с. 39].

Однако отношения с Россией занимают особое место во внешней политике Армении с момента обретения независимости. Армения в 1992 г. присоединилась к Договору о коллективной безопасности, а с 2002 г. стала полноправным членом ОДКБ. Также с самого начала запуска организации Армения стала членом СНГ, а с 2015 г. – членом ЕАЭС. У России имеется военная база в Армении. В экономическом отношении Россия, наряду с ЕС, является одним из основных торговых партнеров Армении и источником прямых иностранных инвестиций.

В данном контексте Р. Петров и П. Элсуwege считают, что членство Армении в ЕАЭС позволило стране избежать вызовов безопасности, связанных с импортом нефти и газа из России, свободным перемещением рабочей силы и доступом на российский рынок [12].

Еще до этого находившийся тогда на должности министра иностранных дел Армении Эдвард Налбандян писал: «Армению и Россию связывают отношения союзнического взаимодействия. Нельзя быть союзником в какой-то области, а в каких-то вопросах не быть таковым. Такой характер отношений проявляется по всему спектру межгосударственного сотрудничества. Наши двусторонние отношения выделяются тесной внешнеполитической координацией, эффективным сотрудничеством в военно-политической и военно-технической областях, успешным партнерством в торгово-экономической, энергетической, транспортной областях» [13].

В апреле 2018 г. в Армении произошла Бархатная революция, когда в ходе мирных уличных протестов власть перешла от С. Саргсяна к лидеру революции Николу Пашиняну. Лидеры Бархатной революции сделали все возможное, чтобы дать понять как на международном уровне, так и внутри страны, что революция не имела геополитической повестки¹⁶. Новое правительство продолжило т. н. многовекторную внешнеполитическую стратегию, унаследованную от предыдущих правительств. Вскоре после революции

новый премьер-министр Н. Пашинян дал интервью российскому RT, в котором заявил следующее: «Как я постоянно говорю, Бархатная революция в Армении не имеет никакого геополитического или внешнеполитического намерения. И я продолжаю говорить, геополитического сюжета не было. Это был чисто внутренний процесс, который имел отношение только к Армении. Этот процесс не приведет к внешнеполитическому развороту. Я говорю об этом, потому что люди, которые совершили революцию, не имеют проблем с внешней политикой Армении, не было требования изменить внешнюю политику»¹⁷. Видение и политика многовекторности нашла отражение в новой Стратегии национальной безопасности Армении, принятой летом 2020 г.¹⁸

Однако на сегодняшний день ключевым для внешнеполитической повестки Армении остается вопрос о том, сможет ли страна продолжить эту линию в условиях продолжающегося роста напряженности в отношениях между Россией и Западом. С этой точки зрения не существует единого подхода к пониманию и, что еще важнее в данном случае, объяснению и прогнозированию потенциального будущего многовекторной внешней политики Армении. Кроме того, спекуляциям вокруг этого вопроса способствует нынешняя турбулентность и неопределенность в международных отношениях.

История последних одиннадцати лет со стратегическим балансированием Армении между членством в ЕАЭС и эффективным участием в Восточном партнерстве, а также опыт тридцати лет независимости и сотрудничества с Россией, и Западом показывают возможности многовекторной внешней политики, которая позволяет служить хабом для развития позитивного сотрудничества [14]. Однако рост конфликтности в мире вызывает опасения перед ее распространением на постсоветское пространство, Южный Кавказ и особенно на Армению, сужая пространство для многовекторности и проведения взаимодополняющей внешней политики.

Сотрудническое сосуществование и парадигма конфликтности

В программе Центра стратегических и международных исследований «Азиатская шахматная доска» бывший советник президента США по национальной безопасности Стив Хэдли, говоря об отношениях ведущих центров силы, использовал понятие *конкурентное сосуществование* (*competitive coexistence*), которое отличается от термина *мирное сосуществование* времен холодной войны, например,

¹⁶ Mkrtchyan M. Mnatsakanyan: Velvet Revolution in Armenia Does Not Have Any Geopolitical Overtones. 18 Apr 2019. URL: https://arminfo.info/full_news.php?id=41387&lang=3 (accessed 15 Mar 2022).

¹⁷ EU Relations Won't Come at Expense of Russian Ties – Armenian PM. 15 Jun 2018. URL: <https://www.rt.com/shows/rt-interview/429873-pashinyan-armenia-interview-russia/> (accessed 15 Mar 2022).

¹⁸ Стратегия национальной безопасности Республики Армения. 2020. 40 с. URL: https://www.mfa.am/filemanager/security%20and%20defense/%20национальной%20безопасности%20Республики%20Армения%202020_0.pdf (дата обращения: 15.03.2022).

тем, что не делит мир на сферы влияния, а предлагает установить новый набор принципов сосуществования¹⁹.

В развитие мысли С. Хэдли важным представляется введение в обиход нового понятия – *сотрудническое сосуществование*, которое будет предполагать не только отказ от деления мира на сферы влияния и новые правила игры, но и способствовать укреплению стран, в частности постсоветского пространства, и сотрудничеству с ними на принципах равных прав, возможностей, открытости и честной конкуренции для всех заинтересованных сторон. С этой точки зрения важным представляется отказ от подхода, в рамках которого малые и средние страны ставятся перед геополитическим выбором присоединения к лагерю того или иного центра силы.

Учитывая сложность, нелинейность и многогранность современных международных отношений, а также глубокую заинтересованность практически всех ведущих центров силы в стратегической стабильности в Евразии и на постсоветском пространстве, в том числе и в Закавказье, развитие сотруднического сосуществования позволит избежать переноса усиливающего противоборства глобальных и региональных центров силы на территории малых и средних стран. Такой перенос грозит не только региональной, но и общеевразийской дестабилизацией, что идет вразрез с интересами как России, так и ЕС. Более того, развитие сотруднического сосуществования позволит государствам региона стать узлами стабильности и, как следствие, диалога и сотрудничества между центрами силы и цивилизациями.

Заключение

У России и ЕС имеется достаточное количество комплементарных интересов на постсоветском пространстве, совместное обеспечение которых могло бы служить основой для развития сотруднического сосуществования. Пример Армении наглядно демонстрирует, что долгие годы эта модель работала.

Однако, на сегодняшний день в условиях продолжающегося украинского конфликта, растущей турбулентности, неопределенности и конфликтной повестки в отношении между Россией и ЕС в случае дальнейшего углубления кризиса отношений страны постсоветского пространства могут встать перед необходимостью геополитического выбора.

Наряду с этим, потенциальный сценарий будет не только зависеть от сугубо отношений между Россией и ЕС, но и определяться взаимодействием России с Западом в целом, отношениями Россия – Турция, Турция – Запад, а также той ролью, которую попробует и захочет взять на себя Китай.

Вместе с этим попытка развития сотруднического сосуществования между Россией и ЕС могла бы стать той концепцией win-win, которая бы остановила «сползание» украинского конфликта на все постсоветское пространство и могла бы стать базой для дальнейшего восстановления отношений между Россией и ЕС.

Наконец, расширение прав и возможностей малых и средних стран региона, отказ от идеи «задних дворов» и сфер влияния могли бы обеспечить гораздо большее пространство для позитивного сотрудничества и обеспечения долгосрочных интересов всех сторон.

Встает вопрос, смогут ли страны постсоветского пространства стать агентами сотруднического сосуществования в Евразии? На примере Армении удалось обосновать, что по крайней мере до недавнего времени задача была решаемой. Что касается будущего, то в условиях возрастающей напряженности и конфликтности в международных отношениях Армении необходимо быть понятным и надежным партнером для всех участников игры. В кратко-, средне- и долгосрочной перспективе руководству страны необходимо обеспечить отсутствие каких-либо потенциальных угроз для своих партнеров, исходящих с ее территории или инициированных при ее участии.

Более того, идея связующего звена и платформы взаимодействия может реализовываться как в физическом аспекте, с точки зрения, например, развития соединяющей инфраструктуры и институтов взаимодействия, так и в виртуальном, технологическом пространстве, подразумевая интеграцию в разделение труда в области искусственного интеллекта и роботостроения. Наконец, эти процессы должны сопровождаться модернизацией элит, несущих стратегические знания о том, как справиться с вызовами и угрозами XXI века.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflicting interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета по науке Республики Армения в рамках научного проекта № 21T-SF30.

Funding: The research was supported by the Science Committee of the Republic of Armenia as part of research project No. 21T-SF308.

¹⁹ State of the Play: An Interview with Steve Hadley. The Asia Chessboard. 21 Oct 2019. URL: <https://podcasts.apple.com/us/podcast/state-of-the-play-an-interview-with-steve-hadley/id1468898415?i=1000454366583> (accessed 15 Mar 2022).

Литература / References

1. Wesson R. G. *The Russian dilemma: a political and geopolitical view*. New Brunswick, N. J.: Rutgers University Press, 1974, vi+228.
2. Примаков Е. М. Встречи на перекрестках. М.: Центрполиграф, 2016. 608 с.
Primakov E. M. *Meetings at crossroads*. Moscow: Tsentrpoligraf, 2016, 608. (In Russ.)
3. Якунин В. И., Зеленов Е. И., Зеленева И. В. Российская школа геополитики. М.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2008. 364 с.
Yakunin V. I., Zelenev E. I., Zeleneva I. V. *Russian school of geopolitics*. Moscow: St. Petersburg University Publ., 2008, 364. (In Russ.)
4. Путин В. В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2011. № 10. С. 10–14.
Putin V. V. New integration project for Eurasia – the future, that occurs today. *Eurasian Integration: Economics, Law, and Politics*, 2011, (10): 10–14. (In Russ.)
5. Sushentsov A., Neklyudov N. The Caucasus in Russian foreign policy strategy. *Caucasus Survey*, 2020, 8(2): 127–141. <https://doi.org/10.1080/23761199.2020.1759888>
6. Жильцов С. С., Савичева Е. М. Региональная безопасность на Южном Кавказе: энергетическая составляющая. Проблемы постсоветского пространства. 2021. Т. 8. № 3. С. 331–340. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-3-331-340>
Zhiltsov S. S., Savicheva E. M. Regional security in the South Caucasus: the energy factor. *Post-Soviet Issues*, 2021, 8(3): 331–340. (In Russ.) <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-3-331-340>
7. Iskandarov K., Simons G., Gawliczek P. The South Caucasus: stage for a "New Great Game" between NATO and Russia? *Connections QJ*, 2019, 18(3-4): 7–34. <https://doi.org/10.11610/Connections.rus.18.3-4.01>
8. Тренин Д. В. «Переиздание» Российской Федерации. *Россия в глобальной политике*. 2022. Т. 20. № 2. С. 27–33. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2022-20-2-27-33>
Trenin D. V. "Reissue" of the Russian Federation. *Russia in Global Affairs*, 2022, 20(2): 27–33. (In Russ.) <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2022-20-2-27-33>
9. Elamiryan R. *Eastern Partnership countries on the cross-roads of the Eurasian Geopolitics: US, EU, Russia, and China*. The Kozmetsky Center of Excellence, Nov 2019. URL: <https://www.kozmetskycenter.org/briefing-november-2019> (accessed 15 Mar 2022).
10. Minasyan S. Multi-vectorism in the foreign policy of post-soviet Eurasian states. *Demokratizatsiya*, 2012, 20(3): 268–273.
11. Болгова И. В. Отношения между Европейским союзом и Арменией: модель «тихого» сопряжения? *Международная аналитика*. 2018. № 2. С. 37–46.
Bolgova I. V. EU – Armenia relations: a model of "quiet" coordination? *Journal of International Analytics*, 2018, (2): 37–46. (In Russ.)
12. *Post-soviet constitutions and challenges of regional integration: Adapting to European and Eurasian integration projects*, eds. Petrov R., Van Elsuwege P. London: Routledge, 2017, 246. <https://doi.org/10.4324/9781315656847>
13. Налбандян Э. А. Россия – наш основной торговый партнер, основной инвестор в экономику Армении. *Международная жизнь*. 2015. № 4. С. 19–29.
Nalbandian E. A. Russia is our main trading partner and the main investor in the Armenian economy. *International Affairs*, 2015, (4): 19–29. (In Russ.)
14. Elamiryan R. Eastern Partnership countries on the crossroads of the Eurasian integration processes. *Institute for Foreign Affairs and Trade*, 2017. URL: http://kki.hu/assets/upload/think_visegrad_analysis_ruben_elamiryan_ifat_2017.pdf (accessed 15 Mar 2022).

Подписано к печати 01.06.2022.

Дата выхода в свет 15.06.2022.

Печать офсетная. Бумага Sveto Copy.

Формат А4. Усл. печ. л. – 15,81. Уч.-изд. л. – 15.

Тираж 500 экз.

Цена свободная.

Адрес типографии: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 73.